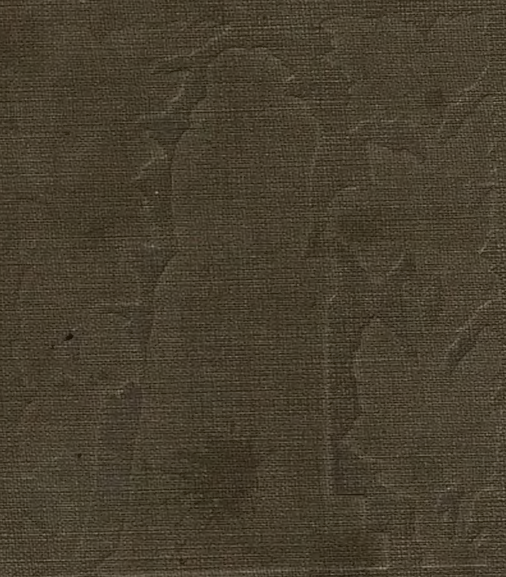

ИБЦ РЭУ им.Г.В. Плеханова
0012353302

Достоевский, Ф. М.

М. В. ВОЛОЦКОЙ

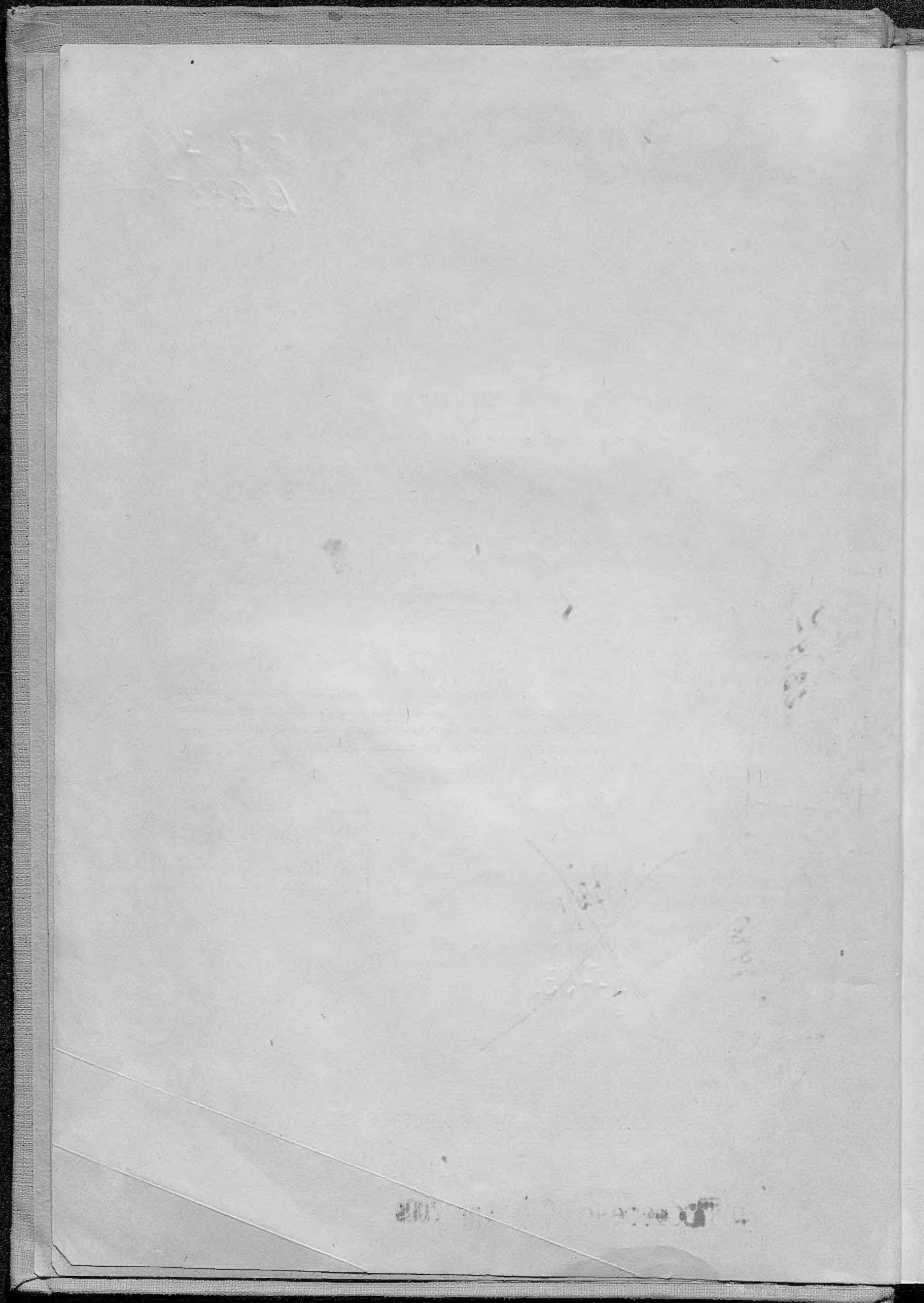
ХРОНИКА
РОДА ДОСТОЕВСКОГО
1506—1933

Предисловие
П. М. ЗИНОВЬЕВА

„Запомните мой завет: никогда не выдумывайте ни фабулы, ни интриг. Берите то, что дает сама жизнь. Жизнь куда богаче всех наших выдумок! Никакое воображение не придумает Вам того, что даст самая обыкновенная заурядная жизнь".

Слова Ф. М. Достоевского (по записи О. Починковской).

Москва
КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕР»
1933

ЗАПИСИ ПРОШЛОГО

ВОСПОМИНАНИЯ И ПИСЬМА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

М. ЦЯВЛОВСКОГО

Ответственный редактор *М. В. Сабашников*
Технический редактор *З. П. Измайлова*

Сдано в набор 8/V-33 г. Подписано к печати 8/XII-33 г. Лист. 30 по 40.000 б.
Уполномоченный Главлита № В-68162 Зак. № 2867 Тираж 5000
Типография газеты „Правда". Москва, ул. им. М. Горького, 48.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собрание материалов о жизни, быте и особенностях характера родичей Ф. М. Достоевского, начиная с живших еще в XVI в. отдаленных его предков и кончая внучатным и правнучатным поколением его самого и его братьев и сестер. Упорная и кропотливая работа собирателя материалов и автора прилагаемого к собранию исследования, имевшая первоначально в виду сравнительно узкие генетико-характерологические задачи, в конце концов привела к естественному расширению своих рамок и к включению в книгу документов, дающих яркую картину также и социальных процессов, происходивших в многочисленной интеллигентской семье, связанной с самыми разнообразными слоями старой русской буржуазии: мелким и средним дворянством, разночинством, купечеством, а в XVIII веке — и с сельским духовенством. В центре семьи не только по величине, но и по генеалогическому положению, стоит фигура самого писателя, материал о котором в виду его обилия пришлось выделить в отдельную книгу, намеченную издательством к выпуску в дальнейшем. Однако, и помимо него мы встречаемся в этом собрании с целым рядом незаурядных личностей, как ученых и литераторов, так и просто ярких, выше среднего одаренных людей. Перед нами проходит много красочных бытовых картин, временами близко напоминающих сцены из «Преступления и наказания» и «Братьев Карамазовых»: убийство отца писателя, раздоры из-за наследства его тетки, трагическая судьба убитой своим дворником сестры его, наконец, уже в послереволюционное время, семейный распад во внучатном поколении другой его сестры,— все это на фоне двойной патологии: и биологической и социальной. Особенно поучительна в этом отношении история семьи Ивановых. Относящиеся к ней материалы читаются с захватывающим интересом, особенно привлекая внимание читателя к личности старших внучек В. М. Достоевской. Чем глубже вдумываешься в их судьбу, тем она кажется закономернее и неизбежнее. Выращенные в теплице дореволюционного чиновно-дворянского

воспитания и тщательно оберегавшиеся отцом от малейшего соприкосновения с «неподходящей» для них средой, эти две «мимозные» барышни, конечно, не могли устоять перед бурной перестройкой общественных отношений после Октябрьской революции. Не случайность, что именно та из них, которая теснее срослась с отцом и его идеалами, оказалась обреченной на гибель: несмотря на всю свою талантливость, она представляет яркий образчик крушения тех оторвавшихся от общественной жизни слоев еще дореволюционной русской интеллигенции, которые в эпоху подъема рабочего движения и массового роста в обществе революционных настроений постепенно погружались в индивидуалистический эстетизм и разъедавший волю самоанализ. В другой сестре было больше и жизненных сил, и способностей приспособления к новым условиям: несмотря на проделанное ею душевное заболевание, она смогла выпрямиться и постепенно приобрела связи с действительностью.

В той части, которая касается ближайших родственников Ф. М. Достоевского, собранный М. В. Волоцким материал особенно важен для изучения творчества Достоевского. В противоположность своему отцу, порвавшему с родней и вдали от родины положившему начало новой семье, лишенной бытовой преемственности со старой, Федор Михайлович принимал самое близкое участие в жизни и судьбе своих родственников. Личный интерес к ним, повидимому, нередко смешивался у него и со специфическим интересом писателя, ищущего объектов для художественной обработки. Несомненно, во всяком случае, что он в своих произведениях не раз пользовался семейной хроникой и образами близких ему людей. Таким образом, печатаемые в этой книге материалы должны привлечь внимание и историков быта, и литературных исследователей, и психологов, и биологов-генетиков, и, наконец, психиатров-клиницистов, не говоря уже о читателях, интересующихся жизнью семьи великого писателя.

Свежего человека при знакомстве с этой семьей особенно поражает чрезвычайное богатство и разнообразие всевозможных патологических особенностей у ее представителей.

Сам Ф. М. Достоевский страдал судорожными припадками, сопровождавшимися потерей сознания. Проявлением какой болезни были эти припадки, до сих пор остается предметом спора. В то время как психиатры-клиницисты в своем большинстве считают, что автор «Идиота» и «Братьев Карамазовых» был болен эпилепсией, другие, и в их числе известный основатель психоанализа Фрейд, продолжают отстаивать мысль, что у Достоевского был только невроз, т. е. нервное заболевание, обязанное

своим возникновением действию тех или иных выводящих из равновесия и ранящих психику неприятных переживаний [1], а одной из форм проявления этого невроза служили припадки, похожие на эпилептические. Вряд ли можно согласиться с последним толкованием. В пользу эпилептического в узком смысле характера болезни Достоевского говорит так много данных [2], касающихся и самых припадков, и развития его болезни, и свойств его личности, что едва ли остается возможность говорить только о «неврозе». Мы не будем подробно останавливаться здесь на выяснении этого вопроса, упомянем только, что эпилепсия проявляется не только в судорожных припадках, но и в ряде других симптомов, отчасти заменяющих, отчасти дополняющих эти припадки, а также и в своеобразных изменениях, которые в течение болезни претерпевает сама личность больного. У Достоевского не было недостатка в подобных явлениях. Многие из них прекрасно описал сам Федор Михайлович: таково описание в «Идиоте» предприпадочного состояния («ауры»), состояния оглушенности в промежутках между частыми припадками, постепенного нарастания ослабления психики с преимущественным поражением памяти, изменением личности и т. д.

В роду писателя, кроме нескольких человек, страдавших той же болезнью, что он сам, было еще много лиц, представляющих явления, характерные для различных форм так наз. «психопатий», то-есть патологических состояний, связанных с врожденными, но не прогрессирующими аномалиями психики [3]. Большею частью это были эпилептоиды. Они представляют особенности характера и поведения, роднящие их с эпилептиками, однако самой болезнью эпилепсией, хотя бы в слабо выраженной форме, они не страдают. По мнению современных психиатров, эпилептоидия представляет собой только наследственно подготовленную почву, из которой особенно легко вырастает настоящий эпилептический процесс. Эпилептоидов гораздо больше, чем эпилептиков, и они благодаря своей большой активно-

---

[1] Фрейд считает, что в припадках Достоевский изживал свой «Эдипов комплекс»: он в детстве будто бы желал смерти отца, чтобы всецело владеть матерью, и когда это детское желание позднее осуществилось в части, касавшейся отца, то возникшее у писателя невольное чувство вины вылилось в бессознательно наложенном им на себя наказании — снова и снова самому реально переживать предсмертные содрогания отца. См. статью «Dostojewsky und Vatertötung» в немецком издании материалов к «Братьям Карамазовым», перепечатанную в «Almanach der Psychoanalyse», 1930.

[2] Исчерпывающую аргументацию за этот диагноз приводит Н. А. Юрман в журнале «Клинический архив гениальности и одаренности».

[3] О сущности психопатий и их проявлениях см. П. Б. Ганнушкин: Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. М. 1933.

сти, нередко играют в жизни очень значительную роль: обстоятельство, объясняющее повышенный интерес, проявляемый за последнее время психиатрами к проблеме эпилептоидии. Надо, однако, сказать, что и до сих пор как самая необходимость выделения этого понятия, так и объем его являются предметами спора. В частности, совершенно не установлено даже и то, в какой мере можно сближать понятия эпилептического и эпилептоидного характеров. Принимая во внимание, что эпилептический болезненный процесс может протекать и без типичных припадков, проявляясь почти исключительно лишь в своеобразных изменениях личности, мы поймем, как трудно в отдельных случаях решить вопрос, кто является эпилептиком, а кто—эпилептоидом.

В семье Ивановых мы из эпилептоидного «круга» (как иногда выражаются) переходим в другую обширную область психопатологических явлений — в круг шизоидный. Не вдаваясь в тонкости психиатрической диагностики относительно заболеваний внучатных племянниц Федора Михайловича, отметим лишь, что у обеих сестер психические расстройства возникли «реактивно», т. е. под влиянием психических потрясений, именно вследствие столкновения их конституционально неустойчивой психики с непривычными и потому ранившими их «мимозные» личности новыми условиями жизни. В какой степени патологические особенности семьи Ивановых унаследованы ими от Достоевских, и в какой степени от присоединившейся чуждой крови [1], решить, конечно, трудно, хотя и заманчиво было бы использовать в этом смысле способности Достоевского к изумительно глубокому проникновению в шизофреническую психику (типы Голядкина, Ставрогина и др.). Правильнее будет эту способность отнести просто к чрезвычайно широкому диапазону психики Достоевского, а также к наличию несомненных точек соприкосновения в психопатологии обоих (шизофренической и эпилептической) групп психических заболеваний.

В конце книги М. В. Волоцкой и дает опыт характерологического изучения рода Достоевских. Это заставляет нас посвятить несколько слов самому понятию характера. Под характером чаще всего понимается совокупностью эмоционально-волевых свойств определенной личности, придающая этой последней отпечаток индивидуальности. Когда мы говорим об особенностях характера, мы имеем в виду отметить большее или меньшее постоянство у данной личности определенных типов поведения.

---

[1] Болезнь матери сестер Ивановых как раз очень подозрительна в отношении шизофрении.

Таким образом, мы говорим об общительности и замкнутости, решительности и нерешительности, упрямстве, застенчивости, обидчивости, подозрительности или доверчивости. Однако, вполне возможно, что общительный человек при определенных условиях замкнется, а решительный начнет колебаться. Другими словами, свойства или черты характера представляют лишь выводимые из ряда наблюдений обобщения, не могущие претендовать на безусловное значение. Иной раз внешне сходные черты могут иметь в сущности совершенно различное значение. Так, вспыльчивость может быть проявлением и нервной слабости (слабодушия), и наличия агрессивных влечений (взрывчатость эпилептоидов), храбрость—следствием и чрезмерного напряжения воли, и отсутствия чувства опасности и т. д. Среди различных эмпирически определяемых черт характера часть может быть обусловлена прирожденными особенностями нервной системы, другие же являются результатом воспитания, влияния среды и т. д.

Все это заставило современную характерологию обратить главное свое внимание на изучение «структуры» личности, при котором оцениваются не только отдельные ее особенности (черты характера), но и их отношения друг к другу. Здесь не место вдаваться в подробности различных характерологических построений, необходимо только отметить крайнюю сложность проблемы о роли наследственности в процессе формирования характера и большую принципиальную важность отличения социально обусловленного конкретного целого личности от биологических тенденций, определяющих только основные формы ее реагирования на раздражения, приходящие от окружающего мира.

Публикуемый в настоящей книге материал не касается самой личности Ф. М. Достоевского, однако исчерпывая, повидимому, все, что доступно современному исследователю относительно рода писателя, исследование М. В. Волоцкого освещает его болезнь с новой, до сих пор неизвестной, стороны и создает для нее недостававший до сих пор фон, на котором психопатологические откровения автора «Братьев Карамазовых» и «Идиота» приобретают особое, трагическое значение. Эпилепсия Достоевского, в свете собранных М. В. Волоцким данных, оказывается не только его личной болезнью, но и патологическим процессом, глубоко коренящимся в его семейном предрасположении. С этой точки зрения характерологическая история рода Достоевских, как мы уже выше отметили, оказывается одновременно и своеобразной семейной историей болезни, и чрезвычайно интересной семейной хроникой, богатством своего содержания, слож-

ностью и напряженностью переплетающихся в ней социально-бытовых мотивов иной раз не уступающей романам самого гениального представителя рода. Материал для своих произведений Достоевский широко черпал из этой хроники, и не надо быть последователем Фрейда и принимать его аргументацию о механизме невротического изживания «Эдипова комплекса», чтобы оценить значение мотива «убийство отца» для фабулы «Братьев Карамазовых».

Но, конечно, патологическая окраска творчества Достоевского объясняется не только заимствованиями из семейной хроники. Гораздо более существенное значение в этом отношении имела болезнь самого великого писателя. Это обстоятельство, однако, еще не дает оснований для выводов, в какой бы то ни было степени умаляющих общечеловеческое и в частности социальное значение его произведений. Творчество гениальных людей, даже и больных, в основном определяется не биологическими, а социологическими законами. Поскольку они сохраняют свои умственные силы и связь с обществом, их деятельность можно оценивать как производное тех или иных социальных факторов и вне зависимости от их индивидуальных патологических особенностей. Их биологическая неполноценность иной раз, обуславливая повышенную их чувствительность к воздействиям окружающей среды, даже помогает им улавливать те явления окружающей жизни, которые для нормальных их современников не заметны. Дисгармоничность их, служа источником частых душевных конфликтов, чрезвычайно болезненных для переживающего субъекта, может одновременно стимулировать их творчество: конфликты эти для своего разрешения требуют большого психического напряжения, а последнее, пробуждая до того дремавшие потенциальные возможности, дает гению материал и энергию для его творческой деятельности. Стимулирующую творчество роль могут играть даже переживания, имевшие место в периоде настоящей душевной болезни, так как подобные переживания нередко отличаются чрезвычайной яркостью, необычайностью и богатством. Так Ясперс, анализируя произведения Гельдерлина и Ван-Гога, пришел к заключению, что начало психоза у того и другого отмечено изменением стиля, придающим произведениям, созданным в этот период, печать особенной глубины и оригинальности. Подобную роль, повидимому, могут играть и переживания, испытываемые во время эпилептических припадков и других проявлений эпилепсии.

При чтении заключительной главы книги может получиться впечатление, что М. В. Волоцкой, следуя за Кречмером, рассмат-

ривает так называемые черты характера (по существу представляющие сложные и в основном обусловленные социальными факторами структурные формы), как биологические образования, в готовом виде передаваемые по наследству. Правда, М. В. Волоцкой в начале этой главы отмежевывается от Кречмера и указывает на изменчивость и социальную обусловленность характерологических особенностей, однако мы считаем необходимым гораздо решительнее подчеркнуть глубокую ошибочность чисто биологической трактовки такого явления, как формирование человеческого характера. В частности, такие понятия как своеволие и кротость сами по себе представляют несомненно прежде всего явления, имеющие причину в социальных факторах. В приложении к самому Ф. М. Достоевскому та и другая черта несомненно во многом воспитаны условиями его жизни, его продолжительным пребыванием на каторге и в ссылке и той средой, в которую он попал, вернувшись из ссылки.

В заключение — еще одно замечание. Патологическое предрасположение вовсе не обязательно должно вести к патологическим проявлениям,— при благоприятных обстоятельствах оно может остаться и скрытым. Богатство психопатологических черт в семье Достоевских дает нам лишнее доказательство уродливости социально-бытовых условий, в которых члены этой семьи жили. В самом деле, если вернуться хотя бы к личности отца Достоевского, нетрудно видеть, что не только эпилептоидный его характер, но и классовые отношения, нашедшие свое выражение в крепостном строе, сделали из него одного из тех «диких» помещиков, убийствами которых пестрит хроника деревенской жизни первой половины XIX в. Здесь, как и во многих других случаях, личная патология активизируется патологией социальной. Для изучения последней книга М. В. Волоцкого дает не менее богатый материал, чем для первой.

П. М. Зиновьев.

ВВЕДЕНИЕ

Род матери писателя известен нам со второй половины XVII столетия. В 1677 г. в городе Боровске жил предок матери писателя, некий Софон Яковлевич Струнников, относительно которого в «ревизских сказках» от 1685 г. сохранилась следующая запись: «Промысел у него — делает серебряное, и для того у него рукоделья в москотильном ряду лавка, да он же торгует луком, да чесноком, что упашет в огороде...» В историко-социологическом отношении этот предок писателя представляет большой интерес, как своего рода сборный недифференцированный тип, совмещавший в себе признаки и крестьянина-земледельца, и ремесленника-кустаря, и торговца.

Таким образом, Софон Струнников является одним из последних могикан тех сборных социальных типов, которые были столь характерны для Московской Руси XVI и XVII веков, когда «в лавках московских рядов сидели те самые ремесленники, которые изготовляли товары, продававшиеся в лавках, — а на базаре капусту или кур продавал тот самый крестьянин, который привез их из деревни» [1]. Эти строки несомненно, в полной мере подходят и к нашему Софону Струнникову. Разница, пожалуй, заключается только в том, что Софон является еще более сборным типом, чем те, о которых пишет Покровский, так как он совмещает в себе не менее трех социально-экономических функций — ремесленника (серебреника), замледельца (огородника) и купца (имеет лавку в москотильном ряду). Характерна в этом отношении и торговая деятельность Софона, совмещавшая продажу и лука и чеснока и серебряных изделий.

У нас нет сведений о предках Софона Струнникова. Вероятнее всего они были земледельцы, лишь позднее взявшиеся за ремесло и торговлю, как за подсобные средства к существованию. Что касается потомков Софона, то их социальная эволюция идет все в том же направлении — от земли к прилавку. Вскоре они окончательно порывают с землей и становятся уже настоящими купцами, впрочем не очень крупного масштаба.

[1] М. Н. Покровский, Очерк истории русской культуры. Часть I, изд. 5-е, Торговый капитализм, стр. 71.

Более столетия местообитанием потомков Софона продолжает оставаться город Боровск. Начиная с 1695 г., как это можно проследить по «ревизским сказкам», за ними прочно закрепляется новая фамилия Нечаевых. Вся позднейшая родословная Нечаевых легко восстанавливается, главным образом, по книге «Боровск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий».

В 1790 г. праправнуки Софона Струнникова-Нечаева эмигрируют из Боровска, в качестве купцов 3-й гильдии, частью в Москву, частью в Петербург. Один из праправнуков, Федор Тимофеевич Нечаев, начиная с этого времени, значится в «Материалах для истории московского купечества», как купец 3-й гильдии Сыромятной слободы в Москве. Это — дед писателя со стороны матери [1].

После переселения в Москву Ф. Т. Нечаев женится на Варваре Михайловне Котельницкой, сестре профессора медицинского факультета Московского университета В. М. Котельницкого. В лице Варвары Михайловны мы имеем родную бабку писателя.

Такова социальная эволюция предков писателя со стороны матери: сначала недифференцированный «сборный» тип Софона Струнникова, при нем же фиксация фамилии Нечаевых (1695 г.), затем все более полная специализация в области торгового дела, переезд в Москву (1790 г.) и, наконец, родственная связь с медицинским миром московской интеллигенции. Эта связь, несомненно, продолжается и позднее. Двоюродная сестра матери писателя выходит замуж за штаб-лекаря Г. П. Масловича. Дочь этого Масловича, Анна, также выходит за врача. За врача же (Ставровского) выходит младшая сестра матери писателя. Врачебную деятельность избирает и племянник матери писателя—С. Д. Шер. Наконец, и сама мать писателя также выходит замуж за врача, а именно за штаб-лекаря Михаила Андреевича Достоевского, сослуживца Масловича, через которого он и знакомится с семьей Нечаевых и со своей будущей женой.

Таким образом, мать писателя, выйдя замуж за Достоевского, попадает в среду московской трудовой интеллигенции. Старшая же сестра ее, Александра, выходит за богатого московского купца Куманина. Этот брак еще более усиливает социальную гибридность московской ветви рода Нечаевых. Если одни линии его переходят в ряды трудовой интеллигенции, то другие продолжают

---

[1] Часть потомков Софона специализируется в качестве ремесленников. Так, младший брат Федора Тимофеевича Нечаева, Захар, хотя и эмигрирует вместе с ним из Боровска в Москву, но согласно переписи от 25 августа 1811 г. «состоит по мастерству с 1799 г.».

оставаться купеческими. Что же касается Куманиных, то их даже можно отнести к крупной буржуазии.

Супруги Куманины, будучи бездетными, играют большую роль в жизни семьи Достоевских. Каждая из трех сестер писателя получает от них при выходе замуж по 25 000 рублей приданого. Старшая, Варвара, приобретает на эти деньги несколько домов в Москве; средняя, Вера, выкупает у сонаследников в свое владение семейное имение Достоевских, состоящее из сельца Дарового и деревни Чермошни; младшая, Александра, покупает дом в Петербурге. Известно, что братья Достоевские Михаил и Федор также пользуются материальной помощью своей богатой тетки. Основывая журнал «Эпоху», они берут у нее в счет будущего наследства 10 000 рублей.

Но особенно большую и в то же время тяжелую роль приобретает в жизни семьи Достоевских оставшееся после Куманиных наследство. Споры из-за этого наследства наступают непосредственно после смерти А. Ф. Куманиной (умершей позднее своего мужа), растягиваются на многие годы и приводят к целому ряду тяжелых семейных конфликтов. Портятся даже такие идеальные отношения, как дружба Достоевского с его племянницей С. А. Ивановой, некогда так ярко отразившаяся в их переписке.

Как раз в это время Достоевский пишет «Подростка». Через весь этот роман проходит тема раздела наследства и связанных с этим семейных распрей. Однако, поведение Версилова — героя, получающего это наследство — оказывается противоположным тому, что мы видим у автора романа: Версилов широким жестом отказывается от своих наследственых прав. Здесь писатель как бы осуществляет в своем творчестве то, что не в состоянии осуществить в реальной жизни. Противоречие между личностью и средой находит себе выход в творческом процессе.

Итак мы видим, что социальные корни рода матери писателя углубляются со стороны ее отца сначала в среду московского и боровского купечества, а если прослеживать их еще далее в глубь прошлого, то они уходят в среду «старых посадских людей» города Боровска. По женской же линии, т. е. со стороны бабки писателя, мы имеем среду московского медицинского мира. Таким образом, социальная сущность семьи матери писателя оказывается в значительной мере гибридной.

Документальные сведения о предках писателя со стороны отца начинаются в нашем материале с 1506 г. Однако и относительно более раннего времени мы располагаем несколькими отрывочными сведениями, относящимися к еще более отдаленным пред-

кам изучаемого нами рода. Согласно исследованиям Н. П. Чулкова, предков Достоевских (по чисто мужской линии) по всей вероятности следует искать до 1389 г. среди татарских мурз Золотой Орды. Около 1389 г. происходит переселение Аслана-Челеби-мурзы, родоначальника ветви идущей к Достоевским, на территорию Московского государства. Великий князь московский жалует ему в кормление Кременеск (в 20 верстах от Боровска), бывший в уделе князя Семена Владимировича Боровского, сына Владимира Андреевича Храброго. В последующих поколениях одна из ветвей потомства Аслана-Челеби-мурзы получает фамилию Иртищей или Ртищей, Артищей и т. п. (по разным транскрипциям). Некоторые из Иртищей впоследствии эмигрируют в свите князей Ярославичей в Литву, в район Пинского полесья. После того как в 1506 г. Данила Иванович Иртищ получает в свое владение, наряду с другими селениями, часть села Достоева (близ Пинска), за его потомками, как владельцами этого села, упрочивается фамилия Достоевских.

Начиная с 1506 г., Достовские упоминаются в различных документах XVI и XVII веков, дошедших до нашего времени. В это время мы находим их в среде аристократии того края, преимущественно в районе пинского «повета» (уезда). Исторические документы сохранили нам ряд преступных и своевольных деяний Достоевских того времени — разгромов мирных деревень и местечек, грабежей и убийств.

Начиная с середины XVII века род Достоевских начинает приходить, в социологическом отношении, в упадок. Достоевские все реже и реже упоминаются в различных документах. Вследствие этого, их родословная таблица, восстановленная без перерывов на протяжении полутора столетий, начиная с 1506 г., обрывается на 1655 г. Дальше, до деда писателя, мы имеем генеалогический перерыв, заполненный лишь несколькими отдельными лицами, место которых в общей родословной установить не удалось.

Около этого же времени, т. е. с середины XVII века некоторые из Достоевских начинают переходить в духовное звание. Таков был, например, Акиндий Достоевский, иеромонах Киевопечерской лавры, подпись которого — «Иеромонах Акиндий Достоевъський, рукою» — сохранилась под актом избрания нового архимандрита. Избрание это состоялось 25 января 1647 г. на дворянском съезде в Киеве. В конце XVIII века один из Достоевских (инициалы неизвестны) помещает аскетическую «Покаянную песнь» в издававшемся Почаевской лаврой сборнике «Богогласник». По семейным преданиям, сохранившимся в семье Достоевских, этот религиозный поэт является дедом писателя. В то время,

к которому относится опубликование «Покаянной песни» (1790 г.), дед писателя был протоиереем в городе Брацлаве Подольской губ.

По поводу социальной эволюции Достоевских в XVI и XVIII веках С. Любимов пишет: «Достоевские, как и большинство южнорусских дворянских родов, не устояли в борьбе с более высокой (польской. М. В.) культурой; не приняв католичества, они были вытеснены из рядов полонизированного дворянства в духовное сословие». Вообще С. Любимов рассматривает Достоевских того времени, как «стойких борцов за православие и русскую национальность в борьбе с католичеством и польской культурой» [1]. В этих словах, вероятно, имеется доля истины, но полностью согласиться с С. Любимовым нельзя. Как можно видеть из приведенных ниже документов (см. главу первую), наряду с Достоевскими, носителями русской культуры, мы находим и полонизированных представителей этого рода. Таковым является, например, Стефан Достоевский, католик, угнетавший и эксплоатировавший в 1577—79 гг. принадлежавший ему православный монастырь, в котором даже были прекращены богослужения (см. стр. 29). В 1660 г. Ян. Достоевский жалуется польскому королю на «вероломного кривоприсяжца москаля и бунтовщика его королевской милости и Речи посполитой казака», т. е. на московские и казачьи войска, сжегшие его имение Завидчичи. Подписывался он по польски. Однако, большинство известных нам Достоевских того времени подписывались по-русски и, повидимому, были полонизированы в меньшей степени.

В дальнейшем социальная эволюция Достоевских в сторону перехода в духовное сословие оказывается довольно устойчивой. Это можно видеть хотя бы по тому, что в последующих поколениях подольской ветви Достоевских (из которой вышел отец писателя) среди детей и внуков деда писателя, мы находим, главным образом, представителей духовного звания.

Что касается отца писателя, то он резко порывает со своей семейной средой. Вопреки воле своего отца, он вместо того, чтобы стать священником избирает врачебную деятельность. Последствием этого был его переезд из Подолии в Москву, после чего он окончательно утрачивает связь со всеми своими родственниками [2]. Таким образом, кроме своего отца, Ф. М. Достоевский не знал ни

---

[1] С. Любимов, Ф. Достоевский (к вопросу об его происхождении). «Литературная мысль». 1922 г., кн. I, стр. 210.

[2] Наряду с семейным разрывом это прекращение родственных связей отчасти обусловлено также и угасанием мужских линий рода. «Мне не раз приходилось слышать от покойного отца, что мы не имеем однофамильцев», пишет в своих воспоминаниях брат писателя Андрей.

одного своего родственника с отцовской стороны. В силу этого, социальное влияние рода матери, в целом, на формирование личности Достоевского нужно признать гораздо более сильным, чем рода отца. Впрочем, в микросоциальном масштабе, т. е. в тесном семейном кругу, влияние отца на развитие молодого Достоевского было чрезвычайно сильным. Своевольный, вспыльчивый и мелочно-придирчивый глава семьи, он не мог не активизировать в своем гениальном сыне и шизоидную замкнутость, и преимущественно кроткую жизненную установку, и, наконец, тот комплекс Эдипа, который, как указывает Нейфельд, так дает себя знать в творчестве Достоевского, в особенности, в таких его произведениях как «Неточка Незванова» и «Братья Карамазовы».

Перейдем теперь к материальному положению родителей Достоевского. Обычно принято изображать их как очень бедных, пришибленных жизнью людей. Особенно сгущает краски в этом отношении В. Переверзев. По его мнению, Достоевский «вышел из круга бедного, трудового, служилого мещанства, юридически приниженного в барском государстве крепостной поры». Весь дальнейший анализ творчества Достоевского, в некоторых отношениях чрезвычайно интересный, Переверзев строит исключительно на «плебейском» происхождении писателя. На первый взгляд Достоевского как-то легче анализировать, если исходить из того, что он вырос в бедной забитой семье. В действительности же, путь к правильному пониманию личности Достоевского лежит где-то вне этой проторенной дорожки.

Прежде всего, семья Достоевских вовсе не была так бедна, как то обычно изображается. Окончивши Московскую медико-хирургическую академию, отец писателя вскоре восстанавливает утраченное его предками дворянское звание. Быть может, на свои личные средства, но еще вернее на приданое жены, он приобретает в 1834 г. имение, состоящее из сельца Дарового и деревни Чермошни. Таким образом он делается владельцем 100 крестьянских «душ» и свыше пятисот десятин земли (по 8-й ревизии 1833 г.). С тех пор семья Достоевских живет то в Москве, то в имении. В воспоминаниях А. М. Достоевского (одного из братьев писателя) содержится много деталей, характеризующих московский быт семьи Достоевских. Так, например, домашней прислуги в одной только московской квартире было 7 человек. Для выездов на практику М. А. Достоевский пользовался четверкой собственных лошадей и т. д. К этому нужно еще прибавить самое близкое участие в жизни семьи Достоевских таких богатых родственников, как Куманины.

Что касается самого Достоевского, то он, действительно, всю

свою жизнь крайне нуждался в деньгах, но причины этой нужды были чрезвычайно своеобразны и интересны в характерологическом отношении. Для человека с другим характером доходов Достоевского было бы более чем достаточно для вполне обеспеченной жизни. Достоевский же терпит острую нужду еще в то время, когда получает от опекуна регулярно по 4 000 руб. ассигн. в год, не считая офицерского жалованья. В воспоминаниях Ризенкампфа описывается, как на следующий же день после получки от опекуна тысячи рублей Достоевский приходит просить пять рублей в долг. Недаром близко знавшие Достоевского люди называли его «палачем денег». По поводу этой поистине загадочной способности тратить деньги лично знавший молодого Достоевского П. П. Семенов-Тяньшанский говорит в своих мемуарах: «не с действительной нуждою он боролся, а с несоответствием своих средств даже не с действительными потребностями, а нередко с психопатическими запросами его болезненной воли».

Исключительная нерасчетливость и беспорядочность Достоевского в отношении денежных трат ясно дает себя знать и в его письмах. В одном из писем к брату Михаилу он так говорит о себе: «Что же касается денег, то увы! Их нет. Чорт знает куда они исчезли»... или: «За Голядкина взял я ровно 600 руб. серебром. Сверх того, я еще получил бездну денег, так что истратил 3 тысячи после разлуки с тобою [1]. Живу-то я беспорядочно—вот в чем вся штука!» Описывая свое возвращение из Сибири, он пишет Гейбовичу: «В Казани мы засели. Осталось 120 руб. сер., что очевидно, было мало, чтобы доехать до Твери...» На первый взгляд в данном случае можно усмотреть ясное доказательство бедности Достоевского, но весь этот эпизод примет совсем иное освещение, если мы посмотрим, что делал Достоевский за несколько дней до приезда в Казань. «В Екатеринбурге», — пишет он несколькими строками ранее в том же письме к Гейбовичу, — «мы простояли сутки и нас соблазнили: накупили мы разных изделий, рублей на 40, — четок и 38 разных горных пород, запонок, пуговиц и проч...». Здесь самое характерное для Достоевского то, что он мог накупить на 40 р. всякой ненужной мелочи, не рассчитавши, что оставшихся денег не хватит на продолжение пути.

После возвращения из Сибири Достоевский зарабатывает в среднем по 8 — 10 тысяч рублей (серебром) в год. В последние же годы его заработок достигает 10 — 15 тысяч рублей в год (не считая двух куманинских наследств). Если принять во внимание

[1] Речь идет о промежутке времени с конца лета 1845 г. по 1 февраля 1846 г., т. е. не более как за полгода.

стоимость прожития в то время, то совершенно ясно, что считать Достоевского только бедняком и поставить на этом точку нельзя. Если он действительно всю жизнь, начиная со времени учения в Инженерном училище, острейшим образом страдает от безденежья и долгов, если подавляющее большинство его писем содержит жалобы, мало сказать жалобы — вопли и проклятия по поводу тех тисков нужды, которые его душат, то в основе этого лежит целый сложный комплекс причин, значительная часть которых кроется в его крайне сложной и противоречивой личности.

370 представителей рода Достоевского, о которых собраны здесь сведения, принадлежат к самым различным общественным группам: земледельцам, старым посадским людям, польско-литовско-русской аристократии, духовенству, землевладельцам, мещанам, чиновникам, купцам различным гильдий, ремесленникам, зажиточным рантье, разночинцам, литераторам, инвалидам, политическим ссыльным и каторжанам, а в последнее время — к советским служащим, научным работникам и учащимся. Весь этот социальный калейдоскоп проходил перед нами на протяжении более, чем четырех веков—от 1506 до 1933 года. Чтобы не поверхностно, а достаточно углубленно произвести социологический анализ всего рода, т.-е. выяснить идеологию и основные жизненные установки отдельных его представителей, исходя из их социального бытия, нужно быть не просто социологом и историком, а энциклопедистом, достаточно знакомым с условиями жизни самых различных общественных групп Восточной Европы на протяжении целого ряда столетий. То обстоятельство, что люди, о которых собраны здесь материалы, являются родственниками друг друга не облегчает, а даже усложняет социологический анализ.

Не ставя перед собой столь сложной и ответственной задачи, отметим лишь, что такое сложное и гибридное в социальном отношении положение рода определяло собой и ряд конфликтных моментов как в жизни, так и в мировоззрении отдельных его членов.

Относительно документальной части исследования, я должен прежде всего отметить, что эта часть представляет из себя продукт коллективного труда целого ряда лиц, главным образом самих представителей обследованного рода. В общей сложности мне удалось вступить в контакт с тридцатью живущими ныне представителями рода Достоевских.

В подобного рода генеалогических исследованиях обычно труднее всего бывает найти первого живого представителя рода. Если же первый найден, то от него уже можно получить адреса его

родственников и затем постепенно расширять круг своего контакта с представителями изучаемой семьи. Считаю своим непременным долгом указать, что такой «первый» представитель рода Достоевских, в лице Милия Федоровича Достоевского, внука старшего брата писателя, был мне указан в начале 1922 г. проф. Н. К. Кольцовым, подавшим мне и самую мысль заняться изучением этого рода. Знакомство мое с М. Ф. Достоевским, первый опрос его и составление первого наброска родословной таблицы состоялись 5 марта 1922 г., и эту дату я считаю началом всей работы.

Отдельные ветви рода были полностью или частично проверены кем-либо из представителей данной ветви. А именно, детское, внучатное и правнучатное поколения ветви М. М. Достоевского (старшего брата писателя) были проверены его внуком Милием; ветвь самого писателя была проверена его невесткой (женой сына) Е. П. Достоевской (за исключением данных, записанных со слов Л. С. Михаэлис, проверенных ею самою); ветвь старшей сестры писателя, Варвары, за отсутствием связи с кем-либо из живых ее представителей, осталась без родственной редакции; ветвь А. М. Достоевского проверена его сыном (племянником писателя) Андр. Андр. Достоевским; ветвь В. М. Ивановой — внучкой ее, Еленой, и, наконец, ветвь А. М. Голеновской (младшей сестры писателя) — представителями этой ветви, В. Д., В. Н. и И. Н. Голеновскими. Во всех этих случаях редакционные изменения не шли дальше незначительных дополнений и изменений в формулировках.

Помимо представителей рода Достоевских мне приходилось, в процессе работы, прибегать к содействию целого ряда научных учреждений и отдельных специалистов. Из научных учреждений более всего мне оказали содействие рукописные отделы Исторического музея в Москве и Пушкинского Дома при Академии наук СССР, а также музеи Достоевского — в Москве, в бывшей усадьбе Достоевских в сельце Даровом и (через посредство В. С. Нечаевой) в Старой Руссе.

Весь собранный материал охватывает 370 человек. Из них 41 чел. относятся к отдаленным предкам отца писателя, сведения о которых начинаются с 1506 г. и обрываются 1715 г. Из этих предков лишь о 23 удалось установить родственные отношения настолько, чтобы составить генеалогическую таблицу. Таблица эта охватывает всего 6 поколений на протяжении с 1506 до 1664 года. Относительно остальных 329 представителей рода родственные отношения востановлены полностью. Первый представитель этой части рода, предок матери писателя, впервые упо-

минается в 1677 г. Начиная с него и до наших дней мы имеем 11 поколений.

Для каждой из ветвей рода имеется особая генеалогическая таблица.

Все таблицы составлены по американскому прямолинейному способу, принятому во всех изданиях Eugenics Record Office и получающему все более широкое распространение. Мужчины обозначены квадратами, женщины — кружками. Счет поколений идет сверху вниз таким образом, что все кружки и квадраты, расположенные на одной горизонтали, относятся к одному поколению. (Мужья и жены представителей рода обозначаются несколько ниже этой горизонтали).

Материал о каждом представителе рода располагается следующим образом. Сначала идут порядковый номер данного представителя рода, его фамилия, имя и отчество и две цифры, разделенные косой чертой, обозначающие порядковые номера его отца и матери. Затем идут цифры, указывающие годы рождения, а для умерших и смерти, причина смерти и основные сведения о служебном и имущественном положении данного лица и, наконец, относящиеся к нему характерологические и прочие документы, по большей части публикуемые впервые.

В заключение не могу не отметить чувства глубокой благодарности, с которым я вспоминаю то внимание, которое я неизменно встречал на протяжении многих лет со стороны представителей изучавшегося мною рода и тех лиц, к которым мне приходилось обращаться за содействием.

ГЛАВА I

ДОСТОЕВСКИЕ В XVI И XVII ВЕКАХ [1]

Поколение первое (возникновение фамилии Достоевских)

1. Иртищевич (он же Иртищ, Ртищевич, Артищевич) Данила Иванович.

Получил 6 октября 1506 г. жалованную грамоту на вечное владение несколькими дворищами в селениях Достоеве [2], Полкотичах, Зенковичах, Молодове и Поречьи, а так же половину острова (леса) Кростова. Грамота эта выдана была князем пинским Федором Ивановичем Ярославичем и его супругой княгиней Оленой. В ней, говорится, что князь и княгиня дали боярину Иртищевичу — «именье Полкотичи: дворищо Ходорово Скоря-

---

[1] Эта глава составлена под руководством Н. П. Чулкова. Еще в начале 1923 г. я обратился к нему с просьбой указать источники по вопросу о происхождении рода Достоевских. В ответ на эту просьбу Н. П. Чулков предоставил в мое распоряжение ряд библиографических указаний и выписок, которые и легли в основу настоящей главы. Впервые мною были использованы эти материалы в докладе о роде Достоевских, состоявшемся на заседании Русского евгенического общества 4 мая 1923 г. Кроме того Н. П. Чулков проредактировал настоящую главу перед сдачей ее в печать. Пользуюсь случаем выразить ему благодарность за его неоценимое содействие.

[2] К началу XX столетия село Достоев значилось в Достоевском обществе Поречской волости, Пинского уезда Минской губ. К тому времени в селе числилось 84 двора с общим числом жителей 755 чел. (360 мужчин и 395 женщин). Вблизи села находилось имение Достоево и деревня Вулька Достоевская с имением и хутором того же названия. (По материалам, присланным священником Достоевской церкви, А. Кульчитским, вдове писателя А. Г. Достоевской. Отдел рукописей Пушкинского Дома при Академии наук СССР).

Селения Достоев и Вулька Достоевская обозначены на трехверстной «Военно-топографической карте Европейской России» (лист 4-й, ряд 18-й). Что касается прочих перечисленных селений, то они расположены вблизи Достоева, между реками Пиной и Ясельдой.

тич, а брата его Гаврилово дворищо, а Масево дворищо за Стругою, а Скребелич дворищо, а Малашевич дворищо, а Тимошевич дворищо, а Жукович дворищо, а в селе Зенкович дворищо, а Дядиковское дворищо, а Сенцово дворисчо, а Скварневское дворисчо, а в Достоеви Олисеевское дворисчо, а Терпилович дворищо, а в Молодове Скаргатинское дворисчо, а в Поречьи Боландинское дворищо, а остров Кротов, а в том острове только боярину нашему пану Данилу иль зе знаменем, а попу Никольскому теж знаменем, а иному никому нельзе в тот остров. А дали есмо тому нашему боярину тое именье со всем с тым,што из старины к тем дворищом прислухало, с землями пашными и з бортными, и з их ловы, и з реками, и з луги, и с сеножатьми, и з езы, и с озеры и со всих тых земель входы. А волен тот боярин наш в том своем именьи, в данине нашей двор себе поселити, и пашню вчинити, и млыны сыпати... А людем его подводы не давати, а ни в облаву не ходити, а ни повозу не возити. А дали есмо тое именье тому нашему боярину вечно и непорушно, ему, и его жоне, и их детем, и их счадком» (19) [1].

Упоминание об этой жалованной грамоте сохранилось еще в следующем привилее князя Федора Ивановича, данном 5 июня 1519 г. церкви св. Николая в Пинске (которая получила половину вышеупомянутого острова Кротова) и подтвержденном королем Владиславом IV 18 июня 1633 г.:

«А иж есмо преж сего дали боярину нашему Данилу Иртищу село Полкотичи и Достоев и часть свою межи тыми селы половицу острова Кротова и з знаменем, в котором острове з веку мел священник никольский пиньский другую половицу тож и з знаменем, которого Кротова маеть Никольский и з Данилом Иртищом и щадки его на полы ужывать, що есмо и в листе привилеи, Иртищу от нас даном, тот Кротов поменили попу. А где бы дерево знаменное зо бчолами выгибло, ино мает обе тот Кротов землю з Иртищем на полы поделити и робити на поле и вечне ни от кого непорушно ужывати» (1).

По постановлению виленского сейма 1 мая 1528 г. Данилей Ртищевич, пинский боярин, должен был выставить со своих имений на военную службу одного коня. (12).

---

[1] Бо́льшая часть сведений о самых первых представителях рода Достоевских содержится в книге, носящей заглавие: «Ревизия пущ и переходов зверинных в бывшем великом княжестве Литовском с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на земли. Составлена старостою мстибоговским Григорием Богдановичем Воловичем в 1559 г. Изд. Виленской Археографич. Комиссии. 1867 г.». В дальнейшем, при каждой цитате ставится в скобках цифра, указывающая порядковый номер источника в списке источников, помещенном в конце книги.

«Родоначальником Достоевских является Данило (Данила) Иванович Иртищ (по другим документам: Ртищевич, Иртищевич, Артищевич), боярин пинского князя Федора Ивановича Ярославича. Князь этот принадлежал к московской ветви Рюриковичей и был потомок князя Владимира Андреевича Храброго, участника Куликовской битвы. Отец Федора Ивановича, кн. Иван Васильевич, бежал в Литву в княжение Василия Темного в 1456 г.[1]. Боярин Данило Иванович Иртищ мог быть или из местных уроженцев, или, не исключена возможность, что он или его отец эмигрировали в Литву из Московского государства, может быть, в свите своего князя. Такие случаи, когда князья, вместе со своими служебниками перебегали из Москвы в Литву и обратно в то время вообще имели место.

В Московском государстве потомки кн. Владимира Андреевича Храброго владели Боровско-Серпуховским княжеством...

Прозвище родоначальника Достоевских — Ртищевич, Иртищ, Артищевич напоминает великорусский род Ртищевых. По данным родословных этот род (вместе с Арсеньевыми, Сомовыми, Кременецкими и др.) происходит от выехавшего около 1389 г. из Золотой Орды Аслана-Челеби-мурзы. Великий князь московский пожаловал ему в кормление Кременеск (в 20 верстах от Боровска), бывший в уделе у князя Семена Владимировича Боровского, сына Владимира Андреевича Храброго[2].

Самые ранние документальные упоминания об Иртищах (но еще не Достоевских) содержатся в «Книгах записей литовских», именно в записях земельных дач короля Казимира («Во имя Боже, то сут книги, кому корол именья роздал»). На 26-м листе имеется запись, что король даровал «Иртищу село Калечина, а два чоловеки», на листе 26 об., что Степану Иртищу даруется «Леповица там же за Мезоцком и на вотчизну». Упоминаемый в грамоте Мезоцк—вероятно, Мезецк, т. е. прежний Мещовск, Калужской губ.

Жалованные грамоты Иртищам чередуются с жалованными грамотами князьям Ярославичам, с которыми Иртищи, повидимому, были связаны служебными отношениями. Так например, на листе 25-м имеется запись: «Кнгни Ерославича село Немезки у Смоленску, а две купленины, што ещо муж ее закупил», а на

---

[1] О кн. Федоре Ивановиче и его предках см.: А. В. Экземплярский, Великие и удельные князья Северной Руси. Том II, стр. 293—315; Adam Bonjecki, Herbarz polski. Т. VII, стр. 260—262.

[2] Н. Н. Кашкин, Родословные разведки. Том I. «Род Ртищевых». СПб. 1912 г. Стр. 284—285.

листе 26-м—«Князю Василью Ерославичу Плесо со всим...» [1]. Все эти грамоты относятся к XV веку, приблизительно к 1447—48 г., т. е. к тому времени, когда князья Ярославичи, уйдя из Московского государства, жили, очевидно, еще не в Пинском княжестве, а восточнее, вблизи московской границы: на тех листах вышеупомянутой книги, где указаны пожалования князю Ярославичу и Иртищу, очень часто упоминаются Смоленск, Брянск, Рославль, Мстиславль, Мезоцк (Мещовск).

Не имея права настаивать на каких-либо выводах, сопоставим только указанные три факта: 1) родоначальник Ртищевых поселяется в Боровском княжестве, 2) князья Ярославичи (т. е. потомки боровских князей) упоминаются в актах о земельных пожалованиях середины XV века одновременно с Иртищами, 3) потомки боровских князей в XVI веке имеют в числе своих бояр Иртища, называемого также Ртищевичем, Артищевичем, Иртищевичем. О Ртищевых, кроме нескольких имен, вплоть до царствования Иоанна Грозного ничего неизвестно, так что нет никаких данных для утверждения или отрицания гипотезы, что Д. И. Ртищевич мог быть из рода Ртищевых.» (3).

Поколение второе

Потомки Данилы Иртищевича по мужской линии именуются уже Достоевскими, по селу Достоеву, находящемуся в их владении. Таким образом 1506 г., когда Иртищевичи (Иртищи) получили часть села Достоева, можно считать исходной датой возникновения фамилии Достоевских. Следует впрочем добавить, что фамилия «Достоевские» утвердилась за потомками Данилы Иртищевича не сразу, и сыновья его Семен и Иван именуются иногда Достоевскими, иногда же Данилевичами, по имени своего отца (Семен один раз назван по деду «Артищевичем»), и только за внуками Данилы Иртищевича окончательно утверждается фамилия Достоевских.

II. Д о с т о е в с к и й (Артищевич) Семен Данилович.

Сын предыдущего. Упоминается в «Подтвердительной грамоте королевы Боны, данной 3 января 1556 г.», в связи с его женитьбой и дарованием ему части дворищ Хмеленского и Величковского.

«То, как оная Ганна Василевская тых прошлых часов змерла, а три девки по собе оставила, которые вжо замуж пошли. Первая

[1] См. Документы Московского архива министерства юстиции. Том I. Москва, 1897 г., стр. 24 и предисловие, стр. IX, X.

дочка Марина, которую понял Матуш; другая дочка ей Светохна, которую понял земянин[1] наш Пинский Андрей Головка: третья — Ганна, которую понял земянин наш Пинский жо Семен Данилевич. И били нам чолом тые земяне наши верхуписаные, Матуш, Андрей Головка, Семен Данилевич, сами от себе и от жон своих, дочек небожчицы Ганны Васильевское, иж быхмо ласку нашу уделали а тые две дворища, у сели Морочной, Хмеленское и Величковское, им на хлебокормление и на службе земской дали»... (Просьба трех мужей была королевой Боной удовлетворена) (19).

В 1561 г. Семен Данилович Достоевский имел собственный дом с участком огородной земли в городе Пинске по Городиской улице (17).

III. Василевская, п. м. Достоевская, Ганна.
Жена предыдущего.

III' Василевская.

Мать предыдущей; теща Семена Даниловича Достоевского. 23 февраля 1552 г. получила от польской королевы Боны жалованную грамоту на два дворища — Хмелевское и Величковское в селе Морочной, данные ей на «хлебокормление». 3 января 1556 г., после смерти Ганны Василевской, королева Бона выдала подтвердительную грамоту на те же дворища трем зятьям Ганны. Начинается эта грамота так:

«Бона Божею милостью королева Польская, навышша кнегини Литовска, Руска, Пруска, Жомоитска, Мазовецка и иных.

Ознаймуем сим нашим листом, кому потреба того ведати, або чтучи его слышати, иж што первей сего, з ласки нашое господарское, дали есмо были поддатной нашой, земянице Пинской, Ганне Василевской, по животе мужа ее, небожчика Василевского, две дворища з волости нашой Пинской, в селе Морочной лежачие, на имя Хмелевское и Величковское, до воли и ласки нашое господарское держати. То как оная Ганна Василевская тых прошлых часов замерла, а три девки по себе оставила, которые вжо замуж пошли... (Продолжение грамоты см. выше в тексте о Семене Даниловиче Достоевском) (19).

IV. Достоевский Иван Данилович.

Брат предыдущего. Земянин пинский, владел в 1552—1555 гг. в с. Ляховичах землей в трех полях, данной ему взамен

[1] Земянин — землевладелец шляхетского происхождения.

взятой у него земли. Имел собственный дом в г. Пинске, в районе Старого рынка (17, 18), «Иван Данилевич[1] зашел за реку в Дружиловский обруб со стороны своего двора и распахал себе в двух местах за мельницей и мостком 29 моргов и 25 прутов негодной земли. Он же в королевской пуще распахал себе по разным местам при Дружиловской дороге за отданные поля 1 уволок и 20 моргов негодной земли. Владение этой землей ему запрещено, но он обсеменил поля; с них хлеба будут собраны на замок. Там же он много посушил дерева; ему также воспрещено производить дальнейшую расчистку полей. Всей такой спорной земли 2 уволока 19 моргов 26 прутов негодного качества» (17).

V. Жена предыдущего.

Дочь пинского боярина Венедикта Фурсовича, служебника князя Федора Ивановича Пинского и Огренки Калавуровны, «панны з сеней» княжеских (19).

Поколение третье

VI. Достоевский Сасин Иванович.

Земянин Пинского повета (уезда). Умер до 1582 г. Согласно «Попису войск литовских» 1567 г. выставил на военную службу двух коней со своего родового имения и одного коня с купленного имения Дубой и воина, а так же одного воина с ручницей (ружьем) (12).

VII. Достоевский (Данилевич[2]) Федор Иванович. Брат предыдущего. Земянин Пинского повета.

В «Реестре попису войска литовского» 1565 г. в числе земян Пинской хоругви упоминается «Федор Иванович Данелевич», который должен был выставить «2 кони — збройно, по гусарску, а драба з ручъницою на кони» (12).

В документах, относящихся к 1572 г., известный эмигрант князь А. М. Курбский неоднократно называет Федора Достоев-

[1] Как уже было указано выше, Иван Данилович Достоевский нередко именуется также «Иван Данилевич», т. е. отчество начинает играть как бы роль фамилии. В старину такие замены, при еще не установившейся фамилии, имели место довольно часто. И в настоящее время подобные случаи нередки, особенно в крестьянском быту.

[2] Федор Иванович в некоторых документах называется «Федор Данелевич». По всей вероятности это происходило потому, что помимо отчества прибавлялось иногда также и имя его деда — Данилы Иртища. Таким образом фамилия «Достоевские» не вполне еще упрочилась даже за внуками последнего.

ского своим «уполномоченным приятелем». Например: «Князь Андрей Михайлович Курбский и Ярославский объявил через уполномоченного приятеля своего, пана Федора Достоевского, земянина его королевской милости повета Пинского...», или: «...По прочтении этого позва, его милость, князь Курбский Ярославский, положил, через того же уполномоченного приятеля своего, пана Федора Достоевского»... (10).

10 января 1578 г., жена кн. А. М. Курбского во время своих показаний на допросе о том, куда девала она документы, похищенные ею у мужа, упоминает своего «прокуратора» (поверенного) Федора Достоевского: «Все документы, о которых спрашиваешь меня, я передала на сохранение, из рук в руки, прокуратору нашему пану Федору Достоевскому; причем мы условились и уговорились между собою, чтобы он никому не отдавал и не возвращал тех документов, как только лично мне, в мои собственные руки, хотя бы его милость князь, мой муж, или я сама, и посылали к нему приятеля или слугу своего за теми документами» (10).

«Первым историческим лицом, носившим фамилию Достоевский, существование которого известно документально, был Федор Достоевский, domownik, т. е. служебный шляхтич, при знаменитом князе А. М. Курбском, старосте упитском (в Трокском воеводстве), упоминаемый в 1572 г.» (14).

VIII. Достоевская (по мужу) Зофея Яновна.

Жена предыдущего.

В 1566 г. От имени своей жены и брата ее Яска Федор Иванович вел судебное дело с мужем их тетки Матеем Войтеховичем об оставшемся после смерти этой тетки наследстве; жена Фед. Ив. и ее брат были признаны наследниками, но имущество было оставлено в пожизненном владении М. Войтеховича (2).

IX. Достоевский Стефан Иванович.

Брат предыдущих. Земянин минский.

В 1577 г. земянин минский Стефан Достоевский[1] получил в свое владение минский Вознесенский монастырь (3).

Хотя Стефан Достоевский и не был православным, но в сен-

[1] Утверждать, что все данные, приводимые ниже о «Стефане Достоевском», относятся к одному лицу, именно Стефану Ивановичу Д., мы не можем, тем более что полностью его имя, отчество и фамилия указаны только в одном источнике, именно в 36-м томе Актов виленской комиссии. С другой стороны, приписывать все приводимые здесь сведения разным Стефанам Достоевским было бы еще менее основательно.

тябре 1577 г., он получил от короля Стефана Батория привилей (жалованную грамоту) на Минский Вознесенский православный монастырь. В этой королевской грамоте так определялись отношения Достоевского к этому монастырю: «Мацть помененый Стефан Достоевский тот монастыр Меньский заложенья светого Вознесенья Христова, с фольварками и пашнями монастырскими, также села, люди, кгрунты и всякие пожитки ку тому манастыру належачие на себе держати, всякие обрады духовные в нем радне, с помноженьем фалы божое и слушным порадком справ церковных. водлуг обычаю закону греческого справовати и того манастыра со всим спокойне ужывати, аж до жывота своего».

Но монастырь не долго оставался во владении С. И. Достоевского. 17 февраля 1579 г. была дана грамота минскому земянину Михаилу Рагозе (будущему митрополиту и деятелю церковной унии) о предоставлении ему в пожизненное управление Минского Вознесенского монастыря с тем, чтобы он вступил в монашество и был посвящен в сан архимандрита. Эта передача монастыря во владение другого лица произошла потому, что митрополит киевский Илья и каштелян минский Ян Глебович жаловались королю, что Достоевский, будучи человеком светским и «к тому же закону не греческого», пользуется только доходами и вовсе не заботится об управлении монастырем: «только дей для пожытку своего тот манастыр держить, а фала божья никгды в нем водле закону греческого полнена не бываеть». Жалуясь таким образом на Достоевского, они просили отдать монастырь Рагозе, «человеку богобоязненному, в письме святом умелому и согласному принять сан чернеческий»[1]. Просьба эта была королем исполнена (1, 20).

4 апреля 1582 г., Стефан Иванович Достоевский продал одно из своих имений — Сенницу князю Горскому, за 80 коп грошей литовских[2]. В том же году 21 сентября он жаловался в суд на земянина Валяна, скосившего сеножать в его имении Декснянском и увезшего с нее около 24 возов сена.

Подписывался Стеф. Д. по-русски (4).

По соседству с Достоевом в Пинском повете находился господарский двор Дружиловичи. Двор этот находился во временном владении (в залоге) у вдовы минского земянина Федора Лецко-

---

[1] По постановлению сейма лица, получавшие в пользование монастырь («хлеб духовный»), должны были в течение трех месяцев принять духовный сан — в противном случае монастырь у них отнимался.

[2] Копа́ — старинная единица счета. Содержит в себе шесть десятков. По исследованиям польского историка Чацкого копа литовских грошей равнялась 21 польскому злотому и 12,9 грошей или 3 р. 22,7 коп.

вича Есьмана, Зофеи Фурсовны, за деньги (2 400 коп грошей литовских), которые она с мужем дала королю Стефану Баторию на ведение войны с Москвой. В свою очередь она заняла у Стефана Ивановича под залог этого именья 2 000 коп грошей литовских на срок до дня «святого Илья, свята русского» 1588 г., но умерла до этого срока, после чего староста пинский князь Януш Збаражский причислил («привернул») Дружиловичи снова к замку Пинскому. Достоевский предъявил к нему иск, требуя уплаты долга и возмещения убытков. В 1589 г. король с панами радами присудил уплатить ему только 1730 коп грошей литовских, предоставив недостающие деньги (270 коп) взыскивать с наследников Есьмановой, Володковичей, в иске же об убытках отказал. Дело с Володковичами продолжалось до марта 1597 г., когда Стеф. Ив. от иска отказался. Что касается до основной суммы, то взамен ее Д—му были отданы в пользование Дружиловичи. Володковичи, однако, оспаривали это постановление, но проиграли дело, так как не явились на суд (в октябре 1592 г.). В это спорное дело вмешался также королевский инстигатор (лицо, наблюдавшее за отправлением правосудия), протестовавший против владения Достоевским селом Пнюхами (принадлежавшим к Дружиловскому двору) на том основании, что Баторий взял деньги без разрешения сейма. 4 ноября 1592 г. Паны-рада, принимая во внимание, что деньги были взяты «на потребу Речи Посполитой», оставили спорное владение за Достоевским до будущего сейма, который однако решил передать Дружиловичи в пользование подканцлера Габриеля Войны, после чего 10 мая 1596 г., Достоевский дал последнему лист об отказе от своих прав на Дружиловичи (2).

В 1590 г. Стефан Достоевский упоминается, как «писар гродский Менский» (писарь городской Минский). Подписывался порусски (4).

В 1606 г. Стефан Достоевский упоминается в связи с убийством его дочерью своего мужа, Станислава Карловича (см. ниже стр. 34).

В 1624 г. Стефан Достоевский, по возвращении из турецкого плена, повесил серебряные цепи перед образом «Матки Боски» во Львове (8).

Указания на некоего «архиепископа Стефана Достоевского», довольно впрочем малообоснованные и фантастические, содержатся в известной книге Л. Достоевской об отце:

«Мой отец рассказывал моей матери об епископе Стефане, который, по его мнению, был родоначальником православной ветви нашей семьи. К моему великому сожаленью, моя мать не

обратила на эти слова никакого особого внимания и не спросила его о дальнейших подробностях. Я полагаю, что один из моих литовских предков, перекочевавших в Украину, переменил религию для того, чтобы жениться на православной украинке, и стал священником. После того, как он овдовел, он, вероятно, поступил в монастырь и позже стал архиепископом. Таким образом, епископ Стефан, хотя и был монахом, стал родоначальником православной ветви нашей семьи. Мой отец, вероятно, имел более точные сведения о жизни этого епископа, так как он хотел назвать в честь его своего второго сына — Стефаном. Моему отцу было в то время пятьдесят лет. Странно, что мой дед Михаил пятидесяти лет от роду напечатал в газетах свое объявление и, что в том же возрасте мой отец вдруг вспомнил о существовании этого архиепископа Стефана, о котором он прежде никогда не думал. У обоих в пятьдесят лет появилось желание тем или другим способом войти в сношения со своими предками... Стефан Достоевский, должно быть, происходил из хорошей семьи и получил хорошее воспитание, иначе он не мог бы сделаться архиепископом. Украинские приходы имели право сами выбирать своих священников и, естественно, избрали лишь людей достойной жизни. Что касается высшего духовенства, то оно почти всегда выходило из украинского дворянства, что лишь редко бывает в России, где священники образуют отдельную касту.» (39).

X. Макарович, в замужестве Стефановая-Достоевская, Богдана Богдановна.

Жена Стефана Ивановича Достоевского (4).

XI. Достоевский Рафал Иванович.

Земянин Пинского повета. Урядник земского подскарбия Лаврина Войны в местечке Мотоль и в Дружиловичах. В 1581 г. был обвинен в злоупотреблениях по должности и отдан под суд (2).

По разделу с братьями Рафал Иванович получил на свою долю четвертую часть отцовского именья, а именно Скаргатинское дворище с людьми (3 человека), находившиеся в Молодове. Дворище это он продал в 1582 г. пинскому хорунжему В. Ф. Федюшке за 100 коп грошей литовских (2).

Поколение четвертое

XII. Достоевский Петр Сасинович.

В 1598 г. маршал Пинского повета [1] и член Главного трибунала великого княжества литовского (11, 16).

[1] Т. е. предводитель шляхты, как на войне, так и на сеймиках.

«Петр Достоевский занимал в 1598 г. важную должность пинского поветового маршала. По своему положению поветовые маршалы стояли высоко, их дальнейшим повышением являлось сенаторское кресло; они были главными вождями дворянского ополчения своего повета и иногда разбирали дела, подлежащие дворному королевскому суду» (14).

В 1599 г. Петр Достоевский — маршалок Пинского повета и член литовского Главного трибунала (4).

В 1619 г. он (или другой «Петр Достоевский») также член Главного трибунала в качестве депутата от Пинска (4).

В 1622 г. был комиссаром по размежеванию имений Пинского францисканского монастыря, после чего монахи обвиняли его в неправильных действиях (2).

В 1627 г. — пинский городской судья (5).

20 мая 1628 г., Петр Д., будучи маршалом и королевским дворянином пинского повета, передал по королевскому приказу православную церковь св. Федора в Пинске униатскому епископу Туровскому и Пинскому Григорию Михайловичу. Передача эта совершилась против желания православных прихожан этой церкви, пинских мещан (5).

В 1630 г. — опять пинский городской судья (4).

Подписывался Петр Достоевский по-польски.

Петр из Достоева (Piotr z Dostojowa), как один из представителей рода Достоевских, упоминается еще в 1632 г. (16).

XIII. Достоевский Ярош Стефанович. В 1604 г. был подстаростой овручским (6, 8).

«Ярош Достоевский, бывший в 1604 г. подстаростой овручским, т. е. помощником городского старосты, ведавшего администрацию и отчасти судебные дела, является родоначальником той ветви Достоевских, которая окончательно осела на Волыни, становящейся с этого времени ареной страстной борьбы между католицизмом и православием, с одной стороны, влиянием польской культуры и местным патриотизмом, с другой.» (14).

XIV. Достоевская, по первому мужу Карлович, по второму Псарская, Марына Стефановна.

Сестра предыдущего. Вышла замуж за Станислава Карловича около 1590 г. Обвинялась в убийстве своего первого мужа при помощи наемного лица (некоего Яна Тура).

Дошедшие до настоящего времени материалы по этому делу занимают в 18 томе «Актов» 17 страниц текста in octavo.

В общем, по показаниям различных свидетелей, обстоятельства убийства С. Карловича были таковы. Еще раньше Марына пыталась извести мужа при помощи чародейства. (Это впрочем показывает только один свидетель и то вскользь). В последнее время она прибегла к помощи некоего Яна Тура, который приезжал к ней еще весной 1606 г., когда С. Карлович уезжал в Минск. За неделю до убийства Ян Тур опять появился в имении С. Карловича Дурыницах. В течение этой недели Марына его прятала на гумне у местного жителя Якова Селивоновича, куда все это время ему приносила пищу сестра Марыны Раина Достоевская.

14 октября 1606 г. Марына велела истопить баню. Мыться пошли сначала сестры Достоевские (Марына часто упоминается в делах под своей девичьей фамилией). Вернувшись, Марына стала настойчиво понуждать мужа, чтобы и он шел в баню. Баня же отстояла в некотором отдалении от именья. С. Карлович по настоянию жены ушел в баню. Марына же распорядилась спрятать всех собак, а ворота имения запереть. Когда Карлович, вымывшись, вышел из бани, подстерегавший его убийца выстрелил в него из ружья. Раненый Карлович с криками бросился бежать домой, но, добежав до ворот, нашел их запертыми и упал около них. Тут его настиг убийца и, лежащего на земле, засек саблей. Один из свидетелей, мывшийся вместе с Карловичем в бане, видел как был ранен Карлович. Некоторые обитатели Дурыниц, выбежав на выстрел и крики, были очевидцами, как какой-то неизвестный человек рубил саблей лежащего на земле Карловича, но никто не решился оказать сопротивление убийце. Убийца же, обежавши двор, подбежал к панскому дому с другой стороны, где его встретила Марына и спрятала у себя.

Карловича положили на доску и внесли во двор. Он еще был жив и что-то хотел сказать жене. Она же не велела его нести к себе в светлицу. Когда Карлович вскоре умер и Марыне сообщили, что «вже пана нашего не стало», она не велела нести умершего в панский дом, а сказала: «несите его там до дьябла (дьявола), до избы», по другим же показаниям, приказала бросить около амбара. К убитому она так и не пошла, а стала разбираться в домашних вещах.

Приходившие на место убийства окрестные жители видели, как тело Карловича лежало около амбара прямо на земле, едва прикрытое старым плохим полотенцем. Около ворот была лужа крови, которую лизали собаки и свиньи. Мужчины хотели немедленно начать поиски убийцы, но Марына отговаривала их, говоря — что вам до этого, смотрите, как бы и вас кого тот же человек не убил. Один из соседей, приехав к Марыне, стал гово-

рить о том, кто бы это мог убить ее мужа, но она ему ничего на это не ответила, а заговорила о деньгах, которые она хотела бы поскорее получить от пана Глебовича. Когда в Минске происходили похороны Карловича, Марыну вел под руку Ян Тур, т. е. сам убийца.

Судебный процесс об убийстве Карловича возник лишь значительно позднее. Дело осложнялось тем, что Карлович, кроме детей, кровных родственников никого не имел. По законам же того времени следствие начинало не государство, а родственники убитого. Первоначально, в конце декабря 1606 года, пытался начать следствие староста Минский, исходя из тех побуждений, «абы се таковая злость межы людьми не множыла». Но Марына через уполномоченного разъясняла старосте, что он начал следствие, не справившись с правом посполитым, артыкул 26-й, раздел 11-й которого учит, что он мог бы начать следствие лишь об убийстве человека проезжего, бесплеменного, а покойный же пан Карлович «был человик рожаю тутошнего, сплодил дей детки з двемя женами, с першою жоною дому зацного шляхетского с пани Кгудеевскою, а з другою тех дому зацного шляхетского с пани Достоевскою, с которыми двема жонами сплодил сыны и цорки, а што большое, иж з обудвух домов шляхетских обудвух малжонок его, так панов Кгудеевских, яко и панов Достоевских по том спложоном потомстве его есть дей прыятелев зацных не мало». Таким образом, следствие могли начать только дети Карловича или родственники его жен. О Гудеевских, родственниках первой жены Карловича, во всех остальных документах не говорится больше ни слова. Достоевские же, повидимому, не склонны были привлекать к ответственности свою родственницу. Более того, Раина Достоевская обвинялась, как подделавшая завещание Карловича, что было установлено сличением почерков и печатей. Отец Марыны и Раины, Стефан Достоевский в это время был занят в Минске оформлением наследственных притязаний Марыны на движимое и недвижимое имущество Карловича, согласно фальшивому завещанию.

Что касается детей Марыны, то своих собственных детей она не опасалась, так как они были еще слишком малы, да и не стали бы возбуждать следствие против родной матери; пасынка же Крыштофа и падчерицу Екатерину она держала как в плену под постоянным надзором. Старший из них — Крыштоф — под угрозами Яна Тура никому ничего не говорил об убийстве отца, но когда он каким-то образом узнал, что Марына и Ян Тур решили убить и его, он тайно бежал к соседнему помещику Карабурде в его имение Свислочь. В январе 1607 года скрывшийся у Кара-

бурды Крыштоф возбудил следствие об убийстве отца. Марына через уполномоченного опять протестовала против этого следствия, указывая на то, что согласно таким-то артыкулам права посполитого Крыштоф, как несовершеннолетний, не может возбуждать следствия, а также на то, что изо всех детей Карловича следствие начинает один лишь Крыштоф, что тоже противоречит определенным артыкулам. Однако, после того как Крыштофу удалось доказать, что он уже совершеннолетний, делу все же был дан ход. Марына отрицала свою вину и в доказательство своей невинности предлагала принести присягу в присутствии тринадцати («сама четырнадъцата») свидетелей — «людей добрых, вере годных, шляхтой себе равных». Но это ее предложение было отклонено на том основании, что так как она оказалась способной на такое убийство, то не остановится и перед ложной присягой.

На суде особое внимание было уделено вопросу, почему Марына не искала убийцу своего мужа, что должна была бы делать, как близкое убитому лицо. Марына разъясняла, что она троекратно созывала народ и допытывалась, кто убил ее мужа, но свидетельскими показаниями подтвердить этого не могла. Суд приговорил Марыну и Яна Тура к смертной казни. Она апеллировала в главный трибунал и была временно взята на поруки несколькими лицами (4, т. 18, стр. 201—219).

В главном трибунале дело Марыны Достоевской разбиралось 19 и 21 ноября 1608 г. Смертный приговор был утвержден трибуналом вторично. К тому времени Марына вышла второй раз замуж за минского земенина Салемона Псарского. После решения дела в трибунале муж Марыны поехал к королю и просил его о милосердии. Король указом от 18 августа 1609 г. отсрочил приведение приговора в исполнение на 12 недель со дня опубликования указа (2, кн. 76, лист 480).

XV. Карлович Станислав.

Муж предыдущей. Убит 14 октября 1606 г.

Сосед Карловича Карабурда показывал на следствии, что недели за две до убийства Карлович приезжал к нему в его имение Свислочь и горько плача жаловался, что его наверное скоро убьют, просил помнить о нем и позаботиться об его имуществе (4).

XVI. Псарский Салемон.

Минский земянин. Второй муж Марыны Стефановны урожд. Достоевской, которая вышла зе него замуж, живя на поруках, уже будучи приговоренной к смертной казни (2).

XVII. Достоевская, п. м. Подвысоцкая, Раина Стефановна.

Сестра предыдущей (XIII). Обвинялась в подделке завещания убитого Станислава Карловича в пользу своей сестры Марыны (4) [1].

XVIII. Подвысоцкий Ян.

Муж предыдущей.

В 1641 г. Раина, урожд. Достоевская, с мужем своим Яном Подвысоцким взыскивали с Абрама и Марин Достоевских 1 610 коп грошей литовских на их имении Полкотичах (2).

Поколение пятое

XIX. Достоевский Бенедыкт Петрович.

Помещик села Достоева. Поссорившись с некиим Матеушем Малицким, Бенедыкт Достоевский так преследовал его своими угрозами, что тот, боясь за свое «здоровье», бежал к королю и просил у него защиты. 4 июля 1622 г. король Сигизмунд III выдал Малицкому охранную грамоту («Лист заручный»), которая должна была гарантировать ему безопасность. В особом обращении к Б. Достоевскому, начинающемуся словами: «Бенедыкту Петровичу Достоевскому земенину повету Пинского верному нам милому ласка наша господарская. Урожоный верный нам милый...», король советовал Достоевскому, если он имеет какие-либо претензии по отношению к Малицкому, разрешить их судебным порядком, за самовольное же преследование Малицкого угрожал штрафом в 10000 коп грошей литовских, не считая взысканий, согласно праву посполитому (2, кн. 83, дело № 548).

Упоминается как «вpадник судовой земский». Участвовал в числе других «людей зацных» (знатных) в разбирательстве одного дела о чародействе и дела о пропаже пчел (4).

С 25 ноября 1635 г. подчаший пинский (1).

Бенедыкт с женой начали проживать имение, полученное от предков. Сохранилось несколько дел о взыскании долгов, лежавших на его имениях Ляховичи и Достоеве. Так, в 1637 г. староста пенянский Война взыскивал с Бенедыкта Д. долг в 1 435 коп грошей литовских (прекращено это дело в 1638 г.). Позднее, уже после смерти Бенедыкта Петровича, на Достоеве был долг в 8 000 злотых польских (2).

---

[1] В Литовской метрике, уже после разбора дела в Главном трибунале, подготовителем фальшивого завещания указывается местный поп.

В 1669 г. принимал участие в избрании короля Михаила Вишневецкого (8).

XX. Ельская, п. м. Достоевская, Елена.

Жена предыдущего. (Во втором браке за Самуилом Кирдеем-Гричиной).

Поколение шестое

XXI. Достоевский, Роман Бенедыктович.

В Пушкинском Доме при Академии наук СССР сохранилось древнее евангелие на славянском языке, на котором имеется надпись, что оно в 1649 г. принадлежало Роману Достоевскому.

В 1649 г. имущество Романа Бенедыктовича Д. в его имении Остров, находившемся в Пинском повете, было развезено по домам крестьянами. 15 мая 1649 г. крестьяне села Сухого, принадлежавшего тоже ему, а также из соседних владений, были собраны в Острове «копным способом» и сознались, что брали «разную маетность» Д., между прочим 4 вепрей, каменные жернова, пчел и пр., и обещали все взятое возвратить и уплатить убытки, что впрочем ими впоследствии сделано не было.

21 сентября 1649 г. генералом Пинского повета Зябкой было внесено в гродские книги заявление о добровольном на копе сознании крестьян в разграблении имущества Достоевского (4).

В 1658 и 1659 гг. Роман Бенедыктович упоминается как дворянин и поветовый экзактор пинский (4).

29 июля 1662 г. в числе людей «почтенных и знатных» принимал участие в разборе одного судебного дела (4).

В 1664 г. — посол на сейме от Пинского повета (4).

XXII. Достоевский Лев-Францишек Бенедыктович.

О нем и его братьях см. также выше, в данных о Бенедыкте Достоевском. Умер до 1651 г. и по словам его жены не оставил после себя никакого состояния (4).

XXIII. Достоевский Петр Бенедыктович.

Сохранились подписи на польском языке Петра Достоевского под постановлениями пинских сеймиков 1655 и 1657 гг. Повидимому это был уже не Петр Сасинович (см. выше XII), а Петр Бенедыктович Достоевский (4).

Представители рода Достоевских в XVI—XVIII веках, положение которых в родословной не установлено (в хронологическом порядке).

XXIV. Достоевский Филон.

Выступал 12 июля 1627 г. в качестве приятельского (третейского) судьи со стороны пинского униатского епископа Григория по делу его с подстаростой пинским Миколаем Ельским, обвинявшим епископского мещанина в краже. Подписался под решением суда по-русски, в то время как три прочих судьи подписались по-польски (5).

7 июня 1630 г вместе с Бенедыктом Достоевским участвовал в числе других людей «зацных» в разбирательстве судебного дела о чародействе (4).

XXV. Достоевский Федор.

В 1634 г. член главного трибунала великого княжества Литовского от г. Пинска. Подписывался по-русски, в то время как все другие члены трибунала подписывались по-польски (4).

XXVI. Достоевский Щастный.

Вероятно один из внуков Ивана Даниловича Достоевского. Имел двух сыновей — Андрея и Абрама.

В 1634 г. вместе с сыном Андреем обвинялся в соучастии в убийстве войского подстаросты минского Миколая Ельского [1] и «посечении» (ранении?) Томаша Ельского и двух слуг Мик. Ельского (2).

XXVII. Достоевский Андрей Щастнович. Сын предыдущего.

Вместе со своим отцом Щастным был осужден за участие в убийстве Миколая Ельского и посечении трех человек к лишению всех прав и изгнанию. 29 августа 1634 г. король помиловал Достоевских и других участников преступления и запрещал в своем указе кому бы то ни было попрекать их прежними их деяниями (2).

В 1648 г. Андрей Д. принимал участие от Брестского воеводства в выборах короля Яна Казимира (11).

В 1649 г. — хорунжий поветовой хоругви (военный отряд) Волынского воеводства. Обвинялся вместе с хоругвью в разорении местечка Острожца и насилиях, учиненных над острожецкими

[1] Вероятно, того самого Миколая Ельского, который упоминается в данных о Филоне Достоевском.

мещанами-христианами и евреями: «...Солонины, бараны, куры, масла, сыры, горелки, пива и въси жывъности до пожитъку належачие в месчан, жидов и подданных нижой менованных острожецъких с комор кгвалтом брали и вытягали, и маетъности до остатку опустошыли и внивеч обернули, подданных били и вшелякие крывъды и десъпекъта выражали...» (6).

XXVIII. Достоевский Абрам Щастнович.

Брат предыдущего. Земянин Пинского повета.

Как уже упоминалось выше, имение Абрама Достоевского Полкотичи было в 1641 г. заложено его родственниками Подвысоцкими в сумме 1 610 коп грошей литовских (2).

В 1646 г. Абрам Достоевский обвинял пинского еврея Соломона Абрамовича (арендатора соседнего имения) в нанесении побоев его челяднику. В том же году в местном суде разбиралось несколько дел по взаимным обвинениям Достоевского и Абрамовича в потраве хлеба и захвата скота. В 1669 г. Абрам Д. обвинял другого еврея Юзефа Боруховича в невозвращении взятой в залог золотой цепи (4).

В 1664 г. Абрам Достоевский упоминается как пинский наместник. На постановлении сеймика шляхты Пинского повета от 10 сентября 1664 г. он единственный из всей шляхты подписался по-русски (4).

XXIX. Козляковская, по мужу Достоевская, Мария.

Жена предыдущего (4).

XXX. Достоевский Акиндий.

В 1647 г. иеромонах. Сохранилась его подпись — «Иеромонах Акиндий Достоевъсъкий, рукою» — под актом об избрании в сан архимандрита Киево-печерской лавры Иосифа Тризны (преемника Петра Могилы). Избрание это состоялось 25 января 1647 г. на дворянском съезде в Киеве (6).

«Подобно представителям многих других дворянских фамилий юго-западной России, Достоевские добровольно принимали священнический сан и вступали в монашество. Наиболее выдающимися из них был Акиндий Достоевский, иеромонах Киево-печерского монастыря, живший в XVII веке. В результате Достоевские, как и большинство южно-русских дворянских родов, не устояли в борьбе с более высокой (польской) культурой, — не

приняв католичества, они были вытеснены из рядов полонизированного дворянства в духовное сословие» (13).

XXXI. Достоевский Давид.

Земянин Новогрудского повета. В 1647 г. подписался вместе с Яном Достоевским под завещанием Еленского (8).

XXXII. Достоевский Ян.

Земянин Новогрудского повета. В 1647 г. подписался вместе с Давидом Д. на завещании Еленского (8).

В 1648 г. принимал участие от Пинского повета Брестского воеводства в избрании короля Яна Казимира (8, 11, 16).

13 марта 1660 г. Ян Достоевский подписался под решением копного суда по делу о пропаже хлеба и вещей, зарытых в землю во время нашествия неприятеля (4).

Имеются еще сведения о Яне Достоевском, земянине повета Пинского, который 21 июля 1660 г. жаловался на сожжение его имения Завидчичи (к югу от Пинска) московскими и казачьими войсками. («вероломный крывоприсяжца москал з ребелизантом [1] его кр. мсти и речы посполитой козаком»), в результате чего им были понесены убытки в 3 000 злотых польских. Подписывался по-польски (4).

В 1647 г. Ян Достоевский в числе Сандомирского воеводства, принимал участие в избрании короля Августа II (8).

XXXIII—XXXVI. Достоевские Александр, Богумил, Станислав и Николай.

В 1648 г. принимали участие от Пинского повета Брестского воеводства в избрании короля Яна Казимира (8, 11, 16).

XXXVII. Достоевский Филипп.

Товарищ пинской поветовой хоругви (военного отряда). Обвинялся сыновьями уржендовского старосты Речицкого в разграблении 20 августа 1649 г. их имущества и нанесении побоев их крестьянам в селах Гриве и Хоровном Владимирского воеводства: «...напавши, подданных протестуючихъсе, в тых селах будучих, полапавши, били, разные оным муки и деспекта задавали, маетности од них так пенезные, яко и рухомые, кгвалтовые одбирали и, што се им подобало, справовали, а потом волов хлопских пар тридцет забрали и на пожиток свой обернули» (6).

[1] Ребелизант — бунтовщик.

XXXVIII. Достоевский (имя неизвестно).

Владел имением Секун[1] Владимирского повета Волынского воеводства. В 1664 г. его крестьяне обвинялись в ночном ограблении хлеба, коней и волов у крестьян соседнего села Бучина. 13 августа 1664 г. состоялся приговор копного суда, по которому крестьяне села Секуна, принадлежащего Достоевскому, неявившиеся на копу, должны были удовлетворить крестьян села Бучина, принадлежащего Марцину Люшковскому, у которых ими ограблен был хлеб и скот. Согласно приговору, вынесенному судом, возмещение убытков, нанесенных крестьянам села Бучина, должно было произвойти через две недели. Однако, когда 27 августа 1664 г. представители власти «до урожоного его милости пана Достоевского, до села Секуна, зъехавши, там самого пана Достоевского в дому на застали, который; умыслне уникаючи чыненя справедливости, з дому зъехал...» Ввиду этого, 30 августа того же года последовало вторичное заявление от Люшковского о том, что «его милость пан Достоевский, сопротивляючысе праву посполитому, тудеж декретови копъному» уклонился от исполнения копного суда (6).

XXXIX. Достоевский Лев.

В 1669 г. принимал участие от Брестского литовского воеводства в избрании короля Михаила Вишневецкого (8).

XL. Достоевский Станислав.

Упоминается в 1715 г.

XLI. Гурская, по мужу Достоевская, Елена.

Жена предыдущего (8).

---

[1] Село Секун раньше находилось во владении кн. Курбского. Курбский пожаловал его в вечную и потомственную собственность своему слуге Ив. Ив. Келемету, последовавшему за ним из Москвы. В 1572 г., после смерти Келемета, село перешло брату его Михаилу Келемету (ум. в 1589 г.), который завещал это имение своей единственной дочери Ганне, (Жизнь кн. А. М. Курбского. Том I, стр. 48 и 283). Вероятно путем брака это село перешло потом к Достоевским. Достоевский, владевший Секуном в 1664 г., по всей вероятности, являлся потомком того Федора Д., который в 1572 г. был «уполномоченным и приятелем» кн. А. М. Курбского. *Прим. Н. П. Чулкова.*

ГЛАВА II

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РОД ОТЦА

Поколение пятое [1]

1. Достоевский Андрей (Михайлович?).
Дед писателя. Протоиерей г. Брацлава, Подольской губ.

А. М. Достоевский, брат писателя (23, 43).

«Из некоторых бумаг покойного отца, случайно перешедших ко мне, видно, что мой дед Андрей, по батюшке, кажется, Михайлович, был священник... Из разговоров отца с моей матерью, я усвоил себе то, что у отца моего в Каменец-Подольской губ., кроме родителей остался брат, очень слабого здоровья, и несколько сестер; что после окончания курса наук, и вообще сделавшись уже человеком и общественным деятелем, отец мой неоднократно писал на родину и вызывал оставшихся родных на ответ, и даже, как кажется, прибегал к печатным о себе объявлениям, — но никаких известий не получил от своих родных. Впоследствии, в своем месте, я расскажу о родных... 12 марта я снова отправился в Мелитополь и далее в кругосветное путешествие по своей дистанции. В эту поездку в городе Мелитополе случился со мною инцидент, достойный записи. Мне нужно было в Мелитополе быть у тамошнего городничего, Цезаря Лаврентьевича Кавецкого. Он был отстав-

[1] В этой главе мы переходим прямо к деду писателя, жившему в конце XVIII века. Между ним и представителями рода Достоевских, помещенными в предыдущей главе, имеется генеалогический перерыв в несколько поколений. Никаких сведений о Достоевских, живших в этот промежуток времени, найти не удалось. Поэтому, хотя сведения о предках отца писателя начинаются более чем на 150 лет ранее, чем сведения о предках его матери, счет поколений во всем последующем изложении ведется, начиная с первого из известных предков матери писателя, которым начинается следующая (3-я) глава.

ной штабс-капитан и женатый человек. Но я с ним в прошлом году не нашел случая познакомиться. Побывав у этого господина, отрекомендовавшись ему, и, переговорив о чем нужно, я отправился на свою городскую квартиру. Как вдруг через полчаса является ко мне отплатить визит Кавецкий и между прочим сообщает следующее: «Когда Вы были у меня и помянули свою фамилию, то жена моя, сидя в гостиной, слышала ее и когда, проводив Вас, я воротился к жене, то она спросила: как фамилия бывшему у тебя господину, и когда я ответил Достоевский, то она сообщила мне, что ее мать была тоже рожденная Достоевская и потому, продолжал Кавецкий, моя жена очень интересуется познакомиться с вами». Выговорив эти слова, Кавецкий пригласил меня к себе на завтрак, или на фрыштик, как выразился он. Я тоже заинтересовался этим обстоятельством и, поблагодарив, обещался быть у него к часу завтрака. Прихожу, знакомлюсь с m-me Кавецкой, которая после первых приветствий спрашивает меня:

— Скажите, пожалуйста, Вашего батюшку как звали?

— Михаил Андреевич, — отвечал я.

— А мою маменьку звали Марьей Андреевной и она тоже была урожденная Достоевская, значит мы с Вами родня.

— Да, да...

— Кузен!

— Кузина!

И последовали объятия и поцелуи.

Но я очень мало узнал нового о родне отца. Оказалось, что моя кузина осталась после матери своей ребенком и едва-едва ее помнит, а воспитывалась в кругу родных своего отца, а потому ни о ком из родных своей матери ничего не могла мне сообщить, кроме того, что мать ее была православная, а отец поляк-католик и, что все дети от этого брака, равно как и она, крещены в католицизм».

Приводимое ниже письмо послужило основой для составления генеалогической таблицы, касающейся семьи деда писателя. Необходимо впрочем оговориться, что содержание этого письма не в полной мере согласуется с текстом воспоминаний А. М. Достоевского. Несогласованность эта относится к сведениям о тетке писателя, Марии Андреевне урожденной Достоевской. За исключением этого противоречия все остальные сведения, содержащиеся в этих двух источниках, в общем, согласуются. Данные приводимого ниже письма согласуются также и с теми сведениями, которые были мною получены от одного из представителей подольской ветви рода Достоевских, Ф. Г. Добржанского.

Н. Е. Глембоцкая. Письмо Ф. М. Достоевскому, 25/XI 1879 г. (27).

«М. Г. Федор Михайлович! Совершенно случайно я узнала о существовании фамилии Достоевских, и именно фамилии той, которая так близка по родству мне. Вы, многоуважаемый Федор Михайлович, по всей вероятноти удивитесь случайному моему открытию; но это факт! Факт, в котором я разубедиться не могу: увидя, как-то Ваш портрет и узнав чей Вы сын, я теперь совершенно убеждена, что Вы мне не чуждый человек, а очень близкий родич, именно двоюродный брат. Минуту терпения! Выслушайте меня. Вот моя родословная. Я дочь Евфимия Лимановского, посватавшего одну из шести дочерей деда Вашего протоиерея города Брацлава Подольской губернии Андрея Достоевского. Опишу состав этой семьи подробнее: у деда Вашего было 6 дочерей: Анна, Фотина, Констанция [1], Фекла, Мария и Лукерья — моя мать, и два сына: Лев и Михаил — Ваш отец. При жизни нашего деда три дочери вышли замуж: Анна за священника Гутовского, Фотина за военного (фамилии которого не помню) и Констанция за управляющего Соколовского, остальные же дочери перешли под попечение дяди нашего, священника села Войтовец, Льва Достоевского и впоследствии вышли замуж: Мария за священника Гузиневича [2], Фекла за священника Черняка и Лукерья — моя мать — за чиновника Лимановского. Отец же Ваш, Михаил Андреевич Достоевский, при жизни еще отца уехал в Петербург [3] и, как говорила моя мать (Ваша тетя), служил там доктором. Мой отец служил в Каменец-Подольске чиновником, вскоре сти умер и оставил меня с матерью в крайней бедности (мне было тогда 7 лет). Перед смертью матери я вышла замуж за сельского дьякона Глембоцкого: но увы! жила с ним

[1] Следует отметить, что протоиерей Достоевский дал своей дочери имя, которого нет в православных святцах. Быть может, это говорит за то, что он принадлежал к униатскому духовенству?

[2] Здесь имеется несогласованность с теми указаниями, которые содержатся в «Воспоминаниях» А. М. Достоевского. Выше мы видели, что Кавецкая, кузина А. М. Достоевского, говорила ему, что мать ее, Мария Андреевна, урожд. Достоевская, вышла замуж за поляка-католика и все дети от этого брака были крещены в католицизм. Гузиневич же, о котором здесь идет речь, конечно, не мог быть католическим священником в силу безбрачия (целибата) католического духовенства. Может быть, однако, что М. А. Достоевская была замужем два раза — один раз за священником Гузиневичем, другой — за поляком-католиком. Это, конечно, только предположение, для точного же выяснения этой несогласованности у нас никаких данных не имеется.

[3] Как известно, Михаил Андреевич Достоевский (отец писателя) уехал от семьи не в Петербург, а в Москву.

недолго. Он скоро умер... (далее следует просьба о помощи).»

Дочь писателя, Любовь Федоровна Достоевская, говоря о ближайших украинских предках Ф. М. Достоевского, дает большой простор своей фантазии:

«Наши друзья, жившие в Украине, рассказывали нам, что они видели однажды там старую книгу, вроде альманаха или сборника стихотворений, изданного в Украине в начале XIX века. Среди прочих стихотворений в этой книге находилась небольшая буколическая поэма, написанная в довольно искусной форме и на русском языке. Она не была подписана, но из первых букв каждой строки слагалось имя Андрея Достоевского. Была ли она составлена моим прадедом или каким-нибудь родственником — я не знаю, но эта поэма подтверждает два очень интересных для биографа Достоевского факта:

1) что украинские предки Достоевского были образованными людьми, ибо на Украине говорили на украинском языке лишь простонародье и мещане;

2) что склонность к творчеству существовала уже в украинской семье моего отца, а не была передана ему его русской матерью, как это полагали литературные друзья Достоевского.

Когда мои предки покинули темные леса и топкие болота Литвы, они были, вероятно, ослеплены светом, цветами и эллинистической поэзией Украины; их душа была согрета южным солнцем и вылилась в стихи. Мой дед Михаил унес немного этой украинской поэзии в жалкой котомке странствующего, покинувшего родительский дом ученика и хранил ее в глубине души, как милое воспоминание о далекой отчизне. Позже он передал этот дар своим обоим старшим сыновьям — Михаилу и Федору» (39).

«Буколическая поэма», на которой основывается в своих выводах Л. Ф. Достоевская, мне неизвестна. Зато известно другое стихотворение, напечатанное в 1790 г., являющееся также акростихом, из первых букв которого слагается слово «Достоевский» (не «Андрей Достоевский», как указывает Л. Ф. Достоевская). Акростих этот совершенно не носит характера «буколической поэмы», а является «покаянной песнью», автор которой, наоборот, отрешается от всего земного. Помещено это произведение в сборнике «благоговейных, покаянных и умилительных песен», «Богогласнике», изданном «в святей Лавре Почаевской [1] тщанием иноков чину св. Василия Великого лето от Рождества Христова 1790». Песня эта положена на ноты, которые напечатаны в том же издании (7, песнь № 215). Текст ее следующий:

---

[1] Почаевская лавра находилась в местечке Почаеве Кременецкого уезда, Волынской губ. Основана в 1597 г.

ПЕСНЬ ПОКАЯННАЯ.

Творец Достоевский по краеграненію.

Да прийдет ныне радость новая
Сердцу благие мысли подая
Да бым оставил греховно дело
И прилепил ся к богу цело.

Окаянные мои зеницы
Воззрет на образ очей денницы,
Оставьте в мире красные вещи,
Да убежите горящей пещи.

Суету в мире презрите вскоре,
Возвышайтеся ко богу горе:
Небрежет слабы, богатства, чести,
Бегайте блуда, и всея лести.

Телом принужден вкусити сласти,
Ах! отсуетихся праведные части.
Не смею зрети высоты света,
Не имею блага ответа.

О, колікие врагов навети!
Хитростние мне препяша сети:
Аз окаянный неподвигохся
В прелести сети бедне впадохся.

Ей соравнихся скоту безумну,
Осквернив душу и совесть умну,
Окалях одежду прекрасну зело,
И погрузихся в злобе всецело.

Вся злая люте содеях в мире,
Неприях благо, токмо во вере,
Преспевах паче на дела злая,
Како же приму вечна благая?

Сам я дарует жених в чертозе,
И призывает всех нас на мнозе;
Коль нестерпимый жаль тому прийде,
Кто от чертога праздна отыде.

Колико лучши лишихся града.
Постигох беды пекелна ада,
Ныне ми слезы даруй владыко
Да непостражду горе толико.

Измы греховного Вавилона,
Вчини жителя светла Сиона;
Да бым в небесном пребывал лику,
И вселюбезно зрил тя владыку.

А. А. Достоевский, от которого я впервые узнал о существовании приведенной выше «Покаянной песни», писал мне (3 августа 1924 г.), об ее авторе следующее: «Кем был этот Достоевский — был ли он из духовенства или мирянином (в «Богогласнике» участвовали и те и другие), мне не удалось еще выяснить. В исследовании о «Богогласнике» С. А. Щегловой [1] о личности автора этой песни нет никаких указаний. Мой отец однако, предполагает, что это его дед, т. е. отец Михаила Андреевича Достоевского».

2. Достоевская. Жена предыдущего. Бабушка писателя.

А. М. Достоевский (43).

«Про мать свою, мой отец, сколько я могу упомнить, отзывался с особенным уважением, представляя ее женщиной не только умною, но и влиятельною в своем крае по своему родству; девической фамилии ее, впрочем, я не знаю».

Поколение шестое

3. Достоевский Михаил Андреевич. 1/2 (1789—1839). Отец писателя. Врач. Убит крепостными крестьянами. Похоронен в селе Моногарове, Каширского у., Тульской губ.

Формулярный список о службе
М. А. Достоевского (13, 24).

«Императорского московского воспитательного дома больницы для бедных штабс-лекарь коллежский советник и кавалер М. А. Достоевский, 39 лет, происходит из духовного звания. В владении мужеска пола крестьян не имеет [2].

В службу вступил из подольской семинарии в число воспитанников по медицинской части Императорской медикохирургической академии в московское отделение 14 октября 1809 г. Студентом 3 класса удостоен 1 ноября 1811 г. Студентом 4 класса произведен 15 июля 1812 г. По надобности во врачах во время последней французской кампании командирован г. вице-президентом академии в Московскую головинскую госпиталь для пользо-

---

[1] С. А. Щеглова, Богогласник. Историко-литературное исследование. Киев. 1918 г.

[2] Указание это относится к 20 апреля 1828 г., когда была составлена первая часть данного формулярного списка.

вания больных и раненных 16 августа 1812 г.; потом — в касимовскую военно-временную 1 сентября 1812 г. После командирован г. вице-президентом Московской губернии в Верейский уезд, для прекращения свирепствовавшей там повальной болезни. Лекарем 1 отд. произведен 5 августа 1813 г. Назначен в бородинский пехотный полк 1 сентября 1813 г. Удостоен штабс-лекарем в означенном полку со старшинством 5 августа 1816 г. Помещен в том же полку на оклад 1 кл. с жалованьем по 500 руб. в год 20 октября 1816 г. Переведен в Московскую военную госпиталь ординатором 29 апреля 1818 г. Помещен на оклад старшего лекаря 2 кл., с жалованьем по 600 руб в год, 7 мая 1819 г. Уволен из военной службы 16 декабря 1820 г. Определен Императорского московского воспитательного дома в больницу для бедных на вакансию лекаря при отделении приходящих больных женского пола 24 марта 1821 г. За отлично - усердную службу пожалован кавалером ордена св. Анны 3 степени 2 апр. 1825 г. Награжден чином колежского асессора 7 апреля 1827 г. В походах и штрафах не был, к продолжению статской службы достоин и способен... В январе 1829 г. пожалован кавалером ордена св. Владимира 4 степени Награжден орденом св. Анны 2 степени 21 апреля 1832 г. Произведен в коллежские советники со старшинством 18 апреля 1837 г. и уволен со службы 1 июля 1837 г....

В Музее имени Достоевского имеется другой формулярный список М. А. Достоевского, в котором, кроме приведенных выше сведений, указываются неоднократно выдававшиеся ему денежные награждения и похвальные аттестаты.

В 1831 г. М. А. купил в Каширском у. Тульской губ. у помещика Хотяинцева имение, состоящее из сельца Дарового и деревни Чермошни. Сведения о размерах этого имения довольно противоречивы. По определению М. А. Ивановой, как она мне сообщала, имение это при покупке состояло из 264 десятин земли. В воспоминаниях А. М. Достоевского приводятся данные 8-й ревизии, бывшей в 1833 г., согласно которым в имении числилось сто душ крестьян и свыше пятисот десятин земли. В родословной книге дворянства Московской губ. (ред. Л. М. Савелова) о М. А. Достоевском значится: «за ним в уу. Каширском и Калужском 170 душ».

А. М. Достоевский (43, 49).

«Так как дед мой непременно хотел, чтобы его сын, а мой отец, пошел по его стопам, т. е. сделался священником, и так как

отец мой не чувствовал к этой профессии призвания, то он с согласия и благословения матери своей удалился из отеческого дома в Москву, где и поступил в Московскую Медико-хирургическую академию студентом. Благодаря своей энергии он пробил себе дорогу без всяких связей и посторонней помощи. Не могу не упомянуть о том мнении, которое брат Федор Михайлович высказал мне о наших родителях. Это было в конце 70-х годов. Я как-то разговорился с ним о нашем давно прошедшем и упомянул об отце. Брат мгновенно воодушевился, схватил меня за руку повыше локтя (обыкновенная его привычка, когда он говорил по душе), и горячо сказал: «Да знаешь ли, брат, ведь это были люди передовые... и в настоящую минуту они были бы передовыми!.. А уже такими семьянинами, такими отцами... нам с тобою не быть, брат!»

Ф. М. Достоевский. Письмо к брату Андрею 10/III 1876 г. (49).

«Заметь себе и проникнись тем, брат Андрей Михайлович, что идея непременного и высшего стремления в л у ч ш и е   л ю д и (в буквальном, самом в ы с ш е м смысле слова) была основною идеей отца и матери наших, несмотря на все уклонения».

Л. Ф. Достоевская (39).

«Мой дед Михаил Андреевич был очень своеобразным человеком. Пятнадцати лет от роду он вступил в смертельную вражду со своим отцом и братьями и ушел из родительского дома... Он никогда не говорил о своей семье и не отвечал, когда его спрашивали об его происхождении. Позже, пятидесяти лет от роду, у моего деда, кажется, появились угрызения совести по поводу того, что он покинул родительский дом. Он напечатал в газетах объявление, в котором просил отца и братьев дать ему сведения о себе. Никто не ответил на это объявление. Вероятно, его родители уже умерли — Достоевские не достигают глубокой старости... Удивительна энергия этого пятнадцатилетнего мальчика, который без денег и без протекции отправляется в незнакомый город, которому удается получить высшее образование, добиться хорошего положения в Москве, поставить на ноги семь душ своей семьи, снабдить приданым своих трех дочерей и дать очень тщательное воспитание своим четырем сыновьям. Мой дед имел право гордиться собой и ставить себя в пример детям... Он был бережлив, почти скуп, но когда дело шло о воспитании своих сыновей, он не скупился...»

М. М. Достоевский. Письмо к сестре Варваре 1/IX 1839 г. (26).

«...Музыка была любимым наслаждением покойного папеньки!»

А. Г. Достоевская (27).

«Для Михаила Михайловича и Федора Михайловича была темная комната, где они спали. Учились же в зале, где и сидели уткнувши носы в свои книги. Федор Михайлович с горем вспоминал как его, четырехлетнего (? М. В.) сажали за книжку и твердили: учись, учись, тогда как на воздухе было так тепло, так хотелось побегать, порезвиться. Но лишь только отец (Михаил Андреевич Достоевский) уезжал на практику, как дети бросали книги и шли к матери, которая всегда сидела в гостиной. Там все садились за круглый стол, дети читали что-нибудь вслух, а мать работала. Отец его был угрюмый, нервный, ревнивый и подозрительный человек и всегда строго относился к детям, от его нападок всегда защищала детей и скрывала их вины нянюшка Алена Фроловна, чрезвычайно любившая всех детей».

А. М. Достоевский (43, 49).

«Разница между отцом - учителем и посторонними учителями, ходившими к нам, была та, что у последних ученики сидели в продолжении всего урока: у отца же братья, занимаясь нередко по часу и более, не смели не только сесть, но даже облокотиться на стол. Стоят бывало, как истуканчики, склоняя по очереди: mensa, mensae и т. д. или спрягая: amo, amas, amat. Братья очень боялись этих уроков...

После обеда папенька уходил в гостиную, двери из залы затворялись и он ложился на диван в халате заснуть после обеда. Этот отдых его продолжался часа полтора—два, и в это время в зале, где сидело семейство, была тишина невозмутимая, говорили мало и шопотом, чтобы не разбудить папеньку; и это, с одной стороны, было самое скучное время дня, а с другой стороны, оно было и приятно, так как все семейство кроме папеньки, было в одной комнате, в зале. В дни же летние, когда свирепствовали мухи, мое положение в часы отдыха папеньки, было еще худшее. Я должен был липовою веткою, ежедневно срываемою в саду, отгонять мух от папеньки, сидя на кресле возле дивана, где он спал. Эти полтора—два часа были мучительны для меня, так как, уединенный от всех, я должен был проводить это время в абсолютном безмолвии и сидя без всякого движения на одном месте.

К тому же, боже сохрани, ежели, бывало, прозеваешь муху и дашь ей укусить спящего.»

Ф. М. Достоевский. Письмо к жене 28/IV 1871 г. (60).

«Я сегодня ночью видел во сне о т ц а, но в таком ужасном виде, в каком он два раза только являлся мне в жизни, предрекая грозную беду, и два раза сновидение сбывалось.»

О. Ф. Миллер (49).

«По воспоминаниям некоторых родственников, Михаил Андреевич был человек угрюмый, нервный, подозрительный.»

И. Нейфельд (57).

«Михаил Достоевский может быть исчерпывающе охарактеризован одним понятием, выдвинутым психоанализом: он был анальный характер. Горячий, вспыльчивый, ворчливый, педантичный, мелочный, при этом еще болезненно скупой.»

Л. Ф. Достоевская (39).

«При своих прекрасных качествах мой дед обладал большим недостатком: он страдал запоем и был зол и недоверчив в пьяном виде. До тех пор, пока была жива его жена, все шло хорошо. Она имела влияние на него и не позволяла ему много пить. Но после ее смерти дед стал пьянствовать, сделался неспособным к работе и вышел в отставку... Скупость деда росла вместе с его усиливавшимся пьянством... С крепостными он обращался всегда очень строго. Чем больше он пил, тем свирепей становился, до тех пор, пока они в конце концов не убили его. В один летний день он отправился из своего имения Дарового в свое другое имение под названием Чермошня и больше не вернулся... Его нашли позже на полпути, задушенным подушкой из экипажа. Кучер исчез вместе с лошадьми, одновременно исчезли еще некоторые крестьяне из деревни. Во время судебного разбирательства другие крепостные моего деда показали, что это был акт мести... Мне всегда казалось, что Ф. М. Достоевский, создавая тип старика Карамазова, думал о своем отце... Я полагаю, что пьянство моего деда было наследственным пороком, ибо единоличный алкоголизм не мог бы оказать столь разрушительных влияний на всю семью. Эта болезнь сохранилась в семье дяди Михаила, и ею было одержимо второе и третье поколения... Мой дед никогда не разрешал доче-

рям выходить одним и сопровождал их в тех редких случаях, когда они посещали своих соседей по имению. Ревнивая бдительность их отца оскорбляла моих теток. С возмущением они вспоминали, как их отец заглядывал по вечерам под их кровати — не спрятался ли там какой-нибудь возлюбленный.»

А. А. Достоевский (28).

«В неправильной характеристике нашего деда Михаила Андреевича, Любовь Федоровна, может быть, и не так повинна. Эта неправда про него пошла с нелегкой, в данном случае, руки покойного проф. Ореста Федоровича Миллера. С его слов, в течение многих лет разные исследователи без всяких других оснований увеличивали его недобрую славу и она росла, как лавина, превратив его в какое-то исчадие человеческого рода.

Этому теперь помогает Любовь Федоровна.

Между тем внимательное изучение отношения сыновей к отцу, даже по опубликованным уже материалам, дает совершенно иное освещение его личности.

Главным его отрицательным свойством была неудержимая вспыльчивость, я бы сказал — «неистовость», — «необузданность», но о жестокости и скупости не может быть речи.

Теперь об алкоголизме. Если наш дед, Михаил Андреевич был, действительно, алкоголиком, то страдание это появилось у него уже после рождения всех его детей. Судя по описанию патриархального быта моих дедов, когда Михаил Андреевич с утра до вечера в течение 25 лет был постоянно на работе, всегда окруженный людьми, судя по тому, что он часто бранил своего шурина (брата жены) за пьянство, судя по восторженным, я бы сказал, отзывам Федора Михайловича о своих родителях—трудно предположить, чтобы в период детства своих сыновей и дочерей он предавался этой пагубной страсти. Но мой отец в своих записках говорит, что Михаил Андреевич начал злоупотреблять спиртными напитками и сильно пить после смерти своей жены, уже выйдя в отставку, тоскуя в одиночестве в деревне и испытывая страшную материальную нужду.»

А. М. Достоевский (43).

«Дядя (брат матери) всегда был нашим дорогим гостем. Как вдруг случился казус, вследствие которого дядя вовсе перестал бывать у нас. Казусу этому я частью был сам свидетелем, а частью в подробностях слышал, когда был уже взрослым, от тетушки Александры Федоровны. Вот в чем было дело. У нас

жила горничная Вера. Она была очень красивая молодая девушка и дядя Михаил Федорович завел с нею шашни, а она, как оказалось, этому не противилась. Маменька давно замечала что-то неладное и наконец была свидетельницей передачи из рук в руки записки. Маменька вырвала у Веры записку, в которой назначалось свидание... Родители пригласили дядю в гостиную, а я остался в зале. В гостиной, по словам тетушки, произошло следующее: маменька стала выговаривать брату, что он решился в семейном доме своей сестры делать скандал с ее прислугой проч. и проч., а дядя, долго не рассуждая, обозвал ее дурой. За это разгоряченный отец ударил дядю, кажется, по лицу. Растворилась дверь гостиной и дядя, весь красный и взволнованный, вышел из нашего дома и больше не появлялся в нем. Это было в 1834 году. Конечно, отец нехорошо поступил, ударив дядю; он должен был помнить, что сказал дерзость его жене не кто иной, как ее родной брат. Но дело было сделано и дядя у нас более не бывал.»

Следующее примирительное письмо М. А. Достоевского к своим сыновьям рисует его в тот момент, когда он, будучи повидимому человеком отходчивым, стремится ликвидировать последствия какого-то своего необузданного поступка:

«Милые дети, друзья мои! Вы очень огорчитесь, в чем не сомневаюсь, когда получите мое письмо, я очень жестко написал, но что же мне было делать, когда я был сам не свой, много своего горя, много огорчений со стороны, сие все чуть не свело меня в могилу, но теперь, слава Богу, Кровопускание [1] меня спасло и вот я опять ваш отец тот же. Теперь пишу к вам коротко, что в пылу проступил. во первых узнайте, через Коронада Филипповича [2] дошло ли мое письмо к Генералу Шарнгосту, потому, что друг наш Маркус написал просто в С.-Петербург, а пропустил в Инженерном Замке, а я в Горячности то и не заметил, во вторых,

---

[1] Нами сохранена странная расстановка заглавных букв, бросающаяся в глаза при чтении письма — после точки часто слово начинается с маленькой буквы; в то же время некоторые слова в середине фразы, не будучи именами собственными, начинаются почему-то с больших букв. Сходными странностями в расстановке заглавных букв отличились и некоторые письма самого писателя, в особенности написанные наспех и в нервном возбуждении. (См., например, «Письма Достоевского к жене». Госиздат 1926 г. и примечания к ним Н. Бельчикова, стр. 311).

[2] Коронад Филлипович Костомаров — репетитор, в приготовительном пансионе которого Михаил Андреевич оставил своих сыновей, Михаила и Федора, когда отвез их в Петербург для подготовки к поступлению в Инженерное училище.

опишите подробно, чем занимаетесь, Кто вас учит Артиллерии и фортификации... Как зовут медика, Который Делал вам осмотр. пиште теперь об самой малейшей вещи подробнее... уведомляй меня Аккуратно об самом малейшем обстоятельстве... будьте здоровы, то желает нежно любящий Вас отец.» (26).

А. М. Достоевский (43).

«Нет... отец наш, ежели и имел какие недостатки, то не был угрюмым и подозрительным. Напротив, он в семействе всегда был радушным, а подчас и веселым [1]...

Родители наши были отнюдь не скупы, скорее даже тароваты... Отец, при всей своей доброте, был чрезвычайно взыскателен и нетерпелив, а главное — очень вспыльчив. Бывало, чуть какой-либо со стороны братьев промах — так сейчас и разразится крик. Несмотря на вспыльчивость отца, в семействе нашем принято было обходиться с детьми очень гуманно. Нас не только не наказывали телесно, — никогда и никого, — но даже я не помню, чтобы когда-либо старших братьев ставили в угол или на колени. Главнейшим наказанием для нас было то, что отец вспылит. Так и при латинских уроках: при малейшем промахе со стороны братьев, отец рассердится, обзовет их лентяями, тупицами, в крайних же случаях даже бросит занятие, недокончив урока, что считалось уже хуже всякого наказания... Отец наш был чрезвычайно внимателен в наблюдении за нравственностью детей, и в особенности относительно старших братьев, когда они сделались уже юношами. Я не помню ни одного случая, когда бы братья вышли куда-нибудь одни; это считалось отцом за неприличное, между тем как к концу пребывания братьев в родительском доме старшему было почти уже 17 лет, а брату Федору почти 16.

...Дом московской Мариинской больницы находился на Божедомке, между зданиями двух женских институтов — Екатерининского и Александровского, и вблизи Марьиной рощи. Эта роща была всегдашнею целью наших летних прогулок. Часов в 7 вечера, мы все дети с родителями, и по большей частью с другими обитателями Мариинской больницы, отправлялись на эту прогулку. Проходя мимо часового, стоявшего при ружье и в полной солдатской форме у ворот Александровского института, принято было за непременную обязанность давать этому часовому копейку или грош; но подача эта делалась не в руку, а просто бросалась

---

[1] Эта фраза относится к замечанию О. Миллера (Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского, стр. 20), что отец был угрюм и подозрителен, — «со слов и воспоминаний будто бы каких-то родственников» — прибавляет Андрей Михайлович. *Прим. А. А. Достоевского.*

под ноги. Прогулки происходили весьма чинно, и дети даже за городом, в Марьиной роще, не позволяли себе порезвиться, побегать. В прогулках этих, отец всегда разговаривал с детьми о предметах, могущих развить их. Так, помню неоднократные наглядные толкования его о геометрических началах, об острых, тупых и прямых углах, кривых и ломанных линиях, каковые в московских кварталах встречаются почти на каждом шагу... Старшие братья никогда не скрывали ничего от родителей, были всегда откровенны... Отец не любил делать нравоучений и наставлений; но у него была одна, как мне кажется теперь, слабая сторона. Он очень часто повторял, что он человек бедный, что дети его, в особенности мальчики, должны готовиться пробивать сами себе дорогу, что со смертию его они останутся нищими и т. п. Все это рисовало мрачную картину! [Овдовевши], отец увидел себя закупоренным в две—три комнаты деревенского помещения, без всякого общества. По рассказам няни Алены Фроловны он в первое время даже доходил до того, что вслух разговаривал, предполагая, что говорит с покойной женой и отвечая себе ее обычными словами... Независимо от всего этого, он понемногу начал злоупотреблять спиртными напитками.»

Крестьянка с. Дарового, Акулина (31).

«Оставшись один после смерти своей жены, Михаил Андреевич очень тосковал. Во время приступов тоски он стонал, бегал по комнате и даже бился головой об стену.»

О. А. Иванова (29).

«Незадолго до смерти намеревался жениться на соседней помещице Александре Дмитриевне Лагвеновой, которая была очень недурна собой. Знакомство и дружба между потомками Лагвеновой и М. А. Достоевского (Ивановыми) продолжается до сих пор, на протяжении трех поколений.

М. А. Иванова (29).

В конце своей жизни Михаил Андреевич был крайне придирчивым, можно сказать полусумасшедшим, но раньше это был добряк, при том же человек очень образованный и начитанный. Способствовал литературному образованию своих детей.»

Ф. М. Достоевский. Письмо к брату Михаилу 31/X 1838 г. (47).

«Мне жаль бедного отца! Странный характер! — Ах, сколько несчастий перенес он! Горько до слез, что нечем утешить его — А знаешь ли? Папинька совершенно не знает света: прожил в нем 50 лет и остался при своем мнении о людях, какое он имел 30 лет назад. — Счастливое неведение. — Но он очень разочарован в нем, — это, кажется, общий удел наш.»

А. М. Достоевский (43).

«Во время пребывания моего в последний раз в деревне, то есть летом 1838 г., я ничего ненормального в жизни отца не заметил, несмотря на всю наблюдательность. Да, может быть, и отец несколько стеснялся меня... Но вот он опять остался один на глубокую осень и долгую зиму. Пристрастие его к спиртным напиткам, видимо, усиливалось и он почти постоянно бывал в ненормальном положении.

Наступала весна, мало обещавшая хорошего. Припомним почти отчаянные выражения отца в письме к брату Федору от 27 мая 1839 г. [1], т. е. за несколько дней до его смерти, и мы поймем, в каком положении находился он... Дела по хозяйству были плохи вследствие неурожая и грозили голодом.. Вот в это то время в деревне Черемошне на полях под опушкой леса работала артель мужиков в десяток или полтора десятка человек. Выведенный из себя какими-то неуспешными действиями крестьян, а, может быть, казавшимися ему таковыми, отец вспылил и начал очень кричать на крестьян. Один из них, более дерзкий, ответил на этот крик сильной грубостью и вслед за тем, убоявшись последствий этой грубости, крикнул: «ребята, карачун ему!» и с этим возгласом крестьяне в числе 15 человек накинулись на отца и в одно мгновенье, конечно, покончили с ним.» [2].

Данил Макаров, старожил с. Дарового (63).

«...Я, гражданин, старого барина, конечно, не упомнил — где там! Мне отец покойник рассказывал о нем. Зверь был человек!

[1] Последнее письмо Ф. М. Достоевского отцу, написанное 10 мая 1839 г., было сплошь наполнено просьбами срочной высылки дополнительной суммы денег и объяснениями, на что эти деньги ему нужны («...Волей или неволей, а я должен сообразоваться вполне с уставами моего теперешнего общества. — К чему же делать исключенье собою? — Подобные исключенья подвергают иногда ужасным неприятностям. Вы сами это понимаете, любезный Папенька. Вы жили с людьми...»)

[2] Эти подробности о смерти своего отца Андрей Михайлович узнал от няни детей Достоевских, Алены Фроловны.

Душа у него была темная — вот что! Вот, к примеру, он раз в саду гулял, а за садом Федот Петров пахал. Барин-то, Достоевский — я — вот и я! видит Федота, а Федот за деревьями барина не примечает. Ну, барин старосту посылает — это из покоев, из своих, говорит — пришли ты мне Федота. Федот веселый был мужичек, он и говорит — надо мне бороду расчесать, барин кличет, не иначе старостой назначает. А барин его спрашивает — ты почему не кланялся? — Я, — отвечает Федот, — вас, барин никак не приметил. — Пойдешь, — говорит барин, — на конюшню, там тебя выпорют — будешь замечать! — Конечно — выпороли!

А то жил Иван Семенов Широков, мужик один. Тоже такой случай вышел — не заметил он барина. Страдная была пора, тот Широков с поля хлеб возил, а барин сзади за возом шел — где его там углядишь? Ну, барин наш, Михайло-то Андреевич и выходит стороной, шапку снимает, говорит: здравствуй, Иван! Сам вот видишь — тебе первый кланяюсь, да... и, — говорит барин, — пожалуйте на конюшю... Конечно — выпороли!

Зимой совсем не знали мужики, как поступать: кланяешься — барин кричит — нарочно такие - сякие шапку на вольном воздухе снимаете, хотите простудиться, не работать. Не кланяешься — опять обида.

Говорили — будто сын барина, Федор-то Михайлович, большим человеком стал. Не верю я, как хотите, этому. Не может, гражданин, быть, чтоб у этакого отца такой сын был. Не верю.»

Данил Макаров и Андрей Саввушкин (29, 32, 58, 63).

«Решили чермшинские мужики барина, Достоевского-то, кончить. Петровками это было дело [1]. Кучер баринов, Давыд, был подговоренный. Вот и устроили все. Мужики в тот день аккурат навоз вывозили, а четыре мужика—так все и подстроили—на

---

[1] Когда произошло убийство М. А. Достоевского, в точности неизвестно. Д. Стонову (63) крестьяне говорили, что оно произошло осенью («Осенью, приятель, был дело, осенью...) «Петровки» указываются в записях В. С. Нечаевой и моих. В действительности же, повидимому, М. А. Достоевский был убит несколько ранее указываемых крестьянами сроков. Так, А. М. Достоевский пишет в своих воспоминаниях (43), что он узнал о смерти отца в самый Петров день (29-го июня стар. стиля), но как о событии, происшедшем уже несколько недель тому назад. Как указывает в своих примечаниях А. А. Достоевский (43), более точно время убийства можно косвенно восстановить по следующему отрывку из письма М. М. Достоевского Куманиным: — «Подивитесь предчувствию души моей. В ночь на 8-е июня — я видел во сне покойного папиньку. Вижу, что будто он сидит за письменным столом и весь как лунь седой; ни одного волоса черного; я долго смотрел на него и мне стало так грустно, так грустно, что я заплакал; потом я подошел к нему и поцеловал его в плечо, не быв им замеченным, и проснулся. Я тогда же подумал, что это не к добру...»

работу не выехали. Солнце уже высоко стояло, барин спрашивает старосту—все на работу выехали?—Нет,—отвечает староста,— четверо из Чермашни не поехали, сказались больными. — Кто такие? — Староста и говорит: Ефимов, Михайлов, Исаев да Василий Никитин. А у барина палка дубинка была здоровая. Показал он на дубинку, говорит: «вот я их вылечу», — велел дрожки заложить. А кучер тут и не выдержал, говорит — не езжайте, барин, может с вами там что приключится. Барин на него кричит, топочет — ты хочешь, чтоб я их не лечил? Закладывай живей! — Кучер только рукой махнул, пошел запрягать. Приехал барин в Чермошню, а мужики на улице.—«Почему на работу не вышли?» — «Мочи,—говорят,—нет».—«Вот я вас сейчас полечу»— говорит барин, а сам дубинку поднимает. Мужики от него во двор, барин за ними. Как во двор вбежали там Василий Никитин, здоровый, высокий такой был, схватил его сзади за руки, а другие стоят, испугались. Василий им крикнул: «Что же стоите? зачем сговаривались?» Мужики бросились да за нужное место; нужное место ему завернули. Бить не били, знаков боялись. Приготовили они бутылку спирту, барину рот разжали, весь спирт ему в глотку вылили и в рот тряпку забили. От этого барин и задохнулся. Тут его кучер увез и под Чермошней на меже у дуба — стоит еще и теперь дуб этот! — и свалил, а сам, не заезжая в Даровое, в Моногарово за попом. Тот приехал, а барин еще дыхал, но уже не в памяти. Поп глухую исповедь принял, знал он, да скрыл, крестьян не выдал. Следователи потом из Каширы приезжали, спрашивали всех, допытывали, ребятишек даже гостинцами сманивали, но ничего не узнали. Будто от припадка умер, у него припадки и ране бывали.»

Данил Макаров и Андрей Саввушкин (29).

Барин был строгий, неладный господин... а барыня была душевная. Он с ней нехорошо жил...

И со старшей дочерью Варварой Михайловной плохо он жил. Она от него в Москву уехала, а как узнала, что его мужики убили, только, говорят, сказала — собаке, мол, собачья и смерть.»

Из писем М. А. Достоевского к жене.

23/VIII [вероятно 1834 г.] (43).

«Я все получил сполна, выключая двух бутылочек наливки. которые по словам Григория разбились; ты пишешь, что незасла-

щенная с сургучем на пробках в двух бутылках, а он мне доставил пять, из коих на трех есть сургуч по краям, а две просто завязаны; то я, друг мой, сомневаюсь, сами ли они разбились или же их сперва опорожнили, а после разбили, и толку не мог добиться.» [1].

9/V 1835 г. (26)

«...Голова моя довольно пострадала, как обыкновенно бывало при перемене погоды, но теперь слава Богу прошло.»

16/V 1835 г. (43).

«У нас в доме все покуда спокойно, хотя Василиса в некоторых случаях оказалась подозрительною, но я смотрю теперь за нею в оба глаза... Напиши, дружочек, сколько у тебя в чулане полштофов и бутылок с наливкою.»

23/V 1835 г. (43).

«Тоска смертельная, нигде места не сыщу, наяву и во сне бог знает, что в голову лезет.»

26/V 1835 г. (43).

«Нащет моих финансов не удивляйся, друг мой, что они необширны, я и за это благодарю Творца ибо они суть остатки жалованья, а приобретать их нет средств, я очень удивляюсь, откуда и ты так богата, разве ты имела свои деньги, о которых мне не сказала.»

2/VI 1835 г. (26).

«Не беспокойся милая моя обо мне. Я теперь покойнее, правда и не скрываю от тебя, что иногда бывают такие минуты, что иногда прогневляю Творца моего ропща за дарованные мне краткие дни в уделе моей жизни, но не думай ничего, это пройдет, об деньгах также не беспокойся, я постараюсь кое-как уладить, бедность моя нимало меня не тревожит, я с нею свыкся, как с воздухом, коим дышу. Молю только Творца, что бы подал мне мир душевный.»

Мелочность, подозрительность и жалобы на тоску череду-

---

[1] Характерологическое значение этого отрывка не ограничивается только намеком на подозрительность. Нужно сопоставить его с пояснительным текстом и цитатами приведенными ниже (стр. 401).

ются в письмах М. А. с различными выражениями любовных и религиозных чувств.

9/V 1835 г. (26).

«Прощай бесценный друг мой, будь здорова и щастлива, береги себя для общего нашего благополучия, пиши об самых мельчайших безделицах, от тебя все для меня будет приятно, прощай Дражайшая моя и не забывай об нас одиноких, а я пребуду вечно твой верный друг неизменно тебя обожающий Михайло Достоевский.»

19/V 1835 г. (26).

«Письмо твое, драгоценный, лучший друг мой, я получил в субботу, от всех чувств моих благодарю тебя милая моя хозяюшка за оное, всею душою радуюсь, что вы мои милые здоровы и с благоговейными слезами благодарю Господа подателя всех благ за Его ко мне неизреченные милости. о себе тоже скажу тебе, что мы все хвала Создателю здоровы, и вместе умоляю тебя отбросить все дурные мысли касательно моего здоровья.»

2/VI 1835 г. (26).

«Прощай милый несравненный друг мой, да сохраниг тебя Господь Бог, поцелуй за меня детей и не забывай меня бедного бесприютного, а я всегда неизменно тебя обожающий и до конца дней моих искренно тебя любящий М. Достоевский.»

29/VIII 1835 г. (26).

«Поверишь ли, что я читал твое письмо со слезами благодарности во-первых, Бога, во-вторых, тебя, милый друг мой, за сие целую твои ручки миллион миллионов раз. Молю Бога, чтобы ты была здорова для нашего щастия.»

95. Нечаева, по мужу Достоевская, Мария Федоровна.

Жена предыдущего. Мать писателя.

4. Достоевский Лев Андреевич. 1/2

Дядя писателя. Священник с. Бойтовец. После смерти отца взял на свое попечение трех младших сестер.

А. М. Достоевский (43).

«Из разговоров отца с моей матерью, я усвоил себе то, что у отца моего в Каменец-Подольской губ., кроме родителей его, остался брат, очень слабого здоровья, и несколько сестер.»

5. Жена предыдущего.
Сведений нет.

6. Достоевская, п. м. Гутовская, Анна Андреевна. 1/2
Тетка писателя.

7. Гутовский. Муж предыдущей.
Священник.

8. Достоевская Фотина Андреевна. 1/2

9. Фамилия неизвестна. Муж предыдущей.
Военный.

10. Достоевская, п. м. Соколовская, Констанция Андреевна. 1/2

11. Соколовский. Муж предыдущей.
Управляющий.

12. Достоевская, п. м. Черняк, Фекла Андреевна. 1/2

13. Черняк Иван. Муж предыдущей.
Священник.

14. Достоевская, п. м. Гузиневич, Мария Андреевна. 1/2

15. Гузиневич. Муж предыдущей.
Священник (повидимому, православный или униатский, но во всяком случае, не католический, вследствие безбрачия католического духовенства).

16. Второй муж предыдущей (?).
Поляк, католик, крестивший в католицизм всех своих детей (23).

17. Достоевская, п. м. Лимановская, Лукерья Андреевна. 1/2

После смерти мужа осталась с 7-летней дочерью Надеждой в крайней бедности.

18. Лимановский Евфимий. Муж предыдущей. Чиновник в Каменец-Подольске.

Поколение седьмое

19. Черняк, п. м. Войнарская, Олимпиада Ивановна. 12/13

Двоюродная сестра писателя. Родилась в селе Дашев Липовецкого у. Киевской губ. (на границе с Подольской губ.), где ее отец был священником. Выйдя замуж, жила в селе Кальнике, Липовецкого у. Умерла от воспаления легких в 1902 г. в возрасте 50—60 лет.

Ф. Г. Добржанский (29).

Отличалась очень тяжелым, своевольным характером. Держала в полном подчинении мужа и детей. Крупного роста, полная. Здоровье хорошее. На эпилепсию и алкоголизм указаний не имеется, как по отношению к ней, так и по отношению к ее потомству.

20. Войнарский Василий Захарович.

Муж предыдущей. Умер в 1897—98 г. от воспаления среднего уха, в возрасте за 50 лет. Сын православного священника, прожившего более 100 лет.

Ф. Г. Добржанский (29).

Мистик. Почти беспрерывно постился. В противоположность жене, человек очень мягкого характера.

21. Черняк Антон Иванович. 12/13

22. Жена предыдущего.

23. Гузиневич (?), п. м. Кавецкая (имя неизвестно) 14/16

Двоюродная сестра писателя. В раннем возрасте лишилась обоих родителей и затем воспитывалась в кругу родных своего отца. При рождении крещена в католицизм.

24. Кавецкий Цезарь Лаврентьевич. Муж предыдущей.

Ко времени знакомства с А. М. Достоевским — отставной штабс-капитан, городничий в г. Мелитополе.

25. Лимановская, п. м. Глембоцкая, Надежда Евфимьевна. 17/18

Двоюродная сестра писателя.

26. Глембоцкий. Муж предыдущей.

Дьякон.

Поколение восьмое

27. Войнарская, п. м. Добржанская, София Васильевна. 19/20

(1864—1920). Двоюродная племянница писателя. Умерла от разрыва сердца. По национальности «чистокровная украинка».

28. Добржанский Григорий Карлович. Муж предыдущей.

(1862—1918). Учитель гимназии в местечке Немиров, Подольской губ. Брацлавского у. По национальности поляк.

29. Войнарский Иван Васильевич. 19/20

(Ум. 1909 г.). Революционер. Был сослан по делу убийства вел. кн. Сергея Александровича в Сибирь. Окончил во время пребывания в Сибири Томский университет. Через год после возвращения из ссылки умер.

30. Войнарская. Жена предыдущего.

31. Войнарский Петр Васильевич. 19/20

Учился в Киевском университете. Во время войны офицер. Служил в Красной армии. Расстрелян деникинцами.

32. Войнарский Сергей Васильевич. 19/20

Умер от туберкулеза в возрасте около 20 лет.

33. Войнарская. Имя неизвестно. 19/20

Умерла в детстве.

34. Черняк Николай Антонович. 21/22

Священник в Брацлавском у. Подольской губ.

35. Добржанский Феодосий Григорьевич. 27/28

Родился 12 января 1900 г. в Немирове, Подольской губ. Научный работник — биолог. Имеет ряд научных работ. В 1926 г.— старший ассистент лаборатории генетики и экспериментальной зоологии Ленинградского госуд. университета, научный сотрудник Отдела генетики и евгеники Постоянной Комиссии по изучению естественных производительных сил СССР (КЕПС) при Академии наук, руководитель полевыми работами Казакстанской экспедиции Особого комитета при Академии наук по исследованию союзных и автономных республик (56).

В 1928 г. находился в научной командировке в Америке, где работал по генетике дрозофилы в лаборатории Моргана при Нью-Йоркском Columbia University.

Ф. Г. Добржанский (28).

«Область меня интересующая — это вопросы о механизме наследственной передачи и наследственного осуществления... До сих пор мне пришлось работать в трех направлениях: 1) систематика, 2) генетика, 3) зоотехника.»

36. Сиверцева, п. м. Добржанская, Наталия Петровна. Жена предыдущего.

Родилась 16 июля 1901 г. в Бузулукском у. Самарской губ. Замужем с 8 июля 1924 г.

37. Войнарская Ольга Ивановна. 29/30

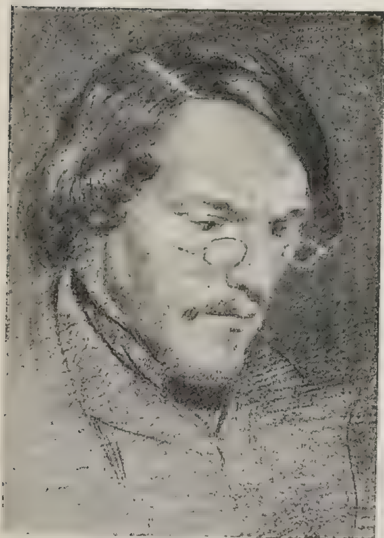
38. Войнарский Вячеслав Иванович. 29/30
Близнец с предыдущей.

М. А. Достоевский
с пастели Попова 1823 г.

М. Ф. Достоевская
(рожд. Нечаева)
с пастели Попова 1823 г.

М. М. Достоевский
с рисунка К. Трутовского

Ф. М. Достоевский
с рисунка К. Трутовского 1847 г.

3, 95, 130, 194.

М. Ф. Котельницкий
с миниатюры по кости
В. М. Нечаева
(рожд. Котельницкая)
с миниатюры по кости
А. Ф. Куманина
с акварели Воронова 1842 г.

115, 79, 92.

ГЛАВА III

РОД МАТЕРИ

Поколение первое

39. Струнников (1677 г.), он же Нечаев (1695 г.) Софон Яковлевич.

Прямой предок писателя. Умер до 1719 г. Старый посадский человек г. Боровска: «...промысл у него — делает серебряное, и для того у него рукоделья в москотильном ряду лавка, да он же торгует луком, да чесноком, что упашет в огороде, ...а в казну платит он со двора своего и с жильцов и с промысла на год по рублю, да в мирские розметы 20 алтын; ...а по нынешней мере двора ево и с огородами длиннику 55 саж., а поперек по улице, от двора Ивашки Иноземца, до двора Афонки Кекишева 9 сажен, а в другой конец тож» (9). (1685 г.). Упоминается в 1677, 1680, 1685 и 1695 гг. [1].

40. Струнникова, она же Нечаева, Матрена Степановна. Жена предыдущего.

Род. в 1645 г. Упоминается в переписи 3 мая 1719 г.

Поколение второе

41. Нечаев Павел Софонович. 39/40

Род. в 1672 г. Упоминается в 1677, 1680, 1685 и 1695 гг. Имел сына Ивана (род. 1707 г.), жившего в 1719 г. у своей бабки, вдовы Матрены Степановны Струнниковой-Нечаевой, освобожденной в то время от уплаты тягла.

---

[1] В том же издании («Боровск. Материалы для истории города»), на стр. 22, упоминается некий Яков Кононович Нечаев, возможно приходившийся отцом Софону Яковлевичу. Дворы обоих Нечаевых были расположены неподалеку друг от друга. В 1677 г. при Якове Нечаеве жили два его сына 15-летний Илья и 14-летний Никита.

42. Нечаев Андрей (Андрон?) Софонович. 39/40
Род. в 1676 г. Упоминается в 1677, 1680, 1685 и 1695 гг.

43. Нечаев Василий Софонович. 39/40
Прямой предок писателя. Род. около 1678 г. Последний раз упоминается в переписи 1723 г., когда платил тягло (налог) в размере 8 алтын 2 деньги.

44. Нечаева Настасья Федоровна. Жена предыдущего.
Прямой предок писателя. Род. в 1674 г. Последний раз упоминается в переписи 3 мая 1719 г.

45. Нечаев Михаил Софонович. 39/40
Род. в 1869 г. Упоминается в 1695 и 1709 гг.

46. Нечаева Акулина Филипповна. Жена предыдущего.
Род. в 1688 г. Упоминается в 1719 г.

47. Нечаев Матвей Софонович. 39/40
Род. в 1690 г.

48. Нечаева. Жена предыдущего.

Поколение третье

49. Нечаев Иван Васильевич. 43/44

Прапрадед писателя. (1704—1758). В возрасте 15 лет был уже женат и даже имел дочь Прасковью, которой ко времени переписки 3 мая 1719 г. исполнилось 5 недель.

50. Нечаева Агафья Филипповна. Жена предыдущего.
Род. в 1701 г. Прапрабабка писателя. Упоминается в переписи 1763 г. Уроженка г. Боровска («старая боровская посадская»).

51. Нечаева Ксения Васильевна. 43/44
Род. в 1706 г. Упоминается в переписи 3 мая 1719 г.

---

[1] Счет поколений ведется от Софона Струнникова — первого из известных предков матери писателя, к самому Ф. М. Достоевскому данное поколение является прапрадедовским.

52. Н е ч а е в Козма Васильевич. 43/44
Род. в 1706 г. Упоминается в переписи 1723 г.

53. Н е ч а е в Степан Васильевич. 43/44
Род. в 1707 г. Упоминается в переписи 1723 г.

54. Н е ч а е в Анисим Васильевич. 43/44
Род. в 1708 г. Упоминается в переписях 1709, 1719 и 1723 гг.

55. Н е ч а е в а Мавра Васильевна. 43/44
Род. 1712 г. Упоминается в переписи 3 мая 1719 г.

56. Н е ч а е в а Федора Васильевна. 43/44
Род. в 1714 г. Упоминается в переписи 3 мая 1719 г.

57. Н е ч а е в а Афимья Михайловна. 45/46
Род. в 1710 г. Упоминается в переписи 3 мая 1719 г.

58. Н е ч а е в Андрей Михайлович. 45/46
(1713—1759).

59. Н е ч а е в а Ксения Акимовна. Жена предыдущего.
Род. в 1711 г., была жива в феврале 1763 г. Старая боровская посадская.

60. Н е ч а е в а Федосья Михайловна. 45/46
Род. в 1716 г. Упоминается в переписи 3 мая 1719 г.

61. Н е ч а е в Лука Матвеевич. 47/48
Род. в 1709 г. Упоминается в февральской переписи 1763 г.

62. Н е ч а е в а Авдотья Федоровна. Жена предыдущего.
Род. в 1703 г. Упоминается в переписи 1763 г. Из старых посадских г. Боровска.

63. Н е ч а е в а Екатерина Матвеевна. 47/48
Род. в 1711 г. Упоминается в переписи 3 мая 1719 г.

Поколение четвертое

64. Н е ч а е в а Прасковья Ивановна. 49/50
Сестра прадеда писателя. Род. в конце марта 1719 г.,

когда ее отцу, прапрадеду писателя, было всего 15 лет[1]. Повидимому умерла в раннем возрасте, так как после переписи 3 мая 1719 г. ни в одной из последующих переписей не упоминается.

65. Н е ч а е в Тимофей Иванович. 49/50

Прадед писателя. (1731—1797). Боровский купец 3-й гильдии. Был дважды женат. От которой жены имел трех младших детей, в том числе и сына Федора, деда писателя, сведений не имеется. Сыновья его в начале 90-х годов эмигрируют частью в Москву, частью в Петербург, где зачисляются в купечество 3-й гильдии (9, 15).

66. Н е ч а е в а (по мужу) Степанида Дмитриевна. Первая жена предыдущего.

Род. в 1733 г. Из старых посадских г. Боровска. Упоминается в переписи 13 февраля 1763 г.

67. Б о л о т и н а, п. м. Н е ч а е в а, Мария Алексеевна. Вторая жена предыдущего.

Род. в 1735 г. Упоминается в переписи 1794 г. Дочь боровского купца.

68. Н е ч а е в Степан Иванович. 49/50

(1733—1759).

69. Н е ч а е в а Гликерия Ивановна. 49/50

Род. в 1743 г. Упоминается в переписи 13 февраля 1763 г.

70. Н е ч а е в Иван Андреевич. 58/59

(1725—1757). Если верить данным переписей 1747 и 1763 гг., И. А. Нечаев родился в то время, когда его отцу было всего 12 лет (?).

71. Н е ч а е в а (по мужу) Аграфена Степановна. Жена предыдущего.

Род. в 1736 г. Упоминается в переписи 13 февраля 1763 г. «Города Аренбурха посацкая».

72. Н е ч а е в Козма Лукич. 61/62

Род. в 1731 г. Упоминается в переписи 13 февраля 1763 г. По данным переписи значится как «безумный».

---

[1] По материалам переписи 3 мая 1719 г. отцу Прасковьи Нечаевой ко времени ее рождения было даже не 15, а 14 лет. Однако, последняя цифра не согласуется с данными последующих переписей.

73. Н е ч а е в а (по мужу) Матрена Алексеевна. Жена предыдущего.

Род. в 1733 г. Упоминается в переписи 13 февраля 1763 г. Из старых посадских г. Боровска.

74. Н е ч а е в Тимофей Лукич. 61/62
(1746—1748).

Поколение пятое

75. Н е ч а е в Иван Тимофеевич. 65/66
Брат деда писателя. Род. в 1759 г. Упоминается в переписи 25 августа 1811 г. До 1790 г. — купец в г. Боровске. С 21 декабря 1790 г. переходит из боровского купечества в петербургское 3-й гильдии. Имел в Петербурге собственный дом на Васильевском острове.

76. В и н о м у р о в а, п. м. Н е ч а е в а, Настасья Ивановна. Первая жена предыдущего.

Род. в 1755 г. Упоминается в переписи 2 июля 1795 г. Дочь петербургского купца.

77. Н е ч а е в а (по мужу), Наталья Абрамовна. Вторая жена предыдущего.

Род. в 1789 г. Упоминается в переписи 25 августа 1811 г.

78. Н е ч а е в Федор Тимофеевич. 65/66
Дед (отец матери) писателя. (1769—1832). Умер от грудной водянки. Московский купец 3-й гильдии, Сыромятной слободы. В 1790 г. переселяется из Боровска в Москву. По переписи 2 июля 1795 г. значится живущим в 9 части г. Москвы, в приходе церкви Пимена что на Димитровке, в доме московского купца Семена Дмитриевича Ситникова в сидельцах. С 1799 г. «состоит в особом капитале». По переписи, в сентябре 1801 г. значится живущим «у Спаса на Устретенке свой дом; торговля в суконном ряду». В 1811 г. и 1816 г. жил в своем доме в Басманной части в приходе Петра и Павла (15).

Упоминается в метрических книгах Московской духовной консистории за 1821 г., в записи о рождении Федора Михайловича Достоевского — «восприемниками были: штаб-лекарь Григорий Павлович Маслович и княгиня Прасковья Тимофеевна Козловская; московский купец Федор Тимофеевич Нечаев и купеческая жена Александра Федоровна Куманина» (49).

79. Котельницкая, п. м. Нечаева, Варвара Михайловна. Первая жена предыдущего.

Бабка (мать матери) писателя. В браке с Ф. Т. Нечаевым с 29 июля 1795 г. Умерла 8 июня 1813 г.

80. Антипова, п. м. Нечаева, Ольга Яковлевна. Вторая жена предыдущего.

(1794—1870). В браке с Ф. Т. Нечаевым с 18 мая 1814 г.

81. Нечаев Андрей Тимофеевич. 65/66

(1775—1810). Вместе со своим братом Федором (дедом писателя) переселился из Боровска в Москву. Ко времени переписи 2 июля 1795 г. жил вместе с Федором.

82. Нечаев Захар Тимофеевич. 65/66

Род. в 1778 г. Вместе с Ф. Т. Нечаевым переселился из Боровска в Москву. Ко времени переписи 2 июля 1795 г. жил вместе с братом Федором. Согласно материалам переписи 25 августа 1811 г. «состоит по мастерству с 1799 г.».

83. Нечаев Григорий Иванович. 70/71

Род. в 1758 г. Во время переписи 13 февраля 1763 г. жил в г. Боровске.

84. Нечаева Татьяна Ивановна. 70/71

Род. в 1759 г. Во время переписи 13 февраля 1763 г. жила в г. Боровске.

85. Нечаева Марья Кузьминишна. 72/73

Род. в 1761 г. Во время переписи 13 февраля 1763 г. жила в г. Боровске.

Поколение шестое

86. Нечаев Николай Иванович. 75/76

Троюродный брат матери писателя. Род. в 1792.

87. Нечаева Надежда Ивановна. 75/76

Род. в 1793 г.

88. Нечаев Федор Иванович. 75/76

Род. в 1798 г.

89. Н е ч а е в Михаил Иванович. 75/76
Род. в 1799 г.

90. Н е ч а е в а Елена Ивановна. 75/76
Род. в 1799 г. Однолетка (близнец?) со своим братом Михаилом.

91. Н е ч а е в Иван Иванович. 75/76
Род. в 1800 г.

92. Н е ч а е в а, п. м. К у м а н и н а, Александра Федоровна 78/79
(15/IV 1796—29/III 1871). Тетка писателя.

Л. Ф. Достоевская (39).

«...Вышла замуж за богатого человека, жила в красивом доме в Москве, окруженная преданными слугами, обслуживаемая и поддерживаемая бесчисленными приживалками, бедными женщинами, трепетавшими перед ней и потворствовавшими всем капризам богатой деспотической барыни. Она покровительствовала своим племянникам и племянницам и особое предпочтение отдавала моему отцу, который был всегда ее любимцем. Она одна из всей семьи оценила его и всегда была готова помочь ему. Мой отец очень любил свою тетку Куманину, хотя несколько и посмеивался над ней, как это обычно делают юные племянники. Он изобразил ее в «Игроке» в лице старой московской бабушки, приезжающей в Германию, играющей в рулетку и проигрывающей половину своего состояния. В то время, когда в Германии процветала рулетка, моя двоюродная бабушка Куманина была слишком стара для путешествий. Но возможно, что она играла в карты в Москве и проигрывала большие суммы. И тем, что Достоевский заставляет ее ехать в Германию и играть в рулетку вместе с ним, он может быть хотел показать, от кого он унаследовал страсть к игре.»

Ф. М. Достоевский. Письмо брату Михаилу, 9/IV 1864 г. (47).

«Тетка, хоть и в здравом рассудке в п о л н е (я очень недавно был там), но очень слаба памятью (но совсем не так, чтоб забывать людей и не помнить происшествий). В расположении духа хорошем. Начала для своего утешения на фортепианах играть, 30 лет не игравши. Характеру никакого, решимости никакой. Находится под влияниями...»

В том же письме Ф. М. Достоевский развивает перед братом план, как получить от А. Ф. Куманиной необходимые им для издания журнала «Эпоха» 10000 рублей (которые и были вскоре получены).

«С теткой нужно говорить решительно, вполне откровенно и ясно. Нужно представить, что если ты раз, прошлого года, вылез буквально из петли, то каково же теперь не додать журнал и просто погибнуть, стоя на краю несомненного и блистательного успеха? Представить, что тетка не раззорится, а отказом погубит и тебя, и семейство.—Сразу ни тетка, ни бабушка не решатся, а закудахтают и заахают. Пусть. Надо их только на первый раз крепко озадачить, насесть на них нравственно, чтоб перед ними ясно стояла дилемма: «Дать — опасно, не заплатят; не дать — убьешь человека и грех возьмешь на душу». Разумеется, они сразу ничего не решат и начнут советоваться. Тут и пустить Варю [1], если она действительно захочет ходатайствовать; в противном же случае пусть лучше не ездит. Если же Варя захочет, то совет ее много сделает; пусть не упрашивает тетку, а скажет ей à la Александр Павлович: «Ваши деньги; хотите — дайте, хотите — нет. Не дадите — раззорите дотла и погубите, а это ваш племянник, ваш крестник, который ничего от вас не получал и никогда ни о чем не просил. Вы в гроб смотрите и сделаете злодейство: с чем перед Христа и перед покойной сестрой явитесь? Сестер устраивал Александр Алексеевич, а вы что сделали сами? У вас 150.000, а вы боитесь раззориться!» Все это надо резко сказать, тем более, что это все правда и что это надо хоть когда-нибудь высказать. Варинька не скажет, так я выскажу. И выскажу. Вообще надо быть не очень просителем, дрожащим заискивателем. Коммерческою сухостью и деловым видом тоже не много с ними сделаешь. Надо действовать нравственно, на душу, и действовать не патетически, а строго, сурово. Это всего более ошибет... Может быть, что в первый раз просто откажут. Но потом совесть замучит, сами призовут и дадут.»

А. Г. Достоевская (35).

«В лице старушки Рогожиной Федор Михайлович описывает родную тетку (сестру матери) Александру Федоровну Куманину, жившую в Москве. После свадьбы мы с Федором Михайловичем были в Москве и навестили его тетку; она приняла нас чрезвычайно приветливо, но навряд ли сознавала, кто мы такие.»

[1] Старшая сестра писателя.

Ф. М. Достоевский. Письмо А. Н. Майкову, 14/26 VIII 1869 г. (47).

«Что тетка была не в своем уме несколько лет (года 4 последних наверно) — тому и я многократный очевидец, и если надо, то найдутся 100 свидетелей.»

А. М. Достоевский (43).

«Хотя тетенька Александра Федоровна была только четырьмя годами старше маменьки, но маменька считала свою сестру более как мать, чем за сестру, она любила и уважала ее до нельзя, и эту свою любовь умела вложить во всех нас. В детстве я любил бессознательно тетеньку, а впоследствии, когда сделался взрослым, я благоговел перед этою личностью, удивлялся ее истинно великому практическому уму и уважал и любил ее как мать.

В 1864 г. она уже потеряла всю память и быстро впадала в сумашествие, она меня узнала, долго целовала и все повторяла: «ключики, ключики, ключики» — единственное слово, которое она сохранила в своей упадающей памяти. Но впрочем я имел неоднократный случай убедиться, что в этот период времени, т. е. в декабре 1864 и в январе 1865 г., она хотя и не могла говорить, потому что позабыла слова, но все еще понимала. Так, например, я был свидетелем, как она не на шутку рассердилась на бабушку Ольгу Яковлевну, когда та, уехавши куда-то в гости, запоздала к ужину; тетушка долгое время не хотела смотреть на нее, и только после того как та подала ей персик или какой-то другой гостинец, — она улыбнулась и согласилась итти к запоздалому ужину.

В 1868 г. для официального освидетельствования тетушки в ее умственных способностях к ней, как уважаемой личности, все присутствие приехало на дом в лице губернатора, обер-полицмейстера и советников губернского правления и, конечно, докторов. На все вопросы должностных лиц тетушка только и говорила: «ключики, ключики, ключики...» и «Господи помилуй, господи помилуй, господи помилуй!..» Конечно, ее признали больною.»

А. Г. Достоевская (37).

«После А. Ф. Куманиной осталось наследство (в начале 70-х годов), которое состояло из имения в количестве 6 000 десятин, находившихся в 100 верстах от Рязани, близ поселка Спас-Клепики. На долю четырех братьев Достоевских (которым приходилось уплатить сестрам деньги) досталось ⅓ имения, около 2 000 десятин, из них на долю Федора Михайловича приходилось 500 десятин.»

«Куманинское наследство» долгое время было яблоком раздора между братьями и сестрами Достоевскими, а также их родственниками Казанскими, Шерами, Ставровскими и др. По свидетельству дочери писателя Л. Ф. Достоевской (весьма впрочем сомнительному в отношении объективности) споры с сестрами из-за раздела этого наследства явились даже конечной причиной смерти Ф. М. Достоевского (39).

93. Куманин Александр Алексеевич. Муж предыдущей. (1792—1863). В браке с Александрой Федоровной с 15 мая 1813 г., в 1856 г. был разбит параличем. Богатый московский купец. Почетный член совета Московского коммерческого училища, член комитета Московской глазной больницы и т. п.

А. М. Достоевский (43).

«Александр Алексеевич сделал очень много доброго нашему семейству, а по смерти папеньки он приютил нас пятерых сирот (два старших брата были уже в Петербурге) и сделался истинным нашим благодетелем, в особености трех сестер, которым при замужестве их дал большие приданые» [1].

А. Г. Достоевская (27).

«А. А. Куманин воспитал маленьких, оставшихся после смерти Достоевского-отца, троих детей, дочерей выдал замуж, выдав за ними большое приданое, и во всю дальнейшую жизнь помогал всем Достоевским. Федор Михайлович всегда с особенно добрым чувством вспоминал как о нем, так и о тетке своей, Александре Федоровне.»

Ф. М. Достоевский. Письмо А. Е. Врангелю, 23/III 1856 г. (47).

«При первой перемене судьбы, напишу к дяде, попрошу у него 1 000 р. серебр. для начала на новом поприще, не говоря о браке; я уверен что даст.»

А. М. Достоевская. Письмо брату Михаилу (без даты) (27).

«Дяденька до сих пор ужасно болен и так ослабел, что мы было совсем потеряли надежды видеть его опять здоровым; доктора съезжаются довольно часто: всякий раз потолкуют, закусют,

[1] Как мне сообщила племянница писателя М. А. Иванова, каждая из трех сестер писателя получила от А. А. Куманина по 25 000 руб. приданого (письмо от 6 октября 1926 г.).

посмеются, да с тем и уйдут, а лучше все нет; сколько раз мы покушались спрашивать их о его болезни, но вы знаете какие они бывают в таких случаях, наговорят целый короп и поверишь им как добрым людям; а на поверку выйдет совсем не так».

М. М. Достоевский. Письмо Ф. М. Достоевскому 18/IV 1856 г. (26).

«На дядю плохая надежда. Он безвыходно живет в креслах и стал как ребенок, а братья его и племяницы овладели тетушкой. Просто взяли целый дом в опеку. Каждую неделю тетушка отдает им отчет в каждой истраченной копейке».

94. Нечаева Екатерина Федоровна. 78/79

Тетка писателя. Род в 1798 г. Упоминается в переписи 25 августа 1811 г. Более поздних упоминаний о ней нигде не имеется. Повидимому умерла в молодости (15).

95. Нечаева, п. м. Достоевская, Мария Федоровна. 78/79

Мать писателя. (1800—27/II 1837). Умерла от туберкулеза. Похоронена в Москве на Лазаревском кладбище. Замужем за М. А. Достоевским с 1819 г.

А. Г. Достоевская (37).

«Федор Михайлович охотно вспоминал о своем счастливом, безмятежном детстве и с горячим чувством говорил о матери.»

С. Д. Яновский (70).

«Сойдясь со мной на дружескую ногу... Федор Михайлович... сообщал мне многое о тяжелой и безотрадной обстановке его детства, хотя благоговейно отзывался всегда о матери, о сестрах и о брате Михаиле Михайловиче.»

А. М. Достоевский (49).

«Помню, что братья как-то одновременно выучили наизусть два стихотворения: старший брат «Графа Габсбургского», а брат Федор, как бы в параллель тому, «Смерть Олега». Когда эти стихотворения были произнесены ими в присутствии родителей, то предпочтение было отдано первому, вероятно, вследствие большей авторитетности сочинителя. Матушка наша очень полюбила два эти произведения, и часто просила братьев произносить их;

помню, что даже во время своей болезни, уже лежа в постели (она умерла чахоткой), она с удовольствием прислушивалась к ним... наступила зима 1836—1837 года. Еще с осени наша мать слегла в постель с тем, чтобы более с нее не вставать! Это было самое горькое время в детский период нашей жизни; мы готовились ежеминутно потерять мать! Несмотря на помощь многих врачей и тогдашних знаменитостей, которые поспешили протянуть руку помощи своему собрату, исход был неизбежен, и мы лишились матери 27 февраля 1837 года.»

Л. Ф. Достоевская (39).

«Моя бабушка Мария обнаруживала живой интерес к чтению детей. Она была кроткой, красивой, преданной своему мужу женщиной, всецело посвятившей себя семье. Она была слабого здоровья — многочисленные роды совершенно истощили ее... Моя бабушка могла сама кормить лишь своего старшего сына Михаила, которого особенно любила. Остальных детей кормили мамки, которых выбирали из среды крестьянок в окрестностях Москвы... Она не покидала по целым дням постели и любила, когда дети декламировали ей ее любимые стихотворения. Старшие, Михаил и Федор, нежно любили ее. Когда она умерла, еще молодой, они горько оплакивали ее и составили для нее надгробную надпись в стихах, которую мой дед велел вырезать на мраморном памятнике, сооруженном им на могиле его кроткой спутницы.»

Д. Стонов (63).

...«В молодости Авдотья много слышала о матери Федора Михайловича. Это была удивительная женщина. — Бывало, барин ты мой миленькай — говорит Авдотья, — старый-то Махал Андреевич хочет мужиков наших наказать, а она, светушка плачет— убивается, христом - богом молит — не трожь. Он ее, Махал Андреевич, в гандерейке за то запирал — не мешай мол моей воле! Вот ведь барыня какая была сердешная, за то ей господь сынка такого послал — Федора. Сказывают, — в славе гремит.»

Приведенный Д. Стоновым рассказ крестьянки Авдотьи Спиридоновны вполне согласуется с теми воспоминаниями (вернее преданиями) о Марии Федоровне, которые мне лично пришлось слышать от старожил с. Дарового, при посещении его 8 июля 1925 г. Удивительно, что память о М. Ф., как об исключительно «душевной барыне» сохранилась среди крестьян вплоть до настоящего времени.

Из писем М. Ф. Достоевской
к своему мужу [1].

29/VI 1832 г. (26).

«Благодарю тебя Мой Любезнейший друг за твое уведомление; я ожила совершенно получив письмо твое милый друг и стократно Благодарила Бога, что соблаговолил услышать Моление мое и донес тебя Благополучно в Москву не робщи мой друг на Бога, и не грусти обо мне ты знаешь, что Мы были наказаны Им, но также и милованны, со всею твердостию, и верою положись на его святой промысл и Он не оставит нас Своею Милостию.»

Цитируемые ниже письма относятся к весне и лету 1835 г., когда Мария Федоровна с младшими детьми жила в имении Достоевских в с. Даровом, а Михаил Андреевич (вместе со старшими детьми) должен был по делам службы жить в Москве.

Все письма матери писателя проникнуты исключительной любовью и заботливостью по отношению к мужу и детям. Временами в них чувствуется своеобразная сантиментальность, в частности очень частое употребление уменьшительных и ласкательных слов, что позволяет сравнивать стиль этих писем с письмами Макара Девушкина в самом первом по времени опубликования произведении Ф. М. Достоевского «Бедные люди» [2].

Листок из письма без даты (26).

«Посылаю тебе голубчику моему яичек две сотенки и маслица 35 фунтиков пусть стоит напогребе ему ничего не сделается лучше чем недостанет. Еще посылаю тебе 3 сорочечки новенькие сшитые совсем, да две сорочки недошитые пусть василиса на досуге дошьет... Прощай мой Ангел друг бесценный целую тебя всего без щету и пребываю с избытком богатая и счастливая тобою твоя верная тебе навеки М. Достоевская.»

---

[1] В последующих цитатах сохранена без изменения своеобразная орфография писем М. Ф., в частности, собственные имена и слова, стоящие после точки, часто начинаются ею с маленькой буквы. Интересно, что той же самой особенностью отличаются и письма ее мужа. Вообще письма матери и отца писателя местами имеют довольно много между собой общего, как в орфографии, так и в общем стиле, но далеко не всегда это сходство распространяется и на внутреннее содержание писем.

[2] Впервые обратил мое внимание на это сходство И. Ф. Шевляков, по мнению которого даже сама фамилия «Девушкин» дана была Достоевским герою этого романа не случайно, а как символ материнского начала. Впрочем, те же самые черты можно проследить и в письмах М. А. Достоевского, например — «Прощай, душа моя, голубица моя, жизненочек мой...» Интересно, что буквально тот же своеобразный эпитет «жизненочек» встречается и в письмах Макара Девушкина.

1/V 1835 г. (26).

«Не беспокойся о присылке мне денег, я и так бессовестно обобрала тебя кругом, перебивайся милой мой сам сколько можно, а я покудова не нуждаюсь, а ежели и придет нужда, то продам овсеца, которого надеюсь у меня останется... зделай милость дружочек купи Мишиньки порткрейон я думаю он выпрашивает у других и за сие поплачивает трудами.

...Душевно радуюсь и благодарю Бога, что и Ты Голубчик Мой здоров и ежели бы еще был покоен, то более ничего бы не желала в мире. Не удивляюсь друг Мой Федькиным проказам ибо от него всегда должно ожидать подобных. Василиса едва ли сладит с такими комчедалами.»

24/V 1835 г. (26).

«Чувствительно благодарю тебя дражайший неоцененный милый друг мой за твое милое письмецо из коего вижу что вы мои Любезнейшие все здоровы; благодарю Создателя за неизреченные его милости.

Дети дождались хорошей теплой погодки гуляют, а я после обеда довольно погулявши сажусь поговорить с Тобою Лучшим Моим другом о всякой всячине, хоть новостей у нас в один день никаких не случилось однакож с милым другом всегда найдется, что поговорить, и так во-первых о погоде в Москве Смешно такое начало, а подеревенски я щитаю очень интересным: вчера дружочек мой в ночи собрался дожжичек...

...На счет детских Екзаменов и поездке вашей комне незнаю, что сказать тебе друг мой, и полагаю, — что Екзамен верно последует хоть в половине сего месяца после которого не медленно и приезжайте мои милые ко мне. Только отпуск ежели бы можно было тебе просить по крайности на месяц дабы ты мог свободнее располагать собою во всяком случае, а при свидании с тобою обовсем переговорим лично и все устроем как можно будет лучше, приезжайте милые друзья мои приезжай Ангел мой первое мое желание чтоб ты погостил у меня ты знаешь, что Ето лучший для меня праздник лучшее в жизни моей наслаждение когда вы все со мною мои милые... Посылаю тебе реестр серебра, которое у тебя осталось. Незаботься о чулане там один только хлам.»

Следующее письмо представляет значение не только для характеристики личности матери писателя, но также говорит об одной черте, свойственной его отцу, а именно о приступах внешне беспричинной тяжелой тоски, которыми страдал М. А. Достоевский и которые временами даже заставляли его тяготиться жизнью.

29/V 1835 г. (26).

«Скажи мне душа моя что у тебя за тоска такая. Что такие за размышлении Грустные и Что тебя мучает друг мой у меня Сердце замирает когда воображу тебя в таком Грустном расположении умоляю тебя Ангел мой Божество мое береги себя для любви моей вспомни, что я хотя и в разлуке с тобою но боготворю тебя единственного моего друга более моей жизни дети нас любят и мы щастливы ими чегоже нам больше богатство да составит ли оно наше щастие! Друг мой умоляю тебя от брось все печальные думы Бог Милосерд не оставит нас своею милостью; но верь мне, что когда ты по веселей то и я весела, когда ты грустен, то и я плачу тебе моею грустию...»

Дальше, как и в прочих письмах, идет описание жизни в Даровом и различных мелких событий, происшедших в хозяйстве Достоевских. Из этих описаний, в общей их совокупности, выступает образ М. Ф., как практичной и домовитой хозяйки усадьбы. Некоторые же места переписки, в особенности описания ведущегося М. Ф. судебного процесса с соседним помещиком Хотяинцевым, говорят о ней, как о женщине весьма энергичной, наблюдательной и разбирающейся в людях. Заканчивается письмо с той экзальтированной силой чувства, которая вообще так характерна для писем М. Ф. к мужу:

«Прощай несравненный милый друг мой да будет милость Божия над вами драгоценные мои чтоб никакие печали не возмущали твоего спокойствия прощай жизнь моя целую тебя без счету, береги себя для нашего блага для любви моей и поверь, что во всем мире никто не любил так, как любит тебя и неперестает любить до Гроба верная твоя подруга М. Достоевская.»

Об окраске, которую могла принимать тоска М. А. Достоевского в связи с его подозрительностью, можно судить по следующему письму М. Ф.:

31/V 1836 г. (43) [1].

«В прошедшем письме твоем ты упрекнул меня изжогою, говоря, что в прежних беременностях я ее никогда не имела. Друг мой, соображая все сие, думаю, не терзают ли тебя те же гибельные для обоих нас несправедливые подозрения в неверности моей к тебе, и ежели я не ошибаюсь, то клянусь тебе, друг мой, самим богом, небом и землею, что никогда не была и не буду преступ-

[1] Так как это письмо цитируется не по подлиннику, то орфография его не сохранена.

ницею сердечной клятвы моей, данной тебе, другу милому, единственному моему пред святым алтарем в день нашего брака! Клянусь также, что и теперешняя моя беременность есть седьмой крепчайший удел взаимной любви нашей, со стороны моей — любви чистой, священной, непорочной и страстной, неизменяемой от самого брака нашего; довольно ли сей клятвы для тебя, которой я еще никогда не повторяла тебе, во-первых, потому, что стыдилась себя унизить клятвою в верности моей на шестнадцатом году нашего союза; во-вторых, что ты по предубеждению своему мало расположен был выслушать, а не только верить клятвам моим; теперь же клянусь тебе, щадя твое драгоценное спокойствие: к тому же и клятва моя, я полагаю, более имеет вероятности, судя по моему положению: ибо которая женщина в беременности своей дерзнет поклясться богом, собираясь ежечасно предстать пред страшный и справедливый суд его! Итак, угодно ли тебе, дражайший мой, поверить клятве моей или нет, — но я пребуду навсегда в той сладкой надежде на провидение божие, которое всегда было опорою моею и подкрепляло меня в горестном моем терпении! Рано или поздно бог по милосердию моему услышит слезные мольбы мои и утешит меня в скорби моей, озарив тебя святою своею истиною, и откроет тебе всю непорочность души моей! Прощай друг мой, не могу писать более и не соберу мыслей в голове моей; не грусти, друг мой, побереги себя для любви моей; что касается до меня — повелевай мною. Не только спокойствием, и жизнью моею жертвую для тебя. Прощай, поцелуй за меня детей. М. Достоевская».

Приписка к тому же письму.

«Ради самого создателя прошу тебя, друг мой, не крушись; уж не болен ли ты, голубчик мой? Не предчувствие ли меня терзает? Боже мой, заступница милосердная, царица небесная, сохрани и помилуй тебя, милого моего друга...»

А. Г. Достоевская (37).

«В одно ясное утро Федор Михайлович повез меня на (Лазаревское) кладбище, где погребена его мать, Мария Федоровна Достоевская, к памяти которой он всегда относился с сердечной нежностью».

А. М. Достоевский (49).

«Отец намеревался совсем переселиться в деревню (он подал уже в отставку), а потому желал поставить памятник на могиле нашей матери. Избрание надписи на памятнике отец предоставил братьям. Они оба решили, чтобы было только обозначено имя, фамилия, день рождения и смерти. На заднюю же сторону памят-

ника выбрали надпись из Карамзина: «Покойся, милый прах, до радостного утра». И эта прекрасная надпись была исполнена.»

Памятник на могиле М. Ф., сделанный из темного мрамора, стоит недалеко от церкви, на Лазаревском кладбище в Москве. В мае 1927 г., я нашел его в довольно сохранном состоянии. На всех четырех сторонах памятника высечено по надписи. Интересна надпись на правой стороне памятника, содержащая своего рода лаконичную характеристику покойной: «Другу милому, незабвенному, супруге нежной, матери попечительнейшей. Покойся, милый прах, до радостного утра!»

3. Достоевский Михаил Андреевич.
Муж предыдущей, отец писателя. О нем см. стр. 47.

96. Нечаев Михаил Федорович. 78/79
Дядя писателя. (1801—1838). Умер от алкоголизма. Жил в Москве. В 1833 г. перешел из купечества в мещанство. Служил главным приказчиком в суконном магазине.

А. М. Достоевский (43).

«Его приход большею частью сопровождался маленьким домашним концертом. Дело в том, что маменька порядочно играла на гитаре, дядя же Михаил Федорович играл на гитаре артистически. И вот, бывало, после обеда маменька брала свою гитару, а дядя — свою, и начиналась игра. Сперва разыгрывались серьезные вещи по нотам, впоследствии переходили на заунывные мелодии, а в конце концов, игрались веселые песни, при чем дядя иногда подтягивал голосом... И было весело и очень весело. Папенька тоже всегда был очень радушен с дядей, хотя и негодовал на него, в особенности в последнее время, за то, что дядя стал покучивать и много пить, в чем, кажется, папенька и выговаривал ему неоднократно... Пагубную страсть к вину дядя не только не оставил, но даже усиливал, отчего преждевременно и скончался в рождественские праздники с 1838 на 1839 год.».

97. Нечаева, п. м. Шер, Ольга Федоровна. 78/80
(1815—1895). «Единокровная», но не «единоутробная» [1] сестра предыдущего. Тетка писателя.

98. Шер Дмитрий Александрович. Муж предыдущей.
Умер в конце 50-х годов. Художник, архитектор. Служил в Московской дворцовой конторе. Имел иконостасную мастерскую.

[1] Т. е. родившаяся от одного отца, но от разных матерей.

99. Нечаева, п. м. Ставровская, Екатерина Федоровна. 78/80

Тетка писателя. (1823—1855). Умерла на 9-м месяце беременности от ожогов, полученных в церкви от загоревшегося платья.

А. М. Достоевский (43).

«В детстве была очень красивенькой девочкой, а когда подросла, стала просто красавицей.»

100. Ставровский Дмитрий Иванович, муж предыдущей.

(1795—1856). Врач, акушер.

А. М. Достоевский (23).

«На вид очень невзрачен, ко времени женитьбы почти уже старичек. Впрочем он на взгляд был очень тихенький и покладливый господин, но говорят, как старик, был очень ревнив, а также скупенек.»

Поколение седьмое

101. Шер Сергей Дмитриевич. 97/98

Двоюродный брат писателя. По профессии врач. Умер в молодых годах от чахотки.

102. Шер Надежда Дмитриевна. 97/98

103. Шер (имя неизвестно). 97/98

Художницы; писали картины масляными красками.

104. Шер, п. м. Казанская, Александра Дмитриевна. 97/98

105. Казанский Павел Петрович. Муж предыдущей, приходится в то же время ей дальним свойственником (см. № 127). Капитан генерального штаба, позднее генерал.

106. Шер Владимир Дмитриевич. 97/98

Окончил Московское техническое училище. Архитектор.

107. Ставровская, п. м. Дурново, Александра Дмитриевна. 99/100

Двоюродная сестра писателя. Жила с мужем в имении в Московской губ.

Ф. М. Достоевский. Письмо жене 24/VIII 1879 г. (60).

«Шеры, Ставровские — все это одного корня народ, мошенники, надувалы и валеты... У червонных валетов такие души и такие понятия, что твой вид приниженности и бедности (в 3-м классе) должен в них возбудить презрение к тебе. Останавливаешься с этими забубенными в одних и тех-же трактирах, а в деревне пожалуй в тех же избах; тут тысячи непочтительных фамильярностей можешь увидеть от них...» [1].

108. Дурново. Муж предыдущей.

109. Ставровский Федор Дмитриевич. 99/100 (1845—1885). В 1873 г. был поручиком лейб-гвардии Волынского полка. Убит случайным выстрелом на парадном смотру.

110. Ставровская, п. м. Кузьмина, Ольга Дмитриевна. 99/100

111. Кузьмин. Муж предыдущей.

112. Ставровский Максимилиан Дмитриевич. 99/100 (1848—1920). Инженер. Директор Департамента Министерства путей сообщения. Женат на своей двоюродной племяннице, Марии Николаевне Голеновской. Умер от паралича (последствия кровоизлияния в мозг).

А. А. Достоевский (28).

«Отличался красивой внешностью. Скромный, тихий, немножко себе на уме.»

В. Д. Голеновская (28).

«Педант; любил общество; слабохарактерный; находился под влиянием своей жены.»

---

[1] В цитируемом письме идет речь о совместной поездке А. Г. Достоевской с Шерами и Ставровскими в имение, доставшееся им после смерти А. Ф. Куманиной (см. № 92). Нелестные характеристики и эпитеты, расточаемые Достоевским по адресу Шеров и Ставровских, могли отчасти быть вызваны обостренностью семейных отношений, в связи с разделом куманинского наследства.

113. Ставровская, п. м. Денековская, Анна Дмитриевна. 99/100

Жила с мужем в имении в Харьковской губ.

114. Денековский Роман Семенович. Муж предыдущей.

Инженер-технолог.

КОТЕЛЬНИЦКИЕ

Поколение четвертое

115. Котельницкий Михаил Федорович.

Прадед писателя с материнской стороны (отец бабки). (1721—1798).

А. М. Достоевский (49).

«Михаил Федорович Котельницкий, родной дед моей матери, был в конце семисотых годов корректором при Московской духовной типографии, и по отзывам матери был очень умный человек.»

116. Котельницкая. Жена предыдущего.

Прабабка писателя с материнской стороны.

Поколение пятое

117. Котельницкий Василий Михайлович. 115/116.

Брат бабушки писателя (со стороны матери). (1769—1844). В 1789 г. поступил в университет. За успехи в медицинских науках получил две серебряные медали. Позднее профессор Московского университета по врачебному веществословию, рецептуре и фармации, а также декан медицинского факультета. С 1804 г. доктор медицины. С 1835 г. в отставке. Автор и переводчик нескольких сочинений и руководств по медицине и химии.

А. М. Достоевский (49).

«У нас был дедушка (родной дядя матери) Василий Михайлович Котельницкий. Он был профессором Московского университета по одной из кафедр медицинского факультета; был бездетен и имел свой собственный дом «под Новинским». Этот-то дедушка, очень уважаемый родителями, и очень любивший нас, детей, кажется поставил родителям в обязательство, чтобы во время праздников и масляницы мы все приходили к нему на целый

день. Так как все балаганы были почти около его дома, то дед и водил нас в эти балаганы по своему выбору. Родители наши уже не сопутствовали нам в этих прогулках, вполне доверяя нас деду».

А. М. Достоевский (43).

«Быв доктором, он, по его собственным словам, не написал в свою жизнь ни одного рецепта, по причине своей мнительности и боязни ошибиться. А потому при самом пустячном недуге своем или жены своей, он обращался за советом к папеньке... Много лет спустя я познакомился с доктором Успенским, бывшим слушателем В. М.; он рассказывал между прочим, что В. М. читал свои лекции по книжке, причем добавлял, что книжка для него была только, так сказать, гидом, но что в большинстве случаев старик говорил сам от себя много дельного и интересного. Вот как-то студенты, у которых он оставил свою книжку, захотели сошкольничать и переместили сделанную профессором закладку на целую лекцию назад. Приходит В. М. на первую затем лекцию, открывает книгу по сделанной заметке и начинает читать... Через несколько времени старик останавливается и говорит: «Да об этом, кажется, я читал вам уже, господа!» — «Нет, господин профессор... Мы первый раз слушаем эту интересную лекцию.» — «Гм, гм... как, однако же... того, память начинает, того, изменять мне!.. Ведь я, того, думал, что читал уже вам об этом, а выходит, что я читал это в прошлом году вашим предшественникам!»

П. Прозоров (62).

«...Что касается до декана (В. М. Котельницкого), защитника студенческого, то без преувеличения можно сказать, что это был преоригинальный старик, о котором можно написать много прекурьезных анекдотов. Для образчика приведу хоть два. Однажды, когда требовалось от преподавателей указать, по какому руководству они будут читать лекции, по своему ли собственному, или другого какого известного автора, он отвечал, что «будет читать по Пленку, что умнее Пленка-то не сделаешься, хоть и напишешь свое собственное». В другой раз, когда стали при нем хвалить молодого преподавателя, только что возвратившегося из Италии, он пренаивно отвечал: «Ну не хвалите прежде времени, поживет с нами, так поглупеет.»

«Защитником студенческим» П. Прозоров называет В. М. Котельницкого по следующему поводу. Студенты стипендиаты выразили свое недовольство казенной университетской столовой и решили объявить ей бойкот. Пришедшему для объяснений рек-

тору один из студентов открыто выразил свой протест, в очень независимом тоне. До крайности раздраженный ректор приказывает отдать выступавшего студента в солдаты и затем обращается к другому студенту, «которого счастливая физиономия с первого взгляда располагала в его пользу». Но и от него последовал тот же ответ, что «пища не хороша». — «У него и лицо-то не такое, что бы не пойти обедать», произнес тогда присутствовавший при этой сцене В. М. Котельницкий, повидимому с желанием как-нибудь разрядить сгустившуюся атмосферу. «Эх братцы!—продолжал он, — всякое даяние благо и всяк дар совершен». — «Я пришел вас защищать»,—говорил он студентам тихо. «За этот дар мы должны заплатить казне шестью годами службы», возражали студенты.

М. В. Толстой (65).

«Ординарный профессор, статский советник В. М. Котельницкий читал на первом курсе фармацию по маленькой, латинской, давно устарелой книжке «Фармация доктора Пленка». Старик очень добрый и почтенный, но профессор крайне плохой, он ограничивался буквальным чтением книжки, которую приносил с собой; она была так редка, что трудно было купить ее, и студенты принуждены были списывать, при чем делали ошибки, доходившие до бессмыслицы... Мне случилось быть у Котельницкого, чтобы просить о переводе меня на медицинский факультет. С того времени я сохранил знакомство с этим почтенным стариком, жившим в своем домике близ Смоленского рынка; иногда я бывал у него, а иногда встречал его на Смоленском рынке, где я по воскресным дням покупал книжки, а В. М. ежедневно покупал провизию и, садясь с нею на извозчика, приговаривал: «Смотри, поезжай осторожнее; статского советника везешь». Страсть к чинам была тогда почти общею, и добрейший Котельницкий увлекался величием своего чина! Другой случай в том же роде. В. М. спускался, после акта, с большого крыльца старого университетского здания в мундире и треугольной шляпе с плюмажем (тогда чиновники V класса и выше носили плюмаж на шляпах); студенты, собравшиеся на крыльце, закричали ему вслед: «Петух идет!», а он преважно отвечал им: «а петух-то статский советник!» ...На втором году курса унивеситетские занятия были почти те же, что и на первом, и при том с теми же профессорами. Разница состояла только в том, что Котельницкий вместо фармации читал фармакологию по книжке того же самого Пленка, но показывал нам разные медикаменты из университетской аптеки, приговаривая: medicamentum est, quod morbum in corpore tollit, venenum, autem quod destruit vitam» (лекарство—то, что изгоняет болезнь из

тела, а яд — то, что разрушает жизнь). При этом престарелый профессор прибавлял: «а бывает иногда и наоборот, и от лекарства подчас человек умереть может; так нужно прописывать рецепты поосторожнее». Некоторые из студентов, переписывая плохую, но очень редкую книжку Пленка, и мало понимая латинский язык, на котором она написана, вместо слова: venenum писали venereum и так произносили на репетициях; впрочем почтенный профессор не обращал на это внимания. Часто заключал он лекцию до звонка такими словами: «а мне пора к Надежде Андреевне (жене); она у меня нездорова».

Н. И. Пирогов (59).

«Теперь нельзя себе составить и приблизительно понятие о том господстве комического элемента, который я застал в университете. Мы, мальчики 14—17 лет, ходили на лекции своего и другого факультетов нередко для потехи. И теперь без смеха нельзя себе представить Вас. Мих. Котельницкого, идущего в нанковых, бланжевых штанах в сапоги (а сапоги с кисточками), с кульком в одной руке и с фармакологией Шпренгеля, перевод Иовского, под мышкою. Это он, Вас. Мих. Котельницкий (проживавший в университете), идет утром с провизией из Охотного ряда на лекцию. Он отдает кулек сторожу, а сам ранехонько утром отправляется на лекцию, садится, вынимает из карманов очки и табакерку, нюхает звучно, с храпом, табак и, надев очки, раскрывает книгу, ставит свечку прямо перед собой и начинает читать слово в слово и при том с ошибками. Вас. Мих. с помощью очков читает в фармакологии Шпренгеля: «Клещевинное масло, oleum ricini, — китайцы придают ему горький вкус». Засим кладет книгу, нюхает с вхрапыванием табак, и объясняет нам, смиренным его слушателям: «вот, видишь ли, китайцы придают клещевинному-то маслу горький вкус». Мы, между тем, смиренные слушатели, читаем в той же книге — «кожицы придают ему горький вкус».

118. Котельницкая (п. м.) Надежда Андреевна. Жена предыдущего.

(1777—1853).

79. Котельницкая, п. м. Нечаева, Варвара Михайловна. 115/116

Бабушка писателя. Первая жена Ф. Т. Нечаева (с 29 июля 1795 г.). Умерла 8 июня 1813 г.

119. Котельницкая, п. м. Тихомирова, Анна(?). Михайловна. 115/116

Сестра бабушки писателя (со стороны матери).

120. Тихомиров Андрей. Муж предыдущей.

Поколение шестое

121. Тихомиров Василий Андреевич. 119/120

Двоюродный брат матери писателя. Учитель математики в одном из городов южной России. Крайне близорук (23).

122. Тихомирова, п. м. Маслович Анастасия Андреевна. 119/120

А. М. Достоевский (43).

«Это была пожилая уже дама, вечно страдающая зубными болями и флюсами и вечно подвязанная белым платком. Она постоянно курила трубку, вероятно, как помощь от зубной боли, но впоследствии и привыкла к табаку. Мне очень тогда казалось странным, что дама курит. Еще одну странность помню у теньки. У нее была очень дурная привычка долго оставаться в передней. Бывало, уже наговорится досыта, и последнее время уже молчит, но как только попрощается и наденет в передней салоп, то всегда у нее явится новая интересная тема для разговора и она держит провожающих ее в передней в стоячем положении по целому часу. Папеньку и маменьку всегда это возмущало: сперва маменька, бывало, садилась на деревянный коник, бывший в передней, а папенька приносил стул; но увлеченная своим говором, гостья этого не замечала; тогда папенька просто-на-просто, бывало скажет: «Вы бы, сестрица скинули салоп и пожаловали опять в залу.» — «Нет, братец, я спешу и сейчас ухожу.» — И действительно, после этого минут через пять, окончательно простившись, уходит.»

123. Маслович Григорий Павлович. Муж предыдущей. Штаб-лекарь. Умер в 1840 г.

А. М. Достоевский (43).

«Г. П. Маслович, по словам маменьки, был, так сказать, сватом моего отца. Служа с отцом вместе в Московском военном госпитале и узнав его за доброго и хорошего человека, Григорий

Павлович познакомил его с домом моего деда, Федора Тимофеевича Нечаева, с которым был по жене своей в родстве... Помню его по-странному, совершенно не русскому выговору. Кажется он был из сербов. Но затем он перестал бывать у нас, так как был разбит параличом и был прикован к постели, с которой не вставал до своей смерти.»

В записи о рождении Ф. М. Достоевского упоминается как восприемник Ф. М. Достоевского.

Поколение седьмое

124. Маслович Екатерина Григорьевна. 122/123

125. Фамилия неизвестна. Муж предыдущей. По национальности поляк.

126. Маслович, п. м. Казанская, Анна Григорьевна. 122/123

127. Казанский Петр Павлович. Муж предыдущей. Военный врач.

У супругов Казанских было три сына: Павел, Константин и Петр. Старший Павел женился на своей дальней свойственнице, Александре Дмитриевне Шер (№ 104).

128. Маслович, п. м. Иванова, Мария Григорьевна. 122/123

Косая.

129. Иванов. Муж предыдущей.

ГЛАВА IV

ВЕТВЬ МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО

Поколение седьмое

130. Достоевский Михаил Михайлович. 3/95
(13/X 1820—10/VII 1864). Старший брат писателя. Учился сначала вместе с братом Федором в московском пансионе Чермака, а затем в ревельской инженерной команде. Литератор, поэт, знаток европейских литератур. Известны его переводы из Шиллера («Разбойники», «Дон Карлос»), Гете («Рейнеке Лис») и В. Гюго («Собор Парижской богоматери»). Редактор-издатель журналов «Время» и «Эпоха». Склонность к литературной деятельности проявлял в течение всей жизни, начиная с ранней юности. В инженерную команду поступил, следуя желанию отца.

В 50-х годах для увеличения своих средств основал небольшую табачную фабрику, носившую характер кустарного предприятия; впервые в России начал продавать коробки папирос с «сюрпризами». Фабрика эта просуществовала около десяти лет; не выдержав конкуренции с фабрикой «Лаферм» и другими предприятиями, она была ликвидирована, не дав М. М. ничего кроме долгов.

Два тома собрания его сочинений изданы «Пантеоном литературы» в 1915 г.

Умер от нарыва в печени и от последовавшего при этом излияния желчи в кровь.

А. М. Достоевский. Воспоминания (49).

«Старшие братья были погодки, росли вместе и были очень дружны; дружба эта сохранилась до конца жизни старшего брата. Но, несмотря на эту дружбу, они были совершенно различных характеров. Брат Михаил был в детстве менее резв, менее энерги-

чен, менее горяч в разговорах, нежели брат Федор, который был во всех проявлениях своих — н а с т о я щ и й о г о н ь, как выражались наши родители... брат Федор любил более чтение серьезное, в отличие от брата Михаила, который любил поэзию и сам пописывал стихи, бывши в старших классах пансиона (чем брат Федор не занимался). Но на Пушкине они мирились, и оба, кажется, и тогда чуть не всего знали наизусть.»

Насколько сильно желал отец М. М. Достоевского чтобы сын его избрал дорогу инженера можно видеть по той экзальтированной радости, с которой им была встречена весть о сдаче М. М. приемных экзаменов.

М. А. Достоевский. Письмо к сыну Михаилу, 12/II 1838 г. (26).

«Велико милосердие божие! Чем мы недостойные возблагодарим Всещедрого Бога, за Его к нам неизреченные милости! Сколько несправедливо мы роптали, да послужит сие для нас назидательным примером, на всю жизнь нашу, что Всевышний послал нам сие кратковременное испытание для блага и пользы нашей. не имею слов для возблагодарения Богу за ниспосланную нам сию неизреченную милость, разве воскликну с тобою, Слава Всевышнему на Небеси и на земли!.. Благодарю тебя мой возлюбленный, за сию радостную весть, поверишь ли, что ты оною призвал меня к жизни и воскресил надежду всего нашего бедного семейства, вижу душу твою, вижу милый мой, что сердце твое радуется за тебя и и за нас»...

Однако дорога инженера совершенно не соответствовала природной одаренности и влечениям, как Михаила так и Федора Достоевских и была лишь их уступкой настойчивой воле отца, который впрочем и сам догадывался о внутренней драме своих сыновей, что видно из следующих строк того же самого письма его:

«Ежели ты уже совершенно поступил то на пиши мне откровенно доволен ли ты своею участию, мне, что-то все кажется что ты пожертвовал собою единственно с тем, чтоб нас Успокоить. Друг мой на пиши откровенно, не так, как отцу, а так, как другу— доволен ли ты избранною службою, какие у тебя надежды на будущее, какое у вас содержание. Уведомь доволен-ли Фединька своим теперешним состоянием, ты писал мне, что он скучает тем, что надобно становиться во фронт перед офицерами, скажи ему, чтобы он не скучал, ибо это неизменный устав воинской службы, а лучше всего, чтобы он себя поставил на месте офицера, я полагаю, что ему было бы приятно, естьли бы низшие воздавали ему

честь, а более всего, что тот, кто неумеет повиноваться, не будет уметь и повелевать.»

Отметим попутно, как относился к своей инженерной специальности гениальный брат М. М. Достоевского. Об этом можно судить хотя бы по следующему отрывку из его письма к своей любимой племяннице С. А. Ивановой:

2 (20/III 1869 (26).

«Меня очень беспокоит то, что Вы пишете о нездоровьи Саши[1]; это дурно; но скажите, что за причина ему была оставить университет, и заняться таким неблагодарным делом (неблагодарным, я знаю наверно), как инженерство путей сообщения. И какие расчеты были у Александра Павловича? [2]. Вот по таким-же точно, может быть, расчетам, и меня с братом Мишей свезли в Петербург, в Инженерное училище, 16-ти лет и испортили нашу будущность. По моему это была ошибка.»

Во время подготовки к инженерной специальности мысль М. М. работала совсем в ином направлении.

М. М. Достоевский. Письмо к отцу, 28/XI 1838 г. (44).

«...Пусть у меня возьмут все, оставят нагим меня, но дадут мне Шиллера, и я позабуду весь мир! Что мне все эти внешности, когда мой дух голоден! Тот кто верит в прекрасное уже счастлив! Я часто плачу от радости, чаще нежели от горя, и жду (не дождусь) с нетерпением посещения минут этих! Вот радость! Духовная радость, а не физическая!.. Ну! Папинька! Порадуйтесь вместе со мною! Мне кажется, что я не без поэтического дарования! Написал уж много мелких стихотворений, отсылал несколько к Шидловскому, и он хвалит их чрезвычайно! Я сам уже начинаю верить что в них есть поэзия. Теперь я начал писать драму. Она мне удалась в первом действии! Ежели Вы не рассердитесь, то я Вам пришлю что-нибудь! Грустно только, что не с кем поделиться моими восторгами, некому прочесть своих сочинений. Поэзия моя содержит всю мою теперешнюю жизнь, все мои ощущения, горе и радости. Это дневник мой!»

Ф. М. Достоевский. Письмо к брату Михаилу, 31/X 1838 г. (49).

«Брат, я прочел твое стихотворение... Оно выжало несколько

[1] Старший брат С. А. Ивановой.
[2] Отец С. А. Ивановой.

слез из души моей и убаюкало на время душу приветным нашептом воспоминаний. Говоришь что у тебя есть мысль для драмы... Радуюсь... Пиши ее... О ежели бы ты лишен был и последних крох с райского пира, тогда что тебе оставалось бы... — Послушай! Мне кажется, что слава так же содействует вдохновенью поэта. Байрон был эгоист; его мысль о славе была ничтожна, суетна... Но одно помышленье о том, что некогда вслед за твоим былым восторгом вырвется из праха душа чистая, возвышенно-прекрасная, мысль, что вдохновенье как таинство небесное, освятит страницы, над которыми плакал ты и будет плакать потомство, не думаю, чтобы эта мысль не закрадывалась в душу поэта и в самые минуты творчества.»

Ф. М. Достоевский. Письмо к брату Михаилу, от 1/I 1840 г. (49).

«Теперь о твоих стихах; послушай милый брат! Я верю: в жизни человека много, много печалей, горя и — радостей. В жизни поэта это и терн и розы... Лирика — всегдашний спутник поэта; потому что он существо словесное. Твои лирические стихотворенья были прелестны; «Прогулка», «Утро», «Виденье матери», «Роза» (кажется так), «Фебовы кони», и много других прелестны. Какая живая повесть о тебе, милый! И как близко она сказалась мне...

О. Ф. Миллер (49).

«Медицинское свидетельство главного доктора Инженерного училища, Волькенау, признавшего совершенно здорового старшего брата — чахоточным, а болезненного младшего — здоровым, расстроило планы отца. Михаил Михайлович не был принят и в июне 1838 г. отправился в Ревель для поступления кондуктором в тамошнюю инженерную команду...

Михаил Михайлович, определившись на службу в ревельскую инженерную команду, задумал жениться на тамошней уроженке Эмилии Федоровне Дитмар. Этот выбор, по свидетельству г. Ризенкампфа, пришелся не по вкусу опекуну братьев Достоевских. Он отказался выдавать Михаилу Михайловичу, за непослушание, причитавшиеся каждому из братьев с выходом в офицеры 400 асс. в год. ...Как бы в пику Михаилу Михайловичу, опекун аккуратно высылал Федору Михайловичу, со времени производства его в офицеры, причитающиеся ему деньги.»

А. А. Достоевский (42).

«Михаил Михайлович, получив специальное военное образование, вскоре по производстве в офицеры вышел в отставку и за-

нялся литературной деятельностью, но, не веря в свое творческое дарование, перестал писать и занялся переводами. Его переводы «Рейнеке Лис», «Разбойники», «Дон Карлос» и др., кажется, и в настоящее время считаются лучшими из существующих.»

Ф. М. Достоевский. Письмо брату Михаилу (1847 ? г.) (49).

«Тяжела судьба твоя, милый брат! С твоим здоровьем с твоими мыслями, без людей кругом, с скукой вместо праздника, и с семейством, о котором, хоть и свята и сладка забота, но тяжело бремя — жизнь невыносима. Но не унывай духом, брат! Просветлеет время. Видишь ли, чем больше в нас самих духа и внутреннего содержания, тем краше наш угол и жизнь. Конечно, страшен диссонанс, страшно неравновесие, которое представляет нам общество. Вне должно быть уравновешено с внутренним. Иначе, с отсутствием внешних явлений, внутреннее возьмет слишком опасный верх. Нервы и фантазия займут очень много места в существе. Всякое внешнее явление с непривычки кажется колоссальным и пугает как-то. Начинаешь бояться жизни. Счастлив ты, что природа обильно наделила тебя любовью и сильным характером. В тебе есть еще крепкий здравый смысл и блестки бриллиантового юмора и веселости. Все это еще спасает тебя.»

Е. М. Достоевская (32).

«В противоположность своему брату Федору, очень ровен и сдержан в обращении с людьми — никогда не выходил из себя. Страстный любитель музыки, но сам не играл. Прекрасно рисовал акварелью. Замечалась некоторая рассеянность. Чрезвычайно близорук. В связи с близорукостью и рассеянностью часто не узнавал на улице даже своих детей. Страдал подергиваниями мускулов рта.»

О. Ф. Миллер (49).

«Про М. М. существовала легенда, будто привычное у него подергивание головы и плеч происходит от того, что он, при допросах по делу Петрашевского, был подвергнут телесному наказанию. По словам д-ра Яновского, Михаил Михайлович клятвенно его уверял, что это наглая ложь [1].»

Л. Ф. Достоевская (39).

«Алкоголизм моего деда был роковым почти для всех его детей. Его старший сын Михаил и самый младший Николай уна-

[1] Аналогичная легенда существовала и относительно возникновения эпилепсии у Ф. М. Достоевского.

следовали эту болезнь. Мой дядя Михаил, хотя и пил, однако, мог все-таки работать... Эта болезнь сохранилась в семье дяди Михаила, и ею было одержимо второе и третье поколения... Вследствие постоянно учащавшихся припадков запоя моего дяди Михаила, Достоевский был вынужден сам вести дела по журналу... Издание журнала «Время» было запрещено из-за одной статьи, которую не поняла цензура. Это было тяжелым ударом для Михаила Достоевского. Его ослабленное запоем здоровье не выдержало, и он умер после кратковременной болезни.»

А. А. Достоевский (28).

«Широкая публика под именем алкоголика понимает лицо с явными, всем известными внешними признаками этой болезни, а некоторые представители медицины, насколько мне известно, склонны считать чуть ли не классическими алкоголиками таких лиц, которые всю свою жизнь перед обедом выпивают по рюмке водки.

Если считать алкоголиками этих последних лиц, то все Достоевские, без исключения, — алкоголики, ибо ни у кого из них не было органического отвращения к спирту. Сам Федор Михайлович пил: в письме к Милюкову (июнь 1866 г. Сборник Ветринского) он пишет: «P. S. Припадков еще не было. Водку пью. Что холера.»

Такая точка зрения, по моему, абсолютно не верна. Именно по этой-то причине дочь Михаила Михайловича — Екатерина Михайловна категорически отвергает алкоголизм своего отца, хотя она вместе с тем нисколько не скрывает того, что он далеко не чуждался спиртных напитков.

К сожалению, бесспорными алкоголиками, по общим нашим родственным впечатлениям, надо признать: Николая Михайловича № 313), Михаила Михайловича (№ 136) и Михаила Михайловича № 173).»

М. М. Достоевский. Письмо к брату Федору, 27/I 1863 г. (26).

«Вчера собралось у меня несколько приятелей: нужно было спрыснуть новый журнал, и мы подпили. Ныньче, вследствие непривычки или простуды у меня смертельно голова болит и маленькая дрожь.»

А. Г. Достоевская (35).

«...Федор Михайлович вспоминал всегда о Михаиле Михайловиче с самым нежным чувством. Он любил его более, чем кого

другого из своих кровных родных, может быть, потому, что вырос вместе с ним и делил мысли в юности.»

Ф. М. Достоевский (45).

«Не смотря на свою «деловитость», брат бывал довольно слаб к просьбам и не умел отказывать... Он был человек высокого порядочного тона, вел и держал себя как джентльмен, которым и был на самом деле.»

Ф. М. Достоевский. Письмо к брату Андрею, 29/VII 1864 г. (21).

«Для такого брата, каким он был, я и голову и здоровье отдам.»

Некоторые из приводимых ниже данных отличаются противоречивостью и неясностью.

Ф. М. Достоевский (46).

«М. М. был человек настойчивый и энергический. Он принадлежал к разряду людей деловых — разряду, весьма между нами немногочисленному, к разряду людей, не только умеющих замыслить и начать дело, но и довести его до конца, несмотря на препятствия. К несчастию, характер покойного был в высшей степени восприимчивый и впечатлительный. При этой восприимчивости впечатлений он мало доверял их другим, хранил их в глубине себя, мало высказывался, особенно в несчастьях и неудачах. Когда он страдал, то страдал один и не обременял других своею экспансивностью. Только удачу, радость любил он делить добродушно со своими домашними и близкими; в такие минуты он не мог и не хотел быть один. Это определение его характера почти слово в слово совпадает с тем, что накануне его смерти было высказано консилиумом докторов о свойствах характера Михаила Михайловича.»

Ф. М. Достоевский. Письмо Н. Н. Страхову, 10 (22)/II 1871 г. (49).

«Брат получил за три года с журнала по крайней мере 65 тысяч чистого барыша, и если умер без копейки и в долгах, то ведь это уж совсем не касается журнала.»

Н. Н. Страхов (49).

«Михаил Михайлович, как и многое множество наших дворян, имел очень мало свойств делового человека... Братья

Достоевские принадлежали к числу людей непрактичных, или мало практичных... Михаила Михайловича нельзя было считать человеком вполне непрактичным; он был довольно осмотрителен и предусмотрителен.»

В. Лейкина (53).

«М. М. Достоевский посещал Петрашевского с зимы 1847 г. и Дурова, представляя среди дуровцев умеренный элемент. Привлекался к следствию; 23 апреля вместо него был арестован Андрей Мих. Д—ий, а М. М. арестован 6 мая, освобожден 24 июня, получив негласное пособие от государя в 200 рублей.»

М. М. Достоевский. Письмо к начальнику III отделения, Л. В. Дуббельту (47. Примечания А. С. Долинина).

«Ваше Превосходительство Милостивый Государь Леонтий Васильевич. На милостивое письмо Вашего Превосходительства от 16 сего июля честь имею почтительнейше отвечать, что Всемилостивейше пожалованные мне единовременно в пособие деньги двести рублей серебром мною получены 28-го числа сего месяца.

С глубочайшим почтением честь имею пребыть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою Михаил Достоевский. Июля 30-го 1849 года.»

I-я экспедиция департамента полиции. Дело № 214, резолюция о М. М. Достоевском. (47. Примечания А. С. Долинина).

«Отставной подпоручик М. М. Достоевский не только не имел никаких преступлений против правительства, но даже им противодействовал».

А. М. Достоевский. (43).

«...Мы вышли вместе на улицу, и тогда Ульман начал так: Андрей Михайлович, я очень вас уважаю и не хотел бы скрыть от вас того, что сейчас услышал в кабинете Барановича... Когда доложили о вашем приезде Барановичу и когда он велел попросить вас обождать, тогда Краевский выразился так: «А, явился предатель своих братьев!» Когда же Баранович, услышав это, вскинул вопросительно на Краевского глаза, то тот, не смущаясь ответил: «А как же, ведь он предал своих двух братьев по делу Петрашевского и сам через это высвободился из дела целым и невредимым!».

Ф. М. Достоевский (45).

«Приведу еще одно обстоятельство о покойном брате моем, кажется, очень мало кому известное. В сорок девятом году он был арестован по делу Петрашевского и посажен в крепость, где и высидел два месяца. По прошествии двух месяцев их освободили несколько человек (довольно многих), как невинных и неприкосновенных к возникшему делу. И действительно: брат не участвовал ни в организованном тайном обществе у Петрашевского, ни у Дурова. Тем не менее он бывал на вечерах у Петрашевского и пользовался из тайной общей библиотеки, склад которой находился в доме Петрашевского, книгами. Он был тогда фурьеристом и со страстью изучал Фурье. Таким образом, в эти два месяца в крепости, он вовсе не мог считать себя безопасным и расчитывать с уверенностью, что его отпустит. То, что он был фурьеристом и пользовался библиотекой открылось и, конечно, он мог ожидать если не Сибири, то отдаленной ссылки, как подозрительный человек. И многие из освобожденных через два месяца подверглись бы ей непременно (говорю утвердительно), если б не были все освобождены по воле покойного государя, о чем я узнал тогда же от князя Гагарина, ведшего все следствие по делу Петрашевского. По крайней мере, я узнал тогда то, что касалось освобождения моего брата, о котором сообщил мне князь Гагарин, нарочно вызвав меня для того из каземата в комендантский дом, в котором производилось дело, чтоб обрадовать меня. Но я был один, холостой, без детей; брат же, попав в крепость, оставил на квартире испуганную жену свою и троих детей, из которых старшему было тогда всего 7 лет, и вдобавок без копейки денег. Брат мой нежно и горячо любил детей своих и воображаю, что перенес он в эти два месяца! Между тем, он не дал никаких показаний, которые бы могли компрометировать других, с целью облегчить тем собственную участь, тогда как мог бы кое-что сказать, ибо хоть сам ни в чем не участвовал, но знал о многом. Я спрошу: многие ли так поступили бы на его месте? Я твердо ставлю такой вопрос, потому что знаю — о чем говорю. Я знаю и видел: какими оказываются люди в подобных несчастьях, и не отвлеченно об этом сужу. Пусть как угодно посмотрят на этот поступок моего брата, но все же он не захотел, даже для своего спасения, сделать то, что считал противным своему убеждению. Замечу, что это не голословное мое показание: все это я в состоянии теперь подтвердить точнейшими данными. А между тем брат в эти два месяца, каждый день и каждый час, мучился мыслью, что он погубил семью, и страдал, вспоминая об этих трех маленьких дорогих ему существах и о том, что их ожидает...»

А. П. Милюков (55).

«Однажды рано утром прислали мне сказать, что и М. М. Достоевский в прошлую ночь арестован. Жена и дети его остались без всяких средств, так как он нигде не служил, не имел никакого состояния и жил одними литературными работами для «Отечественных записок», где вел ежемесячное «Внутреннее обозрение» и помещал небольшие повести. С арестом его семейство очутилось в крайне тяжелом положении, и только А. А. Краевский помог ему пережить это несчастное время. Я не боялся особенно за М. М. Достоевского, зная его скромность и сдержанность; хотя он и бывал у Петрашевского, но не симпатизировал большинству его гостей и нередко высказывал мне несочувствие к тем резкостям, которые позволяли себе там более крайние и неосторожные люди. Сколько я знал, на него не могло быть сделано никаких серьезно опасных показаний, да притом в последнее время он почти совсем отстал от кружка. Поэтому я надеялся, что арест его не будет продолжителен, в чем и не ошибся.»

Показания Ф. М. Достоевского
по делу петрашевцев (61).

«...Я говорю это к тому, что брат познакомился с Петрашевским через меня, что в этом знакомстве я виноват, а вместе в несчастьи брата и семейства его. Ибо если я и другие в эти два месяца заключения вытерпели только тоску и скуку, то он выстрадал в десять раз более в сравнении с нами; он от природы сложения слабого, наклонен к чахотке и, сверх того, мучается душою о погибшем семействе своем, которое должно буквально и неизбежно погибнуть от тоски, лишений и голода в его отсутствии. И потому этот арест должен быть для него буквально казнию, тогда как виновен он менее всех. Я считаю себя обязанным сказать это, ибо знаю, что он не виноват ни в чем, не только словом, но даже мыслию.»

Из первого письма Ф. М. Достоевского к брату Михаилу, после окончания срока каторжных работ. Омск, 22 февраля 1854 г. (47).

«Наконец-то, кажется, я могу поговорить с тобою попространнее и повернее. Но прежде, чем напишу строчку спрошу тебя: Скажи ты мне ради господа бога, почему ты мне до сих пор не написал ни одной строчки? И мог ли я ожидать этого? Веришь ли, что в уединенном, замкнутом положении моем, я не-

сколько раз впадал в настоящее отчаяние, думая что тебя нет и на свете, и тогда по целым ночам раздумывал, что было бы с твоими детьми, и клял мою долю, что не могу быть им полезным. Другой раз когда я узнавал наверное что ты жив, меня брала даже злоба (но это было в болезненные часы, которых у меня было много) и я горько упрекал тебя. Но потом и это проходило; я извинял тебя, старался прииcкать все оправдания, успокаивался на лучших, и ни разу не потерял в тебя веры.»

Ф. М. Достоевский. Письмо А. Е. Врангелю, 23/III 1856 г. (49).

«Напишите мне подробно и скорее: как вы нашли моего брата? В каких он мыслях обо мне. Прежде это был человек меня любивший горячо! Он плакал, прощаясь со мною. Не охладел ли он ко мне! Не изменил-ли характера! Как грустно было бы мне это! Не обратился-ли он весь в наживу денег и забыл все старое? Не верится мне как-то этому. Но опять: чем-же объяснить, что он не пишет иногда по 7 по 8 месяцев, пишет бог знает что, даже в бесцензурном письме с Хоментовским не отвечал ничего на мои вопросы, и так мало я вижу прежнего, задушевного! Никогда не забуду, что он сказал Хоментовскому, передавшему ему мою просьбу похлопотать за меня, что мне лучше оставаться в Сибири... Мы с ним когда-то и вздорили, но горячо любили друг друга, и, клянусь вам я бы голову за него отдал. У меня дурной характер, но когда дойдет до дела, тогда я стою за друзей. Когда нас арестовали, то уж тут, кажется бы, в первую минуту ужаса, позволительно-бы подумать прежде всего о себе. Что-же? Я думал только об нем, о том, как поразит арест его семью, как поразит его бедную жену; я умолял третьего моего брата, которого арестовали ошибкой, не объяснять ошибки арестовавшим как можно долее и послать денег брату, полагая что у него нет. Неужели он забыл все старое и рассердится на то, что я прошу много денег и когда? — Когда для меня самый критический момент всей жизни. Напишите, как он принял вас, как вы его нашли, откровенно напишите его образ мыслей обо всем этом деле, и слушайте только своего золотого сердца...»

М. М. Достоевский. Письмо брату Федору, 18/IV 1856 г. (26).

«Вчера вечером был у нас А. Е. Врангель и так как меня, как нарочно, не было дома, то он оставил мне письмо твое. Но по ошибке оставил он не то письмо, которое ты писал ко мне, а то, которое было писано тобою к нему. Рассказывать тебе,

какие чувства терзали меня при чтении письма твоего, и какие слезы я выплакал, когда прочел его, я не стану. Я не спал всю ночь. Я мучился и плакал. Боже мой! Неужели я не заслужил перед тобою бо́льшего доверия к любви моей и моему сердцу? Неужели ты не мог предположить других причин, более важных, моему молчанию и вообще нежеланию писать тебе мимо официального пути. Милый брат, единственный друг,— потому что у меня нет друзей—единственный друг, перед которым я никогда не скрывал себя, я хочу наконец оправдаться перед тобою, хочу в первый раз преступить приказ, данный мне, не вести с тобою тайной переписки под опасением большой ответственности. И потому слушай и верь вечному моему слову. Это будет искреннее и чистосердечное признание.

После нашей разлуки с тобою спустя месяца три я начал хлопотать о дозволении писать к тебе. Видит Бог и моя совесть, я хлопотал долго и усердно. Я ничего не выхлопотал. Мне отвечали на основании законов, что до тех пор пока ты на к. работах это невозможно. Я даже понял, что дальнейшие хлопоты, не пособя делу, могут навлечь на меня только неприятности. На счет же тайной переписки я был достаточно предупрежден, чтобы осмелиться на нее. И потому я решил помогать тебе, если представятся случаи, но не компрометировать ни тебя, ни себя ни единою строкою. Брат, друг мой, у меня шесть человек детей, я находился и, может быть, еще нахожусь и теперь под надзором, брат, скажи мне, не была ли простительна с моей стороны подобная решимость? И несмотря на это, верь мне или не верь, как хочешь, но я говорю тебе, что я боялся писать тебе более ради тебя, чем ради своей личной безопасности. У меня дрожь проходила по телу при мысли, чем мог бы рисковать ты, если б увлеченный моими письмами сам стал отвечать мне и попался бы. Подумай об этом, войди в мои тогдашние ощущения. Теперь скажи мне — и это я пишу не с тем, чтоб выставлять свои заслуги перед тобою — скажи мне, разве всегда, когда представлялись случаи, как только я узнавал, что ты говоришь мне: брат, помоги мне! разве всегда я не делился с тобою по-братски? Как часто, почти всегда, особенно в первое время, я посылал тебе последнее и на другой, третий день бегал по знакомым и канючил себе несколько рублей до жалованья. Все это дело прошлое, все это истории темные и мизерные, но они по крайней мере доказывают безграничную любовь и преданность. Вот почему я останавливаюсь на них: мне так хочется воскресить в сердце твоем свой прежний образ, помраченный в тебе сомнениями.

О милый мой! а сколько нравственных страданий, сколько

оскорбительных подозрений испытал я от окружавших меня людей. Чтобы не скомпрометировать наших сношений, я тщательно скрывал их от всех, и на меня начали смотреть как на дурного брата! Меня за глаза обвиняли в эгоизме и равнодушии. Никто не верил, чтоб я так долго хлопотал о дозволении переписываться с тобою. Я чувствовал вокруг себя холод. Самолюбие мое оскорблялось в самом святом, высоком чувстве и оскорблялось незаслуженно. Сколько я вытерпел в первые четыре года нашей разлуки! Мне не было даже и того утешения, чтобы довериться двум-трем испытанным сердцам и подкрепить себя их одобрением. Каждое письмо твое начиналось упреками и могло только еще более вооружить их против меня. Меня спасло чувство гордости. Я стал прямо смотреть в глаза и сам бросил тех, в ком видел только учтивую холодность...

...А это еще что такое? Что это ты пишешь, будто я сказал полковнику, что тебе лучше оставаться в Сибири. Разумеется сказал, но прибавил: «чем на Кавказе». Это дело другое и я от своих слов не отказываюсь, потому что знаю, каково иногда бывает на Кавказе. Милый мой, вот тебе полная и откровенная исповедь. Я не сержусь на тебя за твои сомнения, потому что знаю, твое сердце уязвлено многими огорчениями. Ты тоже много выстрадал, как и я, еще больше, конечно, моего, хотя я, право, не знаю, за что я страдал все эти 6 лет...»

Ф. М. Достоевский. Письмо А. Е. Врангелю, 13/IV 1856 г. (49).

«Вы не поверите, как я обрадовался тому, что мой брат вам понравился и, что вы, кажется, сойдетесь с ним. Сделайте это ради бога; не раскаятесь. Как я ряд, что он все тот же и любит меня. Много я вам написал о моих сомнениях даже на его счет в прошлом письме. Но еслиб вы знали, в каком грустном, в каком ужасном я был положении и как я раскаиваюсь в моих предположениях на счет брата.»

Ранее М. М. объяснял свое молчание тем, что несмотря на все хлопоты он не мог добиться разрешения писать брату, как отбывающему каторжные работы. Однако письма М. М. не делаются чаще и после того, как Ф. М. не только отбыл срок картожных работ (15 февраля 1854 г.), но и был восстановлен в офицерском чине (1 октября 1856).

Ф. М. Достоевский. Письмо А. Е. Врангелю, 25/I 1857 г. (49).

«Вы пишите о брате: мне жаль, что вы с ним не [сойдетесь] сходитесь. Я об нем бог знает с какого времени ни слуху, ни духу

не имею. Он дает мне в 8 месяцев по 2 строчки, никогда не пишет о нужном... [1] Чего он боится? Есть столько, о чем надо написать и что *можно* написать. А я нуждаюсь в известиях. Он мне ни слова не пишет о литературе, а ведь это мой хлеб, моя надежда. Хоть бы он отвечал мне только на мои вопросы. Например, я крайне нуждаюсь знать, кто нынче антрепренеры литературные! Это для меня капитально! Не понимаю, не понимаю его, не смотря ни на какие *его объяснения*. Я знаю одно: это превосходнейший человек. Но что же с ним делается?»

Ф. М. Достоевский. Письмо к брату Михаилу, 19/VII 1858 г. (49).

«Бесценный друг и брат Миша... пойми прежде всего, что беспокоишь меня *ты*, только один *ты*, и что я решительно не понимаю теперь, что о тебе подумать? В последнем письме своем ты писал мне о тяжелых торговых неприятностях. Не они ли и теперь причиною твоего молчания? Пойми, друг мой, что я о тебе убиваюсь. Здоров-ли ты? Жив-ли ты? Ничего этого я не знаю... Я тебя каждую ночь во сне вижу, тревожусь страшно. Я не хочу, чтоб ты умер, я хочу еще раз в жизни видеть и обнять тебя, мой бесценный. Успокой же меня ради бога, и если ты здоров, то ради Христа отбрось все свои дела и хлопоты и напиши мне сейчас, сию минуту, иначе я с ума сойду.»

131. *Дитмар*, п. м. *Достоевская*, Эмилия Федоровна. Жена предыдущего.

(1822—1879). В браке с М. М. Достоевским с января 1841 г. По происхождению прибалтийская немка из г. Ревеля. Умерла от рака груди.

130'. *Аникиева* Прасковья Петровна. Мать побочного сына М. М. Достоевского.

А. Г. Достоевская (38).

«Были еще 2 письма от Прасковьи; она только и думает, чтобы выпросить у Феди денег, хотя при отъезде он и дал ей сколько мог.»

«Федор Михайлович... доверил Паше [2] отнести 40 рублей Прасковье Петровне, а тот отдал только 30, а 10 рублей не донес.»

---

[1] Далее несколько слов густо зачеркнуто.
[2] П. А. Исаев, пасынок Ф. М. Достоевского.

132. Достоевский Федор Михайлович. 130/131
(1842—1906). В отличие от своего гениального тезки в семье Достоевских назывался «Фед. Мих. младший». Пианист; ученик Антона Рубинштейна. Директор Саратовского отделения Русского музыкального общества. Имел в Саратове собственную торговлю музыкальными инструментами. Умер от аневризма аорты.

Ф. М. Достоевский. Письмо к брату Михаилу (1847 г.) (49).

«Помню, как иногда я нарочно злился на Федю, которого любил в то же самое время, даже больше тебя» [1].

Ф. М. Достоевский. Письмо брату Михаилу, 21/VIII 1855 г. (47).

«В последнем письме ты писал о детях, что Федя добрый мальчик, но небольших способностей и, что Машечка не так хороша лицом, как была при мне, ребенком, но в таких летах, мне кажется, трудно заметить и то и другое.»

А. Г. Достоевская (37).

«Отличный музыкант. Имел много выгодных уроков на рояле.»

Ф. М. Достоевский. Письмо А. Н. Майкову. 9(21)/X 1867 г. (47)

«Вот Федя, так бравый малый: мать кормит, семейство кормит. Вот это молодец!»

Ф. М. Достоевский. Письмо к П. А. Исаеву, 19/II (13/III) 1868 г. (47).

«...Феде надо помочь; он трудится, и дай ему бог. Я его люблю очень. И тоже готов бы все отдать, да покамест нечего.»

Ф. М. Достоевский. Письмо к Э. Ф. Достоевской, 26(14)/II 1869 г. (47).

«Получил я письмо из Москвы от Сонечки Ивановой; она пишет, что Федя был у них на Рождестве и показался ей очень апатичным.»

---

[1] Воспоминания Ф. М. Достоевского, о которых он пишет в этом письме, относятся к лету 1846 г., когда он ездил гостить к брату Михаилу в Ревель. Странно, что он мог испытывать такие сложные и противоречивые чувства по отношению к трехлетнему ребенку, каким был тогда Ф. М. «младший».

Ф. М. Достоевский. Письмо к С. А. Ивановой, от 8 (20)/III 1869 г. (26).

«Вы пишете, что видели Федю. Человек он добрый, это правда, и, по моему, ужасно похож, по сущности своего характера, на покойного брата Мишу, своего отца, в его годы, кроме его образования, разумеется. Необразование ужасно гибельная вещь для Феди. Конечно ему скучно жить: при образовании и взгляд его был бы другой и самая тоска его была бы другая. Эта скука и тоска его, конечно, признак хорошей натуры, но в то же время может быть для него и гибелью, доведя его до какого-нибудь дурного дела; вот этого я боюсь за него. Вообще вся эта семья, так мне близкая, меня приводит в отчаяние. Эмилия Федоровна жалуется на свою бедность... При мне было бы им лучше. Мысль об них меня беспрерывно мучает.»

Милий Фед. Достоевский (29).

Человек очень увлекающийся.

133. Кóпцева, п. м. Достоевская, Валентина Савельевна.

(1860—1913). Жена предыдущего (его бывшая ученица музыки). Умерла от туберкулеза.

132'. Вторая жена. Сведений нет.

134. Достоевская, п. м. Владиславлева, Мария Михайловна. 130/131

(1843—1888). Пианистка. Ученица Антона Рубинштейна. Умерла от скоротечной чахотки.

Ф. М. Достоевский. Письмо к брату Михаилу, 31/XII 1843 г. (47).

«Ежели будет у тебя дочка, то назови Марией» [1].

Е. А. Штакенштейдер (68).

«У нас тогда [2], после выхода студентов из крепости, часто танцовали. Его (Ф. М. Достоевского) племянница, Мария Ми-

[1] Повидимому в память матери—Марии Федоровны (указ А. С. Долинина).

[2] Относится ко времени около 1860 г.

хайловна, хорошенькая девушка и отличная музыкантша, интересовала всех молодых гораздо более, нежели он.»

Письма Достоевского к жене. (Примечание А. Г. Достоевской. (60).

«Федор Михайлович очень любил ее в детстве и тяготился происшедшею между ними ссорою, не имевшею никаких серьезных причин.»

Ф. М. Достоевский. Письмо к жене. 18/V 1867 г. (60).

«Всю ночь снилась ты мне и еще, представь себе, Маша, моя племянница, сестра Феди. Мы с ней во сне помирились, и я очень был доволен.»

Л. Ф. Достоевская (39).

«Посвятив всю жизнь памяти брата Михаила, он (Ф. М Достоевский) со своей стороны желал, чтобы его племянники и племянницы относились к нему, как к своему руководителю и покровителю, и следовали его советам. Это требование очень рассердило детей дяди Михаила. Они считали естественным жить на счет дяди, но у них не было охоты слушаться его. Они смеялись над Достоевским за его спиной и обманывали его. Одну из его племянниц, его любимицу, полюбил студент, довольно бесцветный молодой человек, ненавидевший Достоевского «за то, что он в лице Раскольникова оскорбил русское студенчество». Однажды, во время спора с моим отцом по политическим вопросам, он выразился непочтительно. Достоевский рассердился и велел своей невестке не принимать больше этого дерзкого молодого человека. Они сделали вид, что послушались, но влюбленный студент тайно бывал у них в доме попрежнему. Окончив курс университета и получив место в министерстве, он поспешил жениться на моей двоюродной сестре. Неблагодарная с особым удовольствием отпраздновала свадьбу тайно, не пригласив своего дядю, между тем как он работал, как негр, для того, чтобы поддержать их семью. Когда новобрачная позже встретила у своей матери моего отца, она смеялась ему в лицо и обращалась с ним, как со старым дураком. Мой отец был глубоко огорчен этою неблагодарностью. Он любил свою племянницу Марию, как собственную дочь, ласкал и занимал ее, когда она еще была ребенком, а позже гордился ее музыкальным талантом и ее девичьими успехами. Она была одной из лучших учениц Антона Рубинштейна. Часто, когда моего отца приглашали читать на литературно-музыкальном вечере, он настаивал, чтобы пригласили и мою кузину для игры

на рояле, и мой отец гордился больше ее успехами, чем своими[1].

Муж Марии вскоре понял, какую глупость он совершил, порвав со знаменитым писателем. Спустя шесть или семь лет, когда мои родители возвратились из-за границы, он пытался возобновить дружеские отношения и привлечь моего отца к заботам о будущности его многочисленных детей. Достоевский согласился принять свою племянницу, но своей любви он не мог ей вернуть, ибо она угасла.»

А. А. Достоевский (28).

«Екатерина Михайловна Достоевская отвергает предположение, что брак ее сестры с М. И. Владиславлевым состоялся против воли Федора Михайловича.»

А. М. Достоевский (23).

«Племянница моя Мария Михайловна была все то же добрейшее существо, что и прежде.»

135. Владиславлев Михаил Иванович. Муж предыдущей с июля 1867 г.

(1840—1890). Профессор философии и ректор Петербургского университета.

Страдал косоглазием (указание Н. В. Чехова).

А. Г. Достоевская (37).

«Федор Михайлович возобновил знакомство со многими друзьями, а у своего родственника, проф. М. И. Владиславлева имел случай встретиться со многими лицами из ученого мира...[2]»

«Выбор этого курорта[3], как нашего летнего местопребывания, был сделан по совету проф. М. И. Владиславлева, мужа родной племянницы Федора Михайловича, Марии Михайловны... Последние два часа переезда пароход шел по реке Полисти; она очень извилиста, и Старая Русса, со своими, издалека виднеющимися церквами, казалось, то приближалась, то отдалялась от нас. Наконец, в три часа дня, пароход подошел к пристани. Мы забрали свои вещи, сели на линейки и отправились разыскивать нанятую для нас (через родственника Владиславлева) дачу священника Румянцева.»

---

[1] Об одном таком совместном выступлении Достоевского и его племянницы, состоявшемся 2 марта 1862 г., на литературно-музыкальном вечере, организованном студенчеством, упоминает в своих воспоминаниях о Достоевском (стр. 232) Н. Н. Страхов.

[2] Указание это относится к зиме 1871—72 г.

[3] Речь идет о Старой Руссе.

136. Достоевский Михаил Михайлович. 130/131

(1846—1896). Женился 9 ноября 1869 г. В возрасте 17 лет учился в Петербургской консерватории по классу скрипки. Умер от алкоголизма в богадельне.

Ф. М. Достоевский. Письмо к Э. Ф. Достоевской, 23(11)/X 1867 г. (47).

«Как бы хорошо было, еслиб Миша старался искать что-нибудь посерьезнее чем скрипка. Стоит только начать приучаться.»

Ф. М. Достоевский. Письмо к А. Н. Майкову, 9(21)/X 1870 г. (47).

«Есть у меня племянник Миша, тот женился еще раньше Паши, но тот мальчик очень умный и с характером.»

А. М. Достоевский (23).

«Нигде хорошо не учился, затем рано женившийся, вообще вышел неудачным, а впоследствии стал даже алкоголиком.»

Ф. М. Достоевский. Письмо к С. А. Ивановой, 8(20)/III 1869 г. (26).

«Миша, которого вы не знаете и который лучше Феди, почти ничего не делает и все ищет места.»

А. С. Долинин (47. Примечания).

«Больной, психически не совсем нормальный, алкоголик».

137. Антонова, п. м. Достоевская, Мария Сергеевна. Жена предыдущего.

(1845—1920). Умерла от туберкулеза. По профессии акушерка. Отличалась энергией.

138. Достоевская Надежда Михайловна. 130/131

Умерла в детстве.

139. Достоевский Владимир Михайлович. 130/131

Умер в детстве.

140. Достоевская Ольга Михайловна. 130/131

Умерла в детстве.

141. Достоевская Екатерина Михайловна. 130/131

(12/XII 1853—30/VIII 1932).

П. А. Исаев. Письмо Ф. М. Достоевскому, 31/V 1868 г. (47).

«В доме все по-старому. Изменилась только Катя, сильно выросла, чуть не догнала мамашу. У ней теперь экзамены; до сих пор держала хорошо, осталось только два, вероятно, и их выдержит. Резвушка она стала страшная. В этот год она значительно развилась.»

Ф. М. Достоевский. Письмо к С. А. Ивановой от 8 (20)/III 1869 г. (26).

«Катя растет в большой тоске».

А. Г. Достоевская. Воспоминания (37)

«К десяти часам я шла с кухаркой на Сенную за покупками... Возвращаясь к одиннадцати часам, я почти всегда заставала у себя Катю Достоевскую, племянницу Феодора Михайловича. Это была прехорошенькая девочка лет 15-ти, с прекрасными черными глазами и двумя длинными белокурыми косами за спиной. Ее мать, Эмилия Федоровна, несколько раз говорила мне, что Катя меня полюбила, и выражала желание, чтобы я имела на нее влияние. На столь лестный для меня отзыв я могла ответить только приглашением бывать у меня как можно чаще, так как у Кати не было постоянных занятий и дома было скучно, то она и приходила к нам прямо с утренней прогулки.»

Л. Ф. Достоевская (39).

«Вторая из моих двоюродных сестер еще более жестоко огорчила Достоевского. Она влюбилась в одного довольно известного ученого, которого бросила его жена, хотя и любившая другого, но не соглашавшаяся на развод, чтобы не дать свободы своему обманутому мужу. В те времена в России трудно было получить развод. Его почти невозможно было добиться без взаимного соглашения. Моя кузина пренебрегла общественным мненьем и стала, как говорили тогда, «гражданской женой» ученого, не имевшего права жениться на ней. Она жила с ним до самой его смерти, более двадцати лет, и все друзья ученого относились к ней, как к законной жене. Несмотря на чистоту этой связи, мой отец не мог никогда простить своей племяннице. Это произошло несколько лет спустя после бракосочетания моих родителей, и моя мать рассказывала мне позже, что Достоевский рыдал, как дитя, узнав о «позоре» его племянницы. «Как она смела обесчестить свое честное имя Достоевской?»—повторял мой отец,

горько плача. Он запретил моей матери поддерживать какие-либо сношения с провинившейся. Я никогда не знала этой кузины.»

Е. М. Достоевская (32).

«Унаследовала, повидимому, от отца близорукость».

142. Манассеин Вячеслав Авксентьевич. Гражданский муж предыдущей.

(1841—1901). Известный ученый и общественный деятель, бывший профессор Военно-медицинской академии в Петербурге, основатель и редактор журнала «Врач». Умер от постепенной закупорки сосудов левой половины большого мозга.

143. Достоевский Николай Михайлович. 130/131

Близнец с последующей. Род. летом 1854 г. Умер года через 1½ после рождения.

144. Достоевская Варвара Михайловна. 130/131

Близнец с предыдущим. (1854—1864). Умерла от скарлатины.

М. М. Достоевский. Письмо к брату Федору 1/III 1864 г. (26).

«Тоска томит нас обоих. Точно душа наша отлетает от нас. Каждый день я плачу по Варе. Это был ведь наш последний ребенок. Чуть только останусь один, так она и вертится передо мною с своей гримаской, за которую я обыкновенно называл ее: «нос!» Бедная маленькая Люшка!»

145. Аникиев (?) Иван (Михайлович?) 130/131'

Внебрачный сын М. М. Достоевского. Пользовался материальной поддержкой от Ф. М. Достоевского (писателя).

Ф. М. Достоевский. Письмо к жене. 30/VII 1878 г. (60).

«Поцалуй детей, скажи что папа цалует, поцалуй и Ваню.»

Поколение девятое

146. Достоевский Милий Федорович. 132/133

Род. в 1884 г. Назван Милием в честь композитора Милия Балакирева. В 1909 г. окончил Археологический институт, а в 1910 г. спец. классы Лазаревского института в Москве. Автор

ряда работ по истории искусства. Совершил несколько поездок по Азии.

В 1922—23 гг. находился на излечении в клинике нервных болезней I МГУ, позднее жил в московском общежитии ЦЕКУБУ для престарелых ученых. Вследствие паралича ног может передвигаться лишь в катающемся кресле.

146′. Жена предыдущего. Сведений нет.

147. Щукина Евгения Андреевна. Жена предыдущего.
Род. 1 июля 1897 г. Мещанка г. Белева, Тульской губ. Развод через три месяца.

148. Достоевская Татьяна Федоровна. 132/133
Род. в 1886 г. Пианистка. Окончила курс Петербургской консерватории по классу Николаева. Состоит преподавательницей музыки в Калужском музыкальном техникуме. Некоторое время была в нем ректором. Рисует.

Е. М. Достоевская (29).

В общем не ординарна, не шаблонна, с огоньком. Очень самостоятельна.

В. В. Симоненко (29).

Очень упорна в достижении поставленной цели, замкнута и умна.

148′. Сведений нет.

149. Достоевский Всеволод Федорович. 132/133
(1887—1888). Близнец с последующей. Умер от цереброспинального менингита.

150. Достоевская Ольга Федоровна. 132/133
Близнец с предыдущим. Умерла одновременно со своим близнецом братом от той же болезни (цереброспинальный менингит).

151. Филиппова по первому мужу Лури, по второму Юзефович, Мария Владимировна. 132/?
Внебрачная дочь Ф. М. Достоевского «младшего». Род. в 1880 г. (приблизительно). В 1924 г. разошлась со вторым мужем.

Тат. Фед. и Милий Фед. Достоевские (29)

Боится всех средств передвижения — на трамвае, на извозчиках и т. п. Не могла решиться сесть в поезд даже после того, как для нее было отведено отдельное купэ. Любит поэзию, пишет стихи. Умеет со вкусом обставить квартиру. Очень любит цветы.

152. Лури. Первый муж предыдущей.

Убит в Петербурге полицией 9 января 1905 г.

153. Юзефович Исаак Ефимович. Второй муж предыдущей.

154. Владиславлев Владимир Михайлович. 134/135

Род. 1863 г. Окончил Филологический факультет Моск. университета. Служил податным инспектором в Ярославле.

М. Ф. Достоевский, Н. В. Чехов, О. М. Бережнова (29).

Будучи еще студентом писал стихи, которые помещал в журнале «Неделя» (приблизительно за 1887—89 гг.). Позднее автор научных статей и критических заметок в разных газетах и журналах.

155. Гайдебурова, п. м. Владиславлева, Вера Павловна. Первая жена предыдущего.

(1865—1893). Дочь известного литератора и редактора-издателя журнала «Неделя». П. А. Гайдебурова. Умерла от туберкулеза легких.

О. М. Бережнова и Н. В. Чехов. (29).

Хорошие музыкальные способности. У матери ее — артистические способности.

156. Крылова, п. м. Владиславлева, Софья Алексеевна. Вторая жена предыдущего.

Род. в 1872 г.

157. Владиславлева, п. м. Бережнова, Ольга Михайловна. 134/135

Род. в 1869 г. Вдова. Живет в Самаре, где служит секретарем медицинского факультета Самарского Гос. университета. Художница. Склонна к меланхолии.

158. Бережнов Иван Павлович. Муж предыдущей. (1866—1919). Служил столоначальником департамента железнодорожных дел министерства финансов.

159. Владиславлева Вера Михайловна. 134/135

Род. в 1870 г. Служила счетоводом в селе Бармино Нижегородской губ. Учительница музыки. Замужем не была. Музыкальные и артистические способности. Склонна к меланхолии, подобно своей сестре Ольге.

160. Владиславлева, п. м. Жекулина, Надежда Михайловна. 134/135

Род. в 1872 г. Была артисткой театра и заведующей Народным домом в селе Бармино, Нижегородской губ., теперь работает в Самарском городском театре помощником бутафора. С мужем разошлась. В данное время носит фамилию Владиславлева-Достоевская. Артистические и художественные способности.

161. Жекулин Евгений Николаевич. Муж предыдущей. Род. в 1872 г. Художник и архитектор.

162. Владиславлев Николай Михайлович. 134/135
(1874—1915). Умер от туберкулеза легких.
Музыкальные способности.

М. Ф. Достоевский (29).

Учился в университете, но курса не окончил. Служил в конторе Госуд. банка. Жизнерадостный; «не дурак выпить».

163. Ермолаева, п. м. Владиславлева, Мария Ивановна. Жена предыдущего.
Род. в 1874 г. По профессии балерина.

164. Владиславлев Иван Михайлович. 134/135
(1876—1877). Умер от менингита.

165. Владиславлев Михаил Михайлович. 134/135
Род. в 1878 г. Холост. Артист драмы. Артистические способности. Неврастения.

166. Владиславлев Леонтий Михайлович. 134/135
Род. в 1882 г. Врач страховой кассы при Сормовском заводе в Нижегородской губ.
Большие артистические и музыкальные способности.

167. В и н о г р а д о в а, п. м. В л а д и с л а в л е в а, Галина Михайловна. Жена предыдущего.
Род. в 1904 г.

168. В л а д и с л а в л е в а Александра Михайловна. 134/135
Род. в 1885 г., ум. в том же году от воспаления брюшины.

169. В л а д и с л а в л е в а Варвара Михайловна. 134/135
(1888—1889). Умерла от менингита.

170. Д о с т о е в с к а я, п. м. З е л е н е в а, Наталья Михайловна. 136/137
(1871—1921). Умерла в Саратове от холеры. Оставила троих детей.

М. Ф. Достоевский (29).

Гимназию окончила с золотой медалью. Служила на Рязано-Уральской ж. д. Анемичная, меланхоличная, очень религиозная; любила повторять: «как богу будет угодно».

171. З е л е н е в Василий Алексеевич. Муж предыдущей.
Оставил семью и жил отдельно в Москве.

172. Д о с т о е в с к а я Екатерина Михайловна. 136/137
Род. в 1872 г. Служит в Детском Селе. Замужем не была.

173. Д о с т о е в с к и й Михаил Михайлович. 136/137
(1874—1917). Умер в Царскосельском госпитале от туберкулеза. Холост.

Е. М. Достоевская (32).

Очень милый, несколько приниженный человек, несчастный вследствие своей пагубной страсти к вину.

М. Ф. Достоевский (29).

Гимназию не окончил; ничем не занимался. Алкоголик. Виртуозно играл на балалайке.

174. Д о с т о е в с к а я Мария Михайловна. 136/137
Род. в 1878 г. Окончила курсы Шлезингера. Давала уроки музыки. Большие драматические способности, но профессиональной артисткой никогда не была. Служит в Детском Селе, в Агрономическом институте. Замужем не была.

175. Елена. 146/146′
Род. в 1906 г. Умерла в грудном возрасте от менингита.

176. Достоевская Ирина Владимировна. 148/148′
Род. в 1919 г.

По личным наблюдениям.

Уже в 1924 г., несмотря на свой ранний возраст, обнаруживала несомненные музыкальные способности, в форме музыкального слуха и чувства ритма. Например, в моем присутствии, безошибочно определяла, не смотря на клавиатуру, какая клавиша рояля звучит — «белая» или «черная».

177. Лури Игорь. 151/152
Музыкант-виолончелист, ученик Зеферта. Давал концерты вместе с Тат. Фед. Достоевской. Проявляет также композиторские способности.

А. А. Достоевский (28).

«...Екатерина Михайловна Достоевская очень восхваляет музыкальные способности Игоря Лури и думает, что он будет выдающимся виолончелистом.»

178. Владиславлев Александр Владимирович. 154/155
Род. в 1894 г. Инструктор при Губсоюзе в Сибири. Имеет трех дочерей. Большие музыкальные способности.

179. Владиславлева (по мужу) Наталия Павловна. Жена предыдущего.
Брак окончился разводом.

180. Владиславлев Михаил Владимирович. 154/155
Род. в 1898 г. Культурно-просветительный работник при военном ведомстве.
Музыкальные способности. Неврастения.

181. Владиславлева (по мужу) Варвара Андреевна. Жена предыдущего.

182. Владиславлева Наталья Владимировна. 154/156
Единокровная сестра предыдущих. Род. приблизительно в 1904 г.

183. В л а д и с л а в л е в а Надежда Владимировна. 154/156
Род. около 1909 г.

184. В л а д и с л а в л е в а Нина Владимировна. 154/156
Род около 1909 г.

185. В л а д и с л а в л е в Всеволод Николаевич. 162/163
Род. в 1895 г.

186. В л а д и с л а в л е в Георгий Николаевич. 162/163
Род. в 1902 г.

187. В л а д и с л а в л е в Лев Леонтьевич. 166/167
Род. в 1924 г.

188. З е л е н е в Георгий Васильевич. 170/171
Род. в 1904 г.
Не пожелал учиться, неизвестно по какой причине (32).

189. З е л е н е в а, Мария Васильевна. 170/171
Род. в 1906 г.

190. З е л е н е в Сергей Васильевич. 170/171
Род. в 1909 г.

В 1924 г. все трое детей Зеленевых жили в Детском Селе, где воспитывались у своих теток, Екатерины и Марии (28).

Поколение одиннадцатое

191. В л а д и с л а в л е в а Ольга Александровна. 178/179
Род. около 1920 г.

192. В л а д и с л а в л е в а Вера Александровна. 178/179
Род. около 1919 г.

193. В л а д и с л а в л е в а Наталья Александровна. 178/179
Род. около 1920 г. (28).

ГЛАВА V

ВЕТВЬ ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО

Поколение седьмое

194. Достоевский Федор Михайлович. 3/95
(30/X 1821—28/I 1881). Гениальный писатель. По образованию военный инженер. Стремление к литературному творчеству проявилось уже в ранней юности (так же как и у старшего брата его, Михаила). Страдал эпилепсией, наложившей свой отпечаток на всю личность Ф. М. и на характер его творчества.

195. Констант, по первому мужу Исаева, по второму Достоевская, Мария Дмитриевна. Первая жена писателя.
(1828—1864). В замужестве за Ф. М. Достоевским с 6 февраля 1857 г. Умерла от туберкулеза.

Н. Н. Фохт (66).

«Первую супругу Ф. М. я видел только один раз в Москве, у Ивановых, и она на меня произвела впечатление в высшей степени болезненной и нервно-расстроенной женщины.»

196. Сниткина, п. м. Достоевская, Анна Григорьевна. Вторая жена писателя.

Родилась 30 августа 1846 г. Замужем за Достоевским с 15 февраля 1867 г. Умерла 9 июня 1918 г. от острого воспаления кишек.

Ей посвящен роман Достоевского «Братья Карамазовы».

Автор обширных трудов, посвященных воспоминаниям о писателе и увековечению памяти о нем, как то:

«Музей памяти Ф. М. Достоевского в Российском Истори-

ческом Музее. 1846—1903.» ПБ. 1906; «Дневник». Изд. «Новая Москва», 1923 г.; «Воспоминания», Госиздат. 1925.

Одно время А. Г. изучала прошлое рода Достоевских. Собранные ею в этом направлении материалы хранятся в Пушкинском Доме Академии наук СССР, в архиве Достоевского. Несколько выписок из этих материалов включено в настоящее исследование.

Вот как описывает обстоятельства своей второй женитьбы сам Ф. М. Достовский в письме к Сусловой от 23 апреля (5 мая) 1867 г. (47):

«Я женился в феврале нынешнего года. По контракту я обязан был Стеловскому доставить к 1 ноября прошедшего года новый роман не менее 10 печатных листов обыкновенной печати, иначе подвергался страшной неустойке... Было 4-го октября, а я еще не успел начать. Милюков посоветовал мне взять стенографа, чтоб диктовать роман, что ускорило бы вчетверо дело. Ольхин, профессор стенографии прислал мне лучшую свою ученицу, с которой я и уговорился. С 4-го же октября и начали. Стенографка моя, Анна Григорьевна Сниткина, была молодая и довольно пригожая девушка, 20 лет, хорошего семейства, превосходно кончившая гимназический курс, с чрезвычайно добрым и ясным характером. Работа у нас пошла превосходно. 28 ноября (октября? М. В.) роман Игрок (теперь уже напечатан), был кончен в 24 дня. При конце романа я заметил, что стенографка моя меня искренно любит, хотя никогда не говорила мне об этом ни слова, а мне она все больше и больше нравилась. Так как со смерти брата мне ужасно скучно и тяжело жить, то я предложил ей за меня выйти. Она согласилась, и вот мы обвенчаны. Разница в летах ужасная (20 и 44), но я все более и более убеждаюсь, что она будет счастлива. Сердце у ней есть и любить она умеет.»

А. П. Милюков (55).

«Этот второй брак Достевского был вполне счастлив, и он приобрел в Анне Григорьевне и любящую жену, и практическую хозяйку дома, и умную ценительницу своего таланта. Если Фед. Мих., при своей житейской непрактичности, успел выплатить более 25.000 своих и братниных долгов, то это могло сделаться только при распорядительности и энергии его жены, которая умела и вести дела с кредиторами и поддерживать мужа в тяжелые дни.»

Ф. М. Достоевский. Письмо к А. Н. Майкову, 16 (28)/VIII (47).

«Анна Григорьевна оказалась сильнее и глубже, чем я ее знал и расчитывал, и во многих случаях была просто ангелом-хранителем моим».

Ф. М. Достоевский. Письмо к жене, 24/VII (5/VIII) 1876 г. (60).

«...Ах Анька, как бы нам что-нибудь заработать. Ты пишешь мне свою обыкновенную поговорку, что мы странные люди: десять лет прошли а все больше и больше любим друг друга. Но проживем и 20 лет и пророчу тебе, что и тогда ты напишешь: «странные мы, 20 лет прожили, а все больше и больше любим друг друга». Я по крайней мере за себя отвечаю, но проживу ли 10 лет за это не отвечаю.»

Ф. М. Достоевский. Письмо к жене, 2(14)/VIII 1876 г. (60).

«Ты мне снишься не только во сне, но и днем. Но обожаю я не за одно это. Ты в высшей степени мне друг — вот что хорошо. Не изменяй мне в этом, напротив умножь дружбу собственной откровенностью (которой у тебя иногда нет), тогда у нас пойдет еще в 10 раз лучше. Счастье будет, Анька, слышишь.»

А. Г. Достоевская (37).

«Федор Михайлович знал, что меня интересуют подробности, а поэтому на них не скупился и сообщал все свои разговоры, а я всегда выспрашивала: «Ну, а что она тебе сказала, а ты что ему ответил?» [1].»

---

[1] Повышенная любовь к подробностям является одним из компонентов эпилетоидного характера. Возможно, что эпилепсия младшего сына писателя была вызвана двусторонним эпилептоидным отягощением, как по линии Достоевских, так и со стороны Анны Григорьевны, по линии ее матери. В неизданной части своих «Воспоминаний» А. Г. пишет о своих родителях: «Главою дома была моя мать, обладавшая сильной волей; папа добровольно подчинялся маме и отвоевал себе лишь одно: свободу разыскивать и покупать на Апраксином и др. рынках разные редкости и диковинки, а преимущественно ценный фарфор». Будучи домовладелицей, мать Анны Григорьевны считала нужным вмешиваться во все семейные конфликты своих квартирантов и — «как дама энергичная, умела накричать и припрозить виновнику семейной распри и, что всего удивительнее, никогда не встречала в ответ дерзостей за свое вмешательство».

Впрочем, относительно самой Анны Григорьевны никаких указаний на особое обострение своевольно-кроткой пропорции не имеется. Возможно что в данном отношении сказывалась смягчающая роль циклоидных элементов ее характера. Таким образом, поставить характерогический диагноз сколько-нибудь уверенно мы в данном случае не можем.

А. А. Достоевский (28).

«У Анны Григорьевны (я ее лично очень хорошо знал, находился с нею в самых дружественных отношениях, искренно любил ее и она меня жаловала) была манера всегда все явления и случаи жизни несколько преувеличивать, просто для красного словца. И это она делала не скрывая, а, напротив, с некоторым довольно примитивным комизмом — показывая, что она преувеличивает... Основными чертами ее характера были — живость, практичность, энергия и предприимчивость.»

М. А. Чехова (29).

Человек практического склада ума.

Е. Н. Опочинин (29).

Про А. Г. один близко ее знавший человек выразился так: «если бы она не вышла замуж за Достоевского, то открыла бы на Невском меняльную лавку».

А. Г. Достоевская (37).

«Наступил знаменательный день в нашей жизни, 22 января 1873 г., когда в «Голосе» появилось наше объявление о выходе в свет романа «Бесы». Часов в девять явился посланный от книжного магазина М. В. Попова, помещавшегося под Пассажем. Я вышла в переднюю и спросила, что ему надо?

— Да вот объявление Ваше вышло, так мне надо десяток экземпляров.

Я вынесла книги и сказала с некоторым волнением:

— Цена за десять экземпляров 35 руб., уступка 20%, с вас следует 28 руб.

— Что так мало? А нельзя ли 30%, — сказал посланный.

— Нельзя.

— Ну, хоть 25%?

— Право, нельзя — сказала я, в душе сильно беспокоясь: а что, если он уйдет и я упущу первого покупателя?

— Если нельзя, то получите, — он подал мне деньги.

Я была так довольна, что дала ему даже 30 коп. на извозчика.

...Конечно, я рада была и полученным деньгам, но главное тому, что нашла себе интересующее меня дело — издание сочинений моего дорогого мужа; была я довольна и тем, что так удачно осуществила предприятие, вопреки предостережениям моих литературных советчиков.»

А. Г. Достоевская (38).

«...Потом мы разговорились о благородстве. Он (Ф. М. Достоевский) сказал, что я готова «отца — мать за деньги продать», не только мужа; когда же я протестовала против этого, то сказал мне, что нет на свете человека благороднее меня...»

Л. С. Михаэлис (29).

Перед Октябрьской революцией Анна Григорьевна была очень богата. Чуть ли не целая улица в Ялте была скуплена ею, кроме того она владела еще имением на Черноморском побережье около Туапсе [1].

Л. Ф. Достоевская (39).

«Моя мать считала себя истинно-русской. Но это было верно только отчасти: ее характер носил явные следы ее шведского происхождения, склонность к мечтательности и восточная лень не были ей присущи; в течение всей своей жизни она была очень деятельна, и я никогда не видела ее со сложенными руками. Она всегда находила какое-нибудь новое дело, воодушевлявшее ее, и большею частью доводила до конца взятую на себя задачу. Правда, у нее никогда не было широкого умственного кругозора русских женщин, расширяющих его многосторонним чтением; но взамен этого она обладала практическим умом, которого лишены большинство моих соотечественниц... Наряду с хорошими качествами ее шведских предков, моя мать унаследовала также и некоторые их недостатки. Она отличалась всегда слишком большим, почти болезненным самолюбием; всякая мелочь ее огорчала и она легко поддавалась людям, умевшим ей льстить.

Моя мать была несколько суеверна, верила в сны, в предчувствия. У нее даже была склонность к странному ясновидению, свойственному многим нормандкам. Она предсказывала, смеясь и шутя, не придавая серьезного значения своим словам, и первая бывала удивлена, почти испугана, когда ее подчас удивительные предсказания странным образом сбывались. Это ясновидение совершенно исчезло на пятидесятом году ее жизни, одновременно с истерией, омрачавшей ее молодость. Она отличалась всегда слабым здоровьем, была малокровна, нервна, беспокойна и часто подвергалась нервным припадкам. Эта нервность ухудшалась злополучной украинской нерешительностью, заставляющей коле-

---

[1] В отделе рукописей Публичной библиотеки им. Ленина сохранились планы четырех бывших владений А. Г. Достоевской в Крыму (Аутка близ Ялты) и на Кавказе.

баться среди сотен возможностей и вынуждающей придавать самым простым вещам драматическую и даже трагическую окраску... Несмотря на то, что она была награждена медалью, она не любила науку, не могла прежде всего понять, для чего нужно столько знаний. Русские молодые девушки любят учиться для своего развития, для лучшего понимания жизни и для того, чтобы иметь возможность наслаждаться литературой. Подобная неопределенность была чужда моей матери. Она хотела изучить специальность, которая позволила бы ей тотчас же зарабатывать деньги.»

М. Н. Стоюнина (по записи В. Ф. Стасюковой) (41).

«М. Н. Стоюнина обрисовывает Анну Григорьевну — гимназистку: она девочка настойчивая, живая, пылкого темперамента. Она некрасива; особенно портил детский ее облик серый цвет лица; движения ее неловкие, почти неуклюжие; хороши одни серые глаза: умные, лучистые. Среди сверстниц она отличается начитанностью. В школе ее считали принадлежащей к семье демократической: ее отец и мать были простые люди. На Песках имели два деревянных домика, — на окраине, почти в пустырях. Отец был мелким чиновником, мать отдавалась интересам кухни. Училась А. Г. охотно, имела дар красивого слога. Она привлекала к себе сердца своей правдивостью, искренностью. При всей своей серьезности она очень любила хохотать с подругами. Она умело улавливала в жизни и людях элемент смешного и выявляла его в комическом изображении». В зрелом возрасте у нее, по описанию М. Н. Стоюниной, — «овальное лицо, глаза проницательные, глубокие, лоб открытый, слегка выступающий, энергический подбородок, признак властного характера, нос с изящной японской горбинкой. У нее красивые зубы, но с синевой; пепельный цвет волос и, от неустанного труда, мозолистые огрубелые руки; цвет лица нехороший, бледный — той бледностью, какую видишь у человека, глубоко потрясенного волнением. Она из тех пламенных натур, у кого трепещущее сердце, не знающее ровного, спокойного биения... В А. Г. было много трагического, это чувствовалось даже в минуты самой обыденной будничной жизни. Много было в ней также и истерического... Она отличалась даром картинного воспроизведения всего того, что видела и наблюдала в окружающей жизни. Стоит ей выйти на улицу, на рынок, с самой будничной целью, как она все подметит: не только крупное событие, яркую сцену, но и мелкие, но характерные подробности. Возвратясь домой, она все изобразит картинно, сценично, в лицах,— в ней несомненно таился огонек артистки... А. Г. не покладая рук

работала для поднятия материального положения семьи. Все было принесено в жертву гению Достоевского. По возвращению из-за границы в Петербург, Достоевские долго еще были запутаны в долгах; бедность вынуждала их нести вещи в заклад, бывали периоды прямо-таки нищеты. А. Г. самоотверженно стала слугою Достоевского, — слугою и матерью не только детей, но и его. Как опытная стенографистка, она ведет стенографическую запись сочинений, ведет корректуру, переговоры с типографией, добивается открытия книжного склада, в сотрудничестве с артельщиком завязывает сношения с провинцией, куда поставляет учебники, распространяет издания уже раньше изданных произведений мужа. Она настолько поглощена этими делами, что даже обязанности матери часто не выполняются ею: воспитание детей заброшено; их рубашонки в дырках, головки запущены. Да и вообще весь семейный уклад Достоевского был какой-то неустойчивый, безалаберный. Сам Федор Михайлович баловал детей и, когда поправлялись его денежные дела, ему особенное удовольствие доставляло привозить им лакомые, нередко изысканные угощения, но заниматься воспитанием и развитием детей у обоих не было ни времени, ни уменья. Самая болезненность детей объясняется отчасти частым кормлением их острыми маринадами, пряностями и пресыщением сладким... Вот еще несколько деталей из их семейной жизни. Бывали моменты, когда Федор Михайлович делал А. Г. подарки; тогда разыгрывались порою сцены трагикомические. Однажды получив за какую-то книгу крупный гонорар, Ф. М. купил ей браслет в 300 руб. Она растрогана, в восторге от драгоценности, твердит, что браслет слишком изящен для ее огрубелых рук. Однако, ее мучает браслет, она жалуется мужу, что на насущные нужды денег не хватает, что ей стыдно принимать такой роскошный подарок и просит вернуть браслет в магазин. Ф. М. приходит в отчаяние, чем заставляет ее согласиться вновь принять подарок. Тогда опять начинаются у нее приступы самообличения, они не дают ей покоя, в конце концов браслет благополучно возвращается в магазин, а Ф. М. в обиде и горечи восклицает: «Неужели я не имею права подарить жене браслет!» — Анна Григорьевна не может утешить его. И опять начинаются муки.»

З. С. Ковригина (41).

Культ мужа был содержанием, смыслом, целью ее существования, воздухом, которым она дышала до последних дней своей жизни. Она была не только заботливой женой, «нянькой» Достоевского, а истинной его спутницей и другом. Не только пере-

писчицей, стенографисткой — она принимала непосредственное участие в его творчестве: искренно высказанным мнением, иногда советом. Не раз А. Г. упоминала слова Достоевского, сказанные ей: «Только твоей критики я боюсь»...[1] О свидании с Л. Н. Толстым Анна Григорьевна говорила как о большом событии в своей жизни... Прощаясь с ней Л. Н. сказал: «многие русские писатели чувствовали бы себя лучше, если бы у них были такие жены, как у Достоевского». И действительно, трудно себе представить более беззаветную любовь и преданность — до полного самозабвения, чем ту, которую высказывала А. Г. к Достоевскому. По какому бы ни пошел он пути, до конца следовала бы она за ним без единого упрека и возражения.

Отмечу, что в это врмея, в эти последние месяцы своей жизни, она вообще поражала исключительностью своих качеств, возбуждая удивление и глубокий интерес к себе не отраженно, как жена Достоевского, а сама по себе: своей неутомимой энергией, тонким и широким умом и еще больше: неустанным интересом своим ко всему окружающему. Во все она вносила несвойственный ее возрасту пыл и горячность. Порой просто нельзя было верить, что перед тобой старуха. Особенно изумительны и очаровательно непосредственны были переходы ее настроений. Придешь иногда,—заливается, плачет—«Что случилось А. Г.?»—«Ах, боже мой, боже мой!..» и следует объяснение причины, вызвавшей эти слезы. Успокоишь ее, ободришь и уже улыбается, а через пять минут, вспомнив что-нибудь веселое — смеется, смеется до слез. Натура редкая в своей цельности. И любить и ненавидеть умеет до конца... А. Г. «имела глаз» и умела видеть. Она рассказывала так ярко и живо о самых незначительных фактах и событиях, что заставляла «видеть» и слушателя... Ни болезнь, ни одиночество в чужом городе не сломили бодрости А. Г. Ни стонов, ни жалоб — как будто все прекрасно обстояло, а сама дрожала и не верила, что на солнце 30° тепла. — Впечатление нашей первой встречи было очень сильное и жалкое, жалкое. — Комнатка маленькая и неприветная. После яркого солнца и морского свежего воздуха в ней казалось особенно мрачно и душно. Сначала ничего нельзя было рассмотреть. Потом слабый голос заставил разглядеть небольшую кроватку и на ней груду одеял, подушек... шуба и платки, платки. Среди всего этого хлама — крошечное личико. Старенькое, сморщенное, больное. А на нем пара глаз лихорадочно горящих и напряженно устремленных

[1] В письме к А. Н. Майкову Достоевский говорит в значительной степени иное, а именно: «У меня единственный читатель — Анна Григорьевна; ей даже очень нравится; но ведь она *в моем деле* (курсив Достоевского) не судья». (Письмо из Женевы от 12 января нов. ст. 1868 г.).

в мою сторону: даже жутко стало. Но когда эти глаза приветливо засветились, нельзя было не поддаться их привету.

Тяжелая болезнь не оставляла уже А. Г. до самой смерти. Точно эта болезнь не была определена. Возможно, что это был колит, осложненный малярией. Болела она всю зиму с некоторыми промежутками от одного приступа до другого. И в эти, сравнительно недолгие перерывы, ее нельзя было убедить поберечься, полежать, выдержать диэту. Если она была в силах встать — она немедленно вставала, доставала свои тетради воспоминаний, редактировала их. Продолжала и свою библиографическую работу о Достоевском... Самообладание ее и спокойствие не были индиферентностью: в ней жила уверенность, что она будет заранее знать о грядущей ей беде. Эта уверенность основывалась на том даре предчувствия, которым, по ее словам, она обладала. Перед своей кончиной она как-то сказала, что умрет в последних числах июня. Почему она так думает, объяснить не хотела, а может быть и не могла... Много страданий доставляли ей письма дочери Любови Федоровны, которая жила за границей и часто (во время германской оккупации Крыма) писала матери о своих бедствиях. А. Г. плакала, что дочь может подумать, что она не хочет помочь ей — тогда как в действительности она не могла помочь. Эти волнения были самой тяжелой стороной жизни А. Г. в Ялте».

О письмах Л. Ф. Достоевской, так огорчавших ее мать, можно судить хотя бы по следующему отрывку (письмо от 27 июня 1917 г.) (26), относящемуся впрочем к более раннему периоду их переписки.

«Я наконец получила твое письмо... Такое же, как и предыдущее — те же уверенья в любви и поцелуи и то же глубокое равнодушие к моей судьбе... Неужели же ты так постарела, что не в силах понять, что больному человеку нельзя жить без денег на чужбине. Или, быть может, твоя цель довести меня до отчаянья? Право, мне это иногда кажется. Твоя несчастная дочь Л. Достоевская.»

Е. П. Достоевская (28).

«Как бабушка — обожала своих внуков. По отношению ко мне была идеальной свекровью.»

Поколение восьмое

197. Исаев Павел Александрович. Сын М. Д. Достоевской от ее первого брака с А. И. Исаевым. Пасынок писателя.

Род. в 1846 г. в Астрахани.

198. Д о с т о е в с к а я София Федоровна. 194/196

Первый ребенок писателя (21/II—12/V 1868 г.). Умерла от воспаления легких. Названа была Соней в честь С. А. Ивановой.

199. Д о с т о е в с к а я, Любовь Федоровна. 194/196

(14/IX 1869—10/XI 1926). С 1913 г. до конца жизни жила за границей. Писательница, автор психологических рассказов, в которых, главным образом, изображаются патологические извращенные характеры. В 1918 г. написала книгу воспоминаний о своем отце, русский перевод которой (неполный) вышел в 1922 г. Умерла от белокровия.

Ф. М. Достоевский. Письмо к А. Н. Майкову 9(21)/X 1870 г. (47).

«Девочка моя здорова,—но очень нервный ребенок, так что боюсь, хотя здорова.»

Л. Ф. Достоевская (39).

«Я была в детстве очень нервна и часто плакала... Недаром я была дочерью писателя: потребность выдумывать сцены, жесты и слова жила во мне, и это детское творчество доставляло мне много счастья.»

А. Г. Достоевская (37).

«...Наша девочка, на вид такая бледная и хрупкая...» (относится к лету 1872 г.).

Ф. М. Достоевский. Письмо к жене, 15/VII 1876 (60).

«У Лили [1], по моему, твой характер: будет и добрая, и умная, и честная и в то же время широкая.»

Б. М. Маркевич (54).

За несколько часов до смерти, Достоевский, «позвав детей—мальчика и девочку, старшая девочка, которой 11 лет, говорил с ними о том, как они должны жить после него, как должны любить мать, любить честность и труд, любить бедных и помогать им...»

«Двое детей их, сын и дочь, тут же на коленях торопливо, испуганно крестилась. Девочка в отчаянном порыве кинулась ко мне, схватила меня за руку: «Молитесь, прошу вас, молитесь за папашу, чтобы если у него были грехи, бог ему простил!» прого-

[1] Л. Ф. Достоевскую в семье звали Лилией.

ворила она с каким-то поразительным, недетским выражением, и залилась истерическими слезами. Я ее, всю дрожавшую ознобом, увел из кабинета, но она вырвалась из моих рук и убежала опять к умирающему...»

Анкета, заполненная Л. Ф. Достоевской в «Альбоме признаний»[1].

1. Главная черта вашего характера?	Веселость и гордость.
2. Какую цель преследуете вы в жизни?	Найти счастье на земле и не забывать о будущей жизни.
3. В чем счастье?	В спокойной совести.
4. В чем несчастье?	В самоунижении и подозрительном характере.
5. Самая счастливая минута в вашей жизни?	Ее еще не было.
6. Самая тяжелая минута в вашей жизни?	До сих пор, кажется, их было не особенно много, впрочем горькие минуты я скоро забываю.
7. Чем или кем желали бы вы быть?	Женщиной, к которой бы люди относились с уважением.
8. Где бы желали жить?	Там, где побольше солнца и хорошей погоды.
9. К какому народу желали бы вы принадлежать?	К англичанам.
10. Ваше любимое занятие?	Вечером, когда заходит солнце, гулять или кататься.
11. Ваше любимое удовольствие?	Осматривать готические соборы и здания.
12. Ваша главная привычка?	Мало сидеть и много ходить.
13. Долго ли бы вы хотели жить?	Как можно дольше.
14. Какою смертью хотели бы вы умереть.	
15. К чему вы чувствуете наибольшее сострадание?	К калекам.
16. К какой добродетели вы относитесь с наибольшим уважением?	Пожертвовать собою для других.

[1] Альбом этот сохранился среди домашних вещей Достоевских в их домике в Старой Руссе. Анкета не датирована, но, судя по датам, проставленным Анной Григорьевной Достоевской, а также друзьями и знакомыми семьи Достоевских, писавшими в том же альбоме, заполнение ее относится к январю 1889 г., т. е. к тому времени, когда Л. Ф. недавно исполнилось 19 лет.

17. К какому пороку вы относитесь с наибольшим снисхождением?

К самолюбию.

18. Что вы более всего цените в мущине?

Веселый нрав и хорошее воспитание.

19. Что вы более цените в женщине?

Нежное сердце и религиозность.

20. Ваше мнение о современных молодых людях?

Гораздо лучше, чем о них принято обыкновенно говорить.

21. Ваше мнение о современных молодых деушках?

Эгоистки и слишком практичны.

22. Верите ли вы в любовь с первой встречи?

Нет, в России это невозможно. Где-нибудь в Испании, в Италии, пожалуй.

23. Можно ли любить несколько раз в жизни?

Можно.

24. Были ли вы влюблены и сколько раз?

Влюблена не была, но некоторые мне нравились.

25. Ваше мнение о женском вопросе?

Я его не признаю.

26. Ваше мнение о браке и супружеской жизни?

27. Каких лет следует жениться и выходить замуж?

Когда полюбишь.

28. Что лучше любить или быть любимой?

Быть любимой и не любить— скучно. Любить же и не быть любимой—мучительно.

29. Покоряться или чтобы вам покорялись?

Зачем покорять. Покоряться легче.

30. Вечно подозревать или часто обманывать?

И то, и другое одинаково тяжело.

31. Желать и не получить или иметь и потерять?

Иметь и потерять только не по своей вине.

32. Какое историческое событие вызывает в вас наибольшее сочувствие?

33. Ваш любимый писатель?

Достоевский.

34. Ваш любимый поэт?

Шекспир.

36. Ваша любимая героиня в романах?

Троекуров из «Перелома» и «Бездны».

36. Ваша любимая героиня в романах?

37. Ваше любимое стихоторение?

М. М. Достоевский

Ф. М. Достоевский (младший)

М. М. Достоевская

Е. М. Достоевская

130, 132, 134, 141

Ф. М. Достоевский. 1879 г.

А. Г. Достоевская

Л. Ф. Достоевская

Ф. Ф. Достоевский. 1919 г.

194, 196, 199, 200.

38. Ваш любимый художник?	Рафаэль, Тициан и Рембрандт.
39. Ваша любимая картина?	«Христос на кресте» (Пом. в Венской карт. галл.).
40 Ваш любимый композитор?	
41. Ваше любимое музыкальное произведение?	«Лоэнгрин».
42. Каково настроение души вашей в настоящее время?	Радостное, как всегда.
43. Ваше любимое изречение?	
44. Ваша любимая поговорка?	Перемелется—мука будет.
45. Следует ли всегда быть откровенным?	Не всегда.
46. Искренно ли вы отвечали на вопросы?	Старалась.

Л. Достоевская.

М. Н. Стоюнина (записано В. Ф. Стасюковой) (41).

«После смерти Федора Михайловича картина жизни в семье Достоевских меняется. В отношениях дочери Любови с матерью постепенно происходит охлаждение, возникают крупные несогласия в убеждениях, склонностях и вкусах, что и приводит потом к разрыву. По словам М. Н. [Стоюниной], разлад между ними дошел до того, что Анна Григорьевна, видя однажды, как выносят из церкви девичий гроб воскликнула: «Зачем не мою дочь это хоронят!». Любовь Федоровна льнет к аристократическому кругу; у нее развилось страстное честолюбие, жажда жить открыто, устраивать светские приемы; скромная квартира на Ямской стесняет ее, снимается, по ее настоянию, новая: на углу Знаменской и Невского.

Перемена в условиях жизни совершилась: обстановка роскошная, появилась голубая шелковая гостиная, жардиньерки, поэтические уголки, ценные вазы, шали, саксонские лампы, фарфоровые статуэтки... Связь с дочерью вскоре окончательно порывается, и они разошлись. Дочь поселяется на Фурштадской, мать — на Спасской. В салоне дочери гости стали поважнее, дочь царит остроумием, пишет легкие пьесы для театра, однако скучает от шумной пустоты света. Мать украдкой следит за дочерью и трагически переживает неудачную ее судьбу.»

М. Ф Достоевский и М. А. Чехова (29).

Неуживчива, истерична, корыстолюбива, с большим самомнением.

Е. П. Достоевская (29).

Если у Ф. Ф. Достоевского его тяжелый характер скрашивался многими симпатичными свойствами, то про Любовь Федоровну этого, к сожалению, сказать нельзя. Основными чертами ее характера были крайнее самолюбие, тщеславие, неуживчивость, недоброжелательное отношение к людям и болезненное корыстолюбие. В последнем отношении она отчасти напоминала свою тетку Варвару Михайловну Карепину, но только без тех проявлений доброты, которые все же были свойственны этой ее родственнице.

По внешности — светлая блондинка.

Характерна реакция Любови Федоровны на происходящие вокруг нее мировые события:

Л. Ф. Достоевская. Письмо к матери от 6/IV 1917 г. (26)

«...Прочла в здешних газетах, что во время мартовских событий в Петербурге было много пожаров на окраинах города: пожалуйста узнай, не сгорели ли склады, где стоят мои вещи, и если сгорели, то немедленно-же начни требовать страховые... Письма из России опять не приходят. Как надоел весь этот беспорядок!.. В Италии говорят, прямо голод. Это меня беспокоит, так как доктора советовали мне съездить еще раз в Salsomaggiore» и т. п.

Л. С. Михаэлис (29).

Между братом и сестрой Достоевскими не было ничего общего. Они не только не любили но, вернее, не выносили друг друга. Перед смертью Федор Федорович как-то сказал мне — вот сестрица должно быть обрадуется, когда узнает что я умер: еще одним претендентом на наследство меньше.

Значительная часть жизни Любови Федоровны, начиная с самого раннего возраста, прошла в различных лечебницах, санаториях и курортах, где она лечилась от своих многочисленных недугов.

Ф. М. Достоевский. Письмо к В. М. Ивановой, 20/IV 1872 г. (26).

«Владиславлевы хвалят место, хвалят воды, дешевизну и комфорт. Правда, место озерное и сыренько, это известно, но что делать. Воды действуют против золотухи и полезны будут Любе [1].»

Л. Ф. Достоевская. Письмо к матери от 6/V 1917 г. (26).

«Моя спина в эту зиму гораздо лучше, но мускулы возле конца пазвоночного столба все еще болят. Если нельзя будет ехать в Италию, то придется лечиться в Baden возле Цюриха. Разумеется это далеко не одно и то же.»

Л. Ф. Достоевская. Письмо к матери от 30/VII 1917 г. (26).

«Пишу тебе из Додена, маленького городка возле Цюриха, где я лечусь серными ваннами... Здешний доктор уверяет меня, что мои мигрени происходят оттого, что шея и затылок поражены артритизмом, заставляет меня сидеть в ванне по губы и говорит, что впоследствии, когда я окрепну, необходимо будет лечить затылок световыми лучами. Сердце мое так слабо, что после каждой ванны я отдыхаю день, а иногда и два.»

Е. П. Достоевская (28).

«Любовь Федоровна стала болеть с мая 1926 года, о чем она несколько раз писала мне. Благодаря поддержке заграничных литературных обществ она могла жить в хороших санаториях и, по указаниям докторов, менять местности. Так, в августе она поехала в Милан, к доктору, которому очень доверяла. Этот последний выписал ей одну даму (полурусскую), которая ухаживала за Л. Ф во время острых периодов ее болезни. Он предупредил эту даму, что Л. Ф. опасно больна злокачественным малокровием или белокровием (anemia perniciosa) и, что спасти ее не удастся. Л. Ф. была перевезена сначала в Arco (близ озера Gardo), а затем Gries, в санаторию D-ra Rössler'a, где 10 ноября в 4½ час. дня она и умерла. Похоронена она в Gries'е на местном кладбище. Не живя роскошно, Л. Ф. все же не нуждалась, так как пользовалась поддержкой литературных обществ, а также

---

[1] Речь идет о курорте Старая Русса, куда Ф М. и А Г. Достоевские неоднократно ездили для лечения своих детей местными водами.

имела доходы от своих книг, в особенности от последней книги о своем отце. Судя по ее последним письмам, она к концу жизни стала мягче и отзывчивее. Она настойчиво звала меня с Андреем заграницу, обещая свою поддержку и поддержку и участие многочисленных почитателей Ф. М. Она интересовалась судьбой моего сына Андрея и старалась утешить меня в моей потере моего старшего сына. Одним словом, судя по этому, она очень изменилась, так как раньше я и мои дети были существами ее не интересовавшими. Я рада, что наши отношения до ее смерти значительно смягчились.»

Характерной чертой творчества Л. Ф. Достоевской является концентрация внимания на вопросах наследственности и вырождения, главным образом на той идее, что психопаты, в интересах человечества, должны изолироваться от здоровой части общества и во всяком случае не должны производить потомства. Так например, в предисловии к сборнику рассказов «Больные девушки» Л. Ф. пишет следующее: «В наше время, вследствие ненормального положения женщин в обществе, число больных девушек увеличивается с каждым годом. К сожалению, люди мало обращают на них внимания. Между тем, большинство таких девушек выходит замуж и заражают своею нервностью и ненормальностью последующие поколения». Повесть «Эмигрантка» также содержит ряд подобного же рода мыслей. Интересны, например, взгляды Гжатского (герой повести) на психогигиеническое значение монастырей: «Монастыри оказывали огромную услугу обществу, удерживая в своих стенах эротичек, истеричек, всякого рода маньяков, которые несомненно принесли бы вред людям, оставаясь в миру. Вредили они иногда, уже будучи постриженными, лишь только по ошибке попадала в их руки власть. Стоит припомнить испанскую инквизицию со всеми ее утонченными пытками, в которых эти больные люди давали выход своему жестокому сладострастию.

В монастырях этих больных не только держали, но еще и лечили. Наука говорит, что тишина, спокойная правильная жизнь вдали от раздражающих житейских впечатлений отлично действуют на душевно-больных. Монастыри к тому же основывались в большинстве случаев в прекрасной здоровой местности. Почти все нынешние германские и швейцарские санатории и люфткурорты построены на развалинах бывших монастырей или вблизи их. Основатели монастырей знали, какого рода субъекты населят их и, что именно им потребуется. Повторяю: монастыри сослужили человечеству великую службу, заменяя дома душевно-больных и санатории, о которых в старину не имели понятия. Теперь же, когда они появились, монастыри более не нужны и их закрывают.»

Героиня этой повести — Ирина, в образе которой Л. Ф. до мельчайших подробностей олицетворяет лично себя, перед тем как покончить самоубийством, предается следующим размышлениям: «Что, если природе известно, что у нее (Ирины) могут быть дети от Гжатского и она (т. е. природа, М. В.) не хочет этих детей. Не хочет, потому что цель природы постепенно оздоравливать человечество и этим вести его к счастью, к познанию бога и путей его. Не хочет, чтобы потомство Ирины наследовало ее болезни и так же жестоко страдало, как она, не принося никакой пользы миру, не имея сил наслаждаться жизнью, а лишь наводя тоску и отчаяние на окружающих. Что если природа послала ее сегодня смотреть восход солнца, приготовила ей этот стакан [1] и теперь торопит его выпить?».

Что же за болезнь была у Ирины, от которой она «так жестоко страдала»? Ответ на этот вопрос Л. Ф. вкладывает в следующие слова Гжатского: «Вы больны отвращением к действительной жизни, презрением к живым людям. Такая болезнь поражает обыкновенно детей и внуков писателей, ученых, художников, актеров, отчасти чиновников, из тех, что всю жизнь имели дело с одними бумагами. Чрезмерная работа ума в ущерб физической жизни не проходит даром, и за нее платятся потомки.»

Многие черты личности Л. Ф. Достоевской, в частности ее презрительно-недоброжелательное отношение к окружающим, рельефно выступают в тех характеристиках, которые она дает различным родственникам в своей книге об отце [2]. Характеризуя других Л. Ф., в конечном счете, раскрывает свою собственную сущность.

200. Достоевский Федор Федорович. 194/196
(16/VII 1871—23/XII 1921). До Октябрьской революции человек очень состоятельный. Последние 3 месяца пользовался материальной поддержкой Исторического музея, на средства которого и похоронен. Умер от грудной жабы.

Ф. М. Достоевский. Письмо к С. Д. Яновскому от 4/II 1872 г. (49).

«Вот Федька, теперь шести месяцев, так наверно получил бы приз на лондонской прошлогодней выставке грудных младенцев (только чтоб не сглазить).»

---

[1] Речь идет о растворе сулемы, которым Ирина лечилась от накожной болезни и выпив который покончила самоубийством. Здесь мы также имеем одну автобиографическую деталь — в молодости Л. Ф., так же как и брат ее Федор, одно время страдала сильной угреватостью, носившей характер сыпи, и лечилась от этого накожного дефекта всевозможными средствами.

[2] Характеристики эти цитируются в соответствующих местах этой работы.

С самого раннего детства и в течение всей жизни имел неизменную привязанность к лошадям.

А. Г. Достоевская (35).

«Видя до какой степени любит лошадей его старший сын, Федор Михайлович писал в «Братьях Карамазовых»: «...а уж известно, что русский мальчик так и родится вместе с лошадкой...»

А. Г. Достоевская (36).

«Наш старший сын, Федя, с младенческих лет чрезвычайно любил лошадей и, живя по летам в Старой Руссе, мы с Ф. М. всегда опасались, как бы не зашибли его лошади: двух—трех лет от роду, он иногда вырывался от старушки-няньки, бежал к чужой лошади и обнимал ее за ногу... Когда мальчик подрос, то стал просить, чтоб ему подарили живую лошадку.»

А. Г. Достоевская (37).

«Елка 1872 года была особенная: на ней наш старший сын, Федя, в первый раз присутствовал «сознательно». Елку зажгли пораньше, и Федор Михайлович торжественно ввел в гостиную своих двух птенцов. Дети, конечно, были поражены сияющими огнями, украшениями и игрушками, окружавшими елку. Им были розданы папою подарки: дочери — прелестная кукла и чайная кукольная посуда, сыну — большая труба, в которую он тотчас же и затрубил, и барабан. Но самый большой эффект на обоих детей произвели две гнедые из папки лошади, с великолепными гривами и хвостами. В них были впряжены лубочные санки, широкие, для двоих. Дети бросили игрушки и уселись в санки, а Федя, захватив вожжи, стал ими помахивать и погонять лошадей. Девочке, впрочем, санки скоро наскучили, и она занялась другими игрушками. Не то было с мальчиком: он выходил из себя от восторга, покрикивал на лошадей, ударял вожжами, вероятно, припомнив, как делали это проезжавшие мимо нашей дачи в Старой Руссе мужики.

Только каким-то обманом удалось нам унести мальчика из гостиной и уложить спать.

Мы с Федором Михайловичем долго сидели и вспоминали подробности нашего маленького праздника, и Федор Михайлович был им доволен, пожалуй, больше своих детей. Я легла спать в двенадцать, а муж похвалился мне новой, сегодня купленной у Вольфа книгой, очень для него интересной, которую собирался ночью читать. Но не тут-то было. Около часу он услышал неистовый плач в детской, тотчас туда поспешил и застал нашего маль-

чика раскрасневшегося от крика, вырывавшегося из рук старухи Прохоровны и бормочущего какие-то непонятные слова (ему было менее полутора лет и он неясно еще говорил). На крик ребенка проснулась и я и прибежала в детскую. Так как громкий крик Феди мог разбудить спавшую в той же комнате сестру, то Федор Михайлович решил унести его к себе в кабинет. Когда мы проходили через гостиную и Федя при свете свечи увидал санки, то мигом замолк и с такою силою потянулся всем своим мощным тельцем вниз к санкам, что Федор Михайлович не мог его сдержать и нашел нужным его туда посадить. Хоть слезы и продолжали катиться по щекам ребенка, но он уже смеялся, схватил вожжи и стал опять ими махать и причмокивать, как бы погоняя лошадей. Когда ребенок, повидимому, вполне успокоился, Федор Михайлович хотел отнести его в детскую, но Федя залился горьким плачем и до тех пор плакал, пока его опять не посадили в саночки. Тут мы с Федором Михайловичем, сначала испуганные непонятной для нас болезнью, приключившейся с ребенком, и уже решившие, несмотря на ночь, пригласить доктора, поняли, в чем дело: очевидно, воображение мальчика было поражено елкою, игрушками и тем удовольствием, которое он испытал, сидя в саночках, и вот, проснувшись ночью, он вспомнил о лошадке и потребовал свою новую игрушку. А так как его требование не удовлетворили, то и поднял крик, чем и достиг своей цели. Что было делать: мальчик окончательно, что называется, «разгулялся» и не хотел итти спать. Чтоб не бодрствовать всем троим, решили, что я и нянька пойдем спать, а Федор Михайлович посидит с мальчуганом и, когда тот устанет, отнесет его в постельку. Так и случилось. На завтра муж весело жаловался мне.

— Ну, и замучил меня ночью Федя! Я часа два-три не спускал с него глаз, все боялся, как бы он не вывернулся из саней и не расшибся. Уж няня два раза приходила звать его «баиньки», а он ручками машет и собирается опять заплакать. Так и просидели вместе часов до пяти. Тут он, видимо, устал и стал приваливаться к сторонке. Я его поддержал и, вижу, крепко уснул, я и перенес его в детскую. Так мне и не пришлось начать купленную книгу,—смеялся Федор Михайлович, видимо чрезвычайно довольный, что происшествие, сначала нас испугавшее, кончилось так благополучно.»

Из писем Ф. М. Достоевского к жене (60).

3/VI 1872 г.

«Я ему показываю лошадок в окно когда едут, ужасно интересуется и любит лошадей, кричит: т п р у».

15 (27) VII 1876 г

«...У Феди характер мой, мое простодушие. Я ведь этим только может быть и могу похвалиться, хотя знаю, что ты, про себя, может быть не раз над моим простодушием смеялась»

1 (13) VIII 1879 г.

«Поблагодарите Любочку за ее прелестное письмецо, а Федулку за доброе намерение. Смерть люблю их... В дороге не позволяй Феде около колес и лошадей бегать.»

19/VIII (1/IX) 1879 г.

«Над Федей непременно в Москве будут смеяться, что не умеет читать. Смеялись и надо мной в детстве что отстал от брата.»

13 (25)/VIII 1879 г.

«Ты пишешь о Феде, что он все уходит к мальчикам. Он в таких именно летах, когда происходит кризис из 1-го детства к сознательному осмыслию. Я замечаю в его характере очень много глубоких черт и уже одно то, что он скучает там, где другой (ординарный) ребенок и не подумал бы скучать. Но вот беда: это возраст в котором переменяются прежние занятия, игры и симпатии на другие. Ему уже давно нужна бы была книга, чтоб он помаленьку полюбил читать осмысленно. Я в его лета уже кое-что читал. Теперь же, не имея занятий, он мигом засыпает. Но скоро начнет искать других и уже скверных утешений, если не будет книги. А он до сих пор еще не умеет читать. Еслиб ты знала как я об этом здесь думаю и как это меня беспокоит. Да и когда же это он выучится? Все учится, а не выучится!»

А. М. Достоевский (49).

«Во время поездок этих (в Даровое) брат Федор бывал в каком-то лихорадочном настроении. Он всегда избирал место сидения на облучке. Не бывало ни одной остановки, хотя бы на минуту, при которой брат не соскочил бы с брички, не обегал бы близ лежащей местности, или не повертелся бы с Семеном Широким около лошадей. При воспоминании об этом не могу не сделать отступления. Нынешним летом мне пришлось сделать поездку на лошадях из г. Рязани в местность отстоящую на 100

верст, вместе с Анной Григорьевной Достоевской и ее двумя детьми, — моими племянниками. Племянник мой, маленький Федя, до чрезвычайности похожий на отца, во все время путешествия живо напоминал мне наши поездки пол-века тому назад; и я как бы в фотографическом изображении видел в сыне—изображение отца в детском его возрасте.»

Воспоминания М. Н. Стоюниной (41)

«...Федор Федорович окончил гимназию Гуревича; пишет стихи. В нем много бесцветного добродушия; женится на девушке, мистически настроенной; этот выбор по сердцу Анне Григорьевне, она обожает невесту, но та вскоре бросает ее сына. Опять трагедия для сердца Анны Григорьевны. Федор Федорович заводит конный завод, вскоре женится во второй раз.»

Со слов В. О. Левенсона[1] (29).

Ф. Ф. был человек безусловно способный, с сильной волей, упорный в достижении цели. Держался с достоинством и заставлял уважать себя во всяком обществе. Болезненно самолюбив и тщеславен, стремился везде быть первым. Большое пристрастие к спорту, очень хорошо катался на коньках и даже брал призы[2]. Пытался проявить себя на литературном поприще, но скоро разочаровался в своих способностях. Придавал большое значение костюму и вообще внешности, в связи с чем способен был по полчаса проводить около зеркала. Лет до 18 лицо его было чрезвычайно прыщавым.

Служил по коннозаводству. Держал свою скаковую конюшню и очень азартно играл на бегах и скачках.

В развитии личности Ф. Ф. крайне отрицательную и мучительную роль сыграл тот ярлык «сын Достоевского», который так прочно был к нему приклеен и преследовал его в течение всей жизни. Его коробило от того, что когда его с кем-либо знакомили, то неизменно добавляли «сын Ф. М. Достоевского», после чего ему обычно приходилось выслушивать одни и те же, бесконечное число раз уже слышанные, фразы, отвечать на давно уже надоевшие вопросы и т. п.[3]. Но особенно его мучила та атмос-

---

[1] О В. О. Левенсоне, как друге Ф. Ф. Достоевского, см. ниже стр. 132.

[2] Как пишет О. Миллер (49), Ф. М. Достоевский «по его собственным словам, любил в детстве выказываться силою, ловкостью и т. п.».

[3] Напоминает реакцию молодого Долгорукова («Подросток») на интерес к нему как к «князю».

фера пристального внимания и ожидания от него чего-то исключительного, которую он так часто ощущал вокруг себя. При его замкнутости и болезненном самолюбии все это служило постоянным источником его тягостных переживаний, можно сказать уродовало его характер.

Е. П. Достоевская (29).

Унаследовал от своего отца крайнюю нервность. Замкнутый, мнительный, скрытный (откровенен бывал лишь с очень немногими людьми, в частности со своим другом детства, впоследствии присяжным поверенным, В. О. Левенсоном). Веселым никогда не был. Подобно своему отцу, склонен к азарту, а также к безрассудной расточительности. Вообще по отношению к денежным тратам такая же широкая натура, как и его отец. Точно так же, подобно своему отцу (а также сыну Андрею), безудержно вспыльчивый, причем иногда впоследствии даже не помнил о своих вспышках. Обычно же после тяжелых периодов нервозности стремился искупить свое поведение повышенной мягкостью и добротой. Во время сильных душевных переживаний на руках у него появлялись какие-то узловатой формы опухоли, повидимому на нервной почве, а также в некоторых случаях временно утрачивалось зрение, причем способность видеть возвращалась приблизительно через полчаса после начала приступа [1]. Одно время у него на левом глазу начало расти бельмо, впоследствии рассосавшееся. В области зрения следует еще отметить, что он плохо различал некоторые цвета — путал зеленый цвет с голубым, а также иногда голубой с розовым. Чувство природы в нем было развито слабо; по крайней мере он очень редко обращал на нее внимание. Чрезвычайно самолюбив, в связи с чем не мог быть под чьей-либо зависимостью. Самолюбие являлось также стимулом к достижению им хороших успехов в области спорта, так например, он брал призы как конькобежец.

Страдал склерозом и расширением сердца, а в последнее время грудной жабой. Склонен к воспалению легких — на моей памяти оно повторялось у него 4 раза.

Телосложение крепкое. Немного сутуловат. Замечалось, некоторое общее сходство с отцом, за исключением рыжеватого оттенка волос. На своего деда М. А. Д—го походил формой бровей, таких же угловатых и круто сходящихся к переносице. Такие же брови и у нашего сына Андрея. В строении черепа обращало

---

[1] В письме от 10 июля 1873 г. Ф. М. Достоевский писал жене: «В твоем милом и добром письме всего более мне тяжело было прочесть о твоих припадках (потери зрения)». Весьма возможно, что в этих временных утратах зрения мы имеем у матери и сына одно и то же наследственное заболевание.

на себя внимание слабое выступление (уплощенность) затылка. Температура тела обычно очень низкая — в среднем 35° С.; при повышении температуры только до 38° уже начиналось бредовое состояние (сходство с сыном Федором и отличие от сына Андрея).

В гимназические годы был ленив к ученью, впоследствии же очень начитан. В письмах и литературных опытах обладал сжатым, ясным и точным выражением мысли.

Л. С. Михаэлис (29).

«Во внешности Ф. Ф. я всегда находила что-то шведское— он мне живо напоминал портреты Вазов, которые я видела в Варшаве, в особенности портрет Густава Вазы. Но когда я однажды ему об этом сказала, он оскорбился этим сравнением и резко ответил, что он «чистокровный русский и ничего шведского в нем нет», хотя со стороны матери в нем и была примесь шведской крови.

У Ф. Ф. было много различных органических особенностей. Так, например, он отличался очень низкой температурой тела: 35° в нормальном состоянии не было для него редкостью. В Симферополе он даже однажды выиграл крупное пари у знакомого врача, который не хотел верить ему, что у него настолько низкая температура. Так же хорошо, как и пониженную, он переносил и высокую температуру. Последние три месяца у него почти все время температура держалась около 40°, поднимаясь временами даже выше чем 40°, и он, несмотря на это, все время находился в сознании.

На нервной истерической почве у него иногда неожиданно появлялись на теле большие опухоли. Один раз такая опухоль образовалась на руке выше локтя и охватила всю верхнюю часть руки и плечо. Так же беспричинно и внезапно как появилась, она вскоре опять исчезла.

С ним бывали также случаи, когда он в нервном состоянии временно утрачивал зрение. Мне его ни разу не пришлось видеть в таком состоянии, но он рассказывал мне, как однажды с ним такой припадок случился на станции Бологое, когда он из вагона вышел в станционный буфет. Приступ слепоты наступил так неожиданно, что он стал звать на помощь. Только с помощью публики и администрации ему удалось во время попасть обратно в свой вагон. Станционный врач, осматривавший его во время припадка, говорил, что никаких органических дефектов в глазах не находит и, что утрата зрения произошла, повидимому, на нерв-

ной почве. Зрение в тот раз восстановилось часа через два после начала припадка.

Отмечу еще бывшую у него идиосинкразию к хине. Уже от небольших доз ее у него делались обмороки. Поэтому он неоднократно наказывал: помните, если я заболею, то отнюдь не вздумайте лечить меня хиной.

Не совсем правильно разбирался в цветовых оттенках. Голубой цвет, со всеми его оттенками (например, электрик), а также темнокоричневый он не отличал от зеленого, называя все эти цвета зелеными.

Обладал абсолютным музыкальным слухом.

Отличительный чертой Ф. Ф. была его исключительная прямота, честность и порядочность.

Другой особенностью Ф. Ф. была его необычайная нервность, носившая характер тяжелой неврастении. У него время от времени бывали припадки невыносимой тоски, когда он очень тяготился жизнью. В совместной жизни он был несомненно тяжелым человеком. Часто он говорил мне — бедная, ты губишь свою молодость, живя с таким человеком как я. Но я была в то время очень жизнерадостна и находила в себе силы переносить все особенности его больного характера. Но теперь, вспоминая прошлое, мне иногда кажется, что такая, как я сейчас есть, с расшатанными уже нервами, я, пожалуй, не смогла бы выдержать совместной с ним жизни. Между прочим, он очень расстраивал себе здоровье азартными играми [1], просиживая за картежным столом целые ночи напролет. На скачках он тоже очень любил играть, но ему обычно не везло и он, не угадывая лошадей, проигрывал.

Характерной для Ф. Ф. была также его нерешительность. Даже в самых незначительных делах он иногда не мог решить, как следует поступить. Обычно в таких случаях, не будучи в состоянии сам на что-нибудь решиться, он искал совета у близких людей.

Вся личность Ф. Ф. была полна противоречий, что всегда напоминало мне его отца. Противоречивость эта сказывалась очень во многом и в частности в его отношении к смерти. С одной стороны, он очень боялся смерти; во время своей болезни он боролся за жизнь с какой-то стихийной сверхчеловеческой силой. Вы представить себе не можете, что мы вынесли за время его болезни, перед его смертью. Но в то же время это не мешало ему совершенно спокойно отдавать самые подробные распоряжения на случай своей смерти, в приближении которой он не сомневался.

[1] Общая черта с отцом.

Незадолго до начала своей болезни, когда Ф. Ф. еще был здоров, он уже предчувствовал что скоро умрет. Тогда он говаривал мне, что проживет не более 4 лет, что всегда вызывало протесты с моей стороны. Между прочим он говорил не «когда я умру», а «когда я уйду». Это звучало несколько в восточном стиле, хотя вообще Ф. Ф. не любил ничего восточного, относясь к нему как-то насмешливо пренебрежительно, что часто побуждало меня выступать в качестве защитницы Востока.

Литературу он читал и любил, главным образом, классическую. Из современных ему писателей любил Л. Андреева, Куприна и еще немногих. К большинству же молодых поэтов, выступавших одно время в московских кафэ, относился насмешливо. Сам он тоже любил писать стихи и рассказы, но, написав, уничтожал. Лишь несколько вещей мне удалось спасти и сохранить.

Многие взгляды Федора Михайловича были совершенно чужды его сыну. Так например, он никогда не мог понять отца и согласиться с ним во взглядах на общечеловеческое значение русского народа. Ф. Ф. придерживался гораздо более скромных взглядов на качества русского народа, в частности всегда считал его очень ленивым, грубым и склонным к жестокости.

Укажу еще, что он ненавидел памятник Достоевскому работы скульптора Меркурова, открытый в 1918 г. на Цветном бульваре, и неоднократно говорил, с каким бы он наслаждением взорвал динамитом изуродованную, по его мнению, фигуру его отца.

В нем было много не только противоречивого, но и просто безалаберного [1]. Особенно это сказывалось в его отношении к деньгам. Если он получал крупную сумму денег, то начинал с того, что вырабатывал какой-нибудь очень разумный план, на что он использует эти деньги. Но непосредственно вслед за этим начинались самые ненужные и непроизводительные траты [2]. Делались самые неожиданные и странные покупки, и в результате, в короткий срок вся сумма исчезала и он с удивлением спрашивал меня: «куда же это мы с тобой так быстро девали все деньги?»

Безалаберность и расточительность Ф. Ф. совмещалась, как это ни странно может показаться, с большой педантичностью и аккуратностью в некоторых его действиях. Он всегда сдерживал данное обещание. Был чрезвычайно точен при назначении встреч — сам приходил всегда минута в минуту в назначенное время и выходил из себя, когда тот, с кем он уговаривался встретиться, опаздывал хотя бы на 10 минут. Особенно сказывался

[1] Между прочим он находил большое сходство между собой и Дмитрием Карамазовым. *Прим. Л. С. Михаэлис.*

[2] Общая черта с отцом.

этот его педантизм в его отношении к изложению какого-либо факта или происшествия. Он в таких случаях требовал не только точности, но и самых мельчайших подробностей. Иногда было прямо таки мучительно не только рассказывать ему, но и слушать как он рассказывает о чем-либо. Меня всегда удивляла эта его любовь к мельчайшим подробностям. Если, например, я видела какую-нибудь нашу знакомую, то должна была точно описать ему все, что на ней было надето — шляпу, ботинки, фасон ее платья, его материю, отделку, цвет и т. п. и т. п. Прося рассказать о каком-либо факте, он всегда просил рассказывать как можно подробнее [1].

Придавая большое значение красивой внешности, Ф. Ф. чрезвычайно много внимания уделял костюму, как своему, так и своих близких и знакомых [2]. Его любимым выражением было — «эта женщина в порядке», что означало, что она хорошо и со вкусом одета. В то же время по отношению к домашней обстановке он никогда не был так же внимателен. К своей квартире он лишь предъявлял требования чистоты и порядка, но совсем не гнался за роскошью или даже просто уютом. Старинных вещей для своей квартиры он никогда не покупал, говоря — «приобретая старую вещь, вносишь в дом старые несчастья».

Часто он говорил мне — ты любишь стены. Он же любил платье. По целым часам он мог проводить в пассажах, выбирая и обдумывая какой-нибудь костюм. В этой любви хорошо одеться он не уступал парижским модницам. В связи с этим он имел вид что называется «белоподкладочника».

Духов он не любил, покупал их очень редко, купивши же обычно вскоре дарил кому-либо из своих друзей.

С людьми Ф. Ф. сходился очень мало. Но все же друзья у него были, хоть и в очень ограниченном количестве Укажу на Рибопьера, Герценберга и, в особенности, на Василия Осиповича Левенсона (присяжного поверенного, умершего весной 1925 г.). Последний был лучшим другом Ф. Ф. в течение всей его жизни, начиная с раннего детства и до самой смерти.

Своих коллег по скаковому обществу, в особенности Лазарева, Ф. Ф. очень не любил. Он говорил что у них нет вкуса, что они живут как свиньи, проводя целые дни и ночи у Яра. По большей части, они (Манташев, Лазарев и др.) были гораздо богаче Ф. Ф. и были в состоянии оперировать десятками и сотнями тысяч, в то время как в его распоряжении бывали только тысячи.

[1] Общая черта с дедом, отцом, одним из дядей и некоторыми другими родственниками

[2] Общая черта с отцом

Это, повидимому, уязвляло Ф. Ф. и он всячески стремился что бы его конюшня, если не по богатству, то по организации, постановке дела и вообще по своим внутренним достоинствам стояла на первом месте.

Несколько слов относительно материального положения Ф. Ф. По закону он являлся, как сын, главным наследником после отца. Но Анна Григорьевна поставила вопрос так — неужели ты допустишь, чтобы ты был богат, а сестра твоя бедствовала? В результате Ф. Ф., не будучи корыстолюбив, в значительной степени отказался от своих наследственных прав и получил лишь небольшое имение в Рязанской губернии, в котором было около 50 десятин лесу. Доходы с этого имения были слишком незначительны и Ф. Ф. приходилось изыскивать другие источники дохода. До войны он довольно удачно занимался тем, что теперь называется спекуляцией, оперируя, главным образом, с туркестанским хлопком, но во время войны прекратил все свои спекулятивные и биржевые дела. Нужно сказать, что он всегда брался только за такие сделки, которые считал вполне чистыми и честными. Оберегая свое имя Достоевского, он неизменно отклонял и сторонился всяких темных и непорядочных операций. Когда в августе 1919 г. он уехал в Крым хоронить свою мать, то обстоятельства задержали его в Крыму почти на три года. Лишь в июне 1922 г., он смог опять возвратиться в Москву. Все это время он занимался тем, что перевозил зерно из порта Скадовска в Одессу. Зерно перевозилось морем на барже. Сам он тоже ездил вместе с баржой. Раза два это ему чуть не стоило жизни, когда во время бури их баржу уносило далеко в море, к болгарским берегам, и они днями и даже неделями вынуждены были без воды и пищи скитаться в море.

Будучи очень вспыльчив, он не лишен был и чисто барских, крепостнических замашек. Одного конюха, за какую-то небрежность, он, выйдя из себя, ударил хлыстом, но потом очень стыдился этого своего поступка и раскаивался в нем.

Страстью Ф. Ф. было поддразнивать и изводить близких ему людей. Это занятие, повидимому, доставляло ему прямо какое-то наслаждение. Шутки его были по большей части довольно невинны, но он умел так ими поддевать, что буквально способен был доводить нас с сестрой до слез. То придерется к какой-нибудь детали костюма и начнет высмеивать тебя, что ты не умеешь одеваться. То выберет объектом своих насмешек мое лицо: у тебя рот до ушей, хоть завязочки пришей и т. п. То пройдется насчет моей походки: ты очень грациозно ходишь, только почему-то левая нога у тебя что-то пришепетывает. А то один раз он из-

мучил меня тем, что, когда у нас собрались гости и было подано на стол вино, то он вдруг стал изводить меня тем, что я будто бы скуплюсь и прячу от всех хорошее вино, а гостям подаю не вино, а керосин. Это было, конечно, совершенно неверно. Вино было подано вовсе не плохое, хотя и не высокой марки. В то время уже начинал ощущаться голод и у нас уже вин высоких сортов не было. В свое время я все это принимала за чистую монету, очень огорчалась и досадовала на его шутки.

Он очень любил жизнь, не любил ничего грустного, терпеть не мог никакого мистицизма, разговоров о сверхестественном, загробной жизни и т. п. Любил веселую кампанию, подурачиться, посмеяться. Смеялся он очень хорошо, уже пожилым человеком он иногда смеялся как 16-летний юноша.

К женщинам Ф. Ф. относился очень хорошо — любил их и они любили его. Он не делал никаких социальных различий между ними и у него бывали друзья и симпатии даже среди проституток. Не считаясь с общественным мнением, он одинаково вежливо здоровался со всякой знакомой женщиной, независимо от того, в каком обществе в данный момент находился.

Любовь Ф. Ф. к красивой внешности сказывалась между прочим в его желании быть похороненным красиво. Когда он узнал, что его мать после смерти уже третий месяц находится в запаянном металлическом гробу в склепе и не похоронена как следует, то решил во что бы то ни стало ехать в Крым и похоронить свою мать по всем правилам. Эта поездка так много взяла у него здоровья и сил, что он вернулся ко мне совсем умирающий. Он упрекал меня, зачем я не отговорила его от этой поездки. Мне, правда, очень не хотелось, чтобы он уезжал, я точно чувствовала что эта поездка окончится плохо, но в свое время я не решилась его отговаривать, помня, что мужчины вообще очень не любят когда при совместной жизни женщины навязывают им свои чувства и желания.

В последние недели жизни им овладел панический страх смерти. Иногда, галлюцинируя, он даже видел на яву образ пришедшей за ним смерти. Что он при этом видел, он никогда не говорил, но только кричал мне в неописуемом ужасе, с искаженным лицом: «крести, крести!», указывая куда-нибудь в окно, на балконную дверь или в малоосвещенный угол. Но особенно ужасны были ночи. Все они были сплошной кошмарной борьбой со смертью. Ему казалось, что пока я здорова и около него, то он не умрет. Поэтому он все ночи не отпускал меня от себя ни на минуту, и я, сидя около него и крепко держа его руки в своих,

должна была все время говорить ему: «не умирай, не умирай, не умирай!..»

Иногда во время болезни он просил меня читать ему евангелие. Особенно он любил евангелие от Луки. Вообще он был очень верующий, хотя и мало религиозный.

Несколько раз перед смертью он впадал в какие-то летаргические состояния, когда при всем старании нельзя было у него обнаружить ни дыхания, ни пульса...

Вообще был более похож на мать, чем на отца, но в последние дни жизни вдруг приобрел необычайное сходство с отцом в старости. Сходство это настолько мне бросалось в глаза, что часто мне казалось, что я ухаживаю не за умирающим Ф. Ф., а за его отцом. Первые часы после смерти он выглядел гораздо старше своих лет и его можно было принять за 75-летнего старика, но несколько позже лицо его опять резко изменилось и стало даже казаться совсем молодым, гораздо моложе, чем было в последнее время при жизни. Умер он как-то не сразу. После смерти очень долго не остывал, на лбу у него уже после смерти выступала какая-то испарина. Уже после того, как его похоронили, мы с сестрой долго еще ощущали точно его присутствие в нашей квартире. Ощущение это усиливалось еще тем обстоятельством, что в комнатах остался тот своеобразный запах, который всегда был свойственен Ф. Ф. при его жизни. Это вовсе не был запах его духов. Он не любил душиться, а если иногда и душился то не каким-либо одним и тем же определенным сортом духов. Запах этот замечала не только я, но и очень многие близкие к Ф. Ф. люди. Напоминал он отчасти засушенные цветы, с некоторой примесью запаха тлеющей травы. Мне приходилось слышать, что эта же особенность была и у отца Ф. Ф. Подушка, на которой спал и умер Ф. Ф., и на которой сплю теперь я, до сих пор сохранила этот запах.

Стихи Ф. Ф. Достоевского [1].

* * *

Я сейчас от тебя и весь полон тобой
Чувства трепетны, мысли счастливы
Моей жизни Восток загорелся зарей!
Ты, Ночь Прошлого, спинь молчаливо!

Июнь 1916 г.

---

[1] Все помещаемые ниже стихи посвящены Л. С. Михаэлис. Помещаю эти стихи, независимо от степени их совершенства, в качестве генеалогического материала, как литературные опыты сына такого исключительного писателя, как Ф. М. Достоевский. Нужно сказать, что сам Федор Михай-

* * *

Холодное сердце и чувства холодные,
Усталый анализ всего.
Так холодом скована, почва бесплодная
Не даст от себя ничего

Но вновь оживленная, солнцем согретая,
Весною, омывшись росой.
Зеленью чудной роскошно одетая,
Прежней блеснет красотой.

Так будь же ты солнцем, Весною желанною,
Взгляни — и лучами согрей.
Будь же ты радостью, так долго жданною,
Приди же, приди же, скорей!

Июль 1916 г.

По телефону.

Ты мне нужна и голос твой
Я слышу с радостным волненьем,
Ловлю с горячим нетерпеньем
Тон слов, отвеченных тобой.

Пойми, что голоса оттенок
Дает мне все в единый миг:
Иль радости победный клик,
Иль пытки нравственный застенок.

Январь 1917 г.

* * *

Пред домом гравием усыпана дорожка,
Я ждал тебя и ждал, что твоя ножка
Даст знать мне о тебе, по гравию шурша.
Весь превратившись в слух, я слушал чуть дыша.

Но ты не шла, — напрасное томленье
В тот час я испытал, горя от нетерпенья,
И не узнаешь ты, как злобно шаг чужой
Смеялся над моей тоскующей душой.

Лето 1917 г. Кисловодск.

* * *

В наши скучные серые дни
Иногда мы ворчим друг на друга:
Ты вспылишь невзначай — раздраженья огни
Вспыхнут словно род злого недуга.

Ну и я не останусь в долгу пред тобой,
И язвительной реплики слово,
Хоть и нету тут почвы к тому никакой,
С языка вмиг сорваться готово.

лович также писал стихи, но не достиг в этой области совершенства. Недаром старший брат его Михаил писал ему 18 апреля 1855 г.: «Читал твои стихи и нашел их очень плохими, стихи не твоя специальность».

После этого несколько дней,
Разобижены словно друг другом,
Не используем радости всей,
Приносимой нам нашим досугом.

Но уехала ты лишь на несколько дней
Так вокруг стало пусто, тоскливо,
И я понял, оставшись средь чуждых людей,
Как то было ненужно и лживо.

Ноябрь 1917 г.

В кабачке Танго.

Белая скатерть, огни в хрустале,
Ваза фруктов, перчатки, две розы,
Два фужера, крюшон на столе
И устало-небрежные позы.

Слова романса, музыки звуки,
Резкие лица, движенья странные,
Голые плечи и голые руки,
Дым папиросы, желанья туманные...

Февраль 1918 г.

201. Токарева, п. м. Достоевская, Мария Николаевна. Первая жена предыдущего.

Развод через два-три года. Детей от этого брака не было.

202. Цугаловская, п. м. Достоевская, Екатерина Петровна. Вторая жена предыдущего.

Род. 1875 г. Вступила в брак с Ф. Ф. Достоевским 22 апреля 1903 г. Отец родом из Литвы. Со стороны матери (по фамилии Полянской) проходит музыкальная одаренность: мать Е. П. хорошо пела, музыкальностью отличались также все братья и сестры матери, которых было одиннадцать человек, а также братья и сестры бабушки Е. П. по материнской линии. У многих представителей этого рода, помимо музыкальной одаренности, проявлялись также способности к рисованию. Самой Е. П., согласно ее автохарактеристике, свойственны уравновешенность характера, терпение, усидчивость, настойчивость в достижении цели, общительность, подвижность. В детстве отличалась вспыльчивостью, сменившейся в зрелом возрасте сдержанностью.

203. Михаэлис Леокадия Стефановна.

Род. в 1896 г. С 15 мая 1916 г. состояла в гражданском браке с Ф. Ф. Достоевским.

204. Достоевский Алексей Федорович. 194/196
(12.VIII 1875 — 16.V 1878). Умер от припадка эпилепсии

Л. Ф. Достоевская (40).

«Мои родители не сразу пришли к соглашению относительно имени своего младшего ребенка. Моя мать хотела его назвать Иваном в честь своего, нежно ею любимого, брата. Достоевский же хотел ему дать имя Степана, в память епископа Стефана, который, как мой отец говорил, был основателем православной ветви нашего рода. Моя мать была несколько удивлена этими словами, так как мой отец лишь очень редко говорил о своих предках. Мне кажется, что Достоевский, все более и более интересовавшийся православием, хотел этим выразить свою благодарность тому, кто первый из нашего литовского рода склонился к православию [1].»

Л. Ф. Достоевская (39).

«Маленький Алексей был на вид здоровый и упитанный, но у него был странный, овальный, почти угловатый лоб; головка имела яйцеобразную форму. Это не безобразило ребенка, но придавало ему странный, удивленный вид. Когда Алексей подрос, он стал любимцем Достоевского. Моему старшему брату и мне было запрещено входить без приглашения в комнату отца, но маленькому Алеше это разрешалось отцом. Стоило няне только отвернуться, как он тотчас убегал из детской, бежал к своему отцу и кричал: «Папа, зизи!» — так называл он на детском языке часы. Достевский оставлял свою работу, брал ребенка на колени, вынимал часы и подносил их к уху мальчика. Ребенок в восторге слушал тиканье часов и хлопал в ладоши. Алеша был очень умен и прелестен; вся семья горько оплакивала его, когда он внезапно умер двух с половиною лет. Это случилось в Петербурге, в мае, за несколько дней перед нашим отъездом в Старую Руссу. Сундуки были уже уложены и сделаны последние закупки, как вдруг с Алешей сделались судорги. Врач успокаивал мою мать и говорил, что это часто бывает у детей его возраста. Алеша провел ночь хорошо, проснулся бодрый и свежий, попросил свои игрушки в кроватку, поиграл минуту и вдруг снова упал в судоргах. Через час он был мертв. Все произошло так быстро, что не было времени удалить моего брата и меня от этого тяжелого зрелища.

[1] Известный нам Стефан Иванович Достоевский (IX) отличался как раз обратным отношением к православию.

Когда я увидела родителей вне себя, плачущим над безжизненным телом Алеши, со мной сделался нервный припадок... Врачи объяснили моим родителям, что маленький Алексей стал жертвой неправильной формы своего черепа — мозг не нашел себе места во время своего роста в уродливом маленьком черепе. Я, со своей стороны, была всегда того мнения, что маленький Алексей, столь походивший на моего отца, унаследовал его эпилепсию.»

А. Г. Достоевская (37).

«16 мая 1878 года нашу семью поразило страшное несчастие: скончался наш младший сын, Алеша. Ничто не предвещало постигшего нас горя; ребенок был все время здоров и весел. Утром в день смерти он еще лепетал на своем не совсем понятном языке и громко смеялся со старушкой Прохоровной, приехавшей к нам погостить перед нашим отъездом в Старую Руссу. Вдруг личико ребенка стало подергиваться легкою судорогою; няня приняла это за родимчик, случающийся иногда у детей, когда у них идут зубы; у него же именно в это время стали выходить коренные. Я очень испугалась и тотчас пригласила всегда лечившего у нас детского доктора, Г. А. Чошина, который жил неподалеку и немедленно пришел к нам. Повидимому, он не придал особенного значения болезни, что-то прописал и уверил, что родимчик скоро пройдет. Но так как судороги продолжались, то я разбудила Федора Михайловича, который страшно обеспокоился. Мы решили обратиться к специалисту по нервным болезням, и я отправилась к профессору Успенскому. У него был прием, и человек двадцать сидело в его зале... Он принял меня на минуту и сказал, что как только отпустит больных, то тотчас приедет к нам; прописал что-то успокоительное и велел взять подушку с кислородом, который и давать по временам дышать ребенку. Вернувшись домой я нашла моего бедного мальчика в том же положении: он был без сознания и от времени до времени его маленькое тело сотрясалось от судорог. Но, повидимому, он не страдал: стонов или криков не было. Мы не отходили от нашего маленького страдальца и с нетерпением ждали доктора. Около двух часов он, наконец, явился, осмотрел ребенка и сказал мне: «Не плачьте, не беспокойтесь, это скоро пройдет!»

Федор Михайлович пошел провожать доктора, вернулся страшно бледный и стал на колени у дивана, на который мы переложили малютку, чтобы было удобнее осмотреть его доктору. Я тоже стала на колени рядом с мужем, хотела его спросить, что

именно сказал доктор (а он, как я узнала потом, сказал Феодору Михайловичу, что уже началась агония), но он знаком запретил мне говорить. Прошло около часу, и мы стали замечать, что судороги заметно уменьшаются. Успокоенная доктором, я была даже рада, полагая, что его подергивания переходят в спокойный сон, может быть, предвещающий выздоровление. И каково же было мое отчаяние, когда вдруг дыхание младенца прекратилось и наступила смерть. Феодор Михайлович поцеловал младенца, три раза его перекрестил и навзрыд заплакал. Я тоже рыдала; горько плакали и наши детки, так любившие нашего милого Алешу.

Феодор Михайлович был страшно поражен этой смертью. Он как-то особенно любил Лешу почти болезненною любовью, точно предчувствуя, что его скоро лишится. Феодора Михайловича особенно угнетало то, что ребенок погиб от эпилепсии — болезни, от него унаследованной.»

Несколько иные сведения о болезни и смерти младшего сына писателя содержатся в сохранившихся в Отделе рукописей Ленинской библиотеки записях Анны Григорьевны, сделанных, повидимому, вскоре после утраты сына и потому носящих более подробный дневниковый характер:

«Он заболел в первый раз на святой неделе в пятницу 28 апреля. Был жарок, скверно ходил, рвало очень часто, плохо спал и ел. 30-го апреля был припадок родимчика, продолжавшийся 4 минуты. Затем прохворал дня 4, но потом совершенно поправился и был весел, много ел, спал отлично, рвота прекратилась, но жарок появлялся через 3—4 дня, был напр. 12-го мая, 14-го и наконец 16-го. Ночь перед смертью спал отлично, но вечером лег задумчивый... Принесли его с красными щечками в 8 часов. Не хотел итти ко мне в постель, но поцеловал меня. Я говорю: «Я тебе Леля диня куплю». — «Нет, не надо дини, от дини зубочки болят». — «Я куплю тебе лошадку!» — «Ну купи». Затем слышу он звонко смеется и говорит про Федю: — «Как чистый мужик», — когда тот провалился в короб. Потом говорит: — «Лиля какие у тебя хорошие яички, дай мне мои». А затем лег заснуть. Припадок начался в пол десятого, кончился сорок минут первого, било 3 часа 10 минут. Умер в 20 мин. 3-го, агония продолжалась 1 час. 40 мин., сначала очень стонал и охал, а потом тихо... Накануне своей смерти он вдруг громко запел, во весь голос, а когда я просила его еще спеть он более не захотел...».

Ф. М. Достоевский. Письмо к брату Николаю, 16/V 1878 г. (26).

«Дорогой и любезный брат Николай Михайлович, сегодня скончался у нас Алеша, от внезапного припадка падучей болезни, которой прежде и не бывало у него. Вчера еще веселился, бегал, пел, а сегодня на столе. Начался припадок в ½ 10-го утра, а в ½ третьего Лешечка помер.»

Своему пасынку П. А. Исаеву Федор Михайлович также писал, в тот же день, что сын его Алексей погиб «от внезапного, никогда не бывавшего до сих пор припадка падучей болезни. Еще утром сегодня был весел, спал хорошо, в ½ 10-го ударил припадок, а в ½ 3 Леша был уже мертв.»

Поколение девятое

205. Достоевская 200/202

Род. 14 декабря 1903 г., месяца на полтора раньше срока и умерла до крещения (без имени). Жила всего несколько минут.

206. Достоевский Феодор Федорович. 200/202

(22/VIII 1905 — 14/X 1921). Родился месяца на полтора раньше срока. Умер от брюшного тифа, осложнившегося менингитом.

Е. П. Достоевская (29).

Несмотря на то, что родился 7½ месяцев, развивался нормально, без искусственной среды. В 12—13 лет имел уже совершенно сложившийся характер, основной чертой которого была настойчивость, соединявшаяся, впрочем с удивительной деликатностью и мягкостью. В общем был настолько врожденно-воспитаным ребенком, что никогда не нуждался в особой воспитательной обработке. Мечтательный. Любил природу. Писал стихи, которые ему давались очень легко. Лет с пяти вел свой журнал, который сам иллюстрировал и заполнял своими детскими литературными опытами. Проявлял несомненные способности к рисованию. Обладал музыкальным слухом. Тяжело переживал стесненное положение своей семьи и старался всячески помочь своим близким. В 14 лет имел уже самостоятельный заработок. Стремился к самообразованию. Телосложение очень стройное;

был не по годам высок ростом, но легочных заболеваний не было и вообще слабости легких врачами не отмечалось. По определению офтальмологов имел одно время слабое бельмо на левом глазу, повидимому, вызванное внешним раздражением (засорением). Бельмо это впоследствии рассосалось и не было заметно. То же самое было и у его отца. Из всех Достоевских походил разве только на свою прабабку, мать писателя, Марию Федоровну, урожденную Нечаеву, с которой имел общее. как во внешности, так и в свойствах характера.

Л. С. Михаэлис (29).

Талантливый и музыкальный, с хорошим мягким характером, но болезненный мальчик.

Мария Волошинова (28).

«Семью Достоевских, т. е. вернее Екатерину Петровну Достоевскую и ее мальчиков, я знаю долгие годы. Неоднократная совместная жизнь и встречи в доме наших общих близких знакомых дали мне возможность близко узнать Е. П. и ее детей.. Федюша особенно привлекал наше общее внимание, и я в общих чертах постараюсь начертать его таким, каким мы его видели и знали.

Федюша Достоевский... Передо мной встает образ милого мальчика, бледного, хрупкого, с большими темными живыми глазами. Настоящий ребенок в общении с детьми, он вместе с тем жил огромной внутренной жизнью. Он так тонко и чутко воспринимал все явления внешней жизни, все настроения и впечатления окружающих близких людей, он так любил природу и понимал ее. Обладая необыкновенной впечатлительностью, вдумчивостью и наблюдательностью, многие из своих впечатлений он передавал в виде стихов, очень красивых и глубоких по содержанию. Он был богато одарен от природы, прекрасно рисовал, обладал хорошим голосом и верным слухом, а также большим драматическим талантом. В детских спектаклях ему всегда поручалась самая ответственная роль, которую он проводил безукоризненно. У него было чутье настоящего художника, он сразу брал правильный тон и созданные им образы всегда были ярки и своеобразны. Всех его близко знавших поражала его глубокая, нежная, беспредельная и заботливая любовь к матери, которая чутко прислушивалась ко всем его запросам и была для него лучшим руководителем и другом.

Больно, что так безвремено погибла молодая талантливая жизнь... Память о Федюше Достоевском глубоко живет в сердцах всех знавших и любивших его»...

В. Г. Любимова (28).

«Федю Достоевского я знала десятилетним мальчиком. В то время я занималась с ним по всем предметам. Он отличался удивительными способностями к учению, всем интересовался, во все вникал. Память у него была замечательная. Больше всего Федя любил литературу, в особенности лирические стихотворения и элегии. Позже, когда он стал писать стихи, грусть отражалась в его прелестных произведениях. Любил он также арифметику, хотя она ему давалась труднее, чем литература. Заниматься с ним было одно наслажденье: его пытливый ум не оставлял без замечания ни одного слова, всем интересовался, все надо было ему объяснять, и как он слушал?! Как взрослый! К музыке у него также были способности: он учился играть на пианино и любил слушать, когда я исполняла серьезные произведения, напр. Шумана или Бетховена.

Он любил принимать участие в детских спектаклях и концертах; причем, именно в 10 и 11 лет, исполнял роли девочек, что подходило к его мягкой и нежной натуре. В концерте, я помню, он декламировал под музыку свои собственные стихи, грустные и милые, как и все его произведения. Андрюша, брат его, был в детстве живой, интересный мальчик. Оба они рано начали рисовать, а у Феди в 16 лет обнаружился настоящий художественный талант. Их мать, Екатерина Петровна, много способствовала развитию их талантов: всегда подвижная, энергичная, работящая, она никогда не сидела без дела. Е. П. всегда была чем-нибудь занята: то она вязала, то шила или вышивала (а работа ее была очень изящна), то выжигала по дереву, то рисовала, красками, или тушью. Дети, смотря на мать, сами заражались ее деятельностью; сидя подле матери, мальчики рисовали или выпиливали.

Совершая прогулку, дети собирали растения, жучков, бабочек; природа их интересовала, а умная мать руководила этими прогулками, которые были полны интереса, как научные экскурсии.

Должна еще прибавить, что выступая на сцене, Федя очень стеснялся (он был застенчив) и говорил мне: «Тантики (ласкательное от tante Véra), я бы хотел, чтобы меня никто не видел, я бы тогда был храбрее и не стеснялся публики; нельзя ли мне

декламировать за сценой?!» В этом выразилась замкнутость и сосредоточенность его натуры. Он был откровенен лишь с матерью и одно время со мной, когда я была случайной его учительницей. Жаль, что погиб безусловно талантливый юноша, который так много наследовал от своего знаменитого деда.»

Е. П. Достоевская (28).

«В разговоре мы с Вами ни разу не коснулись религиозных чувств Федора Михайловича, Анны Григорьевны, моего мужа и Федюши... О Ф. М. я могу говорить лишь со слов мужа или Анны Григорьевные; что он был религиозен и глубоко верующим — повторять не приходится. Но Анна Григорьевна часто рассказывала, что верил он как ребенок — без рассуждений, доверчиво и просто. Ходил преимущественно в простые, уединенные церкви, любил деревенские церкви и его любимым духовником был о. И. Румянцев в Старой Руссе, который, узнав о кончине Ф. М., приехал в Петербург и попал к тому моменту, когда процессия похорон подходила к Александро-Невской лавре. Узнав, как близок Румянцев был к Ф. М., хоронившие архиереи предоставили ему, захолустному священнику, почетное место. Влияние ли Ф. М. сказалось на Анне Григорьевне, или она почерпнула свою глубокую веру в своей семье — не знаю.

Она помногу и подолгу жила у меня и каждый вечер неизменно я сквозь запертые двери слышала ее полусдержанный голос, повторявший молитвы, — голос горячей мольбы, убеждения, надежды, порою слезы; так молиться может человек, у которого никогда и тени сомнения не зарождалось, который опять-таки верил слепо, без рассуждений. Анна Григорьевна осуждала и возмущалась мистикой или спиритическими воззрениями — она находила, что можно верить или так, как повествует Евангелие, или не верить вовсе. Родившись и выросши в такой семье, мой муж многое взял у своих родителей: и любовь к простым церквам, и ранние обедни среди простого люда, и «незатейливых», «не мудрствующих» священников. Он не мог понять моей любви к «благолепию», к красивой, тихой, просторной церкви, хорошему концертному пению и требовал, чтобы мы говели вместе, в самой простой обстановке. Но в его вере чувствовался какой-то страх перед божьим наказанием, страх перед судом, и казалось что это сильнее, чем сама вера и надежда. Его друг, Левенсон, передавал мне, что перед смертью он говорил, что боится умереть, потому что боится Суда, но что

умирает как христианин. Федюша умер 16 лет; но вера чистая, светлая, такая вдохновенная была в его глазах, когда он молился, — точно он продолжал быть тем маленьким мальчиком, которого я учила молиться. В последние два года, когда он спал со мной в одной комнате, я долго спустя после того как потушу свет, слышала как он молился — он весь уходил, возносился; я знаю, что он молился главным образом обо мне, ему всегда так страшно было, что я, слабая, не выдержу тяжести наступившей жизни. И подумайте, Михаил Васильевич, как могла выдержать моя вера после того, как он, этот светлый, чистый мальчик не мог вымолить, чтобы у меня осталось мое единственное огромное счастье — он. С его смертью моя вера ушла, осталось пустое место в душе, которое ничто не может заполнить...

Вы просите стихи Федюши, что-либо более рисующее его душевное состояние или характерное. Все его стихи пропитаны тоской; он до бесконечности тяжело переживал перемену в нашей жизни и, главным образом, опять-таки не из-за комфорта, которого он лишился, а из-за вечного страха и страдания за меня — или что он, лишенный образования, не сможет быть моей опорой. Прилагаю несколько его небольших стихотворений — первое, мне кажется, особенно рисует его переживания.

* * *

Я смеюсь. Но мой смех — горше слез,
Ряд подавленных в сердце рыданий,
Я смеюсь над потерею грез,
Я смеюсь над потерей мечтаний.
Я смеюсь над тобою, желаний
И надежд разрушенный храм...
Этот смех — это звон погребальный
Моим лучшим стремленьям, мечтам.

Осенняя песенка [1].

Небо бездонное, небо осеннее,
Птиц улетающих крик,
Солнца холодного, уж не весеннего,
В небе блистающий лик.
В воздухе быстро летят паутинки,
В небе унылые тучки несутся,
Шепчут друг другу, качаясь былинки —
«Дни золотые для нас не вернутся».

27 октября 1919 г.

---

[1] Была переложена на музыку и Федюша мелодекламировал. *Прим. Е. П. Достоевской.*

* * *

Опять тоска, опять души стенанье,
Измученной души опять тревожный бред.
Одна отрада лишь — воспоминанья
Минувших лет едва заметный след.
Вновь без надежд, обманутый судьбою,
Я продолжаю мрачный жизни путь
И только об одном мечтаю я порою,
О, если бы скорее отдохнуть!

Стихотворения эти написаны в 1919 г., т.-е. когда Федюше было 14 лет. В последний год, чтобы заставить меня посмеяться, он написал комические стихи, на холод, освещение светелками, на голод, — но я знаю, что не весело было ему это писать.

Чтобы образ Федюши был яснее и не со слов только безумно любившей его матери, я написала его преподавательнице в Скадовск, прося написать Вам его характеристику,— поэтому не удивитесь, если Вы получите письмо от В. Г. Любимовой.»

207. Достоевский Андрей Федорович. 200/202.
Род. 28 января 1908 г.

Из писем Е. П. Достоевской (28).
Декабрь 1924 г.

«Во многих отношениях резко отличается от своего старшего брата. Очень живой, пылкий, впечатлительный, порывистый, нетерпеливый и неусидчивый. Безудержно вспылчивый, но отходчивый и в общем очень добрый. Самостоятельный и самолюбивый — совершенно не терпит повышения тона. Веселый и общительный. В характере еще много детского, в отличие от брата. Непрактичный (также в отличие от брата). Кипучая любовь к жизни, иногда с резкими переходами к мыслям о ее ненужности и бесцельности. При напряжении способен к большим достижениям. Быстро схватывает нужное, готовясь к докладам в школе. Литературные стремления, порывами; пишет очерки, бытовые картинки; в слоге сжатость и ясность изложения. Увлекается всеми видами спорта; движение — его стихия. Будучи семилетним, уже хорошо ездил на лошади; вообще всякий спорт, за какой бы он ни брался, ему удается легко. Предрасположен к легочным заболеваниям — уже четыре раза перенес воспаление легких. Не поддается действию болезни и повышенной температуры (опять-таки в отличие от своего брата, который при малей-

шем повышении температуры делался сразу вялым и апатичным).»

1928 г.

«У Андрея проявляются способности к рисованию, главным образом к рисованию каррикатур, что стоит в связи со всем его характером.»

Декабрь 1929 г.

«У мужа моего была безусловно чрезвычайная аккуратность и внимание в физическом уходе за собой, в процессе одевания, в одежде, всегда прекрасно на нем сидевшей. Эти же черты определенно выражены и у Андрея. Когда он жил в Новочеркасске, его хозяйка мне всегда говорила: «по аккуратности он настоящая институтка». Каждая его вещь имеет свое место. Каждый карман платья содержит определенные вещи. У него своя отдельная платяная щетка. (Вы, может быть, слыхали, что Федор Михайлович любил сам чистить свое платье. Чистка платья в его романах). Андрей всегда чрезвычайно аккуратно одет.»

ГЛАВА VI

ВЕТВЬ ВАРВАРЫ МИХАЙЛОВНЫ, ПО МУЖУ КАРЕПИНОЙ

Поколение седьмое

20с. Д о с т о е в с к а я, п. м. Карепина, Варвара Михайловна. 3/95.
(5/XII 1822 — 21/I 1893). В замужестве за вдовцом П. А. Капиным с 21 апреля 1840 г. Убита и сожжена грабителями. Похоронена на Пятницком кладбище в Москве.

Л. Ф. Достоевская (39).

«Самой несчастной была, бесспорно, моя тетка Варвара. Она вышла замуж за довольно богатого человека, оставившего ей после своей смерти несколько доходных домов. Эти дома приносили ей хороший доход; ее дети хорошо устроились и не нуждались ни в чем. Следовательно, она могла предоставить себе все необходимые в ее возрасте удобства. Но бедная женщина, к сожалению, страдала отвратительной, бесспорно болезненной, скупостью. С чувством отчаянья она открывала свой кошелек; малейший расход делал ее несчастной. В конце концов она рассчитала всю свою прислугу для того, чтобы не тратиться на нее. Она никогда не отапливала своей квартиры и проводила всю зиму в шубе; она ничего не варила, покупала лишь раза два в неделю немного молока и хлеба. Во всем околотке говорили об этой необъяснимой скупости.»

О. А. Иванова (29).

Каждая из сестер Ф. М. Достоевского, при выходе замуж, получала от Куманиных по 25000 руб. в приданое. Варв. Мих.

приобрела себе на эти деньги два дома на Петровском бульваре в Москве.

Варвара Михайловна очень не дружила со своим отцом в последние годы его жизни. Столкновения между ними происходили, главным образом, на почве ведения хозяйства.

Касаясь вопроса о скупости Варвары Михайловны, А. А. Достоевский пишет мне: «Это опять-таки была особая ненормальность, в просторечии может быть и скупость. Но слова просторечия не всегда верно обозначают действительность.»

М. А. Иванова и Е. М. Достоевская (29).

Варвара Михайловна была скупа лишь по отношению к самой себе, но всегда была готова помочь тем из близких, которые нуждались в материальной поддержке. Помогала она своей сестре Александре и дочери Марии, овдовевшей с пятерыми детьми на руках.

Обладая твердым характером, держала своих детей на положении маленьких, даже в то время, когда те были уже вполне взрослые по летам.

Насколько В. М. интересовалась занятиями своих детей можно судить по тому, что когда ее сын Александр учился в университете, она вместе с ним проштудировала по руководствам весь курс медицинского факультета, проходя по очереди все те предметы, которые изучал ее сын.

Ф. М. Достоевский. Письмо к брату Андрею, 28/XI 1880 г. (43).

«К 4-му декабря хочу написать сестре Варваре Михайловне. Я ее люблю: она славная сестра и чудесный человек.»

В. А. Савостьянова (29).

Варвара Михайловна производила на меня впечатление радушной, приветливой и добрейшей родственницы, хотя и с сильными странностями, выражавшимися в ее исключительной бережливости и расчетливости. Была очень музыкальна.

М. М. Достоевский. Письмо к сестре Варваре, 1/IX 1839 г., через 3 месяца после убийства отца (26).

«Фортепьяно лучшая твоя отрада теперь — я это знаю, или по крайней мере в этом уверен, потому что музыка была любимым утешением покойного папиньки!»

Ужасная кончина В. М. Карепиной послужила поводом к различным сообщениям в газетах того времени. Приведем несколько отрывков и из этих источников.

Газета «Московский листок», 22/I 1893 г., № 22.

Жертва скупости.

«Вчера, 21 января, в 8 часов утра, дворник дома вдовы надворного советника В. М. Карепиной, во 2 Знаменском переулке, Сретенской части, услышав запах гари и дыма, выходящий из запертой квартиры домовладелицы, помещающейся в 3-м этаже дома, позвал стоящего на посту городового, который вместе с ним вошел в квартиру с черного хода в кухню, а так как дверь из кухни в квартиру хозяйки дома была заперта извнутри, то они взломали ее, вошли в первую комнату, а в соседнюю дверь была заперта на замок, взломали и эту дверь, вошли в большую комнату, которая была наполнена дымом, выходящим из-под двери спальни домовладелицы; в спальне к ужасу своему они увидели лежавшим на полу в огне труп домовладелицы Карепиной, женщины лет 68. Городовой приказал дворнику разбить стекла в окнах, чтобы дать выход дыму, и залил пламя, которым был объят труп.

Дали знать о случившемся участковому приставу и начальнику сыскной полиции, которые не замедлили явиться на место. По первому впечатлению предполагалось преступление, но при подробном осмотре квартиры оказалось, что несчастие произошло от взрыва лампы.

Домовладелица занимала квартиру из 5 комнат, жила совершенно одна и, кроме дворника, никакой прислуги не имела, никого у себя не принимала и жила весьма скупо. Пищу готовила себе сама в ограниченном количестве, на несколько дней, и прятала ее в письменный стол, употребляя ее в холодном виде понемногу. Вставала она с постели обыкновенно в 6 часов утра и сама зажигала лампу, стоявшую у нее в спальне на письменном столе. Так было и вчера. Предполагают, что, когда лампа была заж-

А. Г. Достоевская
с внуками Федором и Андреем (сидит). 1911—1912 г.

А. Ф. Достоевский. 1933 г.

В. М. Карепина
с акварели Стрелковского 1840 г.

А. П. Карепин

196, 206, 207, 208, 210.

А. М. Достоевский

Е. А. Рыкачева
(рожд. Достоевская). 1873 г.

Александр Андреевич
Достоевский

Андрей Андреевич
Достоевский

222, 224, 227, 231.

жена, ее разорвало, и воспламенившийся керосин брызнул несчастной на лицо и на платье, которое воспламенилось; она упала навзничь и опрокинула на себя тут же стоявшую жестянку с керосином, разлившимся по полу, отчего загорелся пол и письменный стол.

У покойной изжарились лицо, шея и грудь, обгорели волосы, обуглились плечи и обе руки. Правая рука была в изогнутом положении поднятой кверху, а левая прижата к груди. Белье, платье и вязаная кофта, в которой усопшая была одета, обгорели так, что от них остались одни клочья. То место пола, на котором лежала покойная, прогорело до наката, письменный стол обуглился, вся спальня прокоптела дымом.

В верхнем ящике письменного стола нашли тряпки и тарелку с остатками жареного мяса. Ни денег, ни иных документов в квартире не оказалось, хотя покойная слыла за женщину зажиточную.»

По поводу этого сообщения «Московского листка», брат ее, Андрей Михайлович Достоевский поместил в № 28 той же газеты за 1893 г. следующее разъяснение:

«В № 22 вашей газеты за текущий год, в отделе «Московская жизнь» сообщен трагический случай ужасной смерти 70-летней старушки В. М. Карепиной, последовавшей 21 января; над этою заметкою помещен заголовок: «Жертва скупости».

В. М. Карепина, урожденная Достоевская, выйдя замуж в очень молодых годах, осталась вдовою 28 лет от роду, с тремя детьми и почти без средств к жизни. Покойный муж ее хотя и занимал очень выгодное место правителя канцелярии московского военного генерал-губернатора (при князе Голицыне) и был уважаем в Москве, но после смерти не оставил вдове своей ничего, кроме ничтожной пенсии (чуть ли не менее 200 рублей в год). Дом же, в котором ныне так трагически кончила жизнь свою г-жа Карепина, был ее приданым.

Обладая твердой силой воли и не женскою энергией, молодая вдова сумела не только воспитать своих детей, но и устроить их, почти не обладая никакими средствами и из гордости, не прибегая ни к чьей посторонней помощи. Проведя почти два десятка лет в постоянном сдерживании и ограничивании себя, покойная привыкла к расчетливости и даже, повидимому, к скупости. Но расчетливость и даже кажущаяся скупость допускались ею только относительно самой себя, ко всем же близким она была — вся доброта, вся щедрость. Так, со времени вдовства своей дочери

она постоянно помогала ей и в последние годы даже содержала на свой счет как дочь, так и многочисленную семью ее. Много и других добрых дел устраивала покойная, о чем, конечно, не буду распространяться теперь, в виду еще теплой могилы ее. Все это не похоже на скупость предосудительную.

В заключение не лишним считаю присовокупить, что великий русский писатель и мыслитель Ф. М. Достоевский был родным братом покойной и, несмотря на ее расчетливость, очень любил и уважал ее, не только как сестру, но и как женщину редкого ума и твердого характера».

«Московский листок» 1893 г., № 28

«Хотя покойная действительно вела очень скромный образ жизни, но скупостью не отличалась; по отзывам лиц, близко ее знавших, покойная была крайне добрая женщина и, кроме своих родственников, часто помогала и посторонним.»

«Новое время», 24/I 1893 г., № 6073.

«Несмотря на то, что В. М. Карепина была домовладелицей 7 домов, она испытывала страшную бедность, так как дома были заложены, а квартиранты плохо платили... Если кто-либо приходил к ней, она в большинстве случаев не отворяла дверей и говорила через запертые двери.»

«Русские ведомости», 29/I 1893 г., № 28.

«Покойная В. М. Карепина, имея 6 домов в Москве, жила крайне бедно и, будучи весьма подозрительной и опасаясь воров, постоянно запиралась на несколько замков... Она не имела при себе прислуги, по словам родственников, вследствие боязни и недоверия к ней...»

«Ведомости московской городской полиции», 4/II, № 32, 1893 г.

Обнаруженное убийство.

«21 января, домовладелица, вдова надворного советника Варвара Михайловна Карепина найдена была в своей квартире мертвою с обгорелыми частями тела. Хотя признаков насильственной смерти тогда обнаружено не было, и можно было полагать, что смерть Карепиной последовала от обжогов, вследствие пролитого керосина и воспламенившегося на ней платья, тем не менее начальником сыскной полиции (Эфенбахом) было произве-

дено дознание, путем которого удалось обнаружить, что Карепина была задушена в кухне дворником ее дома, крестьянином Владимирской губ. Иваном Архиповым и зап. маст. Федором Юргиным, а затем труп Карепиной перенесен был ими в кабинет, где облит керосином и подожжен. Убийство совершено с целью грабежа. Архипов и Юргин задержаны и в преступлении сознались; при этом у последнего найдено % бумаг более чем на 8000 рублей, принадлежавших покойной Карепиной».

209. Карепин Петр Андреевич. Муж предыдущей. (1796—1850). От своего первого брака имел дочь Юлию, вышедшую замуж за Померанцева (на генеалогической таблице не показаны). Служил правителем канцелярии Московского военного генерал-губернатора. После смерти М. А. Достоевского (отца писателя) был опекуном его детей, в том числе и Федора Михайловича.

А. М. Достоевский (43).

«П. А. Карепин был добрейшим из добрейших людей... он был не просто добрым, но евагельски-добрым человеком».

А. Г. Достоевская. Записи к биографии Ф. М. Достоевского (27).

«Опекуном Федора Михайловича и братьев был Карепин, муж сестры Ф. М., Варвары Михайловны. Он был действительно дрянной человек.»

Ф. М. Достоевский. Письмо к брату Михаилу, 30/IX 1844 г. (?) (49).

«Эти москвичи невыразимо самолюбивы, глупы и резонеры. В последнем письме Карепин ни с того, ни с сего советовал мне не увлекаться Шекспиром! Говорит, что Шекспир и мыльный пузырь все равно. Мне хотелось, чтобы ты понял эту комическую черту, озлобление на Шекспира. Ну, к чему тут Шекспир? Я ему такое письмо написал! Одним словом, образец полемики. Как я его отделал. Мои письма chef d'oeuvre летристики».

В. М. Карепина. Письмо к брату Андрею, 12/I 1849 г. (21)

«...Как я испугалась, когда на вопрос мой, он заговорил совсем не то, и я тотчас приметила, что язык у него тупеет и наконец он совсем не мог выговаривать ни слова. Это — начало

его припадков... Когда его опрыснули холодной водой, то вместо того, чтобы получить облегчение от этого, как это было в последние два раза, он все не очнулся, глаза у него блуждали, и он решительно ничего не понимал... Я заметила у Петра Андреевича ужасное, исступленное выражение лица; не прошло, я думаю, и минуты, как он вскрикнул, упал и начал биться, пена у рта, весь посинел и хрипит; мы думали, что уже все кончено, но, к счастью, ему развязали перевязку с руки и начали до того тереть эту руку, покуда кровь опять пошла, зубы до того стиснулись, что никак нельзя было влить хоть несколько воды; наконец, кое-как пропустили ему несколько воды, он поперхнулся, закашлялся и уж тут переложили его на постель. Ночью проснулся, видно было, что он начал понимать, но не мог еще говорить... на другой день ему стало лучше.»

Из этой же переписки, 1/VII 1849 г (21).

«Петр Андреевич ужасно занемог. Я его о чем-то спросила, он мне не ответил (болезнь его начинается тем, что он не может говорить). Я спросила его еще о чем-то, он, бедный, смотрит в каком-то беспамятстве... Послали за докторами, цирульником, но все ничего не помогало и не могло отвратить припадков; вдруг он диким голосом закричал и начал биться... пустили кровь, на этот раз болезнь была труднее всех прежних разов: семь раз повторялись припадки, так что несколько перестанет биться, опять вскрикнет и начнет биться... на второй день был в беспамятстве, а на третий очнулся... Болезнь Петра Андреевича тем более страшна, что никак нельзя предугадать ее, так внезапно она проявляется.»

Из этой же переписки, IX 1849 г. (21).

«Петр Андреевич опять был очень нездоров, с ним случилось опять все то же, что я тебе рассказывала, но только еще более припадков, именно одиннадцать, и опять случилось так неожиданно. Теперь, как будто, есть маленькая надежда, что, может быть, болезнь и прекратится, а именно вот какая: лет 11 тому назад у Петра Андреевича была сыпь на ногах и скрылась, а теперь опять показалась, и хотя она его очень беспокоит ужасным зудом и чесоткою, но доктора считают это хорошим признаком.»

201. Карепин Александр Петрович 208/209

Род. в 1841 г. Окончил медицинский факультет Московского университета. Служил в Москве сверхштатным врачом в Павловской больнице, а также военным врачом в гусарском Сумском и гренадерском Астраханском полках в Москве, а позднее в Венгровском полку в Варшаве. В 1872—75 гг. сотрудничал в «Московской медицинской газете», где поместил ряд рефератов, преимущественно из английской и немецкой литературы. Рефераты эти подписаны иногда полной фамилией, иногда инициалами «А. К.».

Л. Ф. Достоевская (39).

«Сын моей тетки Варвары был так глуп, что его глупость граничила с идиотизмом.»

А. А. Достоевский (28).

«Про А. П. Карепина Л. Ф. Достоевская пишет, что он был глуп до идиотизма. А. П. Карепин, действительно страдал ненормальностью, для которой в медицине, по всем вероятиям, есть особый термин, но это не была глупость, а тем более не идиотизм. Я лично очень хорошо помню Александра Петровича, и мы — дети — вместе со старшими подсмеивались над его, так сказать, «недержанием речи», но о глупости его у нас никто и никогда не говорил.

По каждому случайно затронутому в разговоре предмету, А. П. готов был немедленно прочитать целую лекцию, обильно снабженную всевозможными подробностями — датами, статистическими данными, именами, цитатами и т. п. Все это, нужно сказать, отнюдь не выдумывалось им, а приводилось совершенно правильно и точно — обо всем он, оказывается, читал и все прекрасно помнил. Такие «лекции» он мог говорить о чем угодно, о литературе, по философии, истории, биологии, медицине, метеорологии и т. п. Часто, не закончив одной темы, он, прицепившись к какому-нибудь случайно услышанному им слову, перескакивал на другую, обычно совершенно не связанную логически с первой темой и здесь так же сыпал различными справками, данными, цитатами и пр. Знал он очень много, но не было ничего синтезирующего, объединяющего все эти знания в одно целое. В результате, весь умственный багаж А. П. не мог быть им разумно использован ни в какой области и, в конце концов,

служил только лишним поводом для насмешек и шуток по его адресу.

Расчетливый, бережливый, аккуратный, до смешного кроткий, покорный и послушный даже в самые зрелые годы своей жизни, — этими своими свойствами он производил на окружающих впечатление человека смешного и с большими странностями.»

О. А. Иванова (29).

А. П. получил исключительно странное воспитание. Даже в университет на лекции мать отпускала его не иначе, как только с бонной, которая дожидалась окончания лекций и затем отвозила его обратно домой... Однажды на экзамене А. П. отказался ответить на какой-то медицинский вопрос, мотивируя свой отказ тем, что ему «мама не позволила» читать об этом.

Ел. А. Иванова (28).

«А. П. отличался целым рядом чудачеств, служивших источником смеха среди его родственников. Действительно, его поступки скорее походят на какой-либо анекдот, чем на действительную жизнь.»

Ю. А. Иванов (29).

Анекдотичны были не только житейские поступки А. П. Карепина, но даже иногда и те способы лечения, которые он применял, как врач. Так например, когда один крестьянин порезал себе верхнюю губу серпом, А. П. заклеил ему пластырем не только губу, но и весь рот, и строго-на-строго запретил ему снимать пластырь, обрекая таким образом своего пациента, если бы тот стал выполнять его предписания, на голодную смерть.

Н. А. Иванова. Письмо Н. М. Достоевскому 6/III. Год не указан. (22).

«Александр Петрович прижал меня в угол и душил меня какими-то особенными стихами и изречениями допотопных философов.»

М. А. Иванова (29, 32 и 58).

А. П. обладал исключительно сильной памятью в особенности на числа и имена, но соображения у него настолько не было, что в жизни он был, можно сказать, почти что идиот. Вот один из примеров его умозаключений: уже взрослым человеком он увлекся одной совсем еще юной девочкой лет 14-ти, с которой хотя даже не был знаком. Лет через 20 после этого времени я

как-то встретилась с ним в театре. Он все время заглядывал на какую-то стриженую девочку и, наконец, страшно обрадованный заявляет мне, что это конечно никто иная, как N — его прежняя симпатия, не соображая при этом того, что за 20 лет его старинная симпатия не могла остаться такой же юной. Своими поступками и приключениями он во многом напоминал диккенсовского Пиквика и, разумеется, был постоянным объектом наших шуток. доходивших иногда до глумления. Особенно любил над ним подшучивать Ф. М. Достоевский, сочинивший, между прочим, на А. П. несколько шуточных стихотворных экспромптов и даже одну «оду». В этой оде вышучивается внешность А. П.: маленький, кругленький, он был немножко похож на китайского болванчика. Вот слова этой «оды»:

ОДА В ЧЕСТЬ ДОКТОРА КАРЕПИНА.

Поэт:

Позволь, пиите дерзновенну,
О ты, достойный славы зреть,
Его рукой неизощренной
Тебя прекрасного воспеть!
Кому тебя мне уподобить?
Какой звезде, какому богу
Чтобы тебя не покоробить,
Зову Державина в подмогу.

Тень Державина:

Ростом пигмей,
Лицом сатир,
Всего он скорей
Монгольский кумир.

Поэт:

Могу-ль ушам своим я верить?
Поэт Фелицы и министр,
Державин, может лицемерить,
Как самый ярый нигилист!
О, нет! Он ростом Геркулес,
Хоть и приземист он...

Тень Державина:

Танцует, как медведь,
Поет, как филин он [1].

Поэт:

Такую отповедь
Не выношу я! Вон!

(Тень Державина удаляется).

---

[1] Здесь Ф. М. намекает на то, что А. П. был лишен музыкального слуха и вообще был крайне немузыкален. *Прим. М. А. Ивановой.*

Увидя как-то идущего ему навстречу по полотну железной дороги А. П. Карепина (дело было в дачной местности Люблино близ Москвы летом 1866 г.), Федор Михайлович сказал в его честь такой экспромпт:

По дороге, по железной,
Шел племянник мой, Карепин.
Человек не бесполезный
И собой великолепен.

В этом четверостишии опять-таки чувствуется намек на потешную внешность А. П.

Следующее стихотворение Федора Михайловича почему-то особенно сильно задело А. П. и окончательно вывело его из себя:

Полночь. Павловская больница.
Слышен храп, порой чиханье.
И не спит в своей светлице
Лишь сверхштатный доктор Саня [1].
Куча блох его кусает,
Но не тем лишь мучим он,
Голова его пылает,
Полна тяжких, жгучих дум:
— «Обучен в университете,
Все катарры я лечил [2].
И в больничной сей палате
Не без пользы послужил.
Только б в штатные мне место,
Да холеру б бог послал,
Уж всегда б нашлась невеста [3].
Только сам-то будь удал!» —
Фельдшера тут все сбежались,
А больные испугались.
Вот выходит Левенталь [4].
С прутом длинным, длинным, длинным:
— «Это ви сейчас кричаль
Таким образом бесстыдным?»...

Стихотворение так и осталось незаконченным вследствие агрессивного поведения А. П., душевная кротость которого сочеталась с большой возбудимостью и раздражительностью; чуть не с кулаками, наполовину в шутку, наполовину в серьез, он готов

[1] Все близкие родственники обычно звали А. П. Карепина Саней. *Прим. М. А. Ивановой.*

[2] Почти у каждого больного А. П. находил катарр. *Прим. М. А. Ивановой.*

[3] Очень больное место А. П. Карепина. *Прим. М. А. Ивановой.*

[4] Доктор А. Левенталь, старший врач Павловской больницы. *Прим. М. А. Ивановой.*

был начать драку с Ф. М. Чтобы утешить своего племянника, он тут же сказал ему экспромпт совсем другого содержания:

Как бы общество ни было
Молчаливо и грустно,
Миг — печаль его уплыла
Только Саню принесло.
Отчего сие явленье,
Отчего улыбки, смех?
Саня! Ваших всех хотений
Я пророчу вам успех!

А. П. действительно утешился этим экспромптом и мир был немедленно восстановлен.

Карепин в то время, когда он приезжал гостить к нам на дачу в Люблино (лето 1866 г.), не был еще женат, но все время мечтал об идеальной невесте, которая ему рисовалась обязательно стриженой и не старше 16 лет [1]. Невесту эту он заранее ревновал ко всем.— «Дети у меня», говорил он, «будут чистокровные Карепы»... Он очень не любил эмансипированных женщин и говорил о том, что его жена будет далека от всех современных идей о женском равноправии и труде. В то время как раз все зачитывались романом Чернышевского «Что делать?» и Карепина дразнили, предрекая его жене судьбу героини романа. Достоевский заявил ему однажды, что правительство поощряет бегство жен от мужей в Петербург для обучения шитью на швейных машинках и для жен-беглянок организованы особые поезда. Карепин верил, сердился, выходил из себя и готов был чуть ли не драться за будущую невесту. Как то раз Достоевский предложил устроить импровизированный спектакль — суд над Карепиным и его будущей женой. Федор Михайлович изображал судью в красной кофте одной из сестер Ивановых с ведром на голове в бумажных очках. Рядом сидел и записывал секретарь, Софья Александровна Иванова, и Карепины — муж и жена, как подсудимые. Федор Михайлович говорит блестящую речь в защиту жены, которая хочет бежать в Петербург и учиться шить на швейной машинке. В результате он обвиняет мужа и приговаривает его к ссылке на северный полюс. Карепин сердится, бросается на Достоевского. Занавес опускается — первое действие окончено. Второе действие — на северном полюсе. Кругом снег из простынь и ваты. Карепин сидит и жалуется на свою

[1] Женился он значительно позже, уже в возрасте более 60 лет. Будучи крайне ревнивым, он боялся и избегал с кем бы то ни было знакомить свою жену. *Примеч. М. А. Ивановой.*

судьбу. Достоевский в виде белого медведя подкрадывается и съедает его.

Подобные инсценировки устраивались очень часто. Однажды в шутку разыгрывалась «Черная шаль» Пушкина. В другой раз устроена была торжественная процессия, сопровождающая Магомета II — доктора Карепина. Вся молодежь отправилась из Люблина в Кузьминки с боем в медные тазы, со свистками и пр. Вызвана эта забава была шутками Достоевского над Карепиным; Федор Михайлович начал серьезно уверять его, что он «манкирует своей карьерой», что звание доктора слишком для него ничтожно и что он мог бы занять более высокое положение. На вопрос Карепина, кем бы ему сделаться, Достоевский предложил ему назваться Магометом II. По этому поводу был опять организован какой-то суд над Карепиным. Во время допроса Карепин показал, что ему 26 лет, по поводу чего судья — Достоевский предложил секретарю записать, что «подсудимый сбивается в показаниях», так как Магомет II, сын Магомета I, не может быть в этом возрасте. Во время этой инсценировки Карепин сказал какую-то дерзость одной из девиц, за что был приговорен к временному повешению: его подвесили на дереве на полотенцах под мышки.»

Ю. А. Иванов (29).

Характерным для А. П. Карепина было его странное увлечение образом Дон-Кихота. Не удовлетворяясь переводами, он изучил испанский язык лишь для того, чтобы прочесть Сервантеса в подлиннике. (Впрочем, при его удивительной памяти и лингвистических способностях, изучение нового языка не составляло для него особой трудности). Приезжая на дачу к Ивановым, он любил организовывать шуточные инсценировки рыцарских турниров, причем сам усаживался на какую-нибудь клячу, брал в руки деревянную палку, игравшую роль копья, и с удовольствием изображал любимого им героя.

В. М. Иванова. Письмо С. А. Хмыровой. Без даты (22).

«Саша просит тебя привезти Дон-Кихота твоего на французском языке.»

211. Карепина. Жена предыдущего.

По национальности полька.

212. Карепина, п. м. Смирнова, Мария Петровна. 208/209.

Род. в 1842 г.

В. М. Каренина. Письмо к брату Андрею, 1855 г. (21).

«Машенька очень хорошо играет на фортепьяно: у нее большие способности.»

М. А. Иванова (29).

Нет... способностей к музыке у М. П. не было. Как в характере, так и в игре ее всегда чувствовалась какая-то дубоватость. Между прочим, таково же было мнение о ней и Н. Рубинштейна.

О. А. Иванова (29).

Варвара Михайловна насильно заставляла свою дочь Марию играть на рояли, что та делала очень неохотно, только подчиняясь воле матери.

Про Марью Петровну тоже можно сказать, что она была со странностями.

213. Смирнов Василий Христофорович. Муж предыдущей, приблизительно с 1861—62 г. Умер в мае 1873 г.

М. А. Иванова (29).

В. Х. Смирнов, человек очень хороший, порядочный и всеми уважаемый, неожиданно сделался объектом самой непримиримой и для нас совершенно непонятной антипатии, вернее ненависти, со стороны Ф. М. Достоевского. Почему-то Ф. М. был убежден, что Смирнов горький пьяница, хотя тот не пил даже наливки. Считая, что Смирнов скрывает свой порок, Ф. М., повидимому, желая изобличить его, писал где придется: «здесь был Василий Христофорович Смирнов и все время хлестал водку». Так например, такие надписи (теперь уже, конечно закрашенные) были им сделаны на известной беседке «Миловид» над Царицинским прудом под Москвой. В конце концов, когда он такую же надпись выцарапал на нашей деревянной чайнице-шкатулке, которая обычно ставилась на стол во время чая, и надпись эта была замечена В. Х. Смирновым, тот очень обиделся и не приходил к нам после этого целый год.

Кроме пьянства Ф. М. подозревал еще Смирнова в карьеризме, считая, что тот женился на М. П., польстившись на ее деньги.

Свою глубокую антипатию к Смирнову Достоевский выразил еще тем, что вывел его в «Преступлении и наказании» в образе Лужина.

В заключение скажу еще раз, что мне лично Смирнов всегда представлялся очень хорошим человеком.

214. Карепина. Елизавета Петровна. 208/209.

В. М. Карепина. Письмо к брату Андрею, 1847 г. (21).

«Я писала тебе о ее болезни, что она у нас ничего почти не понимает и перестала вовсе говорить.»

Из той же переписки. 1849 г. (21).

«...с нею сделался припадок, так что вся почернела и пена у рта, теперь она здорова, и в том же положении, как ты ее видел.»

Из той же переписки. 1854 г. (21).

«Лизе у нас ничего нет лучше: все так же кричит.»

«Лиза все в том же положении, все также не понимает и ничего не говорит.»

215. Карепин Петр Петрович. 208/209
Род. в 1847 г. Жил всего 5 месяцев.

216. Карепина София Петровна. 208/209
(1848—1850). Умерла от коклюша.

Поколение девятое.

217. Смирнова Екатерина Васильевна. 212/213
Род. в 1864 г.

218. Смирнова Анна Васильевна. 212/213

219. Смирнов. 212/213
Род. в 1867 г.

220. Смирнов Владимир Васильевич. 212/213

221. Пятый внук (внучка?) В. М. Карепиной.

Изо всех представителей рода Достоевских, с которыми удалось вступить в контакт, никто не мог сообщить каких-либо сведений о дальнейшей судьбе потомков В. М. Карепиной.

ГЛАВА VII

ВЕТВЬ АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО

Поколение седьмое

222. Достоевский Андрей Михайлович. 3/95
(15/III 1825—7/III 1897). Гражданский инженер. Служил сначала на юге России, а затем в г. Ярославле губернским инженером. Автор воспоминаний о детстве Федора Михайловича и о всей своей семье. Умер от рака.

Ф. М. Достоевский. Письмо к брату Михаилу, 22/XII 1841 г. (47).

«Андрюша болен; я расстроен чрезвычайно. — Какие ужасные хлопоты с ним. — Его приготовление и его житье у меня вольного, одинокого, независимого, это для меня нестерпимо... Притом у него такой странный и пустой характер, что отвлечет от него всякого».

М. М. Достоевский. Письмо к брату Федору 1/X 1847 г. (26).

«Я очень рад, что Андрюша уехал. Кроме того, что место его прекрасное, он наконец привыкнет жить своим умом. Ты не поверишь, как слаб он сердцем».

Ф. М. Достоевский. Письмо А. Н. Майкову, 17(29)/IX 1869 г. (26).

«Брат Андрей Михайлович довольно в далеких со мной отношениях (хотя и без малейших неприятностей)».

В. М. Иванова. Письмо Н. М. Достоевскому. Без даты (22).

«В бытность мою в Москве у Варвары Михайловны я встретила, как бы ты думаешь, кого? Блатца Андлюшу [1]. После долгих и жарких поцелуев он в разговоре упомянул, что едва ли кто из семейства Достоевских любит так своих лодных, как он, Андлей Михайлович. Я чуть-чуть не наговорила ему разных любезностей на его такие наглые слова, а кажется, улыбнулась довольно иронически, потому что он сейчас сказал: «кто хочет пусть не верит». Вот баба-то льстюха, уж молчал бы.»

С. Д. Яновский (70).

«Об отце Федор Михайлович решительно не любил говорить и просил о нем не спрашивать, а также мало говорил о брате Андрее.»

Ф. М. Достоевский. Письмо к брату Андрею 6/VI 1862 г. (47).

«Мне все причины тебя любить и уважать и ни одной — забыть тебя... Ты доказал, что любишь меня. Ты писал мне в Семипалатинск и даже помогал мне.»

Родственные воспоминания Достоевских (30).

«Точность и аккуратность были ему свойственны в высшей мере. Очень вспыльчив, но отходчив. Горяч в разговорах и особенно в принципиальных спорах. Добрейший человек, бессребренник, идеалист. Сильно развитое чувство долга.»

А. А. Достоевский (28).

«Отец мой отличался большою точностью и аккуратностью, так что все данные, приведенные из его воспоминаний, я считаю безусловно верными.»

В. А. Савостьянова (29).

Пунктуальность Андрея Михайловича особенно хорошо проявлялась в его любви к женским рукоделиям. Очень любя вязанье, он, однако, делал это совсем не так, как обычно работают вязальщицы. Прежде чем приступить к самому вязанью, он

[1] А. М. Достоевский не выговаривал буквы «р».

исписывал целые листы бумаги столбцами цифр, вычисляя, сколько петель и какого цвета будет сделано в различных направлениях. Вообще его система вязанья и та пунктуальность, с которой он этим делом занимался (главным образом последние годы жизни, уже после выхода в отставку), несомненно характеризовали его, как необыкновенно аккуратного человека. Своей любовью к вязанью он заразил и некоторых своих домашних, которые также работали по его системе.

Л. Ф. Достоевская (39).

«Семья Достоевских была очень своеобразна: вместо того, чтобы гордиться своим гениальным братом, они скорее ненавидели его за его превосходство. Лишь мой дядя Андрей гордился литературным талантом своего старшего брата, но он жил в провинции и редко приезжал в Петербург.»

223. Федорченко, п. м. Достоевская, Доминика Ивановна. Жена предыдущего.

(1825—1887). Вступила в брак с А. М. Достоевским 16 июля 1850 г. Умерла от болезни спинного мозга.

Родственные воспоминания Достоевских (30).

«Мнительна в отношении благополучия близких. Несколько подозрительна к людям. Очень добрая. Из-за болезни спинного мозга последние 3 года жизни провела в кресле, не будучи в состоянии ходить.»

Поколение восьмое

224. Достоевская, п. м. Рыкачева, Евгения Андреевна. 222/223

(8/I 1853—22/XI 1919). Умерла от истощения и перенесенных семейных потерь; конечная причина смерти — воспаление легких.

А. А. Достоевский (28).

«В характере живость, отзывчивость, доброта и твердое сознание долга. Удивительно владела своими нервами, не давая себе распускаться, несмотря на самые тяжелые удары жизни. Энергичная; всегда при деле: по хозяйству, по обучению детей.

Живо интересовалась учеными работами своего мужа, а затем и детей и даже принимала в них участие. Образцовая и нежная мать семейства и, по мере подрастания детей — их друг. В молодых годах очень хорошо пела.»

225. Рыкачев Михаил Александрович. Муж предыдущей.
(1840—1919). Доктор физики honoris causa, действительный член Академии наук, директор Главной физической обсерватории, профессор Морской академии и генерал-майор флота. Умер от ослабления деятельности сердца после кровоизлияния в мозг. Биография в академическом издании биографий академиков.

А. А. Достоевский (28).

«В основе характера — кристальная честность, мягкость, доброта. Тверд в предпринятых решениях.»

Страдал ихтиозом [1]. Кроме самого Мих. Ал. эта же аномалия была у двух из его шести братьев, у внука Сергея (№ 250) и, в очень слабой степени, у дочери Александры (матери Сергея, № 233).

226. Достоевская Мария Андреевна. 222/223
(1854—1856). Умерла от крупа.

227. Достоевский Александр Андреевич. 222/223
(3/II 1857—6/X 1894). Доктор медицины. Приват-доцент по кафедре гистологии и эмбриологии в Военно-медицинской академии в Петербурге. Умер от прогрессивного паралича.

И. Э. Шавловский (67).

«Поступив в 1876 г. в Медико-хирургическую академию, покойный уже с первых курсов обнаружил склонность к гистологическим занятиям и обратил на себя внимание своими выдающимися препаратами. Избрав предметом своего изучения так наз. кровеносные железы, он напечатал ряд ученых работ о строении надпочечных желез и мозгового придатка.

Необыкновенно изящные препараты по кариокинезу, а также по созреванию и оплодотворению яйца, отчасти приготовлен-

[1] Ихтиоз, или «рыбья кожа», представляет из себя наследственную болезнь кожи, при которой тело покрывается шелушащимися чешуйками.

ные за границей, а отчасти уже по возвращении, в скором времени доставили покойному известность, как выдающемуся технику. Заняв должность прозектора при кафедре гистологии, учрежденной по новому уставу Военно-медицинской академии, он оставался в ней до августа 1892 г.

Ему первому удалось, между прочим, сделать открытие яиц лошадиной аскариды с половинным количеством хроматиновых нитей. Этот факт, наблюдавшийся затем многими, ныне приводится во всех руководствах, без указания имени А. А.

Обладая, кроме необыкновенного технического таланта, еще и необыкновенным трудолюбием, покойный оставил кафедре гистологии громадное собрание превосходных препаратов, между ними многочисленные полные ряды срезов зародышей и некоторых органов. Преждевременная смерть, унесшая А. А. в самом разгаре его ученой деятельности, составляет тяжелую потерю, как для Академии, так и вообще для всей русской науки, лишившейся одного из своих самых трудолюбивых и добросовестных деятелей.»

А. А. Достоевский (28).

«Безупречная честность и в действиях и в убеждениях. Открыто высказывал свои мнения, иногда и не совсем приятные для других.

Страдал от детства близорукостью, а под конец жизни глухотой на одно ухо... Приписывая алкоголизму предков разрушающее действие на всю нашу семью, Л. Ф. Достоевская, по своей наивности, даже прогрессивный паралич моего брата Александра относит к его влиянию, между тем как это есть следствие того несчастья, которое произошло с братом в его студенческие годы.»

228. Достоевская, п. м. Савостьянова, Варвара Андреевна. 222 223

Род. 12 апреля 1858 г. Вдова. Живет с дочерью в Ленинграде.

В. Д. Голеновская (29).

Добрый, приветливый, радушный, располагающий к себе человек. Очень благожелательная к людям и ко всему окружающему. Хорошая хозяйка.

229. Савостьянов Владимир Константинович. Муж предыдущей.

(1853—1899). Юрист. Умер от астмы.

Мягкость и деликатность — основные свойства его характера. Очень образованный.

230. Достоевский Иван Андреевич. 222 223
(1861—1862).

А. М. Достоевский (43).

«В начале июня 1862 г. у нас заболел наш дорогой малютка Ваня и после 2—3 дней трудной и резкой болезни он скончался. Болезнь закончилась родимчиком и мы так и не узнали, какая болезнь была у нашего малютки.»

231. Достоевский Андрей Андреевич. 222/223
Род. 3 апреля 1863 г. Умер 13 сентября 1933 г. Статистик-географ. Бывший редактор Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел и ученый секретарь Русского географического общества. Редактор «Известий» Общества с 1903 по 1913 гг. Работы по статистике, географии и истории русской литературы в разных изданиях; сотрудничал П. П. Семенову-Тян-Шанскому в «Истории полувековой деятельности русского географического общества» (в трех томах). Автор обширного биографического очерка о П. П. Семенове-Т.-Шанском, помещенного в сборнике, изданном по поводу столетней годовщины со дня рождения последнего. Изд. Русск. Геогр. Общества 1928 г. Редактор изданных в 1930 г. «Воспоминаний» своего отца и автор вступительной статьи к ним.

232. Достоевский Михаил Андреевич. 222/223
Род. 11 октября 1866 г., умер 3 ноября того же года.

Поколение девятое

233. Рыкачева, п. м. Ленина, Александра Михайловна. 224/225

Род. 1875 г. Оставшись вдовой, воспитывает своих пятерых детей. Живет в Ленинграде. Служит в Главной физической обсерватории.

В очень слабой степени унаследовала от своего отца ихтиоз, который проявляется лишь в виде едва заметных признаков на локтях и коленах. У других же ее сестер и братьев нет ни малейших следов этой болезни. Зато у ее сына Семена ихтиоз распространен по всему телу.

А. А. Достоевский. 1924 г. (28).

«Деятельная, энергичная и добрая. Друг своих детей. Слабое сердце.»

234. Ленин Сергей Николаевич. Муж предыдущей.

(1862—1919). Бывший землевладелец Ярославской губ. Директор департамента министерства земледелия и член Ученого комитета при министерстве земледелия. Автор научных работ по машиностроению и сельскохозяйственному образованию.

А. А. Достоевский (28).

«В характере твердость, спокойствие, уравновешенность. Последние два года вел трудовую крестьянскую жизнь в деревне.»

235. Рыкачев Андрей Михайлович. 224/225

(1876—1914). Умер на австрийском фронте от контузии или истощения (был найден мертвым в окопе). На войну пошел добровольцем, в качестве нижнего чина. Экономист. Написал несколько работ по политикоэкономическим вопросам. Наиболее крупной из этих работ является книга «Деньги и денежная власть. Опыт теоретического истолкования и оправдания капитализма». (СПБ. 1910. 202 стр.).

За участие в политической демонстрации был выслан из Петербурга на два года «в места не столь отдаленные», именно в Саратов.

А. А Достоевский (28).

«Враг войны по принципу, свободный от воинской повинности, пошел нижним чином на войну 1914 г. исключительно по чувству долга.

Деликатность — одно из выдающихся свойств его твердого характера.»

А. А. Корнилов (52).

«Я приехал в Саратов в июле 1901 года. Временно лишенный, вместе со многими другими литераторами, права жить в столицах и столичных губерниях, я получил тогда приглашение редактировать «Саратовский дневник», только что перед тем приобретенный земским и общественным деятелем Н. Н. Львовым. В числе постоянных сотрудников газеты я встретил тогда же юного А. М. Рыкачева, попавшего в Саратов по одинаковым со мной причинам. Как сейчас помню первую встречу с ним в редакции. Одетый в синюю ситцевую рубашку, Андрей Михайлович имел вид мальчика с милым интеллигентным лицом, на котором особенно выделялись живые и честные глаза, сразу к нему привлекавшие. На самом деле он в это время уже окончил курс Петербургского университета и ему было 24 года.

А. М. при первой же встрече сказал мне, что интересовался в университете больше всего экономическими науками и что, сообразно с этим думает работать в газете, главным образом, по вопросам экономической жизни. Убедившись, однако, из разговора с ним, что он очень начитан и сведущ и в области истории и, кроме того, владеет иностранными языками, я просил его взять на себя заведывание иностранным отделом газеты, на что он, после некоторого колебания, и согласился. Составлявшиеся им ежедневно хроники заграничной жизни были всегда очень живо и интересно подобраны; а раз в неделю он давал еще и «иностранные обозрения», талантливо и интересно составленные. Но роль его в газете этим отнюдь не ограничивалась. Редакция у нас была коллективная, мы часто собирались и обсуждали и общие задачи газеты, и различные вопросы текущей общественной и политической жизни, причем очень скоро выяснились и взгляды всех наличных членов редакции. Состав ее был довольно многолюдный для провинциальной газеты. В числе главных сотрудников были лица различных мировоззрений: были между ними и народники, и марксисты; сам я был прикосновенен к зарождавшемуся тогда союзу освобождения. Андрей Михайлович занял среди нас совершенно особую позицию — вне существовавших тогда политических группировок: он оказался толстовцем, но довольно оригинального и самостоятельного толка. Далеко не во всем он был согласен с учением и взглядами Л. Н. Толстого и во многом приближался, как мне кажется, к его известному поклоннику-оппоненту Вильяму Фрею...

Помимо заграничной хроники и иностранных обозрений, А. М. давал от времени до времени фельетоны по различным

вопросам общественной жизни, всегда интересно и оригинально написанные. Все они подписаны буквой Р.

Каждый раз при встрече с А. М. я неизменно испытывал отрадное ощущение прикосновения к чему-то возвышенному и кристально-чистому.»

Г. Штильман (69).

«А. М. Рыкачев развернулся постепенно в первоклассную публицистическую величину. Вокруг его газетных и журнальных статей не раз загоралась в последние годы борьба. И надо было обладать душевной красотой покойного, для того, чтобы с подобною настойчивостью неизменно отводить при этом в тень свою собственную персону. У Рыкачева была изумительная манера завязывать беседу в таком тоне, как будто бы он собирается сказать нечто весьма незначительное. И хотя он с годами привык, чтобы к словам его все более прислушивались, он сумел сохранить эту милую черту до самого конца своих дней.»

236. Хижнякова, п. м. Рыкачева, Варвара Васильевна. Жена предыдущего.

16 мая 1911 г. умерла родами мертвого ребенка от эклампсии (родовых судорог).

237. Рыкачев Владимир Михайлович. 224 225

(1877—1903). Блестяще («первым») окончил Морскую академию, одновременно слушая лекции в Университете на математическом отделении. Служил на военном судне старшим офицером. Совершил кругосветное плавание. Готовился к ученой деятельности. Умер от несчастной случайности (утонул в Балтийском море). Женат не был.

В характере живость, порывистость, веселость.

Подавал надежды как научный работник.

238. Рыкачева Доминика Михайловна. 224/225

Род. 8 сентября 1879 г. Замужем не была.

А. А. Достоевский (28).

«Взявшись за какое-нибудь дело, всю себя приносит ему в жертву.»

239. Рыкачев Михаил Михайлович. 224 225

(1881—1920). Математик. Служил помощником заведую-

щего Аэрологической обсерватории в Октолове близ Павловска (Ленинградской губ.). Автор ряда научных работ по метеорологии, помещенных главным образом в изданиях Академии наук.

Т. Ф. Достоевская (29).

Подобно своему брату Андрею, пошел по чувству долга на фронт в качестве рядового солдата.

А. А. Достоевский (28).

«В характере нервность, вспыльчивость, живость, порывистость, нежность к близким родным.»

240. Азбелева, п. м. Рыкачева, Вера Николаевна. Жена предыдущего.

Через год брак окончился разводом. После того вышла замуж заграницей.

Т. Ф. Достоевская (29).

Человек со странностями.

241. Савостьянов Андрей Владимирович. 228/229
(1879—1892). Умер от дизентерии.
В общем чрезвычайно способный мальчик.

242. Савостьянова Мария Владимировна. 228/229
Род. 1881 г., умерла через 3 дня после рождения.

243. Савостьянова Анастасия Владимировна. 228/229
(1882—1892). Умерла от детской холеры.

244. Савостьянова Мария Владимировна. 228/229
Род. в 1894 г. Преподавательница физики в высших учебных заведениях. Имеет научные работы.

Е. П. Достоевская (28).

«Знала ее в возрасте около 14 лет. Она была тогда жизнерадостной, приветливой, веселой, развитой и красивой девочкой.»

Прежде чем закончить сводку данных о детях и внуках А. М. Достоевского, отметим еще исключительно высокую школь-

ную успеваемость многих представителей этой семьи. Так, например, с золотыми медалями окончили курс среднего учебного заведения: Евгения Андреевна и Варвара Андреевна Достоевские (№№ 224 и 228), Андрей Михайлович Рыкачев (235) и Мария Владимировна Савостьянова (244); с серебряной медалью — Александра Михайловна Рыкачева (233). Кроме того, как уже упоминалось выше, Владимир Михайлович Рыкачев (237) окончил первым Морскую академию. Та же самая черта, повидимому, уже успела проявиться и у некоторых представителей правнучатного поколения, напр. у В. С. и С. С. Лениных (246 и 250). Что касается самого А. М. Достоевского, то он также окончил первым курс Училища гражданских инженеров и его фамилия была назначена к помещению на мраморную доску училища.

Поколение десятое

245. Ленина Ольга Сергеевна. 233 234
(24/I 1906—23/IX 1919). Умерла от нервного расстройства, вызванного смертью отца.

Замкнутая. Мало интересовалась уроками и детскими развлечениями.

246. Ленина Вера Сергеевна. 233 234
Род. 2 декабря 1907 г.

Т. Ф. Достоевская (29)

Знала ее как очень способную и умную девочку. Ученье всегда давалось ей очень легко.

А. М. Ленина (29).

Страдает болезненной нервностью на почве расстройства деятельности щитовидной железы.

В. С. и А. М. Ленины. Март 1927 г. (29).

Учится одновременно в Педагогическом институте и на вечерних курсах при Институте истории искусств, вследствие чего работает с раннего утра до позднего вечера. Специализируется по литературе, главным образом, по народной словесности. Чувствует к своей специальности большое влечение. Раньше сама любила писать стихи, но в последнее время не пишет.

Стихотворения В. С. Лениной.

* * *

«Чу! — «Слушайте». «Тише». «Метель затихает».
«Как тучи несутся». «Луна уж мелькает».
«Теперь и приедут наверное скоро».
«Как весело будет. Пойдут разговоры».
«Ну, вот и луна». «Как все ровно, бело».
«Все тропки у нас на дворе занесло».
«А в поле...» «Там вехи стоят у дороги».
«Да, тише же вы! Помолчите немного».
«Чу! стукнуло что-то». «Нет, ветер опять».
«А, может, остались в селе ночевать?»
«А вдруг если волки на них нападут?»
«Тебе нужно спать, а не путаться тут».
«Морозно». «Они-то одеты тепло.
У всех полушубки поверху пальто».
«Пойти бы искать их, собрать бы народ».
«До утра никто ни за что не пойдет».
«До утра уж близко». «Четыре часа».
«Чу! слышите... слышите... там голоса».
«Нет, тихо». «А, может быть, близко они.
Поставить бы надо на окна огни».
«Молчите». «Ну! Слышите? Вот и опять».
«Молчите-же». «Чу-у». «Ничего не слыхать».

1925 г.

* * *

А я в тупике безысходном,
В кривом безобразном изломе,
Как будто в пустом и холодном
Забытом заброшенном доме,

И всюду холодные стены,
И выхода, выхода нету.
А сердца так ждет перемены,
И рвется болезненно к свету.

Искать, пробиваться напрасно
И некуда больше стучаться,
И это так твердо, так ясно...
Итти и назад возвращаться.

Пустите из этого круга.
Довольно мучений, довольно!
Ведь сердцу так хочется друга,
Так хочется ярко, так больно!

1925 г.

* * *

Развалился старый помещичий дом,
Оброс крапивой и лопухом
И не понять, он умер или заснул,

А в старых залах от ветра гул,
Потому что выбиты стекла,
И потолки от дождей промокли,
И обнажили деревянную сетку
Перед взором разряженных предков;
А внизу под люстрами, в зале
Молоко и сметана стояли,
И охраняют мраморные бюсты,
Кадки с грибами и капустой.
А в крайних комнатах мирно и тихо
Жили сторож и сторожиха,
Обзаведшись в жилище старом,
И погребом и амбаром.
И когда ветер завывал в колоннах
И слышались чьи-то стоны,
За простоквашей в залу Дуняха
И тогда ходила без страха,
И только скажет бывало: «Слушай,
Чу, как плачут помещичьи души·
Ну, да что нам — не царское право,
Нет уж власти им делать расправы».
И весь доблестный древний род
Знал, что теперь переворот,
И нет у них уже силы,
И жалобней духи выли.

* * *

Дождик теплый, весенненький,
Мочит притихшую улицу.
Домик серенький, бедненький,
Вымок, как мокрая курица.

Красная крыша мочится.
Трубы промокшие хмурятся.
Тоже и мне вот хочется,
Вымокнуть так же, как улица.

Так, чтобы насквозь протихнуться
Всей, чтоб кругом протуманиться
И перед небом приникнуться
Так же, как серое зданьице.

Весна 1926 г.

* * *

Где-то далеко грохает
Словно автомобиль.
Ветер с волнами охая,
Поднимая с берега пыль.

Вот и будущий дождик стучено
Выполз из-за Невы,
Мы с вами оба измучены,
Одинаково, я и вы.

Весна 1926 г.

247. Ленина Нина Сергеевна. 233/234.

Род. 25 октября 1909 г. Физически несколько недоразвита. В 1927 г. выглядела года на два моложе своих лет.

248. Ленина Ирина Сергеевна. 233/234

Род. 4 августа 1911 г.

А. М Ленина. Март 1927 г. (29).

Застенчивая, очень упрямая и невероятно замкнутая. Настойчивая — за что возьмется в конце концов сделает хорошо. Жестка в обращении; любит изводить брата, что, повидимому, для нее всегда являлось компенсацией отсутствия общения с другими детьми. Любит свой дом и внутренне очень к нему привязана.

249. Ленина Марианна Сергеевна. 233/234

Род. 9 сентября 1913 г.

А. М. Ленина. Март 1927 г. (29)

В характере кротость, мягкость, общительность и альтруизм, доходящий до самопожертвования — «добрый гений» всей семьи. Несколько легкомысленна, но знает за собой этот недостаток и борется с ним. Раньше одно время замечалась плохая память, но теперь как будто бы этого нет.

250. Ленин Семен Сергеевич. 233/234

Род. 9 июля 1915 г. Унаследовал от своих предков «рыбью кожу» (ихтиоз), которая покрывает у него все тело, так же как и у его деда, М. А. Рыкачева.

А. М. Ленина. Март 1927 г. (29).

Несмотря на то, что без надзора совсем разленился (мать большую часть дня на службе) учится все же хорошо. Проявляет большую склонность к разным вычислениям, а также к своеобразному коллекционированию (собирает спички, огарки и т. п.). Флегматик. Недавно у него начал расти зоб. Очень любит спать. Сонливость в последние годы и месяцы все более и более прогрессирует. Во сне часто бредит, причем обладает странным свойством отвечать в бреду, не просыпаясь, на подадаваемые ему реплики. Этим пользуется его сестра Ирина, которая для своей потехи заводит с ним сонным целые диалоги. Бывали случаи, когда он во сне вставал с постели и ходил по комнате.

251. Мертвый ребенок, родившийся у В. В. Рыкачевой (236) 16 мая 1911 г.

ГЛАВА VIII

ВЕТВЬ ВЕРЫ МИХАЙЛОВНЫ, ПО МУЖУ ИВАНОВОЙ

Поколение седьмое

252. Достоевская Любовь Михайловна. 3/95

Родилась 22 июля 1829 г. Близнец со своей сестрой Верой (253). Умерла в грудном возрасте.

253. Достоевская, п. м. Иванова, Вера Михайловна. 3/95

(22/VII 1829—13/III 1896). Замужем за А. П. Ивановым с января 1846 г. Умерла после запоздалой операции от ущемления грыжи.

М. А. Иванова (28).

«Мать моя вышла замуж в возрасте 17 лет, следуя совету своих родственников Куманиных. Жениха своего А. П. Иванова, бывшего почти вдвое старше ее, она видела до свадьбы только три раза. Впоследствии она очень полюбила своего мужа, так же как и он ее, и брак этот оказался очень удачным.»

Ф. М. Достоевский. Письмо к брату Андрею от 6/VI 1862 г. (47).

«Верочка живет счастливо.»

А. Г. Достоевская (37).

«Любимая сестра Ф. М. Достоевского.

Из всех своих родных Ф. М. особенно любил сестру Веру Михайловну Иванову, и всю ее семью.»

Ф. М. Достоевский. Письмо к В. М. и А. П. Ивановым от 1 (13)/I 1868 г. (47).

«Кто же милее и дороже мне (да и Анне Григорьевне, кроме своих) — как не вы и ваше семейство? Кроме вас, Федя и его семейство и Паша, — вот и все те, которыми я дорожу и которых крепко люблю на всем свете...

Теперь на детей твоих смотреть — душа радуется. У вас резво, крикливо, шумно — правда; но на всем лежит печать тесной, хорошей, доброй, согласной семьи.»

В. М. Иванова. Письмо Ф. М. Достоевскому (почт. штем. 22.X 1877 г.) (27).

«Я живу в деревне с Юлей. В последнее время мы много хлопочем по хозяйству. Рассадили налево от дома ягодный садик и надеемся, что в будущем времени будет у нас изобилие ягод в особенности вишен. Следим за молотьбой и решительно не видим, как идет скучный октябрь. Вечером зажигаем лампу, пьем чай, читаем газеты. Приходит приказчик наш, очень неглупый мужик, да еще Акулина Исаевна (которая у нас кухаркой), в стосотый раз рассказывающая о своем житье-бытье при маменьке Марье Федоровне, и вечер проходит незаметно.»

Ф. М. Достоевский. Письмо к жене от 10.X 1878 г. (60).

«Верочка предобрая и премилая.»

А. Г. Достоевская. Примечание к повести «Вечный муж» (35).

«В лице семейства Захлебининых Федор Михайлович изобразил семью своей родной сестры В. М. Ивановой. В этой семье, когда я с нею познакомилась, было три взрослых барышни, а у тех было много подруг.»

Д. Д. Хмыров (28).

«Я лично знал свою бабушку Веру Михайловну Иванову. Она была очень добродушная старуха.»

Л. Ф. Достоевская (39)

«Моя тетка Вера была наименее интеллигентной из всей семьи.»

А. М Шевякова. Письмо к В. М. Ивановой. 25/VIII 1881 г. (22).

«...Владимир [1] так тебя полюбил, что уж не знаю, не начать-ли мне тебя ревновать к нему: и добра-то ты, и кротка-то и необыкновенно добродетельна и сердечна, так что целый акафист готов.»

А. М. Достоевская (младшая сестра писателя) в одном из писем к брату Михаилу (27) следующим образом сопоставляет системы воспитания детей в семьях Варвары Михайловны Карепиной и Веры Михайловны Ивановой: «Варенька совершенно углубилась в образование своих детей, и куда бы она ни приехала, а все заведет разговор про какую-нибудь географию или историю, уже это немножко и нехорошо, но не наше дело; сам бог сказал не судите и сами не судимы будете. Вот у Верочки дети, так совсем другое, точно птички божие, не знают ни заботы ни труда, такие все резвые...»

В М Иванова. Письмо к дочери Нине (22).

«Вряд ли во всей Москве найдется семья такая, как наша, где так вольно живется детям. Вы все что хотели, то и делали».

А М. Шевякова. Письмо к В. М. Ивановой. 24/III. 1882 г. (22).

«К тебе, кажется, опять соберется на пасху вся твоя молодежь, то-то подымут они шум у тебя и превесело, я думаю, будет у вас; если-бы можно каким-нибудь духом хоть на один денечек очутиться с вами и отдохнуть душой.»

Н М. Достоевский. Письмо к В. М. Ивановой (22).

«Милая и дорогая сестра! Оба твои письма я получил и, как я уже и говорил тебе, перечитал их уже несколько раз и в минуты грусти находил в них для себя большое утешение. Ведь никто не [относился] обращался ко мне с таким теплым и неподдельным чувством с тех пор как я себя помню, с каким ты относишься (к моему незавидному положению) ко мне в тяжелое для меня время. О, как хотелось снова увидеться, поговорить по душе и крепко обнять тебя.»

[1] Владимир Васильевич Шевяков, муж сестры В. М. Ивановой.

О. А. Иванова (29)

Обладала до старости прекрасным зрением, несмотря на то, что всю жизнь имела обыкновение, перед тем как заснуть, читать часа по 3, лежа в постели. Любила вышивать шелками по канве, причем, очень хорошо различая цвета, употребляла до 12 оттенков одного и того же цвета.

В. М. Иванова. Письмо Н. А. Ивановой (22).

«Доктор нашел у меня какую-то infisema и сказал, что при этой болезни можно еще пожить, только почаще обращаться к доктору.» [1].

О. А. Иванова (28).

«Мать моя (В. М. Иванова) приобрела Даровое лишь после того как достиг совершеннолетия младший член их семьи. Она выкупила у сонаследников это именье, доставшееся детям Достоевским после смерти их родителей, употребив на это те деньги (25 000 руб.), которые ею были получены в приданое от Кумининых.»

О материальном положении Веры Михайловны в последние годы ее жизни говорят следующие строки из ее письма к дочери Юлии: «Я теперь шью по заказу в лавку штаны по 6 коп. за пару и шью в день по 4 пары.»

254. Иванов Александр Павлович. Муж предыдущей. (1813—1868). Служил врачом при Констаниновском межевом институте, а также учителем физики и естественной истории в различных учебных заведениях Москвы. Умер от сепсиса, заразившись при совершении операции.

Д. Д. Хмыров (28).

«Это был человек долга.»

А. М. Достоевский (43).

«В личности Александра Павловича я нашел очень доброго, веселого и симпатичного человека. Я с ним сошелся с первого же дня свидания и он мне очень полюбился, каковые чувства я и сохранил к нему до конца его жизни.»

Н. Н. Фохт (66)

«В Константиновском межевом институте... состоял врачем, статский советник А. П. Иванов, прекраснейший и доброжела-

[1] Ту же болезнь (эмфизему) врачи находили и у Ф. М. Достоевского.

тельнейший человек, каких я редко встречал в своей жизни.... В институте решительно все, и служащие и воспитанники, чрезвычайно уважали и любили А. П. Иванова, и когда он скончался, то воспитанники несли гроб его на руках до самой могилы, отстоявшей от института на несколько верст [1].»

Ф. М. Достоевский. Письмо к П. А. Исаеву, 3/III (19/II) 1868 г. (47).

«Я так был поражен смертью Александра Павловича и так жаль его. Кому он не сделал добра! Редкий и благороднейший был человек.»

Ф. М. Достоевский. Письмо В. М. Ивановой, 1 (13)/II 1868 г. (47).

«У этого человека долг и убеждение — были во всем прежде всего».

В отличие от М. А. Достоевского (отца писателя), А. П. Иванов оставил среди крестьян Дарового самую хорошую память. С теплым чувством и очень охотно говорят они о на редкость добром и отзывчивом на всякое горе и нужду Александре Павловиче. Из многочисленных эпизодов, иллюстрирующих сердечность А. П., которые до сих пор живут в памяти старожил Дарового, приведем хотя бы следующий: А. П. не позволял садовому сторожу грубо обращаться с деревенскими детьми, которые забирались в плодовый сад за яблоками. «Ты не лови и не пугай их», учил он сторожа, «а коли увидишь, что ребята забрались в сад, то только иди и полегоньку покашливай, чтоб они тебя издали заслышали и слезли с яблонь, а то, если будешь пугать, кто-нибудь второпях да с испугу может свалиться с дерева, да еще в пруд упадет.» (29).

М. А. Иванова (29).

Своих детей А. П. никогда не наказывал; вообще нам жилось очень легко и свободно.

М. В. Толстой (65).

«А. П. Иванов, очень даровитый, живой и бойкий юноша, моложе меня двумя годами, был сын чиновника, служившего при генерал-губернаторе. Отец его промотал казенные деньги и лишил себя жизни [2], семья самоубийцы, состоявшая из жены,

[1] В другом месте тех же воспоминаний, характеризуя веселый нрав А. П., автор называет его «душой общества».

[2] Отец А. П. Иванова, мой дед, оставил дневник, в конце которого писал, что он не растрачивал денег, а его так подвели сослуживцы и товарищи, что он оказался в положении растратчика. *Прим. О. А. Ивановой.*

сестры и двух мальчиков сыновей, из них старшему, А. П., было 14 лет) осталась без всяких средств к жизни. Хотя добродушный князь Д. В. Голицын оставил в пользу сирот всю движимость покойника и на первое время давал им от себя небольшое пособие, но всего этого было мало. С 15-летнего возраста А. П., не упуская учения в гимназии, стал помогать своей семье уроками. А. П. по своему веселому и добродушному нраву был весьма любим товарищами, не возбуждая в них зависти, хотя был постоянно по всем предметам ученья первым между нами. Часто приходил он ко мне по вечерам: я учил его французскому языку и ботанике, а он меня своим любимым предметам — физике и химии. Первую он изучил еще в гимназии, а химией занимался постоянно и усердно, посещая лекции и опыты профессора Геймана на математическом факультете... Каждый из нас должен был сделать в течение зимы несколько анатомических препаратов, отделать тщательно мускулы, кровеносные жилы, связки и нервы; каждому предоставлялось право взять себе сделанный им препарат, но никто этим правом не пользовался, кроме Иванова, который работал лучше нас всех и приготовлял так называемые сухие (под лаком) и спиртовые препараты не хуже самого прозектора. Пользуясь расположением Гумбурга, он сбывал свои работы в анатомический кабинет; в течение этой зимы [1] он за них получил около 200 руб. ассигнациями.

...Министр [2] едва ли остался доволен моим красноречием. Зато вполне угодил ему наш бойкий Иванов очень живым рассказом о разных способах извлечения камня, причем очень быстро сделал операцию на трупе.

...Я стал готовиться, вместе с Ивановым, к выпускному экзамену, который мы оба сдали с рук очень успешно и получили степень лекаря 1-го отделения. Затем поступили на практику в Екатерининскую больницу, где принялись лечить больных.

...В 1837 году начались для меня и трех моих товарищей докторские экзамены в месячных собраниях факультета. Особенно доставалось нам от новых профессоров, которые хотели, в видах уязвления своих предшественников, доказать полное наше невежество. Сверх того затрудняла нас необходимость изъясняться на латинском языке... Последним и самым тяжелым для нас испытанием была хирургия оперативная: проф. Иноземцев сряду 4 заседания изощрял над нами свое неистощимое остроумие и, наконец, хотя и неохотно, поставил каждому из нас отметку «удовлетворительно». Всегда правдолюбивый товарищ его Г. Н. Сокольский

---

[1] 1831 г.

[2] Граф С. С. Уваров.

не вытерпел и сказал ему: «Иванову следовало бы поставить превосходно». — «Ни за что не соглашусь», отвечал Иноземцев. — «Это впрочем и не нужно», объяснил декан Альфонский: «и без того все мы видели, что гг. докторанты знают хирургию, а это и следовало доказать.» ...Мы принялись за писание диссертаций. Иванов, избравший себе тему из токсикологии (о мышьяке), не принимался за дело, откладывал с года на год и, наконец, вовсе отложил мысль о диссертации и не получил степени доктора медицины, которой он больше всех нас заслуживал. Впрочем, винить его в этом нельзя: обязанный содержать семейство, он вовсе не имел свободного времени. Еще до начала докторского экзамена, он принял на себя преподавание физики и химии в Кадетском корпусе, в Межевом институте и еще в нескольких учебных заведениях. Тогда в Москве он был лучшим учителем по этим предметам. Сверх того у него была обширная медицинская практика, и притом всегда бесплатная [1].»

А. П. Иванов имел братьев Ореста, Константина и Николая (пропавшего без вести в Сибири). Константин был женат на Елене Павловне, довольно часто упоминающейся в письмах Ф. М. Достоевского к жене, пасынку и другим людям.

Е. А. Иванова (28).

По семейным преданиям отец Александра Павловича, Павел Иванович Иванов, был побочный сын князя Голицына и гувернантки его детей. Голицын очень заботился о своем побочном сыне. Позднее П. И. Иванов, если не ошибаюсь, служил гвардейским офицером и женился на княжне Софье Волконской. В воспоминаниях М. В. Толстого есть указание, что какой-то Д. В. Голицын помогал семье П. И. Иванова после самоубийства последнего. По всей вероятности, это был уже не отец П. И., а кто-либо из его братьев, считавший своим долгом помочь семье Ивановых в тяжелые для нее дни. П. И. оставил после себя дневник, который хранился у его старшего внука, а моего дяди, Александра Александровича Иванова, и пропал после смерти последнего в Харькове. Папа рассказывал кое-что из содержания этого дневника, но восстановить эти рассказы я уже не могу.

Если не ошибаюсь, брат прадедушки, Илья (Игнатий?) Иванович Иванов, по семейным преданиям, был декабристом.»

---

[1] Насколько мне известно, это было не совсем так. А. П. Иванов, мой дед, не брал денег за лечение только с бедных. С богатых же, например, с некоторых купцов, брал даже иногда рублей по 25 за визит. *Прим. Ю. А. Иванова.*

Ю. А. Иванов (28).

«В роду А. П. Иванова был декабрист Илья Иванович Иванов.»

О декабристе Илье Ивановиче Иванове до наших дней дошел ряд сведений, сохранившихся в различных архивных материалах о декабристах. Иванов был активным членом и секретарем «Общества соединенных славян». По должности он был провиантским чиновником 10-го класса. О происхождении его значится, что он был из «почтальонских детей». Последнее обстоятельство, на первый взгляд, не вяжется с преданием в семье Ивановых о их предке Голицыне. Однако, обе версии не противоречат одна другой, если почтальон в данном случае являлся отцом лишь номинальным, как легализатор побочной семьи Голицына.

Будучи принят в Общество в начале 1825 г., Иванов быстро проявил энергичную деятельность по привлечению новых членов. При аресте в его бумагах были найдены какие-то стихи, содержащие, по выражению Следственной комиссии, «богопротивные и в трепет приводящие мысли». Авторство этих стихов приписывалось Комиссией Иванову, но сам Иванов утверждал, что это стихи не его. Судя по показаниям декабриста Костыры Иванов увлекался философией, в частности сочинениями Вольтера, находя, что «хотя они запрещены, но очень полезны и поучительны». После подавления восстания Иванов был осужден на ссылку в каторжные работы на 15 лет, а потом на поселение. Николай I снизил срок каторжных работ с 15 до 12 лет. Подробнее о нем см. в книге М. В. Нечкиной: «Общество соединенных славян». Гиз. 1927, откуда и взяты приведенные здесь сведения.

Поколение восьмое.

255. Иванова, п. м. Хмырова, Софья Александровна. 253/254.

(12/X 1846—31/III 1907). Умерла от рака грудной железы.

Л. Ф. Достоевская (39).

«...Еще больше Достоевский интересовался своей племянницей Софией—интеллигентной, серьезной девушкой. Я не знаю, на каком основании Достевский предполагал, что она унаследовала его литературный талант. Моя кузина много говорила о романе, который она намерена написать, но не находит подходящего материала. Вся семья, в том числе и мой отец, предлагали ей самые разнообразные темы, но все они не подходили для нее. Несколько

лет спустя после женитьбы моих родителей, моя кузина Софья также вышла замуж и отказалась от своих литературных притязаний»[1].

М. А. Иванова (28).

«С. А. рано начала помогать семье. Она переводила с английского романы Диккенса, за что получала по 25 рублей с печатного листа. Таким образом ей удавалось зарабатывать до 200 рублей в месяц. Болела туберкулезом, но вылечилась после оставления работы переводчицы.»

Ф. М. Достоевский «младший».
Письмо к С. А. Ивановой (22).

«Очень часто вспоминаем тебя. Что-то ты поделываешь? Хоть и смешной вопрос, ибо знаю, что ты переводишь усердно, но все же так нельзя работать не отрываясь.»

Ю. А. Иванов (30).

Переводы С. А. Хмыровой неоднократно получали очень одобрительную оценку. Вообще она считалась хорошей переводчицей.

Д. Д. Хмыров (28).

«После смерти моего деда (А. П. Иванова) содержать семью и помогать старшим детям закончить образование пришлось моей матери, Софье Александровне. Она занималась в то время переводами романов с английского, каковые печатались в журнале Каткова «Русский вестник». Мать переписывалась с Ф. М. Достоевским очень долго, но переписка эта прекратилась вскоре после замужества моей матери и совпала с разрывом между семьями Достоевских и Ивановых, поводом к которому послужил дележ наследства (Куманиных). Мать жила всецело интересами семьи и следила за литературой и общественной жизнью по журналам и газетам. Она сама подготовляла детей к поступлению в гимназию и помогала им учиться (также как и отец). Репетиторов у детей никогда не было.»

---

[1] Нечто подобное тому, о чем пишет Л. Ф. Достоевская, действительно имело место, но только не с Софьей Александровной Ивановой, а с ее сестрой Ниной, и с той разницей, что все окружающие отнюдь не предлагали ей «самые разнообразные темы». Подробнее об этом см. в сводке данных о Нине Александровне Ивановой.

Из писем Ф. М. Достоевского к С. А. Ивановой (26).

1 (13)/I 1868 г.

«Скажите: как могло вам, милый и всегдашний друг, притти на мысль, что я уехал из Москвы, рассердясь на вас и руки вам не протянул! Да могло-ли это быть? Конечно у меня память плоха и я не помню подробностей, но я положительно утверждаю, что этого не могло быть н и ч е г о и что вам только так показалось. Во-первых, поводу не могло быть никакого; это я знаю как дважды два четыре, а во-вторых, и главное: разве я так легко разрываю с друзьями моими? Так-то вы меня знаете, голубчик мой! Как мне это было больно читать... [1].

Вы спросите: чем, из каких причин, я к вам так привязался? (Спросите—если мне не поверите). Но, милая моя, на эти вопросы отвечать ужасно трудно; я запоминаю вас чуть не девочкой, но начал вглядываться в вас и узнавать в вас редкое, особенное существо и редкое, прекрасное сердце — [зачеркнуто несколько слов] всего только года четыре назад, а, главное, узнал я вас в ту зиму, как умерла покойница Марья Дмитриевна [2]. Помните, когда я пришел к вам после целого месяца моей болезни, когда я вас всех очень долго не видал? — Я люблю вас всех [3], а вас особенно. Машеньку, например, я люблю чрезвычайно, за ее прелесть, грациозность, наивность, прелестную манеру; (и) серьезность ее сердца я узнал очень недавно (о, вы все талантливы и отмечены богом), — но к вам я привязан особенно, и привязанность эта основывается на особенном впечатлении, которое очень трудно анатомировать и разъяснить. Мне ваша сдержанность нравится, ваше врожденное и высокое чувство собственного достоинства и сознание этого чувства нравится (о, не изменяйте ему никогда и ни в чем; идите прямым путем, без компромиссов в жизни. Укрепляйте в себе ваши добрые чувства, потому что все надо укреплять и стоит только раз сделать компромисс с своею честию и совестию, и останется надолго слабое место в душе, так что чуть-чуть в жизни представится трудное, а с другой стороны выгодное — тотчас же и отступите перед трудным и пойдете к выгодному. Я не общую фразу теперь говорю; то что я говорю теперь у меня самого болит; а о слабом месте я вам говорил, может быть, по личному опыту. Я в вас именно, может быть, то люблю, в чем сам хромаю. Я в вас особенно люблю эту

---

[1] В этом эпизоде, повидимому, сказывается своеобразная мнительность, свойственная некоторым представителям рода Достоевского, в том числе и самому Достоевскому, а также многим его героям.

[2] Первая жена Ф. М. Достоевского.

[3] Повидимому, здесь Достоевский говорит о всей семье Ивановых.

твердую постановку чести, взгляда и убеждений, постановку, разумеется, совершенно натуральную и еще не много вами самими сознанную, потому что вы и не могли сознать всего, по вашей чрезвычайной еще молодости. Я ваш ум тоже люблю, спокойный и ясно, отчетливо различающий, верно видящий...

Пожелайте мне, милый друг, хоть какой-нибудь удачи. Роман называется «Идиот», посвящено вам, т. е. Софье Александровне Ивановой. Милый друг мой, как бы я желал, чтобы роман вышел хоть сколько-нибудь достоин посвящения.

...Но, что это с вашим здоровьем? Вы меня испугали. Не тоскуйте друг мой, — в этом главное, а главное: не спешите, не заботьтесь очень много; — все придет своим чередом и придет хорошо, само собою. В жизни бесконечное число шансов; слишком много заботиться значит время терять. — Желаю вам энергии и твердости характера, — в них я впрочем уверен. Голубчик мой, занимайтесь своим образованием и не пренебрегайте даже и специальностью, но не торопитесь, главное; вы еще слишком молоды, все придет своим порядком, но знайте, что вопрос о женщине и особенно о русской женщине, непременно, в течение времени даже вашей жизни, сделает несколько великих и прекрасных шагов. Я не о скороспелках наших говорю, вы знаете как я смотрю на них. Но на-днях прочел в газетах, что прежний друг мой, Надежда Суслова (сестра Аполинарии Сусловой), выдержала в Цюрихском университете экзамен на доктора медицины и блистательно защитила свою диссертацию. Это еще очень молодая девушка; ей впрочем теперь 23 года, редкая личность, благородная, честная, высокая!»

10/IV (30/III) 1868 г.

«Настроение Ваших мыслей ужасно. Вы пишете, что, может быть, Вы в семействе лишняя и составляете ему ущерб? Да Вы себе цены не знаете и никогда не знали, Вы-то ущерб! Вы себя всегда низко ценили. Вы себе цены не знаете. Вы духом, общим направлением, сущностью своею, уже дороги для семьи. О, не разрушайте эту гармонию, эту целость!

...Вы пишете в письме Вашем насчет самопожертвований, которые приводят Вас в ужас: «Всю жизнь жить против своего убеждения — ужасно» — Ваши слова. Боже вас сохрани сделать это! О, не губите себя, не унижайте себя нравственно, не губите семью, потому что никто в ней не будет счастлив Вашим несчастьем. Ну похожи ли Вы на Машеньку Карепину, мою племянницу! Ну можете ли Вы отдать себя негодяю

мужу вроде ее мужа? [1]. Это свинство! Но знайте, друг мой, (дорогая сердцу моему Соня, как дочь дорогая!) — знайте что Вы не можете не быть замужем. Вы должны быть счастливы (непременно!), и чем даст бог скорее, тем лучше! И выбрать свободным сердцем и по убеждению... Друг мой, не сердитесь на меня, что я изложил все это Вам, девице, так грубо и обнаженно. Я говорю как друг, как брат: я говорю все.»

26/X (7/XI) 1868 г

«Милый и добрый друг мой Сонечка... Вы — «дитя моего сердца» — так я Вас считаю и Ваше имя мне слишком дорого. Вы и сестра моя и дочь моя. — Но как-то Вы живете... а, главное,— как настроение Ваших мыслей и Вашего сердца теперь? Дорогая моя, смотрите вперед бодрее; не такой как Вы унывать и падать духом.»

6/II (25/I) 1869 г.

«Когда я читаю Ваши письма, Сонечка, то точно с Вами говорю: слог Ваших писем совершенный Ваш разговор: вдумчивый, отрывистый, малофразистый.»

29/VIII (10/IX) 1869 г.

«Вас я олицетворяю как мою совесть: как Вы решите, так я и сделаю... Я смотрю на Вас как на высшее существо, уважаю беспредельно, а люблю сами знаете как.»

17(29)/VIII 1870 г.

«Знаете, мне кажется жизнь Ваша теперь какая-то одинокая, трудовая, в высшей степени однообразная и затворническая. Берегитесь друг мой. Вы не замечаете может быть однообразия и затворничества. Это беда! ... Аня говорит про Вас, что в один слог можно влюбиться (т. е. читая Ваши переводы).»

С. А. Иванова. Письмо Ф М. Достоевскому от 14/VIII 1876 г. (27).

«Многоуважаемый Федор Михайлович. Если вы еще немного любите меня, вы порадуетсь узнав, что я выхожу замуж за человека, которого люблю и уважаю. Имя его Д. Н. Хмыров. Он товарищ брата Саши по гимназии и по университету и он уже давно любит меня. До сих пор он был учителем математики одной из московских гимназий, но теперь думает перейти в Рославль в одно техническое железнодорожное училище. Во всяком случае мы не останемся в Москве... Поздравьте меня, милый друг

[1] О своеобразном отношении Достоевского к В. Х. Смирнову, мужу М. П. Карепиной, см. стр. 171.

мой (я все еще решаюсь называть вас так, несмотря на все сплетни, на всю грязь отдаливщие нас друг от друга). Я люблю его всем сердцем и он любит меня не меньше. Мы счастливы и надеемся быть счастливыми всю жизнь.»

256. Хмыров Дмитрий Николаевич. Муж предыдущей. (1847—1926). Учитель математики.

М. А. Иванова (29).

Человек очень образованный и добрый. Математик.

Д. Д. Хмыров (28).

«Мать моя вышла замуж за Д. Н. Хмырова, с которым прожила счастливо 30 лет, до самой своей смерти (от рака, в 1907 г.). Жили сначала в Рославле, затем в Холме (Люблинской губ.) и наконец в Москве... Отец мой, математик, также как и я, кончил Московский университет и сначала был преподавателем гимназии во Владимире. Затем, женившись, был преподавателем в Рославльском техническом железнодорожном училище. Это был педагог по призванию. В Рославле же он, вместе со своим другом В. П. Межениновым, основал потребительское о-во, одно из первых в России. Как он говорит, для него это время (70-ые годы) было самым счастливым временем жизни. Вообще он типичный представитель идеалистов-семидесятников.»

257. Иванова Зинаида Александровна. 253/254
(1847—1849).

258. Иванова Мария Александровна. 253/254
(23/XI 1848—13/VII 1929). Умерла от рака. Учительница музыки.

Ф. М. Достоевский. Письмо к жене 9.X 1872 г. (60).

«Сонечка такая хворая, Машенька же толстая но с признаками золотухи.»

Ф. М. Достоевский. Письмо С. А. Ивановой 1(13)/I 1868 г. (26).

«...Машеньку, например, я люблю чрезвычайно за ее прелесть, грациозность, наивность, прелестную манеру; (и) серьезность ее сердца я узнал очень недавно (О, вы все талантливы и отмечены богом).»

Ф. М. Достоевский. Письмо к С. А. Ивановой 21(9)/IV 1868 г. (26).

Ради бога, чтоб Масенька музыки не бросала! Да поймите-же, что ведь для нее это слишком серьезно. Ведь у ней

ярко-объявившийся талант. Музыкальное образование для нее необходимо, на всю жизнь!»

Л. Ф. Достоевская (39).

«М. А. была любимой ученицей Николая Рубинштейна, директора Московской консерватории. «Если бы при ее пальцах у нее была еще хорошая голова, то она могла бы сделаться большой музыкантшей», — говорил часто Рубинштейн. «Головы», кажется, у нее именно не было, ибо Мария не стала знаменитостью, но она играла на рояле очень хорошо, и мой отец мог без устали слушать ее блестящую игру.»

А. А. Достоевский (28).

«У Любови Федоровны приведена какая-то сплетня, или вернее, — ее собственная, неинтересная, никому не нужная — выдумка о том, что будто бы Николай Рубинштейн говорил, что если бы у М. А. Ивановой была хорошая голова, так она была бы выдающейся музыкантшей...

Конечно, это выдумка недоброжелательства.» [1].

А. Г. Достоевская. Примечания к письмам к ней Ф. М. Достоевского (60).

«...Отличная музыкантша, ученица Николая Рубинштейна. Приезжая в Москву, Ф. М. останавливался у Ивановых и просил М. А. играть его любимые пьесы, особенно Hochzeitmarsch Mendelsohn-Bartholdi, который она художественно исполняла.»

Ф. М. Достоевский. Письмо к жене от 27—28/V 1880 г. (60).

«Машенька играла Бетховена очень хорошо.»

Н. Н. Фохт (66).

«Одна из дочерей А. П. Иванова, уже взрослая девица и отличная музыкантша, была большая трусиха. Ф. М. Достоевский это хорошо знал и нарочно рассказывал ей на сон грядущий такие страшные и фантастические истории, от которых бедная М. А. не могла подолгу заснуть. Ф. М. это ужасно забавляло...[2] М. А., ученица Московской консерватории, доставляла Достоев-

[1] Как мне говорила Т. Ф. Достоевская, подобная фраза, согласно сохранившимся семейным преданиям, действительно была сказана, но не Николаем, а Антоном Рубинштейном, и не о М. А. Ивановой, а о двоюродной сестре последней — Марии Михайловне Достоевской.

[2] Отметим попутно, что и сам Ф. М. Достоевский в детстве боялся темноты, что, как предполагает О. Миллер, было реакцией на те фантастические истории, которые ему рассказывали няньки и кормилицы.

скому большое удовольствие своею прекрасною игрою. В одном только они расходились: М. А. была большая поклонница Шопена (как и вообще все женщины), между тем как Ф. М. не особенно жаловал музыку польского композитора, называя ее «чахоточной». (Лето 1866 г.).

О. А. Иванова. Письмо к Ю. А. Ивановой от 23 февраля (без года) (22).

«У Маши инфлуэнца. Да уж я рада, что она не ходит, а то ее нервы совсем измотались. Последнюю ночь, когда я у нее ночевала. она всю ночь вскакивала и звала всех к себе. «Боюсь!» кричит «боюсь!» А спросишь чего, не говорит.»

А. Дроздов (51).

«М. А. больна ногами, ходит с палкою, на седых волосах ее наколка, и от складок старомодного платья ее пахнет уходящим временем, уходящими людьми, уходящим бытом. Вся жизнь ее — здесь, среди этих чистенько прибранных, завешенных рыжими старыми портретами комнаток, среди фруктового сада и раскидистых лип. Охрипшая болонка трется у подола ее широчайшей юбки. Сложив на столе желтые, со вспухшими венами руки, она говорит о том, что домик приходит в ветхость, что никто не помнит о Достоевском, что в Черемошне нет даже школы имени его. Она права, — о школе в Черемошне давно уже бесплодно хлопочет сестра ее.» (1924 г.).

О. А. Иванова (28).

«Домик Достоевских[1], принадлежащий Марье Александровне, все время находился под охраной Зарайского музея, но несколько месяцев тому назад заведующий Зарайским музеем сообщил М. А., что теперь дом перешел в ведение Губмузея. Усадьба посещается постоянно публикой, любопытствующей взглянуть на Даровое и Черемошню... В настоящее время Даровое представляет из себя небольшую деревушку в 23 двора.»

Судя по нескольким данным из семейной переписки, М. А. Ивановой были, по крайней мере в пожилом возрасте, свойственны такие черты характера, как неуживчивость, недоверчивость и эгоизм. (По архиву О. А. Ивановой).

[1] Домик родителей писателя не сохранился. Он состоял всего из трех комнат и находился в липовой роще, примыкавшей к березовому лесу, который назывался Брыковским. Существующий ныне домик построен позднее и в нем только бывал Ф. М., но не жил подолгу. (По И. П. Перлову. Сельцо Даровое в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского. Сборник «По тульскому краю». Изд. Тульского Губисполкома. Тула, 1925 г., стр. 521, 527).

При посещении Дарового в июле 1925 г. я застал М. А. Иванову довольно бодрой и для ее преклонного возраста хорошо сохранившейся. Насколько сохранились ее физические силы можно было судить по тому, что в 1924 г. она, по ее словам, могла проходить расстояние от Дарового до Каширы (42 версты) в течение одного дня.

259. Иванов Александр Александрович. 253/254.

Род. 1/IV 1850 г. Овдовел в 1885 г. Второй раз женился в 1888 г. После этого брака был женат в третий раз. Инженер путей сообщения. Служил в 1886 г. в Кременчуге в правлении Харьково-Николаевской жел. дор. Умер от туберкулеза.

Оказывал материальную поддержку своим младшим сестрам, в частности Наталье Александровне, во время ее ученья в Медицинском институте. Страстно любил охоту.(29).

А. А. Иванов. Письмо к сестре Нине 23/I 1896 г. (22).

«Милая Нина!.. Насколько я понял тебя, ты скучаешь бесцельною жизнью, хотя и работаешь много, чувствуя в себе избыток сил. Ты спрашиваешь, что тебе читать, чтобы уяснить себе свое мировоззрение и чтобы жилось легче.

Трудно посоветовать что-нибудь и вот почему. Связное мировоззрение есть ни более ни менее как философская система. Философских систем очень много, но ни одна из них не покорила себе людей своей неотразимой истиной. Поэтому каждому приходится в настоящее трудное время путем долгих попыток, шаг за шагом, самостоятельно нащупывать себе путеводную нить. Беда наша в том, что благодаря историческим причинам у нас, т. е. у русских высшего класса, пропала или по крайней мере сильно замутилась непосредственная вера. Ну, а как сама знаешь «блажен кто верует, тепло тому на свете». Так вот теперь и приходится каждому искать себе утраченную веру. В книжках готовую ты себе ее не найдешь, особенно в наших русских, так как мы все еще не вышли из периода детского подражания Европе, у нас еще идет страшное шатание мысли.

Если непосредственная вера утрачена, то добиться ее вновь можно не иначе, как уяснив себе логически, что она не противоречит нашему разуму. Для этого нужно уяснить себе роль разума и науки. Для этого я посоветовал бы тебе познакомиться с популярным изложением критики чистого разума соч. Канта. Книжка

эта называется «Философия Канта» (из Истории новой философии Виндельбанда). С немецкого перевела Надежда Платонова. СПБ. 1895 г. Цена ее 1 рубль.—Прочти эту книгу, ты увидишь, что роль разума, а следовательно, и содержание науки, очень ограничены. В силу этого жить разумом человеку мало, надо жить чем-то высшим, т. е. попросту верить в бога. Разум наш не может ничего другого делать, кроме разборки, сравнения и группировки наших представлений и чувств; что же кроется под этими представлениями и чувствами, он никогда не может узнать. В бога можно только верить, доказать же его существование, или же обратно — доказать, что его нет — разум наш бессилен. Если тебе станет ясным второстепенное значение нашего разума, со всеми его научными выводами, в нашей жизни, то кроющаяся в каждом из нас, и временно затемненная, потребность веры, и закон совести, сразу выдвигаются на первое место и получают полную законность, как главная потребность нашего существования. — Если ты придешь к этому выводу, то все существенное для выработки мировоззрения будет тобою уже сделано. Признание за разумом только служебного значения и напротив — первенствующего за Христовым заветом — даст тебе возможность критически отнестись ко всему и все поставить на подобающее место. — Также и относительно самой себя. Если деятельность твоя была направлена на добро, то, конечно, ты не даром жила. Размер же добра не поддается учету. В итоге жизни какого-нибудь чернорабочего может оказаться более добра, чем у какого-нибудь министра, хотя круг деятельности у первого ничтожен по сравнению со вторым.»

А. А. Иванов. Письмо к сестре Юлии, 22/XII 1897 г. (22).

«Что ты слышала о Маше, Оле, Нине, Наташе? [1] — Никто-то ничего не напишет! Все мы Ивановы большие эгоисты и при этом гордецы! В кого это мы такие уродились?..

Удастся ли мне когда-нибудь осуществить свои постоянные мечты стать хозяином на маленькой ферме? Во всяком случае не ранее как через 10 лет, когда выслужу ½ пенсии и Митя станет самостоятельно. Но это опять таки грешная мечта, как всякая мечта о личном счастии, нельзя об этом мечтать, если искренно стараться быть христианином. Ведь надо любить людей, помогать им, а не свое создание, т. е. ферму. А если сделать ее образцовою, так чтобы она была полезна окружающим земледельцам, разве это не оправдывало бы такого увлечения? Как ты находишь эту мысль?»

[1] Сестры А. А. Иванова.

О. А. Иванова (28).

«Не имея своих детей, А. А. взял приемного сына Дмитрия, который оказался неудачником и алкоголиком, хотя в то же время человеком очень неглупым.»

260. Ремизова, п. м. Иванова, Екатерина Васильевна. Первая жена предыдущего.

Умерла от туберкулеза.

А. А. очень любил эту свою жену и был с ней счастлив.

261. Яцута, п. м. Иванова, Мария Ивановна. Вторая жена предыдущего.

Умерла от туберкулеза.

262. Иванова (по мужу) Матрена Ивановна. Третья жена предыдущего.

Е. А. Иванова (28).

«А. А. был женат три раза (третий раз перед самой смертью). Обе его первые жены умерли от туберкулеза и он, как говорили у нас, тоже заразился от них. Так как у него была большая пенсия, то он перед смертью женился на своей прислуге, которая ухаживала за ним во все время его болезни, и таким образом передал ей свою пенсию.»

263. Иванова Юлия Александровна. 263/254.

(4/IV 1852 — 16/XII 1924). Умерла от какой-то невыясненной болезни: болела всего три дня причем сделалась «как каменная», так что у нее не могли сгибаться ни руки ни ноги.

Большую часть жизни (всю молодость) прожила в деревне, занимаясь хозяйством в семейном имении Ивановых.

Ю. А. Иванова. Письмо к сестре Нине (22).

«Я теперь хочу изучать литературу. На первых порах хочу выписать журнал «Крестьянское хозяйство» 1 руб. с пересылкой и Современный календарь Ступина. Отрывной календарь Сытина уже куплен [1]. А летом поедем хоть на Кавказ на воды. Я к тому

[1] Здесь чувствуется юмор, вообще свойственный целому ряду представителей семьи Ивановых.

времени придумаю себе какую-нибудь болезнь. Мне очень завидно стало на людей: все путешествуют, а я все дома сижу.»

В. М. Иванова. Письмо к дочери Ольге (22).

«Юля страшно скучает. Ты знаешь, какая она непоседа, ей везде опротивеет, где она не поживет, и теперь находит, что в деревне было гораздо веселее, когда прежде до слез спорила со мной о противном.»

Ю. А. Иванова. Письмо к сестре Ольге (22).

«Милая Оля... не весело тебе в больнице, но также не весело и в Брянске. Не лучше вашей больницы. Все какие-то ненормальные и всех пора в психиатрическую больницу. Если бы не газеты, то можно бы впасть в идиотизм.» [1]

В. М. Иванова. Письма к дочери Нине (22).

«Юлия пишет очень веселое [2] письмо. Пишет, что потолстела.»

«Наташа [3] пишет мне очень расстроенная, что воротиться в Рязань она не может вот почему. Зимой этой она сошлась хозяйством с Юлей. Юля переехала в Даровое и Наташа была вполне уверена и покойна живя в Рязани, но приехала Оля из Тихорецкой и переманила Юлю опять в Черемошню. По настоящему так и следовало Юле хозяйничать с Олей. Усадьбы их рядом и земля также, но Юля по своему неуживчивому характеру мечется из стороны в сторону [4].»

Ю. А. Иванова. Письмо сестре Нине (22).

«Наташа все пишет мне, чтоб мы строили себе дом получше и побольше на каменном фундаменте, а меня как на грех, и это

[1] Цитируемое письмо относится к тому времени, когда О. А. Иванова лежала в хирургической лечебнице, поправляясь после перенесенной операции.

[2] Выражения «веселый», «весело», очень часто встречаются в семейной переписке Ивановых, особенно в письмах племянниц Ф. М. Достоевского, причем нередко эти выражения звучат в переписке Ивановых несколько своеобразно, приблизительно как синонимы слов «хороший», «хорошо».

[3] Младшая сестра Ю. А. Ивановой.

[4] Это «метание из стороны в сторону» чрезвычайно сильно выражено у младшей сестры Ю. А. Наталии (см. ниже стр. 245).

не пленяет. Ну что с этим поделаешь. Или я устарела после тридцатилетнего хозяйства. Переутомление.»

Ю. А. Иванова. Письмо сестре Наталье (22).

«Милая Наташа, извини меня, что тебе не писала. Причина тому хандра. Не взыщи если и теперь письмо будет плаксиво и неинтересно. Ты пишешь, чтоб мы строили себе новый дом. Кажется чего бы лучше. Если бы ты знала, как все это мне не интересно. Я привыкла и к дурной атмосфере в доме и ко всем неудобствам. Зачем все менять? Непонимаю. Будь у нас хоть двухэтажный дом, нас все равно со временем выгонят из него. Ведь нас ожидает Шатихинская будущность. Будем продавать по частям, то леса, то ригу, то погреб и т. д. Не лучше ли ничего не делать? А что же мы будем есть в хорошем доме? Кто будет пахать нашу глину? Рабочих рук ведь нет и не будет, а с Ефремом далеко не уйдешь. Другое дело было бы, если бы у нас было хоть меньше земли, да своей, а не банковской...»

Н. А. Професансова. Письмо сестре Юлии (22).

«Ты боишься, что имение отнимут; но это было бы благополучием, потому что с аукциона ниже казенной цены продать не имеют права, а деревня приносит вам каждый год больше ста рублей убытку.»

Нат. А. Иванова. Письмо сестре Юлии (22).

«Юля, ты, кажется, хотела ехать в Каширу, если поедешь, то выхлопочи непременно свидетельство о бедности. Это не трудно, так как ты докажи предводителю, что имение наше все стоит не больше 15 тысяч, по разделе тебе придется только четыре тысячи. Существовать на эти средства немыслимо.»

М. А. Иванова. Письмо сестре Ольге (22).

«Оля... о Юле не горюй сильно. Жаль, что мы ее больше не увидим, она же только и мечтала, чтобы скорее умереть, ей такая жизнь была невыносима. Она говорила, что признает только такую жизнь, как когда вы жили в Брянске: дом полная чаша, хорошая прислуга, Вера. Бывало, как не придешь, все мечтает о смерти.»

264. Иванов Виктор Александрович. 253/254
(28/X 1854—IX 1919). Инженер путей сообщения. 17 лет прослужил на станции Тихорецкой. Позднее служил начальником участка в гор. Петровске на Каспийском море.

Е. А. Иванова (29).

Малообщительный. Чужд какого бы то ни было чинопочитания — со всяким начальством держался на равной ноге. Исключительно честный и бескорыстный; будучи инженером на постройке дороги никогда не брал взяток. В некоторых случаях его честность переходила даже в своего рода щепетильность. Так, например, он имел свой служебный вагон, но когда брал с собой в поездки родного сына, то, соблюдая интересы дороги, всегда покупал ему билет. Непрактичный. Умер, не оставив после себя никаких средств, несмотря на то, что получал большое жалованье.

Е. А. Иванова (28).

«Папа из всех братьев ближе всего был с Виктором... Они и внешностью очень походили друг на друга... Но что из себя представлял дядя Витя, как человек — я почти не знаю. Знаю, только, что он был очень добрый, отзывчивый... Когда мне было лет 12, папа больше года был без места и все это время дядя Витя нам ежемесячно присылал по 50 руб. Знаю также, что он, как и папа, очень любил сельское хозяйство... У себя в Тихорецкой он завел громадный пчельник, а после перевода в Петровск у него был большой виноградник.»

Е. В. Кастальская[1] (28).

«Начинаю вам описывать сначала папу, так как он мой самый любимый человек, и дай бог, чтобы отцы относились к своим родным дочерям так, как относился ко мне В. А. Его семейная жизнь сложилась очень и очень плохо. Будучи маленькой, я не понимала всего, что творится у него в душе, я считала папу родным до 16 лет, а маму, которая, к слову сказать, никогда с нами не жила, а если и приезжала на несколько дней, то обыкновенно ко мне очень относилась недоброжелательно,—даже я будучи девчуркой 8—9 лет это хорошо чувствовала, — я считала мачехой. Папу я видела часто грустным. Заложив руки в жилет

[1] Приемная дочь В. А. Иванова. Во внешности и характере много родственных черт сходства с некоторыми представителями семьи Ивановых.

или карманы, он с опущенной головой часами ходил по комнатам и все о чем-то думал. Когда мне было лет 12, меня Марфа Ив. взяла с собой в Кисловодск, где она лечилась. Жилось мне там довольно не легко с ее характером. Достаточно сказать, что когда я писала письма папе, она всегда их читала, и что ей не нравилось вычеркивала. В конце концов, у меня терпенье лопнуло: я очень тосковала по отце и самостоятельно отправила ему открытку, чтобы он меня взял к себе снова, что мама меня мучает. Через три дня папа приехал за мной и забрал меня. Я как сейчас помню, вошел взволнованный с подергивающимся плечом, сухо поздоровался с М. И. и мне говорит: «Ну Лелька, я за тобой приехал, соскучился, собирай вещи...» и в этот же день увез меня к себе в Петровск. Он был очень добр не только к семье, родным, но его эксплоатировали всякие аферисты, он никогда и никому не отказал в денежной помощи. Он был большой любитель музыки. Бывало сижу я за роялем и играю что-либо из Шопена, Бетховена или Чайковского (самые любимые его композиторы) он сидит на диване, подложив одну ногу под себя, лицо улыбающееся, в такт музыки качает одной ногой и головой и подпевает себе под нос или в бороду; обыкновенно он брал бороду в руку, загибая ее к верху, и закрывал рот. (Это бывало также, когда я что-нибудь напроказничаю: он начнет мне делать строгое внушение, а потом самому станет почему-либо смешно и вот, чтобы скрыть улыбку, он обыкновенно прибегал к этому средству). Не дай бог ошибиться на рояле, да еще в любимом его каком-нибудь ноктюрне... он вскакивал с дивана и вопил: «врешь, врешь, Лелька, ты бессовестно врешь, пропустила одну ноту», подходил ко мне сзади, клал руку ко мне на плечи, и начинал по мне отбивать такт или же дирижировать и подпевать. Он был большой охотник и рыболов — когда он ловил рыбу, он священнодействовал; боже упаси разговаривать во время ловли... сейчас же прогонял. Любил цветы, разводил их сам (хотя у нас было 2 садовника и чудная оранжерея). Помню в каком он был возбуждении и чертыхался, когда ему не удалось вывести, как он хотел артишоки... Обыкновенно он выписывал гиацинты и нарциссы луковицами из Голландии и сам их рассаживал в горшки и расставлял в подвале, и не дай бог кому бы то ни было сдвинуть или переставить какой-нибудь горшок на другое место — была бы буря. Он очень любил, чтобы дома все делалось раз и навсегда по определенному плану. Был он также очень вспыльчив, иногда пережареные котлеты могли вызвать целую бурю... но обыкновенно все это продолжалось не более 6—10 минут, после чего он «отходил», как мы выражались и тогда делался еще более добрым,

Вера Михайловна Иванова
(рожд. Достоевская)

София Александровна
Иванова

Мария Александровна
Иванова

Нина Александровна
Иванова

253, 255, 258, 267.

Александр Александрович
Иванов

Виктор Александрович
Иванов

Алексей Александрович
Иванов

Наталья Александровна
Иванова

259, 264. 270, 275·

чем мы с Борисом пользовались и его малость эксплоатировали. Он был до мелочности честен, до болезни честен, был не карьерист, ему предлагали место с повышенным окладом и более ответственное (в управлении дороги, в г. Ростове), но он категорически отказался. Там сначала были удивлены, а потом оскорблены, как он мог отказаться. Потом его начали теснить по службе, пришлось выйти ему в отставку. Все это привело папу в отчаяние. Не жаль было ему его хорошо оплачиваемого положения, но он привык, он полюбил свою службу, свое дело, он всю жизнь шел по одной колее и вдруг его кто-то взял и насильно свернул в сторону. Я сразу заметила, как папа пал духом. Он был уже не тем энергичным человеком, он как-то осел (если можно так выразиться) и начал на моих глазах стареть и хиреть. Првда, еще к этому всему прибавилось новое горе: Борис стал нюхать кокаин, играть в карты, пьянствовать, таскать из дома более ценное и продавать и даже гонялся за мной и папой с револьвером, так что я даже решила уехать в Ростов к знакомым, но папа соскучился и через 5—6 месяцев приехал за мной и увез к себе в Петровск. Это было в июле 1919 года, а в сентябре он умер от малярии. Болел он месяца полтора, стал сначала как будто поправляться и все утешал меня — «ничего Лелька еще поживем с тобой хорошо, не горюй»... Потом ему стало сразу худо: у него начали по всему телу высыпать карбункулы, без конца его резали и залечивали, но за 3—4 дня до смерти у него вскочил карбункул в голове. Врач (папа уже лежал в железнодорожной больнице) позвал меня и Бориса и спрашивал нас — разрешим ли мы ему сделать трепанацию черепа, что так или иначе папа плох. Когда мы вошли к нему в палату он лежал привязанный к кровати, так как очень бился и был уже в агонии. Посмотрели мы и решили не мучить его бедного больше... Горе мое я вам описывать не стану; что я потеряла в отце поймете сами. Я его любила очень и память о нем, как о самом любимом мной человеке, сохраню до глубокой старости. Я и сына своего единственного назвала в честь папы — Виктором. Вот сейчас вспомнила такую картину: сидит папа на террасе около дома. Лето, деревья зеленые, под террасой клумбы с цветами издают такой запах, что голова кружится: папа сидит в тени на террасе, он только что встал после обеденного сна. Сидит он слегка развалившись на стуле, около маленького столика и пьет чай горячий как огонь (это в жару то!) с клубничным вареньем (самое его любимое). Ворот рубахи расстегнут и он одной рукой по груди и шее «катает шарики», как я всегда называла... У него хорошее настроение и он молча улыбается своим мыслям. Вообще он был не

особенно разговорчивым, но был общителен и почти каждый свободный вечер, если никто не приходил к нам, или же он не был занят по службе, он шел в «Общественное собрание», где был членом и играл по маленькой в винт, или, как он выражался: «повинтить». Бывало обнимет меня одной рукой за шею, мы ходим по саду или террасе и строим планы на будущее. Он говорил: «вот кончишь гимназию, повезу тебя по Волге и посмотришь как там хорошо; побываем в Питере, в Москве...» Я все мечтала попасть в сельскохозяйственный институт и он очень одобрял мои планы говоря: «Как кончишь, выйду в отставку и заведем свое образцовое хозяйство и будет уже не инженер, а помещик Иванов».»

265. Алтынникова, п. м. Иванова, Марфа Ивановна. Жена предыдущего.

Умерла около 1917 г.

266. Иванова, Екатерина Александровна. 253/254

Род. в 1855 г. Умерла в грудном возрасте от холерины.

267. Иванова, п. м. Профферансова, Нина Александровна. 253/254

(1/XII 1857—9/XI 1914). В 1884 г. вышла замуж и затем жила с мужем в г. Раненбурге (Рязанск. губ.). Умерла от водянки.

В грудном возрасте очень болела и чуть не умерла от раннего (на шестом месяце) прорезания сразу нескольких зубов. У ее единственного ребенка, сына Владимира, подобное же прорезание сразу нескольких зубов началось еще раньше, отчего он и умер на 4-м месяце жизни.

Несмотря на то, что жизнь ее сложилась очень неудачно, всегда сохраняла склонность к веселью.

Е. А. Иванова (28).

«Всегда казалась мне самой веселой изо всех моих теток. Очень любила детей.

В письмах к ней мы никогда не говорили о настоящей жизни, а выдумывали невероятные происшествия, будто бы случившиеся с нами. Тетя Нина отвечала нам в том же духе.»

Ф. М. Достоевский. Письмо к жене 27—28/V 1880 г. (60).

«Ниночка дика и неразговорчива, ничего из нее не вытащишь, точно конфузится.»

Ю. А. Иванова. Письмо сестре Ольге (22).

«Нина за все время своего пребывания в Ялте не купила спичек. Я ей каждую неделю дарю коробочку спичек. Не покупает она спичек не из экономии, а просто такой зарок дала.»

М. А. Иванова (29).

Училась в пансионе Дельсаль на Немецкой улице в Москве. Мечтала стать писательницей. Пробовала писать роман, причем Федор Михайлович поощрял ее попытки. Отличалась необыкновенно веселым характером. Несмотря на тяжелые условия жизни никогда не роптала, всегда шутила. Зарабатывала частными уроками, которые давала почти до последнего дня жизни. Большой неудовлетворенный инстинкт материнства.

Н. А. Иванова. Письма к Ф. М. Достоевскому (27).

19/XI 1879 г.

«Дорогой дядя, Федор Михайлович!

После долгих колебаний решаюсь обратиться к Вам с просьбою, за которую, надеюсь, Вы на меня не рассердитесь.

Любимою моей мечтой с детства было — добывать средства к жизни пером. Положим это слишком самонадеянно, но, ради бога, не смейтесь. С семнадцати лет у меня зародился в голове роман, который я с тех пор постоянно разрабатывала и писала отрывками, т. е. те места, которые мне особенно нравились. Мне кажется, что если бы я занялась исключительно этим романом, то окончила бы его месяца в три, четыре. Но для этого необходимо уединение и душевное спокойствие»...

Без даты.

«На лестнице я встретила господина (это был Н. А. Любимов) который, как мне показалось, очень странно взглянул на меня. Мы вместе вошли в переднюю и, раздеваясь, он стал спрашивать лакея о моей личности, но видя, что я это замечаю, прямо подошел ко мне и спросил — не сестра ли я Софьи Александровны Ивановой. На мой утвердительный ответ он сказал, что был в этом уверен, так как моя наружность напоминает Сонину.»

1/II 1880 г.

«Я была очень несчастна все это время и перенесла много невзгод, но не материальных, а нравственных... Вся беда в том,

что все отрицают во мне способность на что-нибудь дельное и никто не верит, чтобы я могла написать роман. Одни просто и прямо смеются надо мною, другие говорят, что я всегда была мечтательницей, что мечты мои повернули в слишком опасную сторону и что надо изгнать из меня дух мечтательности. Иные же утверждают, что я полоумная, и самое приличное место для меня в доме умалишенных [1].

Сегодня мне особенно дали все это почувствовать и сегодня же я уверилась, что никто мне не сочувствует. Я вспомнила о Вас, вспомнила, что Вы один не произнесли окончательного и безнадежного приговора, вспомнила одну фразу из вашего письма и всегда буду Вам за нее благодарна. Фраза эта: «Скажу Вам наперед: мне что-то кажется, что Вам удастся. Письмо ваше ни мало не удивило меня...» Знаете ли, за одну эту фразу можно сделаться писателем, композитором, гением. Мне захотелось поблагодарить Вас за эту фразу и это главная цель моего письма. Я всегда буду ее помнить и благословлять Вас за нее.

Но почему Вам кажется, что мне удастся? Мне хочется знать, надежда это ваша или твердая уверенность? Ведь Вы меня так мало знаете, и я со своей стороны так мало заявила свои литературные способности? Я уважаю Ваши мнения и знаю Вас за человека, не бросающего слова на ветер. Скажите, почему Вам кажется, что мне удастся? Для меня это очень важно, для меня это теперь важнее всего. Вы хорошо знаете людей и я Вам одним верю. Ради бога поверьте, что вопросы эти не пустая потеря слов и времени и мне необходимо получить на них ответы. Не сердитесь, что отвлекаю Вас для этого от Ваших занятий, но кабы вы знали, как я в Вас верю, Вы бы не рассердились.

Не думайте, что я разочаровалась и не уверена в себе. Так скоро я не могу отказаться от мысли, которую лелеяла столько лет, я так упряма, и что годами входит в мою тупую голову, то никогда из нее не выходит. Не могу даже представить себе, что бы было со мною, если бы я разочаровалась, так как я не из кротких. Роман свой я пишу и не перестану писать, несмотря ни на отговаривания, ни на насмешки. Я скоро вышлю Вам первую часть, так как Вы это позволили. Я думала окончить эту часть скорее и не думала, что начинать гораздо труднее, чем оканчивать. Некоторые необходимые подробности вначале охлаждали

---

[1]Как видим, дело с писательскими попытками этой племянницы Ф. М. Достоевского обстояло далеко не так, как описывает Л. Ф. Достоевская. (См. стр. 195).

меня, но чем дальше, тем больше я воодушевлялась. А главное, я не способна к усидчивому труду: например пишу полчаса, а мечтаю часа три. Это правда, что дух мечтательности развился во мне в ущерб всем другим способностям. Это не хорошо и надо строже следить за собою.»

7 VI 1880 (?) г.

«Удивляет меня, как я, чувствуя к Вам самое глубокое уважение, ухитрилась выказать противоположное! Как вижу, мир исполнен противоречий, поэтому и моя симпатия к Вам вызвала в Вас антипатию. Вся беда в том, что меня не выучили и я не умею выражать своих чувств, особенно хороших, и пока не научусь, между мною и людьми будут постоянные недоразумения...» Я была вчера у доктора, так как давно чувствовала себя не совсем здоровою. Доктор нашел во мне нервное расслабление вследствие врожденного порока сердца, и посоветовал ехать в деревню. Но я поняла и приняла его слова в переносном смысле и еду в деревню излечивать себя не от физических, но от нравственных пороков сердца.»

Ф. М. Достоевский. Post-scriptum к письму Н. А. Ивановой (50).

«Милая Ниночка, уже запечатав к Вам письмо, достал и перечел Ваше письмецо ко мне в Лоскутную, оно мне так понравилось, оно так искренно, так задушевно и так остроумно (например о причине, по которой Вы едете в деревню), что я распечатал конверт и приписываю Вам эти строки с тем, чтоб отказаться от целой половины того, что настрочил Вам на первых трех страницах, Вы доброе и милое существо, очень умненькое (но будьте еще умнее). Итак, мы друзья попрежнему? Я очень этому рад. Напишите мне в Старую Руссу непременно: мне хочется знать дошло ли письмо? Передали же Вам мой отзыв неверно, это повторяю. Всего любопытнее для меня, почему первое чтение Вашего письма (еще в Москве) не произвело на меня такого хорошего впечатления как сейчас, когда я во второй раз перечел. Целую Вас и крепко жму Вашу руку. Литературы не бросайте, и — поменьше, поменьше самолюбия. Но довольно. Ваш весь Ф. Д.» [1].

---

[1] От самого письма, к которому сделана эта приписка, сохранился лишь следующий небольшой фрагмент: «...и как можно скорее. От слов моих я не отступаюсь, но где же в них обидчивая жажда почтительности? И зачем, повторяю это опять, мне ваша почтительность? Мне [бы] хотелось от вас лишь сердечности, веры, что я не враг вам, распрашиваю вас не праздно и не насмешливо. Не верить в доброе расположение людей (в которых вы сами

Н. А. Иванова. Письмо Ф. М. Достоевскому, 23/VI 1880 г. (22).

«Я хотя и мнительная и раздражительная (это правда), но я охотно сознаю свою вину и готова первая просить прощенья, как бы от этого ни страдало мое самолюбие.

Не вините меня, что я дика и несообщительна, я в этом не виновата. Ну разве моя вина, если самые лучшие мои порывы и поступки истолковываются в дурную сторону, а дурные ставятся мне на счет?.. Мне кажется, я родилась под самой несчастной звездою, ибо все мои недостатки бросаются всем в глаза, а все достоинства стушевываются для посторонних глаз. Такое отношение ко мне окружающих и сделало из меня дикую и несообщительную мечтательницу. Начитавшись в детстве английских романов и обратив особое внимание на все в них идеально прекрасное, я стала требовать от жизни чего-то необыкновенного и не нашла, и не знаю, что теперь делать.

Благодарю Вас за ваш милый Post-scriptum и за добрый совет быть менее самолюбивой. Хотя и следует иметь самолюбие, но надо остерегаться самообольщения. А Вы, конечно, не думаете, что я имею о себе ложное, преувеличенное, хорошее мнение. Ведь это было бы ужасно, если бы Вы так думали... Извините, что письмо такое грязное, я переписывала два раза, но без помарок обойтись не могу.»

Н. М. Достоевский. Письма к Н. А. Ивановой (22)[1].
Декабрь 1881 г.

«Милая и дорогая Ниночка!

... Шевяковы получили твои письма, решили, что ты добрая, умница и (славная) милая девушка, я же (давно) и прежде это решил да еще со многими прилагательными. Не лесть говорю и не любезности, а говорю правду. Вот и еще пожелание: будь такой во всю жизнь и ты будешь счастлива.»

же верили) в ваши лета очень опасно. Ужасная же мнительность и раздражительность ведет лишь к самомнению и самолюбию, а это уж всего опаснее. Не примите за совет, не обидьтесь, хотя почему же мне не написать вам и совета? Ведь считали же вы меня к вам искренно расположенным прежде, таким я и останусь к вам, как бы вы ни сердились на меня. Слова же мои о вас у Елены Павловны вам передали ошибочно. Это положительно говорю. Да и зачем бы мне лгать...»

[1] Цитаты из этой переписки см. также ниже, гл. X. Цитаты взяты не из самих писем Н. М. Достоевского к Н. А. Ивановой, а из черновиков этих писем, сохранившихся в его посмертных бумагах и затем попавших в архив О. А. Ивановой.

12/III 1882 г.

«По прочтении твоего восторженного, поэтичного описания появления весны и пения жаворонка я умилился и вспомнилось мне... и мое счастливое время, когда и я восторгался первой появившейся травкой, первому насекомому, жучку, бабочке и застывал на месте, слушая и восторгаясь пением жаворонка, и мне кажется что и теперь я еще не очерствел и в состоянии еще приходить в восторженное состояние. Не в похвалу тебе, а правдиво скажу, что твое описание вышло поэтично и художественно, иначе не могло бы оно меня привести в такое умиление.»

Без даты. 1882 (?) г.

«Что касается до того.., то пришли рукопись ко мне, в виде посылки; никто знать не будет, а я перешлю ее к Анне Григорьевне, а та куда следует. Название только, мне не нравится, слишком идеальное, напоминающее древний германский стиль. Перемени его.»

Без даты. 1882 (?) г.

«Заметь, что в этом письме я не называю тебя «ангельчиком», хотя в душе моей и остаешься им. Я назвал тебя так, от глубины души, от искреннего сердца, по чувству благодарности за первый родственный призыв. А теперь это слово стало к л и ч к о й. Не сердись на меня за это. Ведь эта насмешка касается не тебя, а до меня.

Еще раз целую крепко твою руку, писавшую мне утешительные письма. С душевною любовью твой доброжелатель и дядя Н. Достоевский.»

Н. А. Иванова. Письма к Н. М. Достоевскому (22).

6 марта. Год не указан.

«Милый дядя... знаешь за что я больше всего на тебя сердилась? — За то, что ты меня постоянно хвалил, а мне стыдно даже было стяжать незаслуженную похвалу... Эту неделю мне решительно нечего было делать, не предполагалось никакого увеселения, никаких визитов, — так что я решила говеть. И как же я говела недостойно! Собралась то я со всем рвением, хотела покаяться, хотела сосредоточиться и ничего разумеется из этого не вышло. Только нагрешила еще больше. Ну вообрази себе! — Стою в церкви, каюсь, глубско ненавижу себя, совесть мучит,

вспомню ли прошлое? — все прошлое оказывается унизительно. Настоящее? — еще хуже; в будущем ничего доброго не предвидится. И вдруг, в минуту самого покаяния, откуда то из-за угла влетает ко мне в голову бешеная мысль — схватить священника (а он у нас старенький, маленький, слабенький), схватить его, закружить, закружить и посадить на пол. А то еще хуже: попадется мне на глаза толстая купчиха. симпатичных размеров, — начинаю раздевать ее мысленно, любуюсь на ее формы, и мысленно делаю с нее гипсовое изваяние. И все это как то выходит независимо от моей воли, а сознаю, что сама виновата. Ну какое же это говенье? В голове какая то пустота... Ты себе не можешь вообразить как мне захотелось домой; только дома, когда войду в обычную колею жизни, только тогда я примирюсь со своею совестью.»

25 мая. Год не указан.

«Дорогой дядя. Целую твои очи, лобик, носик, щечки, усики, бородку, ушки, ножки, ручки и т. д.

... Что сказать тебе обо мне? — Живу по старому, т. е. ничего не делаю, и постоянно не в духе...»

Данные, приводимые ниже, относятся к значительно более позднему периоду жизни Нины Александровны, когда она уже вышла замуж.

Н. А. Профферансова. Письмо к матери (22).

«Милая мамаша. Если я вам объясню причину моего молчания, то вы, конечно, меня извините. Я, во-первых, была больна и теперь лечусь. Болезнь моя — малокровие и расстройство нервов. Я была в таком ужасном настроении, что чуть не зарезалась. А, как хотите, делиться таким настроением, особенно с вами — не хотелось. Теперь мне как будто лучше, а все-таки плохо.»

Н. А. Профферансова. Письмо к сестре Юлии (22).

«Я почти все сижу дома, так как в карты не играю, а таким у нас и показываться на званые вечера нечего, да и не весело: все усядутся играть в карты, а ты сиди и хлопай глазами.

В. М. Иванова. Письмо к дочери Нине (22).

«Ты пишешь, что большею частью капризничаешь и мучаешь мужа. Во-первых, от этого можно себя по возможности удерживать, а, во-вторых, после своих капризов непременно попросить у него извинения.»

В поисках за мировоззрением, которое давало бы ей опору в жизни и делало бы саму жизнь более содержательной, Нина Александровна, между прочим, обращалась за помощью к своему старшему брату Александру, ответ которого на ее просьбу приведен выше (см. № 259). Одно время, уже будучи замужем, она ищет выхода в благотворительности, в связи с чем получает следующий совет от матери:

«... Теперь поговорим о тебе. Вполне верю, что тебе скучно ужасно в Раненбурге, но, душа моя, что же делать? Сама видишь, что деятельность твоя не приносит хороших результатов, и, по моему, надо успокоиться. Деятельность твою надо обратить на твое собственное житье-бытье. У тебя дом — а главное больной муж. Как ты не поймешь, что он, по моему, серьезно болен и требует ухода, внимания, а, главное, полного снисхождения. Смотри, как бы потом не раскаяться. Его ворчание и придирки — все это происходит от болезни его. Понятно, что твои ходатайства по чужим хотя и добрым делам его раздражают. Ему хочется покойной семейной жизни, а ты бурлишь не во время со своими благотворительными целями. Отчасти ты нам напоминаешь Марфу [1]. Успокойся, душа моя. Добрые дела можно делать, на месте сидя. Отдавай из твоих заработанных денег рубля два бедным. Вот уже это будет вполне достаточно.»

Неудовлетворенный инстинкт материнства Нина Александровна отчасти изливала в заботы о своих канарейках, которых чрезвычайно любила. Повидимому и канарейки платили ей тем же. По крайней мере, когда она однажды после долгой отлучки вернулась домой, то, как она пишет в одном из писем, «кенарь чуть не удавился от радости, когда я приехала из Крыма; стал рваться из клетки ко мне и завяз между проволокой.»

Письма Н. А. к сестрам пестреют описанием различных событий из жизни ее канареек, как то:

«Канарейка моя наконец разрешилась от бремени: снесла 4 яичка и села на них. Прилежно сидит уже шестой день... Шаляпин [2] очень ухаживает за Милочкой...»

[1] Жена Виктора Александровича Иванова.
[2] Одна из любимейших канареек Н. А.

«Что же это, бессовестные, от вас ни слуха ни духу. Как я просила написать мне «до востребования». Хоть бы о канарейках черкнули хоть строчку. Ведь я об них беспокоюсь, как о детях. Вывели они что-нибудь или нет»?..

«Ну с чего вы взяли, что я собираюсь в Шистово. Да разве я доеду одна? А кенарки? Ведь шесть клеток. У Шаляпина трое детей. Кажется, хотят вить новое гнездо. На этой недели выводить Милочке и Старой. Просто одолели!»

«Мы купили еще двух самок, совершенно желтых: одну для Шаляпина, другую для Красавчика. Шаляпин начинает ухаживать и Горбачев тоже. А Красавчик все еще во младенчестве. Как же быть с Юлиным Шаляпиным? И чего она не оставила его осенью. Теперь бы радовалась на внучат.»

Н. А. Профферансова. Письмо к матери, 15 января (год не указан) (22).

«Я так приучила себя к воздуху, что даже в метель гуляю в одной кофточке и не простужаюсь, а прежде бывало я и в кухню не могла пройти безнаказанно.»

Тяжелая болезнь превращает последние годы жизни Нины Александровны в беспрерывную цепь страданий.

Н. А. Профферансова. Письмо к сестре Юлии 25/II 1910 г. (22).

«Ложится Мимочка [1] спать в 11 часов, лежит на коленах и на локтях, которыми упирается в большую подушку, а под голову кладет две думки. Спит по собачьи (Голова между передними лапами). Просыпается она, бедная, ежеминутно и от холода и от стонов Мих. Пав. Встает в семь часов и чистит 4 клетки, а иногда и все семь...»

Н. А. Профферансова. Письма сестре Ольге (22).

«Ну как-то мне удастся доехать. Говорят, на вокзалах давка от пленных, раненых и военных. Толкнут меня в грыжу, тут мне и конец. Грыжа моя все больше отвисает, а бинтовать нель-

[1] Н. А. пишет здесь про себя в третьем лице, называя себя «Мимочкой»; очевидно этим именем ее кто-нибудь называл в семье.

зя от почки. В прошлом году я нечаянно толкнулась животом о подоконник и свету не взвидела. А военные-душки все-таки порядочные невежи.»

«Милая Оля! Ты зовешь к вам в Брянск — очевидно ты не веришь, что я серьезно больна. Почитай-ка, что значит блуждающая почка. Какое это мучительное состояние! Ведь я не могу ни стоять, ни ходить, а только сидеть. Если я постою хоть 2 минуты, почка опускается и появляется мучительная боль. Я очень похудела. Учительницы говорят, что на мое землистое лицо страшно смотреть. Но я совсем не хочу умирать, и лишь только мне станет хоть немного лучше, приеду к вам в Брянск...»

Н. А. Проферансова. Письмо к сестре Юлии [1], 8/II 1914 г. (22).

«Вообще, со мной делается что-то ужасное. Я нисколько не худею, напротив, толстею. Ем, как голодный волк. А между тем нет у меня ни одного органа, который не болел бы. Я ничего не работаю, потому что не могу сидеть без подпорок. Опираюсь на локти, отчего на них мозоли. А все-таки толстею. Сплю очень мало и плохо, причем спать могу только на коленях и на локтях, т. е. на четвереньках.»

Н. А. Проферансова. Письма к сестрам и матери (22) [2].

«Я теперь на строгой молочной диэте. У меня начался отек ног и нижней части живота, но когда я стала пить молоко, отек уменьшился... Пишу неразборчиво, потому что левая рука должна лежать на спинке другого стула, иначе почка зудит.»

«У меня чуть малейшая неприятность и волнение, так кровь горлом; не из легких, а из артерий сердца. Кровь плохо гонится сердцем и застаивается в легких.»

---

[1] Своеобразен адрес цитируемого письма: «Брянск, Орловской губ., Комаровская ул., д. Полежаевой. Е. В. Б. Юлии Александровне Ивановой (приват-доценту Московского университета)» На другом конверте Н. А. величает ту же свою сестру «доктором философии». Эти вымышленные звания гармонируют с общим тоном писем Н. А.: как бы ни были тяжелы внешние обстоятельства, ее никогда не покидает склонность пошутить и подурачиться.

[2] Письма Нины Александровны, так же как и письма ее матери и сестер, как правило не датированы. В виду этого расположить их в хронологическом порядке не представляется возможным.

«Менчинский говорит, что чахотки мне бояться не следует: уже поздно, а вся опасность со стороны сердца. Легкие будто бы все покрыты гноем; в нижних частях уплотнение, все это не дает работать правильно сердцу.»

«Берите пример с меня, до чего я живуча и не ропщите на ваши немощи.»

«Знаете ли, какое теперь мое лучше развлечение? —Сны. Например, эту ночь я не могла лечь из-за сердцебиения, а провела ее в кресле, облокотясь на стол. Засыпала раз двадцать минут на пять. И вот несколько раз мне повторялся один и тот же сон. Снилось мне, будто я лечу с быстротою вихря на каком-то летательном снаряде, сажени на три от земли. Летаю кругом Даровой ночью. В окне Наташиного флигеля огонь. Я вижу вас за чайной обстановкой. Я правлю машиной, как лошадьми, т. е. держу вожжи в руках. Подъехав к крыльцу, хочу остановить машину, но никак не слажу с ней: она быстро пролетает мимо. Когда я проезжаю за рощей, мне делается жутко от вида старого кладбища, а когда подлетаю к флигелю, то весело. Вот, думаю, сейчас остановлюсь и напьюсь с вами чайку. Но машина опять пролетает мимо и страшно свистит. А это свистит у меня в сердце.»

Болезнь Н. А. почти лишила ее возможности давать частные уроки и тем самым подорвала ее материальное положение. Что же касается мужа Н. А., то он уже давно ничего не зарабатывал и даже не получал никакой пенсии.

Из писем Н. А. Профорансовой к сестрам (22).

«Не знаю, как я не сошла с ума эту зиму от скуки. Ведь я ни разу никуда не выходила. Когда было холодно, я болела, — а когда стало тепло, не в чем выйти. На моем драповом локти продрались; светятся насквозь. Ведь я сижу на балконе на локтях.»

«Отчего это мы так по-дурацки устраиваем себе жизнь? Смолоду мы не думаем о старости. Сыплем и деньги и труды и направо и налево. А под старость сами идем с ручкой. Скольких я учила бесплатно! Скольким помогла стать на ноги! А обо мне ведь никто не вспомнит. То же будет и с тобою. Пользуйся этим уроком и мотай на ус.»

«Я раньше писала Зинаиде Петровне все, что взбредет на ум. Выходило: «Что у кого болит, тот про то и говорит». И вот, вероятно, настроенная моими письмами, она присылает мне к

празднику 25 р. Я, конечно, на другой же день отослала ей их обратно. Вышло так, как будто я сама подала ей мысль прислать мне эти деньги. Она, вероятно, обиделась. Вперед надо писать с оглядкой.»

Нат. А. Иванова. Письмо к Н. А. Профераисовой 29/III 1909 г. (22)

«Меня безпокоит твоя материальная необеспеченность и я при первой возможности (со стороны дорог) пришлю тебе денег. Пишу это совершенно просто, так как у меня нет Вашей Ивановской щепетильности и мне кажется, что, если бы я, как ты, внезапно лишилась работоспособности без всяких сбережений, то имела бы полное право расчитывать на поддержку от своих родственников, находящихся в более благоприятных условиях.»

Из писем Н. А. Профераисовой к сестрам (22).

«Наташа в сентябре прислала мне 25 р. и пишет, что не сшила себе осеннего пальто, денег не хватило. Значит, из за этих 25 р. она отказала себе в осеннем пальто. Странная манера благотворить. Я, конечно, написала ей, чтоб она больше мне никогда не высылала: такая жизнь, как моя, не стоит таких жертв. Она, конечно, обиделась. Но я не могу иначе. Я всегда все говорю под первым впечатлением. Может быть это не хорошо, но выходит искреннее. Если же дать себе возможность обдумать, то выходит дипломатично, фальшиво и противно.»

Нат. А. Иванова. Письмо сестре Ольге (22).

«Получивши такое письмо от Нины, я проревела целых три дня, да и теперь еще реву, когда пишу тебе об этом. Ей же я, конечно, ни строки с тех пор, да и никогда она не дождется больше от меня ни пол-слова.»

Н. А. Профераисова. Письмо к сестрам (22).

«Наташа на меня все еще дуется и ничего не пишет. Я первая писать ей не буду, потому что от того, что я ей написала, не откажусь; значит и извиняться перед нею мне не в чем.»

Вопреки всем жизненным обстоятельствам — болезненности, материальной необеспеченности, неблагоприятной семейной обстановке, душевному одиночеству, неудовлетворенному инстинкту материнства — Нина Александровна все же не утрачивает склонности к веселью и чувства юмора, о чем говорят многие места ее писем, например:

«Я вообще нынешний год хуже хожу, очень задыхаюсь. Здесь не в моде ходить ученицам к учительнице, а учительница должна бегать на уроки, тогда дороже платят... Что то я нынешнюю зиму совсем раскисла. Чуть поговорю громко и долго, так кровотечение сердечное (одною кровью). Из легких оно бывает жилками. Но настроение стало жизнерадостное, так бы и взбрыкивала целый день.»

«Из гостей у меня никого не было... Впрочем была Алексеевна. Мы тоже хотели с нею танцовать и играть в petits jeux, да против этого восстали неожиданные препятствия: у ней в виде ее 70 лет, а я забыла купить себе подушку кислороду и повесить на шею. А без этого украшения я не осмелилась бы даже пройтись в полонезе.»

«И чего вы только смотрите. Плясали бы вчетвером русскую. Жаль, меня нет; а то я бы играла на рояли, а вы бы танцовали в две пары. Танцы у меня вышли бы и экспромтом.»

«С Михаилом Павловичем жизнь становится невозможною. Ругаемся все из-за Феклы. Нападает на нее из-за пустяков, а я не даю в обиду, ну и столкновение. А Фекла ходит и улыбается... Не знаю, что делать с Феклою. С Мих. Павл. она не уживется, а поступать больше никуда не хочет.»

«Я теперь ем обязательно каждый вечер гоголь-моголь из трех желтков, а желтки содержат в себе вещество служащее для образования кровяных шариков и мозга. А того и другого у меня сильно убавилось от духовной близости с Феклою.»

«Дорогая Джульета! Благодарю за письмо. Рождество страшно проскучала. Была у хозяев, но там еще скучнее. Новый год встречали вдвоем. Выпили по глотку вина, съели по два пирожных, пожелали друг другу 200000, которых не выиграли, и разошлись по постелям. Я могла бы конечно встретить новый год более достойным образом, отправившись ко всенощной, как все здесь и делают, но, зная церковные обычаи, воздержалась. Давка в соборе была ужасная! Одиноким и холостым людям более простительно подвергать свою жизнь опасностям, но ведь я оставила дома мужа и шесть птичек! Слуга покорный! Принимая

это в расчет, я никогда не вхожу в церковь, а стою в притворе с нищими. Но ты не думай, что это плохие люди, и не корчи презрительной мины. Плохими они не могут быть уж в силу того, что не пропускают ни одной церковной службы. Все это питомцы церкви, а не блудные дети. Понаблюдай за ними и ты заметишь в них черты их характера, которые могут быть привиты только отцами церкви. Вот какие то две женщины поссорились из-за неподеленного гроша и жестоко сцепились. Но будучи очень сдержанными и воспитанными в строгих семьях, они ограничились только тем, что вырвали друг у друга несколько клочков волос, а одна из них, вдова, дошла в своей кротости даже до того, что избрала оружием свои собственные ногти. Ведь этакое великодушие! Как поучительно такое самопожертвование для прихожан! После того я вполне понимаю негодование одной женщины из притвора, когда кто-то принимая меня за одного из притворных членов церкви, подал мне грош. Разумеется, я поторопилась передать ей полученную лепту. Оказывается, чтобы попасть в члены притвора, надо стоически отказываться от всякого заработка. Пусть это будет между нами, но признаюсь тебе, что я льщу себя надеждою, что скоро попаду в члены притвора. Но все еще сомневаюсь. Дело в том, что орден притвора требует добровольного отречения от труда, а не вынужденного, а ведь я могу принести ему в дар только вынужденное.»

3/IV 1914 г.

«Напишите, как встретили святую. Если не получу на первый день от вас писем — объемся слезьми. А хорошо бы съесть кусочек ветчинного сальца, горячего, прямо из печки! Небось, и ветчину будете жрать, ненасытные утробы! Плотоядные! Хищные!»

«... Жаль потерянного времени. Да и так сказать — чего его жалеть-то, раз оно меня не жалеет. Избороздило всю морду морщинами, да и седых волос порядочно примешало к моим чудным локонам, а ты его жалей! Слуга покорный! Отныне оно само по себе, а я сама по себе. Самая поскудная вещь на свете это время. Зудит и зудит над ухом: «Ты уже не молода, считай каждый миг и дорожи им». А попробуй, ухвати его за хвост: ты же останешься позади, а оно уже далеко впереди... Итак мы на новой квартире. В ней есть и преимущества перед старой, есть и дефекты, как всегда водится. На старой квартире кровать, несмотря на мой малый рост, была очень коротка. Ноги мои про-

совывались сквозь стенку кровати и до колен торчали на воздухе. В ногах кровати стоял рукомойник, и когда Мих. Павл. умывался, то часто пользовался моими ногами, чтобы вешать на них полотенце; но чаще всего, умывшись, он стряхивал на них излишнюю воду с рук. Ощущение не из приятных. Теперь же кровать у меня и широкая, и длинная и мягкая. На прежней был такой тюфяк, что я под утро не могла отличить себя от Варвары мученицы, которую во время пытки клали на острые гвозди. Встав с постели, я постоянно смотрела в зеркало, нет ли у меня над головой сияния. Теперь же я утопаю на пружинном матрасе и просыпаю до 9 утра, вследствие чего не могу отделаться от сознания крайней греховности.»

«Милыя Витя, Оля и Боря! С праздником вас и наше вам с хвостиком. Как вы поживаете? Слышала я, что вы уж очень заботитесь о моем здоровье. Нате вам! Жива я, здорова, взбрыкиваю, хотя и немного покашливаю. Но вы об этом не очень сокрушайтесь. Бог милостив: не оставлю вас сиротами. А если и умру, вы не будете в накладе: наследство оставлю вам большущее!! Одних старых башмаков двое, да новые одни, да двое калош и из белья есть кое-что. Вот насчет платьев маловато, два только; так на счет их вот вам мое распоряжение: в одном (зеленом) меня положить, а другое (черное) отдать той сестре, которая будет лучше всех причитать. Вот из-за летней ротонды, боюсь, сестры не поссорились бы. Всяко бывает.»

Тема самоубийства, вообще очень характерная для целого ряда представителей рода Ивановых, часто повторяется и в письмах Нины Александровны, то в форме шутки, то более или менее серьезно.

«Такой жизни, вечного недоедания, трепетания за уроки и такого режима я долго не вынесу. Натура у меня живучая, но за то и море под рукою. Анна Каренина видела во время кошмара железо, от которого и погибла, а я вижу постоянно море. Да уже все порядочно надоело [1].»

«Пока работаю через силы. Когда сил не хватит, то придется бросаться в море.»

«Приезжайте скорее, а то я с тоски брошусь в море; а я туша не маленькая, и море непременно выступит из берегов и как бы оно и всю Ялту не слизнуло.»

«Погода здесь стоит отвратительная: дожди, дожди и дож-

---

[1] Большинство писем последнего периода жизни Н. А. написано в Ялте, где она лечилась и давала частные уроки.

ди. Если еще продолжатся, то придется окончить жизнь самоубийством.»

Иногда в одном и том же письме содержатся, как мысли о самоубийстве, так и желание «отжарить трепака.»

«Такая жизнь надоела до чертиков. Главное, ничего не могу работать. На локтях мозоли. Сплю на коленах и на локтях, потому что иначе болит спина. Ну, что это за жизнь. Бросила есть мясо, потому что оно вредно для почек. А на душе ведь совсем не то. Так бы и отжарила трепака, если бы не спина и одышка... Тоска здесь смертельная. Если еще надо будет долго вести такой образ жизни, то уж лучше покончить с собою. Из-за чего биться. Лучше не будет, а только хуже.»

М. П. Профферансов. Письмо к Ю. А. Ивановой от 24/XI 1914 г. (22).

«Никак не могу оторваться мыслями от дорогой Нины; ведь здесь на каждом шагу все напоминает ее: вот ее записные, памятные книжки, вот засахаренные фрукты, вот банки с вареньем и т. д. и т. д. без конца — везде — всюду ее заботливая рука. Точно чуяла она свою близкую смерть. Да, теперь припоминается, что она действительно чуяла, но мне не говорила, вероятно, не желая расстраивать меня да и себя.»

268. Проферансов Михаил Павлович. Муж предыдущей.

Сын священника. Имел собственный дом в г. Раненбурге Рязанской губ. Страдал сухоткой спинного мозга. В декабре 1914 г. находился на излечении в Окружной психиатрической лечебнице в селе Мещерском Московской губ.

М. А. Иванова (29).

Человек крайне скупой и вообще несимпатичный.

О. А. Иванова (29).

Очень черствый, скупой, раздражительный и неприятный человек.

Ел. А. Иванова (28).

«О Михаиле Павловиче я знаю очень мало. Слыхала только, что наши всегда говорили, что у тети Нины страшно неудачный брак, так как у Михаила Павловича невозможный характер, он страшно мелочен, скуп, придирчив.»

Будучи женихом, М. П. Проферансов пишет своей невесте, Н. А. Ивановой: «Кто-то мне говорил: кто из них будет поку-

пать обручальные кольца; я на это ничего не мог ответить, потому что не знаю обычаев. Я думаю, это решительно все равно. Если нужно обязательно мне, напиши об этом: я озабочусь, во-первых, чтоб добыть деньги и, во-вторых, покупкою...

Н. А. Проферансова. Письмо сестрам Юлии и Ольге (22).

«Вчера были учительницы... Михаил Павлович с Юсовской чуть не вступили в рукопашный из-за несогласия политических взглядов. Они до того увлеклись спорами, дошли до того, что стали высовывать друг другу языки и передразнивать друг друга, не обращая внимания на наш хохот.»

Н. А. Проферансова. Письмо сестре Ольге (22).

«Смешно нам показалось, Оля, твое пожелание встретить повеселее новый год! Вот уже лет 20 встречаем мы его одинаково, и даже на ум не приходит разнообразить эту встречу как-нибудь. Каждый из нас двоих сидит в своей комнате и читает какую-нибудь книгу. Без 10-ти минут 12, Михаил Павлович наливает 3, 4 рюмки вина для нас и для прислуги, ровно в 12 мы выпиваем их, поздравляем друг друга, съедаем пирожного и расходимся на боковые. Одинаково из года в год.»

М. П. Проферансов. Письмо Ю. А. Ивановой (22).

«Погода у нас, вероятно, не хуже, чем в Брянске. Я думаю, что здесь климатические условия несколько лучше, а главное мы здесь живем панами, т. е. я разумею — здесь у нас свой дом, не буду спорить, может быть, он и не важный, но он дорог нам, в нем так уютно, мы здесь чувствуем себя владыками. Вот, например, сейчас, — при нашем доме, как Вам известно, есть очень порядочный садик. Если Вы имеете хорошую память и прекрасное воображение, то несомненно Вы можете представить, какая прелесть сейчас в саду: все оживает, все расцветает. Ведь это такая роскошь, такая услада, такая красота, какую никакое богатство, ни сила не могуть дать. Дом этот, кроме того, дорог для нас потому, что мы здесь чувствуем себя господами, что нас никто не смеет потревожить, что если в нем что-нибудь не по вкусу, то мы можем по своему усмотрению переделать. А впрочем мысль о продаже у меня была и раньше, но пока еще не хочется продавать. Это всегда можно сделать.»

М. П. Проферансов. Письмо к жене 2 мая 1909 г. (22).

«Вообще живется тоскливо. Думается, что так жить не стоит. Жизнь должна иметь что-нибудь приятное, для кого-либо или для чего-либо нужное. А если этого нет, то это не жизнь будет, а прозябание какое-то. Ну, я пустился в философию, кажется.»

Некоторые из близких родственников М. П. Проферансова еще более сгущали ту безрадостную атмосферу, которую распространял он вокруг себя.

268. Проферансов Николай Павлович. Брат предыдущего. Умер летом 1913 года.

Н. А. Проферансова. Письмо к матери (22).

«У нас теперь живет Николай Павлович. Он болен и с каждым днем делается все хуже и хуже. На службу он уже давно не ходит, пользуясь отпуском. Болен он меланхолией, а по моему, просто сумасшествием. Представьте тебе, что весь пост мы не слыхали от него ни слова. Стоит и смотрит в окно. В крайнем случае изъясняется жестами. Просто тоску нагоняет. Хоть бы уехал поскорей в деревню.»

Н. А. Проферансова. Письмо к сестре Юлии (22).

«Николай Павлович прямо наказание божие. Даже страшно жить с ним. Ты знаешь, что он замахивался обухом на Михаила Пвловича и постоянно показывает ему кулаки. Боюсь, что он в одну прекрасную ночь всех нас перережет.»

«Николая Павловича мы отправили в Рязань в больницу, но не знаю, долго ли его там продержат.»

269. Иванова Екатерина Александровна. 253/254.

Род. в 1858 г. (приблизительно). Жила года 3—4. Умерла от горловой болезни (жаба или дифтерит).

270. Иванов Алексей Александрович. 253/254.

(7/I 1860—9/VIII 1921). Учился в Рославльском техническом училище. Служил на постройках железных дорог. В 1886 г. работал на постройке батумского порта. Последние 12 лет жизни был старшим ревизором материальной службы Моск.-Казанской

жел. дор. Всю жизнь был здоров, но за два года до смерти заболел диабетом. Умер от «старческой слабости и миокардита»[1].

Ю. А. Иванова (29).

Отец был способен на неожиданные поступки. Так например, из-за ничтожного повода он оставил очень выгодное, материально его обеспечивавшее место. Поводом послужила небольшая неприятность с начальником, которая, однако, задела самолюбие и чувство собственного достоинства отца. Другой службы у него не было и он долгое время после этого находился в тяжелом материальном положении. Все это, впрочем, не помешало отцу, после ухода со службы, сохранить со своим бывшим начальником хорошие личные отношения.

М. А. Иванова (29).

Замечательно хороший семьянин.

Е. А. Иванова (28).

«Главной характерной чертой отца, сразу бросающейся в глаза, была его необыкновенная выдержанность. Я, кажется, никогда в жизни не слыхала, чтобы он повысил голос. В детстве, когда мама говорила нам: «папа обижается...» или: «папа сердится...», мы с удивленьем спрашивали: «Да откуда же ты это знаешь?» Для нас, детей, при необыкновенной выдержке отца это было совсем незаметно... Даже в последние годы, при сильно развившейся тяжелой истерии у мамы и невозможных выходках младшего моего брата — отец не терял внешнего равновесия. Но, будучи сам в высшей степени выдержанным, он и нас хотел видеть такими же... При этом папа никогда не говорил, что он недоволен чем-нибудь. «Сама должна знать. Не первый год вместе живем», — говорил он... И этим требовал неустанной заботливой внимательности... Сам он был таков и этим заставлял других итти тем же путем...

У отца была какая-то преувеличенная любовь к семье, можно сказать погубившая нас. Мы воспитывались под стеклянным колпаком. Чтобы охранить нас от дурных влияний, ни к нам в дом никто не допускался, ни нас никуда не пускали (в первую половину жизни, пока мама была молоденькая, жили очень широко — но потом, когда мы стали подрастать, жизнь наша была до крайности замкнутая). Мы только видели людей, но не имели с ними дела, и в результате, когда к 25 годам мы вышли в жизнь, ли-

[1] По отметке в больничном листке.

шившись отца, у нас получился целый ряд тяжелых внутренних конфликтов — благодаря идеалистическо-фальшивым представлениям о жизни.

Отец всего себя отдавал семье. И у нас тоже был своего рода культ отца. «Папа хочет» — было законом. Возражать считалось недопустимым. Как мучилась я, ставши взрослым человеком и увидав, что я не могу думать и верить, как отец. В годы революции отец очень боялся, что с нами случится что-нибудь, и поэтому никуда не пускал нас. Мне тогда было 22—23 года, я задыхалась под стеклянным колпаком, мне хотелось видеть жизнь. И обыкновенно, если я шла на какую-нибудь лекцию или вечер, у нас выходила ссора с сестрой Наташей. «Разве тебе трудно остаться? Ведь ты видишь, что папа это хочет...» всегда говорила она. И когда я почувствовала, что не могу подчиняться этому закону, у меня начался внутренний разрыв с сестрами...

Как мы жили дома последние годы. Сейчас с улыбкой вспоминаешь об этом. И больно, и смешно. Мне было 24 года, когда я в первый раз в жизни осталась одна в комнате с незнакомым человеком, случайно зашедшим товарищем брата. И я так растерялась, не знала, что мне говорить, что он счел меня за 17-летнюю девочку. Если мы (девушки 22—24 лет) к 9 часам не приходили домой, папа уже, волнуясь и мучаясь, с шапкой в руках, ходил по комнатам, собираясь итти нас встречать и воображая всякие ужасы. У него после маминой смерти в 1917 году появились болезненные страхи за нас, которые иногда прорывались даже сквозь его выдержку.

И вместе с тем отца совсем нельзя было назвать замкнутым человеком. Он был общителен, добродушен, весел... Он любил общество (но нас прятал от людей из-за преувеличенной любви к нам). Был хороший рассказчик — и всегда умел быть в центре общества. Знаком он был со множеством людей. У него была разъездная должность (старший ревизор материальной службы Моск.-Казанской ж. д.). Всегда в разъездах, всегда на людях...

Необходимо отметить еще реалистический, добродушно-насмешливый склад ума отца. Эта насмешливость — наша общесемейная черта (она у нас согласуется с сантиментальностью, доставшейся от матери). Он легко подмечал комическую сторону всякого явления и вышучивал ее... Любил иногда поддразнить и посмеяться. У нас с сестрой была одна подруга, взрослая барышня, совершенно непонимавшая шуток, хотя очень неглупая. И обыкновенно, когда она приходила, папа с самым серьезным видом начинал рассказывать какую-нибудь невероятную историю и спрашивал: «Варя, Вы не знаете, почему это так?» А Варя про-

стодушно старалась выпутаться... Любил он поддразнивать маму, сестру Аню — потому, что они не умели отшучиваться... В нас, остальных, тоже сильна комическая жилка, и нас не поймаешь таким образом...

Характерна феноменальная память отца[1]. В 60 лет — когда он делал управляющему дорогой доклады о положении с материалами на всей дороге — он по памяти без всяких бумаг мог сказать, на каком складе какое количество материалов любого сорта — это составляет сотни разнообразных цифровых данных. Он слегка кокетничал своей феноменальной памятью. Управляющий, пока не привык к этому, сперва сердился: «Да Вы мне цифры не из головы давайте, а фактические справки...» Папа посмеивался, звонил к начальнику канцелярии и просил принести отчеты... И никогда не случалось, чтобы он ошибался — так что все привыкли к его отчетам без вспомогательных записок... Стоило ему раз в жизни прочесть книгу, он на всю жизнь запоминал ее до мельчайших деталей. Он всегда удивлялся, когда мы не помнили какой-нибудь подробности в наших любимых книгах... «Я, ведь, больше 40 лет назад читал — и помню... А вы забыли...» всегда укорял он нас...

У него была громадная фантазия (реалистического направления, как и весь склад его ума). Он много времени уделял нам, детям. По вечерам нашим любимым развлеченьем были папины сказки. Обыкновенно (часто в течение нескольких месяцев) тянулся один рассказ на подобие «Детей капитана Гранта» о нашем путешествии вокруг света, причем детали никогда не повторялись.

Отец очень любил музыку и сам самоучкой играл на скрипке. Насколько хорошо — судить не берусь. Последние годы, когда я стала взрослой и стала более или менее понимать музыку, он уже бросил скрипку. В детстве же мне казалось, что он играет очень хорошо. Также хороша была его музыкальная память... Он сразу узнавал вещь, слышанную им много лет назад.

Он хорошо рисовал карандашем и масляными красками. У нас в доме было много больших картин, рисованных им — главным образом копий с Айвазовского. Последние годы, после зимы, проведенной в Крыму, он любил рисовать крымские виды...

---

[1] Из братьев и сестер Алексея Александровича Иванова очень хорошей памятью отличались также: Софья, Мария, Виктор, Ольга и Владимир. *Прим. О. А. Ивановой.*

Хорошо удавались ему и разные ремесла, за которые он принимался — но не в серьез, а так, чтобы сделать одну вещь. Помню, как-то он делал синюю бархатную раму для одной из своих картин — и потом раз вздумал сшить кожаные туфли. Вторично приниматься за ту же работу ему не захотелось — но первая попытка была более, чем удачна. Вообще ему удавалось все, за что он принимался.

Его страстью были цветы. Когда мы жили в Житомире, у папы была своя оранжерея, и он все свободное время отдавал ей. Он умел выращивать какие-то необыкновенные гиацинты, выписываемые им из Гаарлема, по какому-то особому способу, так что на одной луковице сразу распускалось 7 султанов. Даже в лучших московских садоводставх я не видала ничего подобного. У нас всегда оставалось впечатление, что папа все умеет, все может, все ему удается. (Почему-то еще у него и у брата Андрея какое-то слепое счастье в лотерее — и это на нас в детстве производило большое впечатление. И здесь у папы лучше, чем у других). Может быть, здесь влиял еще контраст с мамой — такой неумелой, беспомощной, с которой надо обращаться, как с ребенком. Папа все деньги отдает маме, а у нее никогда ничего нет, она вечно боится, как мы будем жить, всегда тревожна и т. д. Папа же всегда весел, спокоен, уверенно смотрит вперед, всегда тратит массу денег — словом при нем легко живется. (Как потом я узнала, часто он, приезжая домой, на последние 3—5 рублей покупал нам пирожных и конфект, чтобы всегда сохранять о себе одно и то же впечатление...).

В отношении неуменья жить — и папа, и мама были одинаковы. Папа много зарабатывал, но у нас никогда не было денег — ни папа, ни мама не умели рассчитывать... Но папа при этом всегда был весел и спокоен, а мама опечалена и вечно нервничала... В результате у нас были горы конфект и игрушек — и рваные чулки и рубашки. Редкий год у нас не было — небольших правда, но все-таки долгов.

Я еще не отметила некоторого консерватизма отца... Он не любил новых форм в жизни, сторонился их, не хотел даже знакомиться с ними... Особенно ярко это сказывалось в его литературных вкусах. Вообще он очень любил читать. Но литература для него кончалась Чеховым. Дальше он ничего не хотел знать... Может быть, в этом сказывался практический характер его ума — но он особенно не любил Метерлинка и Гумилева, которыми увлекалась я в гимназии. Обыкновенно, когда отец начинал насмешливо отзываться о современных поэтах, мы пытались робко

возражать: «Да, ты, ведь, Бальмонта не знаешь...» — «И знать не хочу, потому что ерунда», отвечал он. Иногда я или брат Юрий читали вслух стихотворение, не называя имени автора, и когда папа хвалил его, мы указывали: «Да, ведь, это Бальмонт». «Ну написал по ошибке хорошее стихотворение...» Спорить и противоречить мы не решались и каждый оставался при своем мнении.

По складу ума отец не должен был быть религиозным. Я не знаю, был ли он им. Он сам под большие праздники ходил в церковь и любил, чтобы ходили мы. Но мне всегда казалось, что он делает это просто как-бы исполняя известный долг вежливости, из уважения к существующему общественному строю. У исповеди он не бывал (кроме последних двух лет жизни). С нами о религии не говорил. Но это, может быть, происходило и потому, что в нашей семье было воспитано сознанье, что долг и поведенье порядочного человека сами собой ясны. Говорить о них — значит сомневаться, значит унижать.

Его мечтой всегда была жизнь в маленьком провинциальном тихом городке или в имении. Он всю жизнь мечтал купить имение и заняться сельским хозяйством [1].

Теперь еще одно — то с чего может быть, надо было начать. Это громадное чувство долга, какого я ни в ком не встречала. Это наследственное. По рассказам — этим отличался его отец, затем перешло к папе, у нас в семье — к Наташе и, пожалуй, сильно сказывается во всех нас. В сестрах сильнее, чем в братьях. И поэтому кажется таким обидно нелепым конец его жизни. В 1920 году большая часть Управления Восточного отдела Казанской дороги была арестована. В том числе и папа. На суде папу, конечно, оправдали.

В то время как железнодорожные инженеры на разных спекуляциях наживали миллионы, папа занимал одно из лучших мест — и никогда в жизни не имел ни одной нелегально заработанной копейки, так что мы с громадным трудом перебивались кое-как. Многие товарищи по службе уговаривали папу поступать как все — пользоваться тем, что он имеет отдельный собственный вагон для разъездов и привозить для продажи продукты из дешевых местностей. Папа всегда неизменно отвечал, что он никогда в жизни не наживет ни одной копейки на голоде — как бы тяжело не приходилось жить самому. Я знаю, что если бы он захотел, он смог бы нелегальными путями без всякого риска для себя нажить состояние. Мы нищие. Так оно и должно быть..

[1] Сходство с братьями Александром и Виктором.

Еще одна характерная для нашей семьи черта — привычка не считаться с чужим мнением. Я знаю, что я права. Я есть я. Себя не стыжусь. Не считаю нужным что-либо скрывать. Может быть, моя искренность вытекает из гордости настолько же, как и из легкой возбудимости чувств и несдержанности. У папы была спокойная уверенность в себе. У меня она утрирована, благодаря сильной эмоциональной возбудимости. В депрессивные периоды — это в скрытом от людей состоянии, наружное смирение при большой внутренней гордости.

Внешность папы. Широкий, среднего роста. От 40 до 55 лет приблизительно, очень полный, к 60 годам после диабета очень худой. Правильные красивые черты лица, мягкие вьющиеся волосы, карие глаза.»

Ел. А. Иванова. Письмо О. А. Ивановой 21/I 1922 г. (22).

«Если бы папочка был жив, все остальное было бы пустяки... Его смерть до конца жизни будет самым больным местом для каждого из нас...»

271. Дьякова, п. м. Иванова, Надежда Александровна. Жена предыдущего.

(1870—1917). В замужестве приблизительно с июля 1891 г. Умерла от паралича сердца во время истерического сна.

М. А. Гордина (29).

Страдала какими-то тяжелыми нервными припадками на истерической почве. Человек очень безвольный. Умерла во время одного из припадков.

М. В Иванова. Письмо О. А. Ивановой 25/V 1914 г. (22).

«Нина Александровна пишет, что Надежда Александровна сошла с ума. Это ужасно и как теперь дети бедные и Алексей Александрович свыкнутся со своим несчастьем.»

Е. А. Иванова (28).

«Отец моей матери был бухгалтером на железной дороге. У его жены Евдокии Яковлевны (урожд. Громовой) было несколько человек детей; часть их умерла в детстве. До совершеннолетия дожили трое: 1) Алла, 2) Надежда (моя мать), 3) Александр. Алла умерла 27 лет от воспаления легких. Повидимому, у нее была сильная истерия, хотя в характере ничего истерического не было. Она была очень спокойна и выдержана. В детстве страдала лунатизмом. (Эти же явления были и у моей сестры Вари). Затем она за 7 лет до своей смерти назначила день,

в который она умрет. У нее была неудачная личная жизнь, дедушка не позволил ей выйти замуж за любимого человека, но все-таки, как говорила мама, здесь невозможно предполагать самоубийство. Вернее всего, сильное истерическое самовнушение. Страдала базедовой болезнью.

Александр был явно дефективным, с сильным вырождением нравственного чувства. В детстве он был страшный шалун и лентяй, и несмотря на все усилия родителей не мог кончить среднего учебного заведения. Был большой врун и хвастун. Мама очень не любила своего брата — и выйдя замуж, с ним сношений не поддерживала.

Прежде чем говорить о маме, скажу несколько слов о ее родителях. Многие черты ее характера объясняются средой, в которой она росла. Дедушка был очень плохой семьянин. Он много кутил и играл в карты, и часто случалось, что он проигрывал все до последней копейки, вся обстановка продавалась и семья несколько месяцев ютилась в каморках, пока на время не наступал хороший период (дедушка много зарабатывал) — но до нового проигрыша. Вообще семья была очень безалаберная, и это сильно сказалось на мамином характере. Бабушка была кроткое, забитое создание, которое никогда не смело поднять свой голос. Она умерла, когда маме было лет 17 [1].

Мама кончила петербургскую Мариинскую гимназию, потом уехала на Кавказ, где служил ее отец, и года два служила на железной дороге. 21 года она вышла замуж за моего отца, который был на 10 лет старше ее. Для матери это был очень счастливый брак — благодаря необыкновенно хорошему характеру отца, и во все 26 лет ее замужества у нее сохранялось влюбленное чувство к отцу. Меня всегда в ней поражало что-то детское, не похожее на взрослого человека. «У нас мамочка моложе нас», говорили мы, три старшие дочери.

Мама много времени уделяла нам, детям — но я сказала бы, что это было скорее похоже на игру в детей, чем на действительное разумное воспитание. Мама возилась с нами, шила модные платья нашим куклам, читала нам сказки и рассказы — но все это было в равной степени интересно и ей и нам. В нашей детской жизни гораздо большую роль играла старушка няня, вынянчившая нас — так что сестра Ната, когда ей было года

---

[1] В генеалогическом материале, собранном в Психиатрической клинике Казанского университета о роде Ивановых, относительно этой бабушки Е. А. Ивановой есть указание, что она страдала «нервной горячкой». (А. Р Лурия. История болезни Е. А. Ивановой).

3—4, всегда уверяла, что она «папина и нянина дочка». Няня — это было что-то свое теплое и уютное — а от мамы из детства осталось воспоминанье: хорошенькая, нарядная мама с удивительными белыми пальчиками, которые так приятно целовать... Затем связь: мама и гости... В это время мы широко жили, мама любила развлеченья, театр и часто выезжала. Во вторую половину жизни, когда семья увеличилась, а средства уменьшились, стали жить замкнуто, мама стала ближе к младшим детям — но все-таки и к ним, как взрослый человек, она подойти не умела.

Характерными для нее были какая-то безалаберность и чувство беспомощности. Отец хорошо зарабатывал, рублей 300—400 в месяц, на себя ничего не тратил, а у нас в доме было какое-то хроническое безденежье из-за неуменья распорядиться. Часто не хватало самого необходимого, а шоколада и конфект было в избытке... Отец постоянно был в разъездах по службе и при малейшем денежном затруднении или какой-нибудь пустой неприятности ему писались письма, где все представлялось в тысячу раз худшем виде — так, как это рисовалось маминому воображению. Любя отца, она с этой стороны не заботилась о нем. Когда я стала взрослой, я пыталась уговаривать маму не поступать так, но только слышала в ответ: «Ты еще ничего не понимаешь... Мы привыкли всем делиться...» Эта мамина черта доставляла отцу много лишних тяжелых минут.

После смерти в 1901 г. сестры Оли у мамы развилась сильная истерия, какой-то мучительный страх, ожиданье надвигающегося несчастья. И этим страхом она заражала нас — у меня до 1921 г. (года нашего семейного краха) преобладающим чувством было ожиданье несчастья, чего-то фатально неизбежного. (Отсюда и все бредовые представления во время перенесенного мною психоза). Приблизительно с 1913 г. у мамы начались сильные припадки судорог, продолжительностью до 3-х суток, после чего наступал истерический сон — и она месяца два после этого бывала сильно ненормальной. Она умерла от паралича сердца во время одного из таких припадков. Мы в это время жили в Рязани. Там есть психиатрическая лечебница — но когда с мамой случались припадки и ее отправляли в одну из лучших рязанских частных лечебниц — никто из врачей не мог определить, что это за болезнь — такой редкой по силе была она. Казанский проф. Даркшевич поставил диагноз сильной истерии.

Говоря о маме, надо сказать о двух привлекательных ее чертах — ее необыкновенной доброте и чувствительности. Ее так легко было растрогать, она старалась помочь, чем только могла.

У нас дома часто жили по несколько месяцев какие-нибудь бедные знакомые. Раз целую зиму жила дама с дочерью — это в то время, когда отец был без службы и нам жилось очень трудно. При рассказе о каком-нибудь несчастьи у мамы сейчас же выступали слезы на глазах и она долго не могла успокоиться. Вообще в ней в сильной степени сказывалась та черта, которая присуща почти всем нам, ее детям, и которую проф. Трошин, когда читал лекцию обо мне, харктеризовал, как «мимозную психику.»

...У мамы уже в то время, когда ее болезнь была сильно выражена, наблюдалась не ложь, нет, а скорее как я сказала бы, неумелое освещение событий. Она настолько сильно стала поддаваться своим впечатлениям, что при рассказе получалось неверное освещение, преувеличенье в ту или иную сторону... Это наблюдалось, когда мне было лет 17—18. У меня в это время был, я сказала бы, какой-то бред искренности, и я всегда ее поправляла: «Мама, да, ведь, вот как это было...» И зачастую я своими поправками расстраивала ее до слез. Она никак не хотела согласиться, что она неправа, а я была наивно-жестока в своем стремлении к искренности.

У меня есть две мамины карточки. Одна отражает ее «мимозное» я — она всегда бывала такая, когда ее что-нибудь тронет: большие открытые глаза и слезы в них — и закушенные губы. Другая не менее характерная карточка — мама-девочка... Она с двумя старшими детьми, но ужасно сама похожая на девочку... Такой она в сущности и была. В общем, о человеке нельзя судить, увидев его только в один момент его жизни — так и мало карточки, запечатлевающей только один момент.»

272. Иванова Ольга Александровна. 253/254

Род. 5 июля 1863 г. Преподавательница французского языка.

О. А. хорошо помнит Ф. М. Достоевского. Она всегда боялась его падучей болезни, которая ей почему-то представлялась в виде гоняющегося за ней белого привидения. Однажды, когда ей было лет 13, Фед. Мих. пришел к ним очень озябший. Он попросил теплый платок, закутался в него и сел на диван. Потом попросил сесть и ее рядом с ним, закутаться в тот же платок и «быть его печкой». Она послушалась, не подав виду что боится, и все время разговаривала с ним. В квартире никого кроме нее не было, и она страшно боялась, что вдруг сейчас с Ф. М. начнется припадок падучей.

В гимназии ученье давалось очень легко. Особенно любила математику. Любила сама придумывать задачи.

О. А. Иванова. Письмо сестре Нине (22).

«Я теперь начала большие белые лилии. К Рождеству, может быть, кончу. Совсем некогда рисовать...»

Н. А. Проферансова. Письма к сестрам (22).

«На-днях нашла Олин рисунок: море, скалы и чайки. Повесила на стену. Он почему-то мне сейчас понравился, а прежде очень не нравился.»

М. А. Иванова (29).

Очень общительная и веселая. Любит свою педагогическую работу. Много работала, как в городской, так и в сельской школе. Бессребренник. Всегда очень любила детей и страстно хотела иметь своего ребенка. В ее комнате еще задолго до того, как она взяла приемную дочь, уже красовалась чисто и красиво убранная пустая колыбелька. Обожала свою приемную дочь Катю, хорошую девочку, впоследствии окончившую гимназию с золотой медалью.

О. А. Иванова. Письмо к одной из сестер (22).

«...Нам будет всем очень весело. К 15 июня плотники обещают кончить дом. Вот тогда-то начнется самое веселье. Приедут Нина с Михаилом Павловичем, Соня со всем семейством; и кроме того Саша просит пригласить Колю и Сашу Голеновских. Будем все вместе праздновать новоселье.»

О. А. Иванова. Письмо сестре Наталье (22).

«Скука, я тебе скажу, меня обуяла смертная. Хотя бы умереть в ту-ж пору. Только и есть радости в жизни, что чтение. Ну что я за женщина! На что я нужна и кому! Замуж я не собираюсь. (Разве только в случае страстной любви с той и с другой стороны, что в наше время бывает только в исторических романах). А иначе что же остается в жизни — заниматься всю жизнь уроками и под старость остаться без угла и куска хлеба. Последнее еще ничего, кабы было к этому призвание и охота, но ее то и нет. Необходимо надо выигрывать 200.000. Тогда все эти жизненные загвоздки побоку. Купили бы мы с тобой деревеньку, да поживали бы помаленьку. Смотрели-ли вы последние выигрыши? Взяла бы я себе какую-нибудь новорожденную девчонку, да и воспитывала бы ее. Вот это мне вполне по сердцу.»

О. А. Иванова. Письмо сестре Нине (22).

«Вообще я так скверно чувствую себя нравственно, что и сказать не могу. Жизнь кажется такой бесцельной и никому не нужной, хоть пулю в лоб пускай. Что я за всю свою жизнь сделала и что еще могу сделать? Ну, положим, доживу я до старости. Буду одинокой старушонкой; некому даже накормить будет: так и сдохнешь как собака. Ведь тогда уже не хватит духу покончить свое существование.»

273. Иванов Владимир Александрович. 253/254

Род. 30 марта 1865 г. В молодости был офицером, но вскоре вышел в отставку. Со всеми Ивановыми был в ссоре и в течение 20 лет, до 1914 г., о нем никаких сведений не было. Жил в Барнауле, Томской губ., где работал частным поверенным. В 1917 г. был разбит параличем.

В. А. Иванов. Письмо к матери 22/X 1882 г. (22).

«Милая мамаша! В первых строках моего к Вам письма уведомляю Вас, что я достиг того, что я так долго желал: я первый ученик. Баллы мои следующие... Наверно это письмо сильно Вас обрадует.»

Владимир Александрович поссорился со всеми родными из-за наследственных прав на Даровое и Черемошню. В семье Ивановых братья отказались от своих наследственных прав на эти имения в пользу сестер, так как считали, что они имеют гораздо большие возможности самостоятельно добывать средства к жизни. Владимиру Александровичу в то время, когда он вместе с братьями подписывал это условие, было, как самому младшему, только 19 лет. Позднее он изменил свое решение и заявил, что его обманули, пользуясь его неопытностью в делах и молодостью. В результате он лет на 15—20 совершенно порвал всякие родственные связи. Затем он опять изменил свое отношение к семье и выразил свое желание помириться с родными. В это время он написал несколько покаянных писем к своему брату Алексею, но тот, несмотря на всю свою мягкость, на этот раз почему-то не пошел на примирение. Этот поступок Алексея Александровича так и остался совершенно непонятным для его детей, Юрия и Елены, со слов которых и передается весь этот семейный инцидент.

О. А. Иванова. Письмо к одной из сестер (22).

«Володя нашелся. Гимназия Фишер получила запрос на печатном бланке: «Не может ли гимназия сообщить адрес учитель-

ницы музыки М. А. Ивановой, которая преподавала в 1882 г. Частный повереный В. А. Иванов. Барнаул.» Маша забила тревогу, испугалась, как бы он не выкинул какого-нибудь фокуса. Не понимаю, чего она боится. Володя совсем не такой вредный человек, как она воображает. Она бы лучше припомнила, учинил ли он кому-нибуд обиду за все время своего детства и юности.»

Вл. А. Иванов. Письмо О. А. Ивановой. 9/IV 1914 г. (22).

«Дорогая сестра Оля!.. Прочтя твое искреннее и теплое письмо, я был поражен сохранившейся у тебя теплотою родственного отношения ко мне. Признаюсь откровенно, что я не ожидал от тебя такого сердечного ко мне отношения, ибо, порвав с семьею нашею всякие сношения, я был крепко убежден в том, что я в семье нашей не пользуюсь никаким сочувствием и что, даже наоборот, вся наша семья относится ко мне враждебно. Этим убеждением я живу уже свыше 20 лет и едва ли его изменю. В отношении тебя, Оля, оценив сердцем искренность и теплоту твоего письма, убеждение свое я резко меняю и открыто признаю, что, считая тебя враждебно настроенной против меня, я жестоко ошибался. И с этого момента я, как брат твой, должен с великою радостью заявить тебе, что сердце мое открыто для тебя. Не буду вспоминать, а тем более писать о том, что послужило причиною моего 20-летнего молчания. Ты, Оля, как безмолвная свидетельница ломки моей жизни в 1891—1893 годы, быть может, и догадываешься об этих причинах. Эти годины были для меня слишком тяжелы. Упорное 20-летнее молчание мое говорит за то, что эти годины являются для меня незажившими ранами... Не знаю, может быть я и ошибаюсь, но мне кажется, что Маша усмотрела в письме моем какой-то подвох. Не думает ли она, что я расчитываю устроить Нину у нее на квартире? Не думает ли она, что и оплата ее содержания в Москве ляжет тоже на нее? Очень сожалею, что написал ей о том, что Нина поедет в Москву. Лучше бы не писать! Ну! да дальнейшее разъяснит ее молчание. Авось я и ошибаюсь! Леля, узнав о месте жительства моего, прислал мне две визитных своих карточки, написав на них только лишь свой адрес. Эти две карточки, без единого живого слова на них, даже без очень бы подходящих слов «Христос воскресе» заставили меня вдаться в обсуждение их значения. И знаешь, Оля! Я пришел к заключению, что брат Алексей, знавший меня лишь со слов Виктора и Александра, которые все время имели обо мне ложное суждение и видели во мне какого-то неудачника и отщепенца, на правах родового старшинства соизволил указанием своего адреса дать мне право написать ему. Остановившись на этом

взгляде я высказал ему это в ответном письме, дав ему понять, что вопрос о родовом старшинстве, сглаженный нашими летами, потерял свое значение и, что если он смотрит на меня глазами Вити или покойного Александра, то откровенности от меня не дождется. Очень сожалею, что не поставил ему на вид тебя по твоим теплым письмам! Все-таки думаю, что брат Алексей будет обижен моим письмом и не вступит со мной в переписку. Ну! Это его дело! Приходится только сожалеть о ложно сложившемся взгляде его на меня.» [1].

Судя по многим письмам Владимира Александровича, у него была ярко выражена одна характерная черта, в той или иной форме, но довольно часто встречающаяся среди представителей рода Достоевских, а именно, склонность к подробностям. В качестве примера приведем несколько отрывков из его письма к сестре Ольге (лето 1914 г.). Отрывки эти касаются экзамена на частного поверенного.

«На служебной почве я очень близко сошелся с мировыми судьями, М. М. Красноложском и В. М. Герцман. С первым из них был знаком и домами. Оба они посоветовали мне держать экзамен на частного поверенного при Томском окружном суде, обещая мне свое содействие и обнадеживая меня в успехе. Оба они дали мне на имя председателя Томского окружного суда блистательные рекомендации, касаясь главным образом тех сторон, которые должны быть присущими адвокату. Этих двух писем вполне было достаточно для того, чтобы Окружной суд допустил меня до экзамена на частного поверенного. Но этого было еще мало, так как допущение до экзамена, как одна только формальность, ничего еще не предрешало. Нужно было обеспечить успех предстоявшего мне экзамена. Успех этот, с одной стороны, до некоторой степени мог бы быть обеспеченным точным знанием всех законов, а их столько, сколько звезд на небе, не говоря уже о решениях Сената, которые являются теми же законами, и которых на каждую статью законов в среднем приходится от 1 до 10. Втиснуть такую массу сведений за два месяца в свою голову я не мог, а потому и сознавал, что успех всецело зависит от слепого счастия, с одной стороны, а с другой, и главным образом,—от протекции и поддержки со стороны. Обсудив все это, я решил,

[1] Визитные карточки без всякой приписки Алексей Александрович Иванов посылал не только одному своему брату Владимиру. По крайней мере, старший из братьев Ивановых, Александр, пишет в одном из своих писем (к сестре Ольге от 28 декабря 1898 г): «Вчера получил по почте визитную карточку от Алексея. И хоть бы слово приписал!» Вряд ли, однако, подобного рода отправки визитных карточек делались Алексеем Александровичем, с каким-либо обидным задним умыслом, как это предполагает его брат Владимир.

что мне безусловно необходимо обеспечить себя и с этой последней стороны. Случай мне благоприятствовал. Родная сестра Маруси [1], Софья Васильевна, приезжавшая из Новгорода в Томск в 1898 году, здесь в Томске нашла свое счастие в лице делопроизводителя Томского Горного управления Митрофана Ильича Изосимова, за которого в 1901 году и вышла замуж. Семья Изосимовых, отец которых был уважаемым протоиереем в г. Томске, находилась в близком родстве с бывшим в то время председателем Омской судебной палаты А. А. Кобылинским. Вот к этому то последнему, через родного брата М. И. Изосимова — Иннокентия Ильича Изосимова, служащего в настоящее время нотариусом в Ново-Николаевске, я и обратился с просьбою о пропуске меня в частные поверенные. А. А. Кобылинский, ныне покойный, будучи еще до экзамена моего в г. Томске, обещал свое содействие...» [2]. Далее идет описание подготовки к экзамену и, наконец, описание самого экзамена: «На экзамен явился очень спокойным, сознавая свои знания достаточными. Экзаменаторов было 18 человек. Войдя в экзаменационный зал и видя перед собою весь этот трибунал, я сильно оробел и сразу упал духом. Первым мне задал вопрос председатель суда о компетенции мировых судей по делам гражданским и уголовным. Ответил блестяще. Затем начали предлагать поочередно члены суда и прокурорский надзор. Всего было предложено 24 вопроса. На 20 ответил хорошо, на три с помощью Герцмана, вытащившего, как говорится, меня за уши, а на последнем вопросе о сроках по уголовным делам, предложенном прокурором, с треском провалился. По удалении меня из экзаменационного зала началось совещание экзаменаторов. Прокурор настаивал на переэкзаменовке. Так как ввиду этого единогласие было нарушено, то общее собрание членов суда объявило мне, что я должен держать переэкзаменовку...»

Далее идет описание переэкзаменовки, которая была успешно выдержана.

М. В. Иванова. Письмо Ю. А. Ивановой 11/IV 1915 г. (22).

«Володя назначен в дружину, которая уже была в бою, и у него все время занято, так что он почти дома не бывает. Теперь еще стрельба началась и еще более работы, но он чувствует себя

[1] Жена Вл. А. Иванова.

[2] Необычайная детальность изложения может произвести впечатление, что описываемые события совсем недавно пережиты автором письма. На самом же деле Вл. А. пишет о том, что происходило уже 8 лет тому назад (в 1906 г.), так что некоторые из действующих лиц успели за это время умереть.

хорошо и командир считает его первым офицером в дружине по исправности и делу.»

М. В. Иванова. Письмо О. А. Ивановой IV/1914 г. (22).

«...Вы пишете, что страшно любите детей, должно быть это у Вас родовое, так как Володя тоже до болезненности любит своих всех ребят, кажется, я никогда не видела и не увижу, что отцы так занимались своими ребятами.»

274. Иванова (по мужу) Мария Васильевна. Жена предыдущего.

М. В. Иванова. Письмо О. А. Ивановой, IV/1914 г. (22).

«Я часто вспоминаю жизнь в Даровом после нашей свадьбы, как сейчас все помню, какие чудные ландыши были у Вас и какая масса; здесь же их совсем нет и как ни стараюсь я разводить, ничего не выходит, и какой-нибудь стебелек один расцветет и все, а это цветок мой самый любимый. Нам приходилось лет 8 подряд жить на даче около Барнаула, но разве может наш климат сравниться с Вашим. Не успеешь устроиться как следует на даче, как пойдут ночи холодные и сырые, и какие-нибудь месяца два— и вот лето кончается, а жду я его всегда ужасно, зиму же просто ненавижу.

Теперешняя служба Володи заставляет меня с Ниною зимою ночами не спать; отправишь его в дорогу, а потом и не спишь, все думаешь, как бы не замерз, как бы вьюга не занесла, и чего только не лезет в голову. Ведь поездки громадные. Бывает, что в раз до 1 000 верст сделать придется, останавливаясь на ночь только, а 300 и 400 верст, это уж пустяками кажутся.

Каких только неприятных казусов не бывает в дороге — то в полынью чуть не заедут, то с дороги собьются, то бураны, то с хулиганами встретиться придется, и, кажется, редкая поездка проходит без приключений. Мы же с Ниной обе очень нервные и потому нам очень тяжела бывает всякая поездка Володи.»

275. Иванова Наталья Александровна. 253/254.
(6 V 1867 — V 1923). Глазной врач, преимущественно глазной хирург. Умерла от порока сердца и ревматизма.

М. А. Иванова (29).

Ничего женского в ее характере не было. Отличалась твердостью, настойчивостью и бесстрашием. Любила с револьвером и собакой объезжать леса, охраняя их от порубок. Своевольная и капризная.

Имела хороший музыкальный слух. Много пела. Любила лошадей и верховую езду. Была крепкого широкого телосложения.

Н. А. Иванова. Письмо Е. Н. Ивановой (22).

«Ты спрашиваешь, что я читаю? Во-первых, я выписываю «Русское богатство», затем получаю «Всеобщую газету» с бесчисленными приложениями. Затем купила один сборник «Знания», да закаялась, больше покупать не буду, так как не выношу современных писателей во главе с Горьким. В моем сборнике «Лето» Горького. Читала, читала я это «Лето», всю зиму читала и все-таки не могла докончить, думаю кончать летом. Писал, писал он вилами по воде, аж тошно, когда читаешь. Произведения остальных писак я так и не решилась прочесть [1]. Выписываю для больницы медицинский журнал «Русский врач» и «Фельдшер». Думаю еще выписать для себя «Вестник офтальмологии» и «Новое в медицине». Кроме того приходится читать медицинские книги, так как за эти годы, что занималась одними глазами, многое забыла по другим специальностям.»

Ел. А. Иванова (28).

«Про тетю Наташу папа рассказывал, что в детстве она была отчаянная. Ее любимым развлечением было объезжать верхом лошадей. Она была потом врачом, как говорят, очень хорошим хирургом по глазным болезням. У нее была удивительная твердость руки и громадная выдержка... По временам она была страшно непоседлива. Она никогда не могла долго ужиться на одном месте и вечно переезжала из города в город, так что мы ее часто теряли из вида.

В ней совсем не было той мягкости, которая была так характерна для ее сестер. Скорей в ней было что-то мужское.»

Марина Макарова, крестьянка из Дарового (32).

Когда Наталья Александровна жила в Даровой, то очень часто объезжала свой лесок, так как постоянно беспокоилась подозрениями не воруют ли у нее крестьяне деревья. Не боялась объезжать лесок даже ночью, и если действительно накрывала порубщика, то как говорится «давала волю рукам».

Н. А. Иванова. Письмо сестре Ольге (22).

«Купила себе, мало одной, две лошади, а ездить все не на чем. Одна очень молода (3 г.) и худа так, что отдала на по-

---

[1] Ср. с литературными вкусами Алексея Александровича Иванова, (№ 270).

правку к одному знакомому татарину, бывшему глазному пациенту. Другая лошадь и хороша, да горяча и пуглива до того, что боится даже кучки навоза на дороге. Когда поправится первая, вторую отдам на выучку, чтоб ничего не пугалась. Кроме лошадей, за которых заплатила за двух 170 рублей, купила еще седло татарское за 30 руб. Теперь зато в долгу, как в шелку.»

Стремление Наталии Александровны «укрощать» не только лошадей, но, в некоторых случаях, и людей иллюстрирует следующее письмо к сестре Ольге, написанное по поводу слишком, по ее мнению, снисходительного отношения Виктора Александровича Иванова к своей супруге:

«Теперь же твое присутствие для Бори необходимо, пока эта полоумная не перебесилась. На месте Вити я выпорола бы ее хорошенько крапивой и отпустила бы на все четыре стороны в чем мать родила, пришла бы скоро с повинной и была бы как шелковая.»

Н. А. Иванова. Письмо к сестре Марии (22).

«Неужели у тебя времени не найдется ответить мне. Ведь находишь ты время раскрашивать тарелочки. Я тебе лучше привезу тарелку из Питера, только ответь мне хотя на это письмо».

«У меня теперь новая прислуга, седьмая по счету, но, кажется, очень хорошая. По крайней мере за ней масса достоинств: честна, чистоплотна, работяща, ненавидит мущин, любит животных, а главное не любит много говорить. Не правда ли сколько достоинств!»

В некоторых письмах сквозят натянутые отношения Натальи Александровны со средним медицинским персоналом, особенно с фельдшерами, которые, по ее мнению, нуждаются в том, чтобы им «указывали их настоящее место», так как «попавши из грязи в князи, слишком много о себе воображают.»

Марина Макарова, крестьянка из Дарового (32).

Сестры Ивановы, хозяйничавшие в своем имении, никак не могли ужиться вместе. Поэтому, хоть все именье то их было очень маленькое и бедное, но каждая из сестер вела отдельное хозяйство и построила себе отдельный домик.

Ю. А. Иванова. Письмо сестре Наталье (22).

«Милая Наташа, ни одно из твоих поручений я не могу исполнить. Прочтя твои поручения, я пришла к тому убеждению,

что ты ума рехнулась. Если исполнить все твои поручения, то я должна бросить свой дом, хозяйство и переселиться в Даровое. Работники уже все понанялись и если и можно какого найти, то очень мудрено. И как же ты хочешь незнакомому человеку поручить весь дом и лошадей. А если он все из дома потаскает и лошадей сведет? И кто же будет на него стряпать? Не может же он жить и ничего не есть. Едва ли при таких условиях ты найдешь кого-нибудь. Ты пишешь, чтоб он делал два раза в день посыпку лошадям, если он будет пахать. Кто же будет выдавать муку и следить, чтоб мука шла на лошадей.»

Н. А. Иванова. Из писем к сестре Юлии (22).

«Мое единственное желание теперь насчет Дарового, чтобы сгорела усадьба. Во-первых, я бы получила тысяч около двух денег и сторожа не держать.»

«Ну что за охота так беспокоиться. При всякой такой случайности всегда продавай что-нибудь из моего имущества. Все равно рано или поздно я все продам. Так лучше уж продавать, когда в чем нужда. Не надо принимать так к сердцу, надо ко всему относиться хладнокровнее.»

Н. А. Иванова. Из письма к сестре Ольге (22).

«Плюнь ты на твое хозяйство, оно выеденного яйца не стоит. Неужели ты до сих пор не убедилась, что ни огород, ни птица, ни сад, даже пчелы не приносят и никогда не принесут ни малейшего дохода, что заработаем на стороне, то только и есть.»

Многие места писем Н. А.[1] красноречиво говорят о ее своеобразной непоседливости, а также, иногда, о крайней сумбурности ее планов на будущее.

«Пока я замещаю уезжавшую в отпуск ассистентку по патологической гистологии и была ассистенткой у одного окулиста. Теперь еду в г. Зубцов, Тверской губ. на две недели замещать земского врача, а там поеду в глазной отряд в Закаспийскую область...»

«Что же тебя никуда не переводят? И я бы приехала тогда в тот же город. Я может быть, поеду в Елизаветполь, то посмотрю, будет ли и для тебя там местечко. Напиши, согласна ли будешь переехать в Елизаветполь?.. Не метнуться ли в Пржевальск? Туда требуется городской врач на 2 000 руб. без раз-

[1] Цитируются ее письма к сестрам (из архива О. А. Ивановой).

личия пола. Пржевальск был моей давнишней мечтой. А? Что ты на это скажешь?...»

«Может быть я скоро получу назначение в Бакинскую губернию, где, по описаниям, зима очень хороша; растительность тропическая. Лето очень жаркое, а зима великолепна. Вот тогда и присылай Катю [1] ко мне...»

«Узнай пожалуйста у Межениновых, есть ли в Севастополе женщины-врачи и сколько их и есть ли окулистки. А может быть, я перееду в Новороссийск, еще сама не знаю, куда. Но Новороссийск, конечно, хуже, чем в Севастополь, но там меньше врачей, а женщин-врачей так совсем кажется нет, а может быть, возьму место где-нибудь на юге. Есть место в Дагестанской области Шуринского округа. Думаю, не поехать ли туда. А? Что ты скажешь на это? Или в Карскую область, только там бывают морозы до 33—35° R, что для меня не желательно. От морозов то я и бегу из Уфы...»

«Я все мечтаю о Ферганской области, особенно, когда завернет мороз градусов в 30, а в комнатах 5½—8—12°. Думаю окончательно решиться ехать туда. По крайней мере буду обеспечена в денежном отношении и в отношении тепла...»

Однако и на юге оказываются обстоятельства, заставляющие Н. А. метаться с места на место:

«Думаю удрать отсюда куда-нибудь. Этим летом я замещаю врача в...[2], почти единственное место, где нет лихорадки, и только благодаря этому избежала ее. А теперь и не знаю, куда метнуться...»

«Живу я теперь у чорта на куличках, в такой дыре, что не приведи бог. В Моразах куда лучше было, т. е. в смысле природы, там хотя и голые, но горы и пригорки, а тут степь, хоть шаром покати, то до Каспия докатится. На севере возвышается снеговой хребет, да что в нем толку то, удеру куда-нибудь, вроде Моразов...»

«В Карабудахкелте я еще не была, но говорят, что это одно из лучших мест в Дагестанской области по местоположению и климату. Да я все еще гадаю, куда ехать в Карабудахкелт или Новороссийск...»

«Милая Оля, я уже писала вам, что подала в отставку и теперь живу частной практикой в Геохчае. У меня были неприятности с начальством. Собственно неприятностей даже не было, а все вышло из-за акушерки... Надо все-таки искать место. Буду

---

[1] Приемная дочь О. А. Ивановой.

[2] Название местности неразборчиво.

искать опять на Кавказе, благо татарский язык я хорошо знаю и могу свободно объясняться без переводчика...»

«Вообще, скверная вещь частная практика, пока не разовьется. Зато тем хорошо, что ни от кого не зависишь. Щей горшок, да сам большой. Переехала я на другую квартиру...»

Жива то я жива, только дела мои из рук вон плохи. От нечего делать учусь шить башмаки, сшила себе уже две пары. Первая пара совсем не впору. Длинны и узки. Сшила механическим способом, т. е. на металлических гвоздях, теперь буду учиться у сапожника выворотным и рантовым. Думаю заняться башмачным ремеслом, так как медицина не идет вперед. Да я думаю, одно другому не помешает. Мне кажется, это даже прибыльно, открыть, например, школу башмашного мастерства. Вот погоди, я выучусь шить, то приеду к вам в Раненбург и открою школу, а ты мне тем временем учениц подыщи.»

«Послала заявления в Бессарабскую губ. и в Астрахань, и, конечно, ни на одно нет ответа. Хочу теперь подавать на Кавказ, а потом в Ферганскую область. На Кавказе, хотя денег меньше, но зато ближе к России...»

«Не знаю, что делать с собой. Уж очень надоело жить бобылем, не имея ни обстановки, ни стола, ни знакомых. В этом проклятом Кюрдамире даже квартиры нет, живу третий месяц в больнице в женской палате. Женской прислуги не держу, потому что для лошади нужен человек, а двоим платить очень дорого... Удовлетворения от службы никакого. Везде кляузы, сплетни и обман, так что подчас и задумываешься, стоит ли дальше жить... Хочу опять начать подавать прошения во все концы Южной России и Кавказа...»

276. Муж предыдущей.

Н. А. Иванова вышла замуж уже в пожилом возрасте, но вскоре лишилась своего мужа, который пропал без вести на фронте во время мировой войны.

ГЛАВА IX

ВЕТВЬ ВЕРЫ МИХАЙЛОВНЫ, ПО МУЖУ ИВАНОВОЙ (ОКОНЧАНИЕ)

Поколение девятое [1]

277. Хмырова, п. м. Балабуха, Наталия Дмитриевна. 255/256

Умерла 9 марта 1911 г., заразившись сыпным тифом во время работы на эпидемии в качестве врача.

Н. Д. Хмырова. Письмо Н. А. Профенсовой, 18/XII 1908 г. (22).

«Я продолжаю жить в Буйцах (адрес: Михайловское почт. отд., Тульской губ.), работы порядочно, привыкла, скучаю не особенно. В этом году у нас начнут строить больницу, чему я от души радуюсь... Я живу почти в полном одиночестве. По вечерам больные не приезжают и к себе не зовут, и с 5 до 11 час. (когда ложусь спать) сижу в полном одиночестве. Много читаю, выписываю три журнала общественных и два медицинских, шью, и в общем привыкла к одиночеству и не особенно страдаю от него. Ездила недавно в Москву. Хотела было переходить на другое место, но когда здесь решили строить больницу, передумала и осталась... Теперь моя мечта — выбраться месяца на два в Петербург подучиться. Моя научная командировка еще не скоро, ехать же на свои деньги — нужно иметь их порядочный запас и не легко найти заместительницу. Так что во вторую половину этой зимы вероятно не придется.»

---

[1] Имена некоторых представителей этого поколения изменены.

Н. Д. Хмырова. Письмо Н. А. Профенсовой, 7/XI 1909 г. (22).

«Я живу очень однообразно и одиноко. С местным обществом: тремя попами, служащими экономии и учителями перестала поддерживать знакомство. Нет интересных и почти нет порядочных людей. Как мало их на свете и какая масса пошляков мелочных, глупых. Всю жизнь я была курсисткой и вращалась в студенческом обществе и, собственно говоря, жила в мечтах не зная ни жизни, ни людей. Эти 2 года были для меня сплошным уроком жизни и, мне кажется, я многому научилась. По прежнему отношусь к людям в высшей степени терпимо, знаю, что каждый человек есть то, чем его сделала жизнь, но нет уже того интереса к жизни, надежды встретить что-нибудь интересное.»

Н. Д. Хмырова. Письмо Н. А. Профенсовой (22).

«С местным обществом чем больше знакомлюсь, тем больше разочаровываюсь. С ними можно подчас не скучно провести время, но как только коснешься каких-нибудь серьезных вопросов общих, или по местным делам, то убеждаешься, что эти люди «к добру и злу постыдно равнодушны» (выражаясь высоким стилем).»

278. Балабуха. Иван Федорович (Петрович?). Муж предыдущей.

279. Хмыров Лев Дмитриевич. 255/256.

Окончил Московский университет и Киевский политехникум. Занимается сельским хозяйством, которое очень любит, и преподаванием.

Д. Д. Хмыров (28).

«Обладает хорошими способностями; с близкими мало общителен — любит общество чужих».

Ю. А. Иванов (29).

Этнузиаст труда, главным образом, физического. Своего брата Дмитрия, когда тот приезжает к нему, заставляет наравне с собой выполнять различные сельскохозяйстеные работы, напр., пахать, косить и пр. Так же поступает и вообще со всеми своими близкими.

280. Левицкая, п. м. Хмырова, Юлия Гавриловна. Первая жена предыдущего.

Страдала тяжелым нервным расстройством. Покончила жизнь самоубийством.

281. Сергеева, п. м. Хмырова, Александра Георгиевна. Вторая жена предыдущего.

282. Хмырова, п. м. Михневич, Софья Дмитриевна. Врач 255/256

М. А. Иванова (29).

Очень добрая, бессребренница.

О. А. Иванова (29).

Веселая, общительная.

283. Михневич, Иван Михайлович. Муж предыдущей.

284. Хмыров Дмитрий Дмитриевич. 255/256
Умер младенцем.

285. Хмыров Дмитрий Дмитриевич. 255/256
Род. 3 янв. 1881 г. Профессор физики.

Д. Д. Хмыров (28).

«Много занимался переводами научных книг. Имею страсть к коллекционерству.»

М. А. Иванова (29).

Во многих отношениях братья Лев и Дмитрий Хмыровы очень непохожи друг на друга. В отличие от Льва, Дмитрий, и не любит тяжелого физического труда, и не приспособлен к нему; вообще он совсем не практик — знает и любит только свою математику. Даже в отдельных мелочах то и дело сказывается коренное различие характеров обоих братьев. Например, если Дмитрий даже в деревне ходит в крахмальном белье, то Лев предпочитает всегда ходить в русской косоворотке и вообще не любит одеваться.

По описаниям его учеников, Дмитрий Дмитриевич рисуется как человек замкнутый, очень скупой на слова, со взором по большей части опущенным долу. При разговоре не смотрит на собе-

седника. Голову обычно держит наклоненной несколько вниз и вбок. В манере держать себя и во внешности чувствуется какая то внутренняя напряженность.

286. Бертман, п. м. Хмырова, Елена Стефановна. Жена предыдущего с 1920 г.

287. Иванов Борис Викторович. 264/265
(1891—1921). Покончил самоубийством.

В. М. Иванова. Письмо дочери Нине (22).

«Недавно получила я письмо от Марфы Ивановны[1]. Она описала мне в лицах: любовь, дружбу и разговор отца с сыном, т. е. Вити с Борей, и описала так хорошо, что живо можно себе представить всю картину: Витю, лежащего на диване и Борю, стоящего около него на том же диване, и весь разговор их.»

В. А. Иванов. Письмо к матери (22).

«По вечерам я и Боба рассказываем друг другу сказки по очереди.»

О. А. Иванова. Письмо к матери. (22).

«Витя вечно охает и стонет или злится. А Марфуша старается мне как-нибудь досадить. Теперь оказывается, что все дурное в Бобе все от нас с Витей и без зазрения совести при всех разблаговещивается.»

О. А. Иванова. Письмо к сестре Юлии (22).

«Марфа окончательно искалечит Бобу и нравственно и физически. До того развинтила ему нервы, что у него начались какие-то нервные подергивания лица и глаз.»

В. А. Иванов. Письмо к сестре Юлии, 31/VII 1902 г. (22).

«Боба очень вырос и заикается сравнительно мало».

---

[1] Мать Б. В. Иванова

Ел. А. Иванова (28).

«...Судя по всему, что я о нем слышала, в нем мы с сестрой Натой чувствовали что-то свое родное, ивановское. Мне кажется, он многими чертами был сходен со мной — например, та же мгновенность отреагированья и нетерпенье внешних сдержек. Я знаю, что если я не захочу чего-либо сделать, то никакие силы на свете меня не заставят. Натворю невозможных глупостей, но все-таки не поддамся. Таков же был и он. Он из-за неподчиненья внешнему порядку нигде не мог кончить гимназию. Помню, как-то дядя Витя его отдал в какой-то дорогой московский пансион, но Борис очень скоро ушел оттуда и уехал домой на Кавказ. «Я дома один на один на кабана хожу, а здесь меня в паре с благовоспитанными мальчиками под надзором воспитателя по Москве водят»—смеялся он. Так он и не кончил курса, хотя был очень развитым, глубоко интеллигентным человеком... У него на Кавказе был свой виноградник (приобретенный его отцом. В. А. Ивановым), которым он тщательно занимался и это ему давало тысячи четыре в год... Когда моей старшей сестре было лет 16, а Боре около 19, у них завязалась дружба и оживленная переписка — но через полгода они поссорились и переписку бросили. Помню только, что все у них вышло из-за Шопенгауера и женского вопроса, над чем у нас долго подтрунивали... Борис писал стихи и очень много читал.»

Л. А. Иванова (28).

«Борис был кокаинист и морфинист, азартно играл в карты и, по выражению его сестры, был невозможный человек. Он гонялся за ней и за отцом по комнате с револьвером Наконец покончил самоубийством.»

М. А. Иванова (29).

...Кроме сына Бориса В. А. Иванов имел еще дочь Елену, которую нашел подкинутой в бельевой корзине и усыновил. Уже после смерти В. А. Иванова она вышла замуж. По мужу носит фамилию Кастальской.

288. Проферансов, Владимир Михайлович. 267/268

Умер на четвертом месяце жизни от преждевременного прорезания сразу нескольких зубов.

289. Иванов Юрий Алексеевич. 270/271

Род. 13/IV 1892 г. Историк, университетский преподаватель. Имеет много печатных работ, считается недюжинным ученым.

А. А. Иванов. Письмо к матери (22).

«Юрочка такой милый мальчик, что просто на редкость. Начинает говорить фразы и ходить. Он, не видя людей, только очень дикий и вначале всех пугается.»

Н. А. Иванова. Письмо В. М. Ивановой, 8/VI 1896 г. (22).

«Юрка страшный шалун, сладу нет, так и выдумывает, что бы нибудь испортить, недавно я кроила себе капот, вышла на минуту, возвращаюсь, от одного бока только клочки валяются. Вид у него прекрасный, розовый, толстяк, так что ему все дают больше 4 лет.»

М. В. Нечкина (28).

«Как ученый принадлежит к типу Detailforscher'ов, т. е. любит углубляться в детали какого-либо одного вопроса.

Обладает поэтическими способностями. Одно время помещал свои стихи в различных сборниках. В содержании стихов чувствуется заметное влияние Валерия Брюсова.

В разговоре может быть едко и зло остроумным.»

А. Р. Лурия (29).

«Тяжелый неврастеник; частые меланхолические состояния. Говорит тихим голосом, иногда слегка заикается, краснеет; застенчив.»

Ю. А. Иванов. Автохарактеристика. Июнь, 1924 г. (28).

«Постоянный круг интересов — вопросы хозяйственной эволюции раннего средневековья. Пишет диссертацию «Падение римского владычества на Западе». В науке увлекается схематическими построениями.

Преподаватель очень неровный, за 1 яркой лекцией дает 4—5 скучных. По любимым вопросам или спорным теориям говорит хорошо, но тяготится необходимостью излагать элементарные истины и поэтому прямо проваливает порою лекции на такие темы. Больше всего любит специальные курсы с 6—7 слушателями. В аудитории еще недавно чувствовал себя не по себе и мог читать лишь при особых условиях, например, надевая

на глаза очки только для того, чтобы этим до известной степени отгородить себя от аудитории.

В литературе больше всего увлекается символистами, не только русскими. Любимые поэты: Тютчев, Баратынский, Иннокентий Анненский, Владимир Соловьев, Валерий Брюсов, Данте и Ст. Малларме. В области прозы любит экзотику или исторические романы вроде «Алтаря победы» В. Брюсова. К Л. Толстому равнодушен, к Гоголю относится с брезгливой антипатией. В музыке больше всего любит Вагнера и Скрябина. В скульптуре «Нику» Пеония и Микель Анджело. В живописи — Ф. Штука. Любимый исторический герой — Кесарь Юлиан Отступник. Любимый камень — изумруд.

В прошлом больше всего симпатизирует гениальным неудачникам типа Юлиана, Ганнибала, императора Майориана, Данте.

В период времени с 1910 по 1916 гг. написал около 30 стихотворений. Печатал под псевдонимами Юрий Дьяков, К. М., Сфинкс и С., но стихов своих не любит, за двумя исключениями[1].

Знает на память более 500 стихотворений русских поэтов и до 600 латинских стихов из одной только Энеиды.

В области психических способностей сильная механическая память с преобладанием моторно-слуховых начал [2]. После перенесенного сыпного тифа замечалось временное ослабление памяти. Зрительная память чрезвычайно слаба. В особенности слабо запоминаются женские лица.

Воля недостаточно развита, ее заменяет упорство и некоторая доля фатализма, позволяющая верить в успех.

Чувство, благодаря консервативному складу психики, направлено в одном направлении. Антипатий своих не менял еще никогда, сохраняя их многие годы; то же и с симпатиями.

Раньше считал себя спокойным пессимистом без трагического оттенка. Теперь, за последние годы, пессимизм исчез, но нет и оптимизма.

В работе принадлежит к втягивающемуся типу. Конец дается всегда легче начала и оставляет за собой чувство сожаления. Порою не хватает уверенности в себе. Чувство это может доходить до болезненной мнительности.

Был религиозен в 16—17 лет, потом это сразу отмерло, сохранял еще лет 10 интерес к религии как социологической проблеме, в настоящее время равнодушен и к этому, с оттенком некоторого отрицания. На антирелигиозные взгляды повлияла старая гимназия, которую вспоминает с ненавистью и отвращеньем.

---

[1] Одно из этих стихотворений приведится ниже.

[2] По данным Экспериментальной лаборатории Казанского университета

В обществе малознакомых, антипатичных ему или чуждых по духовному складу людей чувствует себя связанным.

Никогда не стыдился сознаваться в своих ошибках, но никогда не мог себя принудить подчиниться чужим, хотя бы оставался одиноким против общей оценки.

В качестве примера семейного наследственого сходства могу указать на необычайное сходство моего почерка с почерком моего двоюродного брата, Бориса Викторовича Иванова.»

Ел. А. Иванова (28).

«Юрий — типичный кабинетный ученый, у которого все внимание сосредоточено на научных интересах, в жизни же он феноменально ненаблюдателен...»

Из стихов Ю. А. Иванова.

Aurea Roma [1].

(Посвящ. А. Я. Ш.).

Ты должен забыть, что легенда незрима,
Чтоб бить аллеманов в рядах Грациана,
Иль видеть, как солнце железного Рима
В пожаре веков догорает багряно.

Иль плыть в Океане к легендам «Когда-то»,
С неясною верой в грядущие дива,
И видеть, как ветер, изгнанник Заката,
Целует нам лица неспешно лениво.

И видеть тот Форум, где консул Авзоний
Юпитеру жертвы приносит с мольбою,
И видеть, как Кесарь, Отступник на троне.
Ведет легионы к последнему бою.

И римских орлов возле стен Ктезифона,
И гнусный триумф галилейских учений,
И символ страдания, венчавший знамена,
И плаху, где кончил правление Евгений.

А вечером слушать стихи Клавдиана
И думать, под говор певучей латыни,
Под ропоты строк умирающих пряно
О солнечных тайнах Ливийской пустыни.

---

[1] Впервые помещено в «Сборнике студенческого литературного кружка при Казанском университете». Казань. 1915 г. Печатается здесь с изменениями, внесенными автором.

И, видя на всем аромат увяданий,
Постигнуть мечтанья исчезнувших братий,
И медной латынью, в часы догораний,
Слагать акростихи из звонких проклятий.

26 апреля 1913 г.
г. Казань, Кавказское подворье.

290. Шестакова, п. м. Иванова, Александра Яковлевна. Первая жена предыдущего.

Род. в 1890 г. В замужестве за Ю. А. Ивановым с 1914 г. Развод в январе 1924 г. Преподавательница обществоведения.

Ко времени вступления в брак была студенткой Казанских Высших женских курсов.

Ел. А. Иванова (28).

«Александра Яковлевна, кажется, вполне здоровый человек. Надо сказать, что как мать, она прямо идеальна. Я ни у кого не встречала такой разумной внимательной любви к ребенку.»

291. Боброва, п. м. Иванова, Елизавета Ивановна. Вторая жена предыдущего.

Род. в 1898 г. Окончила Ленинградский университет в 1922 г. Некоторое время была ассистенткой проф. Жирмунского в Ленинградском Ин-те истории искусств. Имеет (в рукописях) несколько научных работ.

292. Иванова, Анна Алексеевна. 270/271

Род. 17/VIII 1893 г. Была на медицинском факультете, но вынуждена была уйти с третьего курса по семейным обстоятельствам. Некоторое время служила в психиатрической клинике в качестве сестры милосердия. В 1925 г. работала санитаркой в железнодорожной больнице.

Страдает туберкулезом обоих легких и хроническим миокардитом.

В гимназические годы отличалась, так же как и большинство ее сестер и братьев, богатым развитием фантазии, о чем можно судить по ее своеобразным письмам к родным (главным образом к тетке Н. А. Профератсовой), цитаты из которых приводятся ниже (22).

«Милая дорогая леди Елена[1], что ты меня забыла, почему не пишешь. Как я писал тебе, я собирался ехать на Огненную землю, но не поехал — раздумал, причина была следующая: на острове Сицилии живут князья Кастро-Реале, предок которых был известный разбойник. Лет пятьдесят тому назад один из друзей Кастро де Реале, разбойник Пичинино звал меня к нему, чтобы совместно напасть на замок князей Пальмароза. Была лунная ночь, светлая, прекрасная, ах дорогая Елена, какая была чудная ночь. Мы осторожно прокрались в замок. Через десять минут все слуги были перевязаны и под страхом смерти должны были молчать. Мы моментально собрали все драгоценности, которые были в замке, и затем отправились в картинную галлерею. Первый портрет, который мы увидали, был гордый воин, вооруженный с головы до ног, с широкой фрезой из фландрского кружева на железной кирасе. Мы остановились перед ним и вдруг, о ужас, рыцарь взглянул на нас и произнес: «Я недоволен вами!» Холодный пот полился с меня. Мы подошли к другому портрету. На нем была изображена старая почтенная аббатисса. Пичинино поднял свечу и осветил ее портрет. И я первый раз в жизни попятился от ужаса, ее желтое и морщинистое как пергамент лицо с пронзительным и властным взглядом прищурилось, точно под влиянием света, и она произнесла резким голосов: «Я недовольна вами!» Тут мы бросились бежать по галлерее, а за нами неслись голоса: «Я недоволен вами, и я тоже». Мы едва выскочили из этой проклятой местности и долго не могли отдышаться от ужаса... Пиши скорее. Адрес мой о. Сицилия. Пичинино для передачи мне. Артур.

...Нам уже осталось учиться всего несколько дней. 15-го (вспомните меня несчастную) алгебра; 17-го — русский; 21 — закон; 28 — история; 31 (смерть моя приходит) геометрия...»

«Погибли мы то не а, нас спаси. Приезжай ад в превращается наш дом и полночь наступает только, покоя нет нам ночи этой С. ключица левая болит Веры у а хромает пор по сих Жучка а, Юлю тетю в другой а, Олю тетю в попал один, кирпичи большие полетели печи из что, оказалось, комнатах соседних в крик и шум послышался одновременно, пропала она тут, череп усмехающийся дьявольски смотрит меня на что, заметила я и руки костлявыя свои протянула она и «несчастья моего причина вы вы, дыханием смрадным мой дом оскверняете зачем, нече-

[1] У нас было столько фантастических выдумок и игр в разные времена, что все путается. «Леди Елена», — повидимому, тетя Нина. Знаменитый разбойник лорд Артур (боящийся только геометрии) — сама Аня в 5—6 классе гимназии. *Прим. Ел. А. Ивановой.*

стивые все сюда от уйдите»: привидения голос услышала я тут мне по пробежал руки ея от холод могильный как почувствовала я и лицо мое на руку положила и мне ко подошла она, женщина пожилая серая ходит вижу и проснулась вдруг но, знаю не спала я ли долго, заснула моментально я и часов двенадцать в спать легли и засиделись мы четверг в, порядку по начну ну, мысли свои сосредоточить страха от могу не, становится страшно право: творятся дела у нас какие, Нина тетя ах, рождения днем с тебя поздравляю, Нина тетя милая. Начинай с конца. Аня Иванова.»

М. А. Гордина (29).

Человек с большими странностями, например, способна подолгу застывать в странных позах, из-за чего, когда она одно время служила в психиатрической клинике, посторонний человек не всегда мог бы ее отличить по поведению от окружающих больных. Иногда она подолгу стояла повернувшись лицом к стене или в угол, чем как бы стремилась отгородиться от окружающей действительности. С некоторыми людьми иногда могла быть и откровенной. Пишет стихи. Со стороны внешности—резкая дисгармония в строении лица; развинченность в походке. Все это не мешает ей быть миловидной; особенно привлекательны большие карие глаза.

Р. А. Лурия (28).

«Резко замкнута. Неделями молчит или отвечает односложно. Сильная концентрация на религиозных идеях. Абсолютно не приспособлена к жизни. Не пользуется любовью близких.»

Ел. А. Иванова. Июль 1928 г. (28).

«Аню мы когда-то в шутку прозвали «спящей девой»... Она словно в каком-то сне идет по миру и ничего кругом не замечает, погруженная в свои красивые мысли о добре, подвигах, самоусовершенствовании... И в этом трагедия ее жизни... Мне вспоминается анкета о вкусах, которую в 1919 г. проводил в Казани проф. Васильев. Там есть вопрос: «Чего больше всего Вы боитесь в жизни?». Аня ответила: «Подведения жизненных итогов»... И это так характерно для нее... Она не умеет довести до конца ни одного дела в своей жизни... Это проявлялось у нее с самого детства. Бывало, ни одного вышивания не доведет до конца. Начнет и бросит... Такова она вышла и в жизнь. Поступила на историко-филологический факультет. С конца четвертого

курса бросила — перешла на медицинский... Его тоже бросила с третьего курса — правда, в тяжелые годы, но попыток восстановиться не делала...

Она ужасно бесхарактерная. Мне часто ее жалко становится — до чего она не умеет поставить себя с чужими людьми... Меня в клинике всегда возмущал тот тон, которым говорили с ней. Со мной кто-нибудь попробовал бы так! Живо бы показала, что моя мимозная сущность очень острыми колючками окружена... А у Ани их-то и нет... Она как-то страшно легко мирится со своим положением и не делает попыток его изменения. Мне часто кажется, что ее хроническая безработица — одна из ее защитных реакций... К нищете она привыкла и ей легче мириться с ней, чем бороться за себя, за свое положение, как это бывает на каждом новом месте, пока к тебе не привыкнут... Впрочем, она больной человек. Года три назад, после возвратного тифа со множеством осложнений, медкомиссия признала ее нетрудоспособной: у нее туберкулез, миокардит, нервное расстройство и масса каких-то ни с кем не встречающихся болезней—по всей вероятности на туберкулезной подкладке... Внешне же она выглядит хорошо—полная, свежая...

У Ани нет ничего в жизни. Вся ее жизнь как-то впустую проходит. И отсюда у нее громадное стремление окружить большой таинственностью свою жизнь, каждый незначительный ее факт. Помню, я ей как-то задала много вопросов подряд—просто из любопытства, когда же ответ будет... «Куда идешь?» (нужно ответить: в лавку за нитками). «Надо», «По делам», «Кое-куда», «Недалеко»—и все в таком роде. Впрочем у нее есть круг своих близких людей, с которыми она оживлена, откровенна, много и долго изливает свою душу... В ней до сих пор сохраняется большая восторженность... Горят глаза, быстро сыплются слова, часто употребляются слова «чудесно», «восхитительно» и т. д., но ей страшно нехватает слов в разговоре. Для усиления мысли, для придачи ей оттенков, она попросту несколько раз подряд повторяет одну и ту же фразу, чтобы усилить впечатление...

У нее ужасающе схематический подход к людям. Как-то не умеет она живого человека видеть. Вот если человек грешен в одной области (особенно, если он неустойчив в половом отношении, легко увлекающийся) — кончено дело: это совсем пропащий человек и от него надо всеми силами открещиваться... Подсознательно, она такая же увлекающаяся, как и я с Лилей[1]. Но она ни-

[1] Здесь и ниже упоминаются младшие сестры А. А. Ивановой.

когда не сознается себе в этом... Бывало придет она домой, мы с Натой взглянем на нее и скажем: только что она встретилась и разговаривала с таким-то... Так это в ней и светится. Начнешь выпытывать—действительно мы правы... Но она ни за что не сознается, что такой-то ей нравится... Она считает меня ужасно легкомысленной за то, что у меня было три увлечения... И кроме того, абсолютно не может понять, что у мужчины и женщины могут быть хорошие отношения—без всякого романа... И в этой ее специфической сгущенности так и чувствуется, что весь ее ригоризм и усугубленная нравственность не имеют корней в подсознательном, но сознательное настолько задавливает подсознательное, что у Ани, как и у Вари ярко выражена одна из черт нашей вырождаемости — страх перед физической стороной брака...

В противоположность всем нам, у нее страшно медленный темп работы, так что меня всегда поражают те ничтожные количественные результаты, которые она получает, в сравнении с затраченным временем... Впрочем, в больницах она считалась хорошей служащей—потому что она любит это дело. А про всякую другую работу у нее один ответ: «не умею»... Как-то осенью присылает мне ученика. Надо с ним пройти десятичные дроби. Спрашиваю, почему она сама не взяла этот урок—ведь у нее нет никакой работы. «Я дроби забыла».—«Возьми учебник и в какой-нибудь час все повторишь». — «Не могу, нет математических способностей». Какие-такие математические способности нужны для прохождения десятичных дробей. И у нее все так... Как-то слишком просто она регистрирует факт своей беспомощности и успокаивается на этом...

Последние 2—3 года Аня очень раздражительна, так что с ней тяжело жить... Чувствую, что я часто бываю виновата, но не могу удержаться от того, чтобы не ссориться с ней. Ведь она совсем больной человек. С утра до ночи у нее непрестанная глухая тревога, все время мерещатся всякие ужасы—прямо до смешного. Ира на полчаса из школы запоздала—ах, значит, она под трамвай попала... Когда я уезжала в Агрыз, я даже не могла удержаться и расхохоталась... Аня плачет, говорит: «Вот под Богородском волков много... Наверное и в Агрызе тоже. . Вдруг тебя вечером съедят...» И у нее всегда так. И смех и грех...

Аня на двух снимках в детстве так ясно обнаруживает основные черты своего характера. На одной карточке будущая «спящая дева» с равнодушием ко всему земному, на другой — громадная восторженность, которая так была ей присуща в молодые годы... Какое восхищенье на ее лице в этой группе... На-

верное, из-за того, что ждет обещанной папой птички. Папа всегда говорил детям, что сейчас из аппарата птичка вылетит...

Когда Аня была девочкой и подростком, у нее часто бывали резкие вспышки. Накричит, нашумит, хлопнет дверью, уйдет и запрется в своей комнате — и дня два оттуда не показывается. А в конце концов непременно уступит и сделает так, как хочет мама.

В детстве у Ани ярко выражалась ее нервная тревога, были вечные страхи (в возрасте 4—5 лет), что «Юрочку цыгане украдут», и поэтому она ни на шаг старалась не отходить от него... Были резко выраженные навязчивые идеи... Она не могла (8—9 лет) съесть ни одного куска, чтобы не спросить: «а я не подавлюсь? а я не отравлюсь?» и этим измучивала маму. В гимназии училась неважно, часто у нее бывали передержки. Только в 5 и 6 классах, когда она жила в Брянске у теток, училась хорошо, даже перешла в 6-й класс с 1-й наградой. Попав домой, опять заленилась. У нее вечно выходили инциденты с учителями, и их священник говорил, что в ней сидит дух противоречия, посланный от дьявола... В эти годы Аня с Натой поглощали прямо бесконечное количество всевозможных романов—без разбора и плохих и хороших... У нее была ярко развитая фантазия, направленная на все таинственное и сверхестественное... От повестей вроде «Вампиров» Ал. Толстого она была без ума... Последние годы в Казани у папы, Наты и Ани началось какое-то сближение на почве фантастики... Что-то вроде игры... Папа обычно начинает «Ну что мы будем делать?», и начинаются самые невероятные проекты... Часами выдумывают и смеются... В Нате мне казалось это несерьезным — видно было, что главное для нее — доставить папе удовольствие и быть поближе к нему. А папа и Аня самым искренним образом увлекались этими выдумками...

После гимназии Аня уехала на историко-филологический факультет в Казань.. И как-то совсем оторвалась от дома. У нас в это время было очень тяжело — началось мамино заболевание в резкой форме... Папа был все время в разъездах на линии. Старшей в доме оставалась я—17-летняя девочка... А Аня в это время жила в своем собственном мире, абсолютно не замечая того, что делается кругом. Все ее мысли были поглощены религиозными вопросами, исканиями подвигов, нравственного совершенствования и т. п. Она этих подвигов в Казани искала, а того, что дома делается не замечала... Во время войны пошла на курсы сестер милосердия, работала бесплатно в беженской детской больнице и т. п. Вся ушла в это и была ужасно на своем месте.

И так понятно казалось, что она так и должна не замечать того, что около нее делается... Мы ее за это «спящей девой» прозвали. Она была почти красавица—в белой косыночке и халате сестры в своей комнате, завешенной бесконечным числом мадонн, она особенно хороша была... В те годы мы все так были заражены культом красоты, что даже не приходило в голову задумываться, что жизнь человека как-то иначе должна быть построена... Мама умерла, я и Ната были дома с детьми... Не знаю, пришла ли хоть раз Ане мысль, что это ее место, как старшей... Она все дальше уходит от жизни, все больше замыкается в своем мире религиозных представлений... М. А. Гордина в своем отзыве обо мне говорит, что для нас всех характерна неудачная любовь... Нет, только не для Ани... Она была слишком красива для этого... Первое ее увлечение было совсем детским... Второе начало складываться удачно... Блестящий, талантливый человек — он явно интересовался Аней, ухаживал за ней, старался пробудить живую женщину в спящей деве... И вдруг его неожиданная смерть от тифа... Это было в 1921 году, через три месяца после папиной смерти... Вот эти две неожиданные смерти сломили ее... Когда я, после разлуки в несколько месяцев, встретилась с ней, я поразилась переменой—до чего она сразу постарела, подурнела, опустилась... Платье все рваное, без застежек, кое-как заколотое булавками... Рассеянный, ничего невидящий взгляд... (Она часто в одну точку смотрит...) Помню, когда она вела меня в психиатрическую больницу, мне все время пришлось итти за ней и подбирать ее платок, документы и т. п., которые она теряла каждые 5 минут, забывая, что они в ее руках... И эта громадная рассеянность — правда немного уменьшенная идет за ней до сих пор.

Аня говорит, что у нее после папиной смерти, должно быть, было какое-нибудь заболеванье мозга: несколько недель подряд, не замолкая ни на одну секунду ни днем ни ночью, была ужасающая головная боль. И эти месяцы были переломными в ее жизни. Ей было тогда 27 лет. С тех пор ее жизнь словно остановилась... Есть такие люди, которые живут без жизни... У Чюминой я встретила одно стихотворение, которое очень напоминает мне Аню:

Есть души странные — оне
Напоминают втайне мне
Те роковые города,
Что затонули без следа
В пучине темноголубой.

Укрыло море их собой...
И к жизни силой никакой
Не вызвать их из мглы морской.

Меня больше всего затрагивает в Ане то, что в ней все те же черты, что и во мне — только доведенные до своего логического окончания, без вклиниванья моего второго гордого «я», которое я так не люблю в себе, но без которого будешь уже совершенно не годиться для жизни.»

293. Иванова Елена Алексеевна. 270/271

Род. 9/II 1896 г. Окончила Восточно-педагогический институт в Казани. Одно время находилась на излечении в психиатрической клинике.

Демонстрировалась на лекциях проф. Г. Я. Трошина, как пример психастении, навязчивых идей и ярко выраженной истерии.

А. Р. Лурия. Сентябрь 1924 г. (28).

«Повышенная психическая чувствительность, в связи с чем легко доводится до слез. В детстве для этого стоило сказать, что «цыпленок мерзнет на холоде».

Весьма талантлива. Обладает утонченным вкусом. Пишет стихи. Очень развита фантазия. С детства подвержена к навязчивым идеям. Уже в возрасте 4—5 лет, по ее словам, у нее была навязчивая идея, что бывшая тогда головная боль происходит от того, что «в голове пасутся селедки». В 5—6 классе гимназии были навязчивые идеи о бесконечности, о неуклонном движении земли и пр.

Крайне аффективна. Много попыток самоубийства (последняя—летом 1924 г.—бросилась с 3 этажа). Галлюцинации, бредовые идеи, сильный комплекс малоценности. Пишет быстро и много (самоанализ!). В 1921 г. заболела психически после травмы на романической почве.

Со стороны внешности обращает внимание манера всегда держать голову немного повернутой в левую сторону и наклоненной вниз, причем одно плечо поднимается несколько выше другого. Такая же асимметричная посадка головы проявляется, как семейная черта, у ее старшего брата и нескольких сестер.».

М. А. Гордина. Сентябрь 1927 г. (28).

«В период болезни — крайнее безволие (абулия), обморочные состояния («обмирания»), навязчивые действия, иногда опас-

ного свойства, например выпивание пузырьков с лекарствами, опрокидывание горящих ламп.

По мере выздоровления периоды приподнятого состояния, когда может быть очень оживленной и интересной собеседницей.

Характерно крайнее развитие самоанализа и критического отношения к окружающим.

Повышенная влюбчивость, но всегда с неразделенностью чувства, что характерно и для ее сестер.»

Письмо матери Елены Алексеевны к В. М. Ивановой. 8 июня 1896 г. (22).

«Леночка, верно, скоро будет сидеть, на руках сидит уже хорошо и начинает подниматься в кроватке, а ей завтра только 4 месяца. Она замечательно аккуратная, все делает в известное время, спит, ест, купается. Если пропустить то время, когда она купается, она поднимает ужасный крик, а так никогда не капризничает.»

Из гимназических писем Ел. А. Ивановой к одной из своих теток (22).

«...На меня напала мания Плюшкина. У меня страсть разгорается с каждым днем, но успокойся не к молодым людям, а к бумаге, мылу, общим тетрадям, ручкам и карандашам и остальной дряни. Так же еще страсть к пиналам. Хочу просить тетю Машу, чтобы она выслала от Мюра и Мерилиза пинал. Если не вышлет: отравлюсь.»

«...На этой елке у меня бумажек прибавилось мало, потому что конфеты были почти все одинаковые и многие бумажки у меня уже были.»

На мой вопрос об ее детском коллекционировании, а также, попутно, вообще об отношении к домашним вещам Ел. А. отвечает:

18/IV 1928 г.

«У нас в детстве была полоса взаимного подражания — и в первую очередь Юрию, который во многих отношениях задавал тон нам младшим. У него была довольно хорошая коллекция марок. У нас ,девочек, денег на марки не было и поэтому сестра Ната собирала перья (их у нее, кажется, штук 200 было),

а я бумажки от конфет. И так как я за все хваталась со страстью маньячки, то и эти бумажки года два были для меня какой-то навязчивой идеей (мне в это время было 12—14 лет). Я тогда ходила по улицам все время глядя в землю и мечтая найти такую бумажку, какой у меня еще нет.»

«Я ужасно люблю точность и порядок в моей жизни, чтобы каждая мелочь лежала на своем месте и т. п. И, несмотря на это, неряшлива — быстро все делаю, быстро б р о с а ю вещь на место и т. п. Так что мой порядок, порядок только для меня. Страшно люблю плановость в жизни. Люблю равномерное течение жизни. Но, с другой стороны, чувствую, что во мне, как и во всей нашей семье, много бродяжнического духа.»

Автобиография и автохарактеристика Е. А. Ивановой. Написана в конце 1926 г. (28).

Моя жизнь.

«Я рано начинаю помнить себя. Мне нет еще трех лет. И уже в это время какая-то острая боль охватывает все существо при виде чужого страдания. Выброшенные котята, выпавшие из гнезд птички — вот первые объекты моей жалости. До сих пор во мне живо то чувство острой боли, которую рождали во мне картинки на шоколаде, где охотник стреляет в кабана или бык поднимает на рога лошадь. Почему-то шоколад с этими картинками часто покупался у нас. Мы с Натой никогда не ели печенья, изображающего собой фигурки зверей и птиц, потому что им больно. Даже в возрасте 11—12 лет мы их откладывали в особую коробку. Какие кошмары переживала я по ночам в течение чуть ли не целого года, когда я 9-летней девочкой нечаянно наступила на утенка, и он после этого остался горбатым. Мыши, которых я не успевала выпустить из мышеловки, были источником таких же страданий. Даже клопов мы с Натой летом выпускали за окошко, а зимой уносили в дальний коридор. Эта острая жалость идет за мной через всю мою жизнь, то несколько затихая, то вспыхивая с особой остротой. Я не люблю вспоминать свое детство. Оно словно все окутано какой-то болью, хотя с внешней стороны нам жилось очень хорошо. Мы росли в обеспеченной семье, окруженные внимательным уходом—но тем не менее главное чувство, которое я вынесла из детства—боль. Бывало, совсем маленьким ребенком проснешься ночью и тут со всех сторон кошмары обступят постель. Вот мышь, которую кухарка Агафья выбросила в помойку, вот несчастный утенок... и во всем, во

всем этом я виновата. Начинает казаться, что нет меня виноватее на свете. При болезненно ярком воображении нельзя было слушать те страшные сказки, которыми христианство пугает несчастных грешников. Так ярко вставали перед глазами картины страшного суда, когда за все, за все сразу богу ответ надо будет дать. Восьми лет я решила, что мне непременно надо будет, как только я вырасту, итти пешком в Киев, замаливать свои грехи. Религиозные фантазии приобретают громадную власть над моей душой, и лет до 10-ти, до поступления в гимназию, сильно мучают меня.

Почему-то, когда я вспоминаю детство, оно кажется мне таким бесконечным. Дни тянутся серые, серые. Часто так скучно. Какая-то тоска в душе, которая мешает заняться чем-либо. Эта тоска чуть ли не врожденная. Я ясно помню моменты из раннего детства, когда мне не было еще трех лет. Мы играем в прятки. Я сижу под кружевной накидкой маминого туалета. Меня не находят и забывают об этом. Я сижу, как мне кажется, долго, долго, слышу, как Юра с Аней начинают «потрошить свою лошадь», вытаскивают набивку из ее проломленной спины. Мне жалко себя, жалко бедную лошадь, которой больно, и постепенно чувство острой тоски и одиночества охватывает меня, — совсем такое же, как впоследствии много лет спустя, и я начинаю плакать. Эта тоска всегда так мучила меня. Очень рано я придумала средство бороться с ней. Подойдешь бывало к холодному окну и долго стоишь у него, вымораживаешь тоску. Я в детстве после перенесенного в 4-летнем возрасте воспаления легких, отличалась очень слабым здоровьем, и обычно после каждого вымораживания сваливалась на несколько дней. Но это было хорошей встряской для организма, приносило смену душевных настроений. Девочкой я как-то инстинктивно чувствовала это, взрослой—делала то же сознательно, только простужаться становилось все труднее, приходилось класть снег за рубашку или что-нибудь в этом роде.

Мама — слабая и больная — много виновата в развитии в нас болезненной тревоги. Мы были совсем еще детьми, когда она начала делиться с нами своими волнениями, а при ее характере они были постоянны. «Вот у папы на службе неприятность, останется он без места, как мы будем жить?» бывало говорит она, а детская фантазия разрисовывает всякие ужасы.

Это чувство непрестанного ожидания несчастья шло за мной через всю мою жизнь. Словно я знала, что наша судьба сложится так, как это случилось.

Необходимо еще отметить развитие с детства необъятной фантазии у всех нас. Нашей любимой игрой, сопровождавшейся

рисованием, которым мы увлекались, было: «что будет в трехмиллионном году?» Началась эта игра, когда мне было пять лет и тянулась до моего 14-летнего возраста. Мы поделили между собой земной шар, у каждого были свои государства с необыкновенным населением, и годами шли рассказы об их судьбах. Каждому из нас нужно было хорошо знать, какие растения и животные встречаются в его стране, какие народы жили раньше— и на этом строить свои фантазии. Мы очень много читали, причем детские книги почти что не попадались нам в руки. С четырех-пяти лет нам уже читали Пушкина, Лермонтова, Гоголя, а восьми лет я считала, что у нас в шкафу нет ни одного романа, который был бы не понятен мне. Читала, например, «Воскресение» Толстого и думала, что понимаю. У нас совсем не было товарищей-детей и мы рано ушли в область книг и фантазий.

Я постоянно слышала от взрослых, что я очень упряма. Сама я этого не замечала. У меня за все время моего детства не было ни одного серьезного столкновения со взрослыми, но я всегда молча и настойчиво делала так, как мне нравится. Мама была очень мягкая и неуравновешанная, с ней не надо было только спорить, а я вообще не любила слов. Я жила своей собственной замкнутой жизнью, в которую не любила пускать взрослых. И я знала, что всегда будет так, как я захочу. Вот, кажется, самое первое мое детское воспоминание. Мне года два с половиной. Я стою на подоконнике, ловлю на стекле большого шмеля. Он меня кусает, я плачу и все-таки ловлю его. Мне часто теперь вспоминается этот шмель. Как бы больно мне ни было, я своего добиваюсь. С раннего же детства обнаруживалось и громадное терпение. Моя любимая игра состояла в том, что я смешивала несколько сортов круп и потом одно за другим отбирала зернышки риса от гречихи, пшена и т. д. За этим занятием так хорошо мечталось и к тому же никто не мешал мне замечаниями, что я сижу без дела — «я играю».

Очень рано стал проявляться тот «комплекс недостаточности», который является несчастьем всей моей последующей жизни. Во мне появилось сознание, что я хуже других. Может быть, на это повлияло то неблагоприятное для меня положение, которое я занимала в семье. Аня была на особом положении, как старшая, Ната, благодаря своей мягкости, исключительной одаренности, невольно сделалась общей любимицей, а я как-то осталась в стороне, может быть, еще и благодаря своему замкнутому в те годы характеру. Влияли еще и вечные вздохи няни, что вот Ленушка нелюбимая. И я, совсем еще маленьким ребенком, пяти-шести лет, ярко чувствовала, что я какая-то никому ненужная,

должно быть потому, что я хуже всех. По всей вероятности, поэтому-то я и не люблю своего детства. Довольно о нем.

Ученье в гимназии давалось мне как-то шутя. Я никогда не учила уроков, в старших классах даже считала излишним иметь учебники и все-таки была всегда первой ученицей, кончила с золотой медалью [1]. В это время, такое важное для будущего человека, как-то не приходилось слышать о необходимости развития в себе навыков к серьезной работе, и я гордилась тем, что мне все дается сразу, без всяких усилий.

Гимназические годы были для меня годами тяжелых душевных исканий. Очень рано начинает сказываться мой страстный, не умеющий сразу найти правильные мерки, характер. Когда я оглядываюсь назад, меня поражает та резкая альтернативная установка вопросов, которая была в то время присуща мне. Недаром моим любимым литературным произведением того периода был Ибсеновский Брандт с его «все или ничто». Я не понимала средних путей, не вдумывалась в жестокость подобных установок. Наша школа всегда грешила и грешит тем, что все свое время посвящает учебе, совершенно не интересуясь внутренней жизнью молодежи. Дома же у нас как-то было не принято говорить о своих внутренних переживаниях. В папе всегда так ясно читалось: «путь всякого порядочного человека настолько понятен, что внутренний инстинкт не допустит колебаний. Какие же тут разговоры?» Мама, вечно больная, не задумывающаяся над тем, что мучит нас, а в последние годы, даже считающая, что у нее слишком умные дочери... И в результате предоставленная самой себе, одаренная ярким увлекающимся воображением, я в эти годы пошла по пути, за который потом пришлось дорого расплачиваться. Как то бывает у всех обеспеченных людей, наша семья была всецело под влиянием идеалистической философии. И вот у меня начинаются резкие перегибы ее до последней крайности. «Дух — единственно ценное в человеке. Тело — это то, что грешит, что мешает жить истинно духовной жизнью. Надо подчинить его себе, освободиться от его власти»... И часто я заставляла себя в течение 24-х часов не есть и не спать. На следующие сутки от яркого нервного возбуждения начинает казаться, что тело все прозрачное, что его словно нет, а вся я из одной души и мне так легко и хорошо. И я радуюсь — дух важнее всего.

---

[1] В письме от 26 января 1907 г. одна из сестер Ел. А. Ивановой, Наталия, пишет своей тетке О. А. Ивановой: «Лена учится хорошо, только по франц. яз. 4, а остальные все 5. У Ани есть 2, у Юрки же две 2». (Архив О. А. Ивановой).

В 16, 17 лет у меня был острый взрыв религиозности и ощущение своей греховности. Бывало, молишься целые ночи, кладешь земные поклоны до того, что обморок случится, или начнет сильно кровь из носа течь. Много глупостей делала я в эти годы и радовалась на них. Начинали проявляться первые признаки душевного заболевания, а я, не зная, что это такое, радовалась своим особенно красивым настроениям и культивировала их. Да, с врагом можно бороться только тогда, когда его знаешь. А у нас, как у 99% всех людей, было представление, что душевное заболевание — это сумасшествие, идиотизм и разве эти необыкновенные красивые настроения, когда весь мир кажется в каком-то золотом тумане, каким-то воздушным миражем — могут иметь что-либо общее с ним? И я продолжаю всеми способами «подчинять себе свое тело» — попросту приобретать истерию.

Когда оглядываешься на душевную жизнь того времени, невольно поражаешься, сколько ненужных страданий доставляла я сама себе. Начнешь бывало фантазировать: вот в моей жизни встретился такой-то сложный случай, как я должна поступить, чтобы не было греха? И, бывало, неделями мучаешься, разрешая эти вопросы. Вообще же все мои рассуждения были на этические темы. Особенно больно дались мне два вопроса, первый из них даже послужил толчком к моему отходу от христианства. «Какую цену имеет добро, раз мы получаем за него награду на том свете?» Надо делать так, чтобы никакой награды не было. Сделаешь доброе дело и хоть одному человеку расскажи о нем. Тогда выйдет, что ты хвалишься своим добром, и ты уже не получишь за него награды. Добро для добра будет... Особенно сильно поразили мое воображение слова из какого-то романа Потапенко: «Нет, если уж жертвовать, то жертвовать всем, даже своим достоинством. А то, что это за жертва будет, если мы что полегче пожертвуем, а самое дорогое для нас, наше достоинство, себе оставим». Это так подходило к моему «все или ничто» и вместе с тем так неизбежно вело к ряду тяжелых внутренних кризисов, было источником громадного разочарования в себе.

К 18-ти годам молодость начинает давать себя знать. Хочется жить, начинаешь не так презрительно смотреть на запросы тела. Но и отсюда — ряд острых конфликтов. Вечно стоят передо мной слова «Кесаря и Галилеянина». Как совместить несовместимое: царство, построенное на древе креста и на древе жизни? Как избежать греха против души и греха против тела, которое хочет жить, хочет радоваться жизни? Надо как можно меньше грешить. Грех — это то, что причиняет страдание кому-либо. По-

этому, например, грешно есть мясо. И я сделалась вегетарианкой. В течение трех лет не ела мяса, и мучилась тем, что вынуждена носить кожаные башмаки, умываться мылом и тому подобное. «Все или ничто». Недаром папа меня в это время прозвал «Леша юродивая». Но надо жить не только пассивным добром, отказом от греха, надо стремиться приносить пользу кому-либо... Я так далека была от реальной жизни. Случайно в это время одна из преподавательниц предложила мне урок. Я с радостью ухватилась за мысль зарабатывать деньги и потом отдавала их первому встречному нищему или посылала их на пострадавших от войны.

После гимназии — историко-филологический факультет Московских высших женских курсов. Но это как-то мало изменило мою жизнь. Мы так привыкли дома быть под стеклянным колпаком, привыкли только видеть людей, а не иметь с ними дела. Я как-то ушла в свою раковинку, стала какая-то дикая, боялась и стеснялась разговаривать с чужими. Жизнь шла среди книг, такая же обособленная от мира, как и прежде. К тому же из-за маминой болезни, каждый праздник приходилось ездить домой в Рязань. Уставала ужасно. А те дни, которые я проводила в Москве, были полны вечной тревогой, за то, что делалось дома. Я была уже на 3-ем курсе, когда в ноябре 1917 года мама умерла. Пришлось бросить учиться, быть дома с детьми. Дома в это время творилось что-то невозможное. Вся жизнь последних лет строилась, главным образом, на том, чтобы маму не беспокоить, и в результате получалось как раз противоположное. Дети, давно уже привыкли к тому, что им разрешается что угодно, лишь бы они не кричали. Даже 4-летняя Риночка не любила ложиться спать раньше 3 часов ночи. И все в таком роде... Как-то без слов в семье стало ясно, что все переходит в мои руки, а не старшей из нас—Ане. «Лена—энергичная, она справится»—говорили все. Но как дорого стоило мне это—«справиться». Мне в это время был только 21 год. Так трудно казалось бросить университет, уйти в семью. У папы была разъездная служба, он мог приезжать к нам только раз в месяц, вся внутренняя жизнь дома лежала на мне. Помогала Ната, но она была слишком мягка, а для того, чтобы ввести хоть относительный порядок, нужно было столько настойчивости и энергии. Ни одной секунды я не принадлежала сама себе. За все это, конечно, приходилось расплачиваться своими нервами. Особенно мучили ужасные головные боли, которые были так невыносимы при вечном шуме и ссоре ребят, когда каждую секунду меня дергали то в одну, то в другую сто-

рону. Но главное страдание было, может быть, в том, что первые месяцы у меня не оставалось времени даже для чтения. Казалось, что мозг ссыхается от отсутствия впечатлений. Потом, когда жизнь несколько наладилась, стало легче. Но все-таки круг сузился, еще резче я стала чувствовать свою оторванность от жизни, ее непонимание. Папа всеми силами старался уберечь нас от всяких жизненных невзгод, замкнуть в рамках семьи. Эта-то заботливость и погубила нас. Насколько я понимаю себя, моя живая, энергичная натура требует постоянной деятельности, постоянных впечатлений. Не находя себе естественного выхода, эта живость неизбежно должна была уходить в подсознательное и оттуда вырисовывать странные узоры душевного заболевания. Все сильнее и острее становится тоска и сознание своей никчёмности. Я рано почувствовала, что я слишком женщина и не могу жить без тепла душевного, без сильной привязанности. Я всегда шутила, что я планета, которой необходимо солнце. Лет пять этим солнцем была для меня Ната. Мягкая, гармонически уравновешенная, талантливая, она всецело завладела мной, так что я была «только кусочком ее души, а не отдельным человеком». Она всегда умела разобраться во всех моих резких внутренних установках, смягчить их, направить в должное русло... Но зато ее полосы депрессии были и моей болезнью, которую я поневоле переживала вместе с ней.

В эти годы мы сами как-то старательно закрывали глаза на правду жизни и ставили себе это в заслугу. Типичные барышни, мы были тогда индивидуалистками и эстетками до глубины души. Изящная литература, поэзия, живопись, отвлеченные теоретические рассуждения — вот чем ограничивался наш кругозор. «Зачем смотреть на то, что некрасиво, раз можно избегать этого?» — говорила я. Да, в то время из под нашего стеклянного колпака мы не чувствовали еще звериного лика жизни. Мы твердо верили в разумность и справедливость мировых законов, в то, что в жизни люди всегда руководятся принципами добра, и нарушение их — лишь редкие уродливые исключения, от которых все брезгливо отвертываются. Даже война мало открыла мне глаза. Была мучительная боль от сознания, что льется такое море крови. Но вместе с тем была твердая вера в какой-то высший смысл этого ужаса. Прямо смешно и больно вспоминать ту поистине детскую наивную доверчивость, которая была у меня до 25-ти лет. Неисправимый идеализм, пожалуй, до конца жизни будет составлять мою характерную черту. Когда видишь что-либо хорошее, то этого как-то не замечаешь. Ведь это то, что должно

быть... Чему же тут удивляться?.. Но малейшее нарушение этого доброго, кажется резким диссонансом, усиленно привлекает внимание и стремление проанализировать, понять до конца, почему здесь дурно. Правда, в книгах постоянно встречаешься с описанием темных сторон жизни,— но они кажутся какими-то чуждыми и далекими. Гораздо ближе, понятнее учение какого-нибудь философа-идеалиста, что «благость мира — объективная реальность, потому что об этом говорит все мое существо». Весной сядешь в саду, глядишь целыми часами на небо, в тающие там облака и кажется, что вся душа сливается с ними, расплывается где-то там в небесной выси... Или на валу у крепости над Окским разливом — стараешься открыть пошире глаза, чтобы тихий, гаснущий вечерний свет, как в окошечки вливался бы в них в душу... И так ясно каждым атомом души чувствуешь «какая красота, какая благость — жизнь мира. Пусть в моей душе есть больные изломы — это неважно. Нужно только уметь растворить эту душу в красоте мира...»

В 1919 г. мы переехали в Казань. Я и Ната поступили на службу в управление Казанской ж. д. Служба была мне полезна тем, что хоть немного приближала к реальному миру, позволяла иметь дело с людьми. Во многих отношениях в то время я была типичной барышней из интеллигентской семьи. На службе многое так коробило меня своей вульгарностью — особенно отношение наших канцелярских барышень с техниками. Я чувствовала себя глубоко оскорбленной, когда один из делопроизводителей стал делать попытки ухаживать за мной. Кто он такой? Какой-то человек восточного типа из 3-го класса городского училища... Смеет ухаживать за мной... и таким вульгарным образом... Все эти длинные взгляды, многозначительные пожатия рук выводили меня из себя и вместе с тем пугали. Вообще я так боялась канцелярских романов. Заинтересовать они меня не могли потому что в то время для меня людьми были только люди своего круга, а остальные — только фон для них. Но мало-по-малу, ближе ознакомившись с сослуживцами, я невольно начинала замечать, что многие из них совсем не заслуживают такого отношения к себе. Особенно много дало мне наблюдение за одним из них. Молодой человек из рабочих, застенчивый и робкий, не имеющий систематического образования, он тем не менее имел довольно широкий запас знаний, мог говорить на все темы, поднимаемые нашим кружком конторщиц-студенток. Он впервые открыл мне глаза на то, что аттестаты не играют большой роли в личности человека. Мало-по-малу я начинала сживаться с обстановкой. По правде сказать, мне было очень хорошо в управлении. Сама по себе я была из

лучших служащих в управлении. Кроме того, папа был в это время помощником начальника материальной службы, и это невольно отражалось на моем положении. Конечно, в то время я не понимала таких тонкостей... Поняла позднее, после его смерти. Надо увезти детей куда-нибудь подальше в деревню, где жизнь дешевле. Ната и Аня остаются при папе. И мне самой будет легче без людей — сейчас такая душевная боль, что каждое слово кажется какой-то пыткой. Скорее бы из города, к тихой мирной жизни. Сейчас я напоминаю себе пружину — чем сильнее давление, тем более она сжимается, так и во мне вдруг появляется сила какой-то большой энергии. Моя приятельница, которая вместе со мной получает перевод на линию, усмехается, когда я говорю о своей беспомощности. Она не понимает, что это — энергия отчаяния. Ведь я знаю, что у меня ребята.

Бикбарда. Село над большим прудом. Кругом на холмах сосновые леса. На редкость красивое место, но какое-то забытое, оторванное от всего мира. Много неожиданных сюрпризов несет оно мне. Я еще не привыкла к жизни маленьких людей, да и не привыкну никогда. Я всегда буду сама собой, в какие условия ни ставила бы меня жизнь. А тут мне так резко торопятся подчеркнуть мое новое положение, возмущаются, что я, какая-то несчастная конторщица, с кучей ребят на руках, не хочу понимать этого. Заведующий конторой встречается с Варей: «Ты почему не пришла помочь моей жене полы мыть? У самой уборка? Могла бы и обождать». Я вспылила и высмеяла его, как только могла. С тех пор он — мой непримиримый враг. Да, когда живешь в казенной квартире, с больными ребятами, когда выдача дров, керосина и т. п. зависит от начальства, а, главное, мы считаемся мобилизованными и не имеем права отказываться от всяких дальних командировок — есть тысяча способов заставить почувствовать свою власть. Сейчас я бы только смеялась над этим, но тогда каждое неловкое прикосновение причиняло невыносимую боль душе. В Казани около меня была Ната, здесь же я абсолютно одна. Целыми днями ждешь писем от наших, но они не приносят ничего утешительного. Тревога в душе все растет и растет. Я чувствую, что последние силы покидают меня. Мои припадки-обмороки начинают повторяться по нескольку раз в день. Я не пишу им этой правды о себе, надо их пожалеть. Мои письма говорят о пустяках, но они не понимают ничего, и обвиняют меня в эгоизме и легкомыслии. Все сильнее тяжелый осадок на душе. Даже семья, которая казалась мне главной ценностью в жизни, не является поддержкой в тяжелую минуту. От чужих людей я давно сторонюсь. Что им до меня?

В довершение несчастья, от малокровия у меня развивается куриная слепота. Целых три месяца, только что начнет садиться солнце, я делаюсь слепой. Даже книги не могут теперь отвлекать меня от тяжелых мыслей.

Все время в Бикбарде я чувствовала себя такой несчастной, такой одинокой. И вот на почве этого одиночества, незаметно для меня самой, выросла любовь к единственному внимательно и тепло относящемуся ко мне человеку. Мне был нужен такой пустяк в то время: два, три теплых слова, приносимые книги для чтения, без которых я так скучала... И я привязалась к нему всей душой. Это был мой первый роман с поцелуями. Когда он увидел, что я его люблю, он потянулся было ко мне... Говорил, что любит, целовал... Но когда по селу пошли сплетни, он испугался и отвернулся от меня. Я шла к любви, потому что мне некуда было итти. Я давно уже не верила в добро и справедливость. Когда изменила и любовь, я поняла, что для меня все кончено. У меня было несколько порошков морфия и веронал. Я думала, что этого достаточно, чтобы умереть. Я пишу в это время в своем дневнике: «Я все решила и вижу, что иначе я не могу. Я напоминаю себе человека, которому велели во что бы то ни стало пройти тысячу верст. Если он не пройдет, погибнут все дорогие, близкие ему. Он будет итти, пока есть силы, но есть ведь и им предел! В конце концов он не сможет итти, хоть и знает, что падая, делает преступление перед своими близкими. Жить мне больше нечем... Только бы ничего не видеть, не слышать, не чувствовать...»

Но доза была недостаточна — я осталась жива...

Аня, с которой я неожиданно встретилась в Казани, устраивает меня в психиатрическую лечебницу. Тяжелое оцепенение сковывает мой организм, на мозг словно опустилась свинцовая пелена, как трудно думать и чувствовать что-либо... У меня какой-то паралич — паралич воли: хочешь встать или поднять руку и минут пять надо собираться, прежде чем сможешь сделать необходимое движение. Если около меня есть человек, я автоматически подчиняюсь ему: встаю и иду по чужому зову, но сама я бессильна сделать что-либо. Впоследствии этот паралич воли был не так тяжел, но тянулся он около года. Ужасное это состояние. Только через две-три недели появляется способность вглядываться в окружающее. Дом заживо погребенных. Много говорится о сумасшедших домах, но главный их ужас в том, что здесь у человека отнимают последнее, что он имеет даже в тюрьме. Здесь больной — не человек, он полуидиот, полуживотное, от которого каждый нормальный человек ждет каждую минуту са-

мых отвратительных поступков и удивляется, если не видит их. С внешней стороны — уют, мягкая мебель, цветы, словом то, на чем остановятся глаза редкого случайного посетителя. Он не заметит, что ни на одном из этих кресел нельзя сесть из-за вшей и из-за того, что стоит его сдвинуть хоть на пол-сантиметра, как по всему отделению несется крик надзирательницы... В четвертом часу некоторые больные начинают уже вставать. Хождение, разговоры... Какая мука эти общие палаты! Дай бог какой-нибудь час подремать за ночь. Все эти больницы совершенно не рассчитаны на больного человека. Может быть, кто-нибудь, имеющий веревки вместо нервов, сумел бы хорошо здесь обосноваться. Но все несчастье в том, что сюда попадают те, кому необходима тихая, уютная обстановка. Если кто-либо из больных вздумает жаловаться — на лицах медперсонала полное недоумение: «Ведь может быть еще хуже!» Главный ужас этих больниц в твердом убеждении всех, и больных и здоровых, что это навсегда.

Можно судить, какое впечатление на мою депрессивную психику произвела вся эта обстановка! «Конечно, я конченный, никчемный человек, мое место только здесь, раз я даже умереть не сумела». И я все больше и больше начала уходить в свою болезнь. Мне уже давно были свойственны навязчивые мысли. Теперь же, предоставленная самой себе, изолированная от всяких влияний внешнего мира как дурных, так и хороших, я отдана была во власть этих навязчивых идей.

Еще в Бикбарде тоска, одиночество и свойственный мне мистицизм, родили образ «Невидимого». Теперь я была всецело в его власти. Может быть, этот образ немного украден мной из Horla Мопассана. Предшествующую зиму я три месяца по вечерам была слепая. Как-то одну неделю у меня болели уши и я почти оглохла. Как только наступал мрак я ничего не видела, ничего не слышала, только чувствовала около себя чье-то присутствие. И это ощущение неведомо кого пошло за мной. Разукрашенное мистицизмом, оно стало образом Невидимого руководителя моей жизни. В больнице я каждую секунду чувствовала, как он длинной туманной тенью стоит за мной. Он не говорил мне, добрая или злая он сила, он требовал только подчинения ему. Я должна была во всем отказаться от своей воли, без его разрешения не вставать, даже не шевелиться. «Такая безусловная покорность — только на первое время, пока ты не привыкнешь к ней» — чувствовала я его голос: «потом у тебя будет свобода движений, но твоя личность будет в моей власти». Как только я хотела ослушаться его, он клал свои тонкие белые пальцы мне на мозг и острая боль бежала по нему, заставляла повиноваться и

замирать без всякого движения. Я хотела рассказать о нем своему врачу. Невидимый смеялся: «Если не захочу, ты не в состоянии будешь это сделать. И он всегда оказывался прав: или Е. И. не придет в отделение, или при обходе забудет подойти ко мне, но во всяком случае все выйдет так, как хочет Невидимый. Он говорит мне: «Тебе надо всецело подчиниться мне, отказаться от всяких привязанностей и это будет для тебя большое благо, потому что все те, кого ты любишь, обречены на смерть. Первый умрет отец, потом Наташа и еще, и еще будут смерти, ты все это увидишь». Наконец Невидимый соглашается: «Хорошо, поговори, если хочешь, с врачом, называй меня больной идеей, но скоро увидишь, кто прав: я или ты». Я говорила с Е. И., рассказала о том, что Невидимый мне говорит о скорой папиной смерти. Папу в это время уже освободили, и он в Москве кончал последние хлопоты по переезду на Кавказ. Но тюрьма сломила его. Он умер неожиданно через три недели после суда. Невидимый оказался прав, тем более, что разговор с Е. И. оказался безрезультатным: она забыла о нем. С этой минуты я была всецело в его власти. Болезнь все острее и острее захватывала меня.

Через 2½ месяца меня перевели в психиатрическую клинику. К этому времени сумасшедший дом уже начинал приводить меня в отчаяние. Так мучительно было чувствовать, что и я принадлежу к числу заживо погребенных там. В клинике, может быть, будут лечить, сумасшедший дом лишь по какой-то нелепой ошибке называется психиатрической лечебницей. Лечат покоем и изоляцией. Я слишком хорошо испытала на себе эти покой и изоляцию. Самое слово клиника как-то благотворно действовало на меня, потому что я унаследовала от папы какую-то благоговейную веру в науку.

Жизнь в клинике так богата всякими сюрпризами. Сумасшедший дом недаром называется в простонародьи «всепрощенным домом», с него нечего спрашивать, но здесь — клиника и поэтому так больно бьют по душе эти неожиданности. Стою как-то у окна, в том же корридоре врач делает характеристику больных двум студенткам. Слышу: «Иванова — типичная истеричка, истерия характеризуется прежде всего половой распущенностью» и т. д. и т. д. «Позвольте поближе подойти, отсюда мне не все слышно» — говорю я, но они не чувствуют насмешки в моем тоне. «Вам можно, вы интеллигентная» — получаю я милостивое разрешение.

У меня так развита свойственная всей нашей семье юмористическая жилка. Сами собой выскакивают в мозгу яркие, забавные карикатуры на лечение больных душ, складываются в

насмешливые стихотвореньица. Но при моем бреде греховности — это такая пытка. Я не могла простить себе этой насмешливости. Каялась и мучилась, но неизменно встречала насмешливыми замечаниями всякий неуклюжий подход к себе. Никогда я не была так насмешлива, как во время моего лечения в психиатричке. Восемь месяцев длилось это лечение, но мне кажется, что след его неизгладимой чертой прошел через всю мою жизнь. Восемь месяцев жить вне закона, быть не человеком, а сумасшедшей. Но, может быть, это имело и свою положительную сторону, дало своеобразную закалку, так необходимую для моего вечно страдающего, мимозного «я». За его счет развивалось второе «я» — властное и гордое, не считающееся с чужим мнением. «Я есть я» — вот моя формула. Я сумасшедшая. Живу как хочу. И пусть про меня говорят, что угодно». Может быть, у меня иногда излишняя бравировка этим. Все это уже изжитое, но весь ужас в том, что закалку мне приходилось получать в то время, когда душа казалась вся сотканной из одних болевых нитей, когда каждое прикосновение рождало отчаянную боль. Никогда здоровый человек не сможет представить себе той ужасающей ежесекундной боли, из которой соткана вся жизнь душевнобольного. Больно говорить, больно думать, даже раскрыть глаза или пошевелить рукой больно, — а тут еще начались практические занятия, когда мы превратились в живой материал для студентов. Даже сейчас жутко вспомнить, какой это подчас бывало пыткой. В то время, когда каждое слово ранит душу, приходилось часа полтора подряд отвечать на ряд вопросов, порой таких бестактных, таких глупых. Какое благодеяние было бы, если бы врачи помнили, что больные прежде всего больные, и освобождали в наиболее обостренные моменты от этих занятий тех, кто наделен подобной повышенной чувствительностью. Нельзя забывать, что депрессивные больные большей частью не жалуются. Они молчат, как бы невыносимо это не было. До сих пор не могу без страха вспомнить свое лечение в клинике. И всегда буду говорить, что самая моя тяжелая работа была служба в клинике в качестве больной. Из-за болезни работать я не могла. Мое место было только в больнице. И за него приходилось платить своей душой.

А Невидимый в это время говорил мне: «Так и должно быть: ты должна отказаться от своего «я». Это только этап в твоем подчинении мне. Я поведу тебя через все страдания мира. Ты отрицаешь этот мир, осуждаешь его. И вот для того, чтобы принять мир, чтобы все понять и ничего не осудить, ты должна будешь коснуться каждого греха. Только тогда поймешь, почему грешат люди. И когда все, все поймешь, ты приобретешь гро-

мадную внутреннюю ясность и мир духа. Но не надолго, потому что «смерть увидавшему Иегову». Вот твой путь и с него возврата нет». День и ночь, даже во сне мысль, как гвоздиками, пробита этими словами. Идут два параллельных слоя мышления, один здоровый, нормальный, а под ним самостоятельный больной. Он не останавливается даже во время чтения или разговора. А когда я одна, совсем одна, как то бывает при лечении «покоем и изоляцией», эти больные представления достигают ужасающей силы. Кажется еще минута, что-то в мозгу лопнет, и я совсем сойду с ума... А больные грезы выхватывают отдельные кусочки из философских систем, сплетают их с бредом, и превращают в какой-то спутанный клубок, в котором у меня нет сил разобраться, потому что потеряна основная руководящая нить — ощущение реальности.

Клиника давит меня своим бездушием. «Звериный лик жизни» царит и здесь. Но мое депрессивное «я» еще не смеет сознательно вынести осуждающий приговор этому порядку вещей. Подсознательное компенсирует это новым потоком больных идей. Все окружающие меня вещи (мебель) не вещи. Это только их видимость, а внутренняя их сущность — звери. Вот столик у моей постели. Он отсырел и ящик из него с трудом выдвигается. Он упрямый. Его внутренняя сущность — осел. Стол посреди комнаты — это тигр. А вот в углу комнаты — страус, он изогнул голову и хочет клюнуть мне в глаза. Я отлично знаю, что все это — простая мебель, но в то же время так ярко чувствую этого страуса, что вынуждена все время закрывать глаза рукой.

Все ярче, все сильнее разрастаются навязчивые представления. Все глубже увязаешь в болезни. Сперва это пугает, потом появляется какое-то тупое равнодушие. Иногда возможность совсем сойти с ума даже кажется заманчивой. Совсем потерять сознание, ничего не видеть, не чувствовать. Освободиться от муки сознания, что я из-за болезни ничем не могу помочь нашим, когда они в таком ужасном положении. Ничего не помнить о Т., которого я все еще мучительно люблю, хоть и знаю, что все кончено.

Я всегда ухожу с головой во всякое дело, за какое бы ни взялась. Мой увлекающийся темперамент сказался и здесь. Страстное отрицание жизни проникает всю меня. Когда мне говорят: «вылечим, вылечим», страх охватывает меня. Что значит вылечим? Ну не будет такой ужасной утомляемости, не будет навязчивых мыслей, от которых я страдаю. Но ведь нового способа реагирования на толчки жизни они мне не дадут, сущность моя останется все та же. Снова итти в жизнь такой неприспособленной для того, чтобы видеть гибель своих близких, и снова

неизбежно притти к выводу, что таким, как мы, жить нельзя, что вообще лучше не жить.

Не вернее ли итти по пути Невидимого? Он обещает мне год покоя, полную потерю сознания, чтобы я могла отдохнуть, а там уже буду не я, там будет его воля. Нет, я боюсь лечиться, боюсь опять, как прежде, быть одинокой, беспомощной.

Интересно, куда бы привела меня болезнь, если бы не две неожиданные для меня встречи. Первая из них М. А.— ассистентка моей клиники. Живая, многим интересующаяся, она обратила на меня внимание. Правда, она почти никогда не расспрашивала меня, как врач, о том, что меня угнетает, но с ней так хорошо можно было разговаривать о картинах, стихах, литературе вообще. У нее лишь изредка прорывалось, что я сумасшедшая. Я быстро привязалась к ней. Она приносила мне большую пользу тем, что ясно дала мне осознать, что есть в жизни громадная область искусства, которая всегда будет иметь власть над моей душой. Я отрицаю не все в жизни, а свое право на нее.

Вторая встреча с Л. быстро избавила меня от всех моих Невидимых. Л. не принадлежал к клинике. Ходил туда для изучения психиатрии, которая ему нужна была как психологу. Совсем молоденький мальчик, талантливый и чуткий, он так хорошо и просто сумел подойти ко мне и вскоре стал полным властелином моей души, не менее, чем Невидимый. Никогда в течение всей моей жизни ни один человек не производил на меня такого впечатления, как Л. Слишком силен был контраст с моей клинической обстановкой. Я для него, только для него одного на всем свете, была человек, а не сумасшедшая. Он подолгу разговаривал со мной, носил книги, без которых я так тосковала в клинике. Он всегда умел успокоить, отвлечь меня от тяжелых мыслей. Для меня даже его имя стало светиться каким-то особым светом. Я не была в него влюблена, нет. Это было мое очарование, как говорила я тогда. Л. стал меня лечить психоанализом. С первой же минуты меня так поразили его слова, что Невидимый — только компенсация со стороны моего подсознательного «я», так страдающего от одиночества и беспомощности. Неудивительно, что эта идея получила такой пышный расцвет в стенах лечебницы, где нет ни одного отвлекающего впечатления. Пути Невидимого — это мои собственные идеалы жизни. Какая это глубокая истина! Психоанализ быстро торжествует над бредом. Образ Невидимого начинает таять и исчезать. Правда, Невидимый говорит мне: «Я уйду. Для того, чтобы ты поняла, что ты должна итти моими путями. Ты хочешь верить человеку. Посмотри, ровно через год ты пожалеешь, что меня нет с тобой». Но в те дни

я была всецело под влиянием Л. Молоденький мальчик, полный безграничной веры в себя, он в сущности знал жизнь так же мало, как и я, то-есть знал только жизнь узкого круга хорошо обеспеченных людей. Когда я говорила ему, что моя болезнь заключается главным образом в том, что я никуда не гожусь и не умею жить, он самонадеянно отвечал, что мне надо только заботиться о развитии энергии, итти теми путями, которые он мне укажет, а об остальном заботиться не надо. У него есть связи и он всегда поможет мне устроиться в жизни. Под влиянием его так красиво рассказываемых сказок, в моей душе начинает пробуждаться робкая надежда на то, что, может быть, и в самом деле я еще смогу жить. И с этого момента мое здоровье начинает быстро улучшаться. Исчезает бессонница, галлюцинации, слабеет навязчивость, мало-по-малу возвращаются силы. Л. говорит, что мне надо пересмотреть свое отношение к самой себе. Он уверяет, что я талантлива, что мне все легко должно даваться. В самом деле, почему я решила, что я никуда не гожусь. Ученье мне всегда давалось шутя, служба тоже, я вижу, насколько я развитее тех студентов, которые изучают меня на практических занятиях и глубокомысленно констатируют мое слабоумие. Объективные данные говорят, что природа мне дала много, но субъективно я чувствую себя ни на что не годной. С этим надо бороться, надо глубже вглядываться в душевные заболевания, чтобы в будущем не давать им власти над собой.

В Л. я нашла надежную защиту от всех бед клинической жизни. В нем, еще сильнее, чем во мне, была развита юмористическая жилка и какая-нибудь мимолетная тонко-насмешливая фраза сразу освещала и давал выход из создавшегося положения.

Чтобы закончить картину своего клинического лечения, необходимо остановиться еще на одном инциденте, который теперь только насмешил бы меня, но тогда так болезненно остро прошелся по душе. После тифа я жила в деревне у Наты и вдруг М. А. спрашивает у Ани: «Скажите, правда, что у Леночки ребенок»? В первую минуту у меня взяла верх моя юмористическая жилка. Спрашиваю Аню: «А ты не посоветовала им сделать доклад в Медицинском об-ве о женщине, родившей через 14 месяцев после своего романа. Или, может быть, это они в клинике награждают ребятами своих больных, находящихся под замком?» Но чем больше я вдумывалась в эту историю, тем больнее мне становилось. Да, как прав был Л., когда смеялся: «Разве Вы не чувствуете, что обязаны мыслить и поступать так, как это написано у Крепелина на такой-то странице, раз на Вас наклеен соответствующий ярлычек».

В эти годы у меня была какая-то болезненно обостренная стыдливость. Я очень поздно стала чувствовать, что просыпаюсь, как женщина — после 28 лет, после моего второго романа. В то время я была совсем еще девочка и для меня было настоящим кошмаром, что я уже «нечистая», еще бы, девушка, которую уже целовали. Поделом мне, что про меня теперь говорят все, что угодно. Конечно, мне было больно не то, что подозревают меня в имении ребенка. Если бы он был у меня—это было бы верхом счастья для меня. Я так мечтала о «синих глазках»—тогда бы не было этого ужасающего одиночества. И кто же? М. А., которую я так по-детски уважала, которая была для меня настоящим «большим человеком». Даже при наличии подчеркиваемой ими мимозности психики, она не допускает существования только психологических драм, необходимо нужны грубо фактические.

При моей ужасающей особенности — из каждого маленького события делать общие выводы—этот случай имел колоссальное значение. Он был последней гирькой, брошенной на весы и заставившей рухнуть все то громадное здание благоговейной веры в науку и больших людей, которую воспитывали в нас с детства. И отсюда стал возникать кошмар следующего года моей жизни— —бездушье мира. В психиатричке мне часто казалось, что внешний мир — мираж, что нет ничего, кроме «я» и душевной боли. Теперь же реальны были все предметы, но не было ничего одухотворяющего их. В книгах были одни буквы, складывающиеся в мертвые слова, без всякого внутреннего смысла. Какой может быть смысл, когда духовный мир—мираж? Со страхом я замечала, что мой руководитель Л. теряет прежний интерес ко мне. Так остро чувствую, что он часто только из вежливости разговаривает со мной. Стараюсь закрывать на это глаза, обманывать себя... Но все же чувствую, что теперь когда я вновь в жизни, когда мне действительно нужна помощь, я не могу итти к нему, я всецело предоставлена самой себе. Да, как прав был мой Невидимый, говоря, что я пожалею, что его нет со мной.

Как будто нарочно судьба толкает меня в те места, где мне менее всего надо было бы быть. Я попадаю в детскую столовую АРА. При ужасающей обостренной чувствительности, каждый день видеть перед собой в сырость и мороз 2.000 голодных оборванных детей, чувствовать, что та помощь, которую им оказывают, только капля в бездонном океане страданий и нищеты. Эти картины закрывают передо мной все. Реальными кажутся только они. А все остальное—красивые слова или сны, которыми обманывают себя хорошо обеспеченные люди. Я не могу, не хочу ничего читать... Зачем мне эта красочная ложь? Я больше не хочу

закрывать глаза на правду жизни. Надо понять ее всю, всю до конца...

Как просто вести рассказ. Несколько слов—и все. А изживается это месяцами, иногда годами... Но все-таки понять всю правду жизни мне дано было только на следующий год. Сейчас меня хоть немного спасало дело. Я полюбила свою столовую, своих ребят, мне нравилось, что я сумела хорошо наладить большое, ответственное дело. Иногда страх охватывал душу: служба моя только на год...

Как раз в это время заплелся тот клубок, который кончился смертью Наташи.

Для того, чтобы спасти Нату, надо было вырвать ее из тех условий, которые толкали ее к неизбежной гибели. Прежде всего необходимо порвать с Казанью. Единственная надежда на Москву, где есть много знакомых людей с положением, которые когда то обещали помочь. Правда, теперь я уже знаю цену всем обещаниям, но все-таки надо попытаться еще раз. Знать, что все спасение зависит от того, сумеешь ли ты устроиться в Москве и неизбежно всюду натыкаться на равнодушие, так плохо прикрываемое внешне любезными словами. Так ярко читаешь во всех: «слишком много горя на свете, не вы одни. Всем не поможешь». Еще перед отъездом из Казани, я знала, что дело будет обстоять именно так. Я шла от Наты в город. Поля были полны той прозрачной тишиной и ясностью, которые обычно несут такое умиротворение душе. Но на этот раз они только подчеркивали ту безисходность, которая сжимала нас. Я упала на траву и долго, долго плакала. Мне кажется, сколько бы я еще не жила, я никогда не пойму так остро все отчаяние безнадежности. Если бы пробудить хоть каплю живого человеческого чувства в душе одного человека, Ната была бы спасена. В тот день я дала себе обещание всю свою жизнь строить на жалости. Мне кажется, я не нарушила этого обещания.

Три месяца пробыла я в Москве и вынуждена были ни с чем вернуться в Казань. Как жить? Куда итти? К Л., который даже не ответил мне на мое письмо из Москвы, который как-то сказал мне: «Самая Ваша большая ошибка в том, что Вы, подходя к людям, думаете, что это на всю жизнь». Кажется ясно. И так все, все. Все одинаковы.

Главное правило нашей семьи — внешняя выдержка. Как бы тяжело ни было, мы не любим показывать этого. А те, кто виноват в Натиной смерти, — еще больше подбавляли горечи в нашу жизнь, говоря с оскорбительными для нас намеками: «удивляюсь, не понимаю, на какие средства они живут».. Моя сила в гордо-

сти, но Нате, более нежной и более тонкой по душе, чем я, это было еще больнее... (В 1922 г. Елена Алексеевна, будучи членом профсоюза Нарпит, некоторое время работает в столовых в качестве подсобной работницы). — ...И вдруг у меня вспыхнуло самое большое и яркое чувство в моей жизни — любовь к Шуре. Это было опять, как и в Бикбарде, бегство в любовь от звериного лика жизни. Встретились мы с ним на работе. Как-то сразу почувствовала на себе его пристальный взгляд, поняла, что нравлюсь ему и от того стало так тепло и уютно. Высокий, широкоплечий, он был красив и ловок в движениях, в нем было что-то сразу говорящее о твердой установке его «я». Меня в людях прежде всего привлекает ярко выраженная индивидуальность. И так неожиданно быстро развернулся наш роман. Я работала на двухнедельнике в их столовой. Ночью он шел провожать меня домой и мы без конца гуляли, несмотря на то, что стояли 20-градусные морозы, а я была в одном летнем пальто. Через какие нибудь дней 10 мы уже решили, что мы поженимся. Какое дело мне до того, что он простой рабочий, что он ничего не знает о том мире красочной словесной лжи, от которого я отвернулась сейчас сама. У него хороший, ясный природный ум, — тот трезвый ум рабочего, который составляет такой контраст с моим интеллигентским, запутавшимся в философских хитросплетениях. Это было какое-то стихийное чувство, захватившее меня всю. Чувствовала, что люблю каждым кусочком души и тела. Сколько ссор приходилось мне выдерживать из-за него с Алей и Натой. Потом махнули на меня рукой. Известное дело — сумасшедшая, чего от нее ждать?

В те вечера, когда Шура бывал у меня, сразу уходили куда-то далеко все тревоги и волнения, так тепло и ясно становилось на душе. «Шура, ты не боишься, что я сумасшедшая?» — спрашивала я. Он только смеялся: «Слушай ты больше своих докторов, они ни весть чего наговорят. Я сам такой же, как ты. Сгоряча натворишь не знаю чего, а они сейчас же и скажут — сумасшедший». Каким-то инстинктивным чутьем он умел понять то, что не было ясно нашим. После сумасшедшего дома, я стала какой-то чужой в семье — мне не умели простить его, не умели простить того, что я не выдержала трудной минуты. Тем сильнее и ярче было мое чувство к Шуре. Действительно, только раз в жизни можно любить так, без всяких сомнений и забот.

Но вскоре на моем небе стали появляться облачка. Главная беда была в том, что Шура был женат, у него была 8-летняя дочь. Он говорил мне, что ни он, ни жена не любят друг друга, что они давно чужие, давно решили, что разойдутся. Я верила

каждому его слову и вдруг одна знакомая, живущая в том же доме, где и Шура, передает мне, что для его жены страшное горе, что он уходит от нее. Она целые дни плачет, не хочет слышать о разводе. Я буду строить свое счастье на страдании другой! Каждый атом моей души протестует против этого. Спрашиваю его: «Зачем ты лгал мне? Почему сразу не сказал правду? — «А почем я знаю, любит она меня или нет. Она — чужая мне» — слышу в ответ. Закрываю глаза на будущее. Не хочется думать о нем. Знаю одно — без Шуры не могу жить. А там будь, что будет. Под конец мое лучшее «я» одерживает победу. Шура, не надо развода» — говорю я: «оставайся у жены, чтобы ей не так больно было. Если любишь меня, мне ничего не надо, будем так жить и я очень рада буду, если у меня будет Шуреночек». Но в Шуре словно что-то затуманилось, он не согласен со мной «Для меня близкая женщина только жена» — говорит он. И этот вечер, который я считала большим нравственным достижением для себя, был для меня последним счастливым вечером. С тех пор отношение Шуры ко мне изменилось. Я предполагала в нем бо́льшую интеллигентность, чем это было на деле, так как в это время я еще продолжала подходить к людям с отвлеченными общими для всех мерками. Он не понял меня. Должно быть я показалась ему легко доступной и это сразу понизило мою цену в его глазах. А, может быть, пришло время для нового увлеченья. Как я узнала его позднее, он очень увлекающийся человек, причем искренно считает каждую свою новую влюбленность единственной и настоящей. Все чаще передают мне, что видят его гуляющим с другими. Спрашиваю его — правда ли это? Он кажется обиженным: «Неужели же я променяю тебя на какую-нибудь М. или Л.? Попросила меня проводить после собрания, неудобно было отказать — только и всего. Ты должна бы, кажется, уметь разбираться в людях. Зачем бы я ходил к тебе? Зачем бы целовал, если бы не любил». Этот довод кажется таким убедительным, что возразить против него нечего, хотя инстинктивно, в глубине души чувствуешь прячущуюся где-то там за его словами ложь. Но стоит себе только представить всю беспросветность моей тогдашней жизни без Шуры, как невольно закрываешь глаза и соглашаешься верить какой угодно лжи, лишь бы не сознавать правды.

И все-таки пришел день, когда нужно было проснуться. Почти полгода тянулась моя сказка. И вдруг, однажды, после большой прогулки за город, когда Шура был так мягок и нежен, так целовал меня и обещал всегда, всегда быть со мною, получаю от него письмо: «Пора кончить. Дело может зайти у нас

слишком далеко, а он — семейный человек». Подхожу к нему, спрашиваю, в чем дело? Слышу в ответ одно холодное, жесткое: «не о чем разговаривать». Целую неделю добивалась я возможности просто и откровенно поговорить с ним, спросить, почему такая перемена. И неизменно встречала грубый и холодный отпор. Это был не мой Шура, а какой-то чужой мне человек, в душе которого не было ни капли жалости ко мне. Что же делать? Оставаться в жизни одной, без Шуры, чтобы еще резче чувствовать всю ее беспросветность. Позволять себе переносить такие толчки. Нет, никогда! Надо ни капли не уважать себя, чтобы соглашаться жить при каких угодно условиях. Ната права, что надо оборвать эту бесцельную канитель. Я уже давно решила, что путь мне остается один — в университете с третьего этажа вниз на камни. Высота такая, что жутко вниз поглядеть. Здесь ошибки, как с отравлением, быть не может.

Мне хочется остановиться подробнее на этой второй моей попытке самоубийства. Насколько первая была вызвана какой-то естественной потребностью организма в покое, чрезмерной переутомленностью его — настолько вторая была актом воли. Я в это время была физически здорова, организм тянулся к жизни, его пугала мысль о том, что я собираюсь сделать. Но все мое внутреннее «я» требовало от меня этого шага, возмущалось собственным малодушием. В моей психике было еще много больных мест. Я не могла стоять над высотой без того, чтобы у меня не возникала острая импульсивная тяга туда, вниз. Этот соблазн высоты возник во мне года два назад, когда я еще была в клинике, и с тех пор жил в моей душе. Это было на одной из лекций по психиатрии, которые мне разрешалось слушать. Демонстрировалась больная П. с ярко выраженной формой истерии. Цель лекции была показать аудитории истерический припадок. Все условия были подготовлены к этому. Ассистент, зорко вглядываясь в больную, начал чтение при ней истории ее болезни, особенно выпукло напирая на обостренные моменты. П. становилась все возбужденнее, все ярче охватывало ее состояние истерического бреда и наконец она бросилась из аудитории в корридор и забилась там в припадке. Все слушатели хлынули туда же смотреть на нее.

Я осталась одна вверху на хорах у окна. Прямо подо мной была узкая щель отвесного пролета. Я чувствовала, что стою над какой-то бездной. Странное, почти бредовое состояние охватило меня. Мне казалось, что я стою на вершине высокой, высокой горы, с которой виден весь мир, с его бесконечными страданиями, что-то в роде сцены из «Анатемы»... Вот он долг человека

перед человеком, в который я когда-то так верила. Более яркого доказательства, что отдельный человек — ничто, что он только материал для общих целей, может быть тоже ошибочных, нельзя было дать. Какая мучительная жалость пробуждалась во мне к этому человеку-материалу. Волны невыносимой боли охватывали меня. Мне казалось, что я не выдерживаю того, что раскрывается перед моими глазами. Если бы этот просвет под ногами был бы достаточно велик и глубок, я бы в ту же минуту бросилась вниз, лишь бы не чувствовать этого порядка вещей. Даже не удержало бы сознание, что я тоже даю «им» наглядную картину, к чему приводит излишняя чувствительность. Ощущение прошло, но импульс уже был дан. С тех пор соблазн высоты завладел мной.

Помню как однажды, вскоре после выписки из клиники, я пошла к Л. Он работал в психологической лаборатории, помещавшейся тогда в третьем этаже университета. Мы стояли с ним у перил, глядя вниз в пролет. Я чувствовала, как что-то сжимает меня, что у меня нет прежних слов для него. Когда-то он подарил мне книжку стихов Гумилева «Фарфоровый павильон». Это название стало для меня символом наших отношений. Все его кружевное здание слов было так красиво, когда стены клиники отгораживали меня от жизни. При первых же толчках ее, наш «фарфоровый павильон» развалился на мелкие осколки. Какая-то отчужденность появилась между нами, я не могу итти к нему так, как прежде. Что делать? Куда итти? Жизнь все больше и больше захлестывает меня, я чувствую ее сильнее себя. Как бы не осталась одна дорога — туда вниз. Этот момент внес в душу какое-то твердое убеждение, что я непременно буду там, внизу.

К этому-то месту, месту нашего разговора с Л., я и пришла теперь. Жутко было в душе. Как легко было мне пытаться умереть в первый раз, сравнительно с тем, что я переживала сейчас. Да, как верно, что добрыми намерениями вымощена дорога в ад. Зачем-то нужно было начинать эти опыты со мной и бросить их, не доведя до конца — для того, чтобы я, после двух лет душевной пытки, вновь пришла бы к тому, с чего начала: сознанию, что таким, как я, жить нельзя.

Л. сравнивал меня с героиней так любимого мною романа Тагора «Дом и мир», Бималой. Дом и мир... Я вышла из дома, у меня его теперь нет. Я стала какая-то чужая для своих. Мир же слишком широк для меня. В нем я жить не умею... Но вместе с тем какой-то инстинктивный страх перед смертью охватывает меня. Я не могу решиться соскочить вниз... Раньше мне казалось, что это так просто: подойти к перилам, заломить назад

руки, перегнуться немного — и готово. Нет, прежде всего перила слишком высоки. Надо перелезть через них и прыгать с маленького карнизика. Это сложнее. Только два-три движения отделяют меня от смерти и между тем я так малодушна, что не решаюсь на них. Жить... Жить без Шуры, без единственного просвета в жизни... Что угодно, только не это! Острое презрение к себе за малодушие охватывает меня. И все же в первый раз, часов в 12 дня, я не нашла в себе воли броситься вниз. Пришла сюда снова к вечеру. В эту минуту вопрос для меня сводился не к тому, что жить или нет, а к «смею, или не смею» перешагнуть границу жизни. Конечно верх взяло мое властное, гордое «я». Как! я не смею? Этого быть не может! И конечно, я посмела.

Не помню хорошенько, что было дальше. Сперва ощущение, что я бесконечно долго лечу вниз, потом острая боль удара — но вместе с тем отчетливое сознание, что она легче, чем я ждала... Шум, крики кругом, и все смешалось. Смутно помню, как перевозили в больницу, где я и очнулась окончательно.

Истеричек чорт носит. Прямо немыслимо подумать, глядя с такой высоты, что человек может остаться жив, слетев оттуда на камни. Однако я отделалась только ушибами. Ни одного перелома или чего-либо подобного. Несколько месяцев было ощущение уходящего здоровья, года два сильно болели ноги — но в общем этот прыжок прошел почти безвредно для меня. Невольно приходишь к мысли, что до тех пор, пока все живые силы организма еще не изжиты, смерти быть не может. И вместе с тем — это так характерно для меня: что бы ни было в моей внутренней жизни внешний определенный порядок ее не приостанавливается. Пока живешь, надо делать маленькие дела каждого дня. В субботу я прыгала с третьего этажа, а через пять дней в четверг сдавала зачет по физическому воспитанию детей. Потому что это был последний срок сессии. В периоды острых кризисов душевных особенно надо цепляться за внешние формы жизни, чтобы не упасть окончательно. Вот за эту внешнюю выдержку так сыпались на нас обвинения в симуляциях.

Дней через десять после моего прыжка умерла Наташа. Недаром мне Невидимый говорил когда-то, что я должна коснуться каждого греха мира. И на моей душе лежит отчасти ее смерть. У меня было все эти дни сознание, что жить незачем, что я сама не хочу жить, значит не имею права мешать другим поступать так же, как и я. Я знала, что она в эти дни переживает тяжелый внутренний кризис, но я оставила ее одну, я целыми днями бесцельно бродила по улицам. Только ждала, когда немного вернутся физические и нравственные силы, так ослабевшие после

моего неудачного прыжка, для того, чтобы снова решиться на что-либо подобное. И все-таки смерть Наты была для меня громадным ударом, хотя я мысленно совершенно подготовилась к этому. Три дня умирала Ната в больнице и эти три дня перевернули мою душу. Словно какие-то кусочки в ней выболели и отмерли навсегда, словно я потеряла способность все чувствовать так остро, как прежде.

После Натиной смерти, я три месяца лечилась гипнозом. Какое-то странное успокоение внес он в психику. Душа была как взволнованное море, а теперь это волнение ушло куда-то глубоко, глубоко внутрь, а снаружи оставалось навязанное извне спокойствие. Но это было именно то, что мне нужно было в данный момент. Приходилось строить жизнь на каких-то иных началах. Ната умерла, Шура ушел от меня. Правда, еще целый год я была около него, но я знала, что это не мой Шура, что в его жизни — другие. Но не было сил порвать с ним. Недаром он смеялся: «Лена меня слишком любит, она от меня никогда не уйдет». Но вместе с тем этот переломный момент был благотворен для меня. Точно я переступила какую-то границу. В одном стихотворении есть строки: «и у смерти, у жизни учись не бояться ни смерти, ни жизни». Чего мне бояться? Я потеряла все, что было наиболее дорого мне. Хуже уже не будет. Кроме того, мой прыжок был каким-то самоутверждением. Теперь твердо знаю, что всегда смогу, если надо будет, кончить с собой. Словно смерть стала в моих руках и от этого исчез ее соблазн».

Из писем Ел. А. Ивановой (28)[1].
9/XI 1925 г.

«Когда у меня будет ребенок, я его поставлю в разумные условия... Я в общем потому и педагогичка, чтобы все свои способности приложить к воспитанию своего ребенка, без которого я не представляю своей жизни. Мне надо жить для когонибудь, ежесекундно чувствовать теплую живую любовь. Я всегда смеялась, что я «планета» — для меня необходимо солнце, которое освещало бы меня, давало бы смысл моей жизни... Долгие годы моим солнцем была сестра Наташа. Последние $1\frac{1}{2}$ года — Шура. Какая-то пустота ощущается в душе, когда в ней нет живой, действительной любви... Любовь как бы основа моего существа. Есть она — есть я. Нет ее и во мне какая-то растерянность, моим существом завладевает то чужое, гордое и властное «я», которое я так не люблю в себе. И мне кажется, что когда у меня

[1] Письма к составителю генеалогии приводятся без указания адресата.

будет ребенок, будет неизменный объект любви, я буду «Я настоящая». Ну, а сейчас я в положении идолопоклонницы без идола. Ум говорит, что это очень спокойное, нормальное состояние, при котором так хорошо работать. Но все мое существо не соглашается с этими доводами. Я как-то инстинктивно ищу к кому привязаться...»

1/II 1926 г.

«С осени я живу не в углу, а в своей собственной комнате. Живу в Ивановском монастыре, в келье. Комната крошечная, низкая — в окне одна рама, входная дверь не затворяется как следует, дует... но это все пустяки. Зато своя собственная комната. Дом стоит на горе — видна Волга, холмы, леса... Летом здесь удивительно хорошо будет... Под окном внизу, на крыше сарайчика, всегда стая белых голубей — и это такой мир и уют придает всему... Колокола звонят, город где-то там внизу. Первое время я себя чувствовала как у Роденбаха «Выше жизни»... Если говорить простым языком — то попросту самая плохонькая комнатушка на чердаке... Но если дать волю фантазии, то получается очень хорошо... Вообще вот уже больше двух месяцев у меня все время какая-то удивительная примиренность и с жизнью и с самой собой. И я еще раз скажу: хорошо в таком состоянии на свете жить.»

15/IV 1926 г.

«Одна моя подруга говорила обо мне: «Ты интересна, оригинальна, с тобой очень интересно говорить, но с тобой трудно. Лучше себя чувствуешь с более простыми людьми...» Это глубокая истина.»

25/V 1926 г.

«Кончать Институт ужасно не хочется. Прямо со страхом думаю, что только еще один год остался... Жить в маленьком городке я не в состоянии, а устроиться в Казани при абсолютном неимении связей немыслимо. Сейчас мое внешнее неустройство жизни как будто бы имеет какое-то оправдание — учусь. А когда кончу непременно надо делаться машинкой для зарабатыванья денег, надо девочек поставить в лучшие условия, чем они теперь. А я чувствую, что я абсолютно не в силах жить вне культурных условий.

Ну что будет, если я сейчас и каждую минуту буду говорить себе: через год я кончаю. В большом городе устроиться у меня

нет ни малейшей надежды. В маленьком я не могу жить из-за своего психического состоянья — непременно разовьется тоска, душевное заболевание и т. п. Сейчас у меня нет ни одного близкого человека и т. д. и т. д... Я спасаюсь бегством в любовь—жалость, потому, что больше итти некуда и пр. и пр. Все это безусловно правильно. Если я не хочу лгать сама себе, я должна честно признаться в этом. Но я все время живу в мире иллюзий — как каждый нормальный живой человек, и говорю себе, что все это потом, через год, — а вот сейчас у меня есть какое-то особе чувство, любовь — жалость к Б. М., что М. производит на меня громадное очарованье своим внутренним складом, что то-то и то-то меня крайне интересует — словом из повседневной жизни делаешь для себя завесу от этих общих выводов. Лгать себе я не выношу. Но я отодвигаю от себя правду.»

20/VII 1926 г.

«Удивительное у меня сейчас состояние. Ясность и спокойствие на душе такие, каких не было еще никогда в жизни. Словно все мои внутренние конфликты изжиты, примирены. Иногда среди лета бывают такие удивительные ясные и тихие дни... И мне, когда я вспоминаю свою наклонность к депрессивным состояниям, просто жутко становится — значит зимой без всякой видимой внешней причины будет острая тоска и апатия. А сейчас так хорошо жить... Чувствую, что люблю самый процесс жизни. В общем я ужасно довольна этим летом... Как красиво сейчас — у меня из окна.. Луна и вдалеке Волга вся золотится под ее лучами...

У меня сегодня очень яркое воображение и хочется писать о картинах.

...Когда-то я очень любила картины Котарбинского. К сожалению, у меня из моих любимых открыток осталось только две. В обе надо очень долго вглядываться, чтобы ярко почувствовать их... Лет 9—10 назад я больше всего любила «Предвестников», могла часами смотреть на них. Я их всегда носила с собой в какой-нибудь книге. Часто вечером в здании Моск. В. Ж. курсов, где по вечерам через матовые стекла потолка падает такой странный свет, сядешь в каком-нибудь глухом уголке галлереи третьего этажа, где нет никого и глядишь без конца в картинку... И мало-по-малу начинает казаться, как оживают волны тумана, охватывают всю меня, и я так ясно чувствую, как трепещут крылья херувимов, как медленно плывут облака... Особенно ярко я чувствую свет только что родившегося месяца и сиянье над

головами херувимов... Даже сейчас вся эта картина живая для меня, вся дрожит и колеблется. А тогда я переживала ее каждым атомом своего существа...

Позднее я стала больше любить «Две мальвы»... Мне кажется, ни в одной картине нет такого яркого выраженья отчаянья одиночества. Эту мрачную трагичность картины особенно подчеркивают летящие вороны... (Эта картина мне дорога еще по воспоминаньям. Нам с Натой открытку подарила на прощанье наша подруга Варя К... И вся ее судьба была судьбой одной из этих двух мальв... Любовь к человеку, который ее тоже любил... Но они оба узнали об этом слишком поздно... Они словно созданы были друг для друга... Но нелепая случайность — и жизнь Вари была сломлена... Тяжелое депрессивное душевное состояние перешло в скоротечную чахотку, и она умерла 23—24 лет... Когда я гляжу на эту открытку, я всегда вспоминаю Варю...).

Еще люблю я «После смерти» и «Могила самоубийцы». К сожаленью, у меня их нет... На могиле самоубийцы растет какой-то странный огненый цветок — пламя как у блуждающего огонька. Около какие-то остролистные травы... И чем больше вглядываешься в эти травы, тем ярче выплывает чувство отчаянья, каких-то беспредельных мрачных сил, проклятьем лежащих на этом месте... Начинает казаться, что это уже не травы, а какие-то громадные пауки... Глядишь дальше — нет, это уже не пауки, это извивающиеся черти, темные силы, которые клубятся вокруг могилы, где острой тоской горит огонек — душа самоубийцы... «После смерти» — темный ангел ведет душу — и в глазах их столько тоски, столько непередаваемого словами понимания всего, что ждет «там» — и того, что теряешь здесь на земле... Мне кажется, словами нельзя говорить о выражении глаз на этой картине..

Когда я последний раз была в «Третьяковке» меня прежде всего привлекло сочетание, гармония цветов. Не столько даже обращала внимание на строение картин, как на сочетание тонов... Но все-таки, как всегда, всю Третьяковку у меня закрыл Врубель... Он на меня производит такое громадное впечатление, что после него — я не могу уже чувствовать все другие картины. Он берет у меня все мои душевные силы... Этот раз меня привлекла картина, которой я раньше почти не уделяла внимания: второй демон Врубеля — не главный демон, поверженный, полный гордого протеста — а другой демон, демон тоски... И я тут как-то особенно остро почувствовала, что действительно существует этот демон тоски, который не дает жить даже при самых лучших об-

стоятельствах... В моей душе так силен был этот демон. И лишь последнее время я начинаю сбрасывать с себя его власть...

И в «Пане», в его голубых старческих глазах я так ярко чувствую всю боль и тоску, ту боль и тоску русской природы, которая разлита в пейзаже, на фоне которого изображен Пан... Как и в «Предвестниках», я ужасно ярко чувствую в «Пане» месяц. В его колеблющемся красноватом сиянии та же боль и отчаяние...

(Пишу — и сейчас меня саму поразило. Все мои любимые картины обвеяны болью и отчаянием — хотя на душе у меня сейчас очень ясно).

Раньше я любила Левитана. Теперь же он почти не произвел на меня никакого впечатления. Он слишком серьезный для меня. В моей душе больше радости и красок.

Сейчас мои любимые художники Врубель и Чурлянис. Чурляниса я знаю тоже только по снимкам, как и Котарбинского... Но может быть, это и хорошо. Здесь я сама могу давать картинам те краски, которые живут в моей душе... Говорят, что Чурлянис хотел передать своими картинами музыку. Так ли это, не знаю... Может быть, это простое совпадение, но его картины, нарисованные в разных плоскостях, пробуждают во мне то же чувство, как тогда, когда во время хороших концертов мне начинает казаться, что я вижу музыку в виде облачных колышущихся волн. Кроме того, Чурляниса я люблю и потому, что ни у одного художника нет зарисовки тех удивительных обманов зрения, которые бывают в состояниях, которые я называю «делириозными»... Кажется, «Сказку» Чурлядиса надо смотреть не от себя, как мы обычно смотрим предметы, а в себя. (Вот попытайтесь долго-долго смотреть предмет «в себя» и тогда, может быть, Вы поймете, что я хочу сказать). Ах, какие удивительные превращения восприятий бывают в психозном состоянии, и у Чурляниса так ярко переданы эти состояния (он умер в сумасшедшем доме, кажется, в Варшаве).

Из картин Чурляниса мне больше всего нравятся «Знаки Зодиака» и «Закат». (Мне немножко смешно — «Знаки Зодиака» меня привлекают главным образом за свой колеблющийся, сияющий зеленый свет... А ведь, я то сама выдумала этот свет. Я картины видала в обыкновенном черном отпечатке. Видно, что удивительно передано освещенье — но все-таки я не знаю, какое оно в самом деле у Чурляниса. Здесь весь эффект в световой окраске — а она у меня выдуманная, может быть, совсем не чурлянисовская).

Но наиболее сильное впечатление производит на меня «За-

кат»... Полосы облаков на закате... Но эти облака не облака, а тени, уходящих на покой зверей... Медленно и величаво уходят в вечность громадные слоны и за ними целый ряд других смутных теней... Удивительное впечатление! Когда я смотрю на спокойный закат в облаках — особенно за нашим Арским кладбищем — я так ясно вижу этих чурлянисовских зверей, символ грядущего покоя, уходящей жизни...

Словом вывод: я люблю те картины, которые наиболее глубоко задевают мою эмоциональную сферу. Это будут не какие-нибудь бытовые сцены, а картины, имеющие философский общемировой смысл. Чтобы они захватывали бы «самую сущность мира...» («Смысл мира»... Порой мне кажется, что он в медленном, протяжном, все покрывающем зове далекого колокола «Все кончится... Все пройдет...).»

29/VII 1926 г.

«На-днях переезжаю на другую квартиру — в моей комнате во время дождя такой же дождь сквозь дыры на крыше идет. Но мне ужасно жаль эту комнату. Дом на горе, да еще мое окно в третьем этаже. Даль необъятная кругом, Волга вьется и так четко — особенно на закате — вырисовываются Услонские холмы... Все какой-то синеватой дымкой подернуто... Так как сейчас делать ничего не могу, то целыми вечерами просиживаю на окне и гляжу вдаль... Ужасно хорошо... Как-то ясно и тихо на душе от этого...»

31/VIII 1926 г.

«Вот уже несколько дней — вдруг у меня на часа 2—3 появляются беспричинные полосы тоски — а потом опять ясность и спокойствие. Все лето было удивительно умиротворенное состояние. Казалось, что оно никогда не уйдет. Прямо жутко думать, что, может быть, это чисто физическое состояние — без всяких обусловливающих психических причин — неизбежно влечет за собой обычную депрессивную полосу, которая должна начаться через месяц с небольшим... Знаете, у меня часто холодный интерес наблюдателя к своей собственной психической жизни. Отчего тоска? Потому, что она обусловлена физическим состоянием организма? Может быть потому все причины, казавшиеся прежде маловажными, теперь разрастаются во что-то большое, давящее, тогда как в здоровый промежуток на них и внимания не обратишь? Или же, наоборот, эти причины в самом деле серьезны. давят на душу и потому родят тоску? Нет, в самом деле в моей душе живет какой-то демон тоски...

...Странное у меня сегодня состояние... Оно у меня бывало еще в детстве... Хочется порвать с окружающей жизнью и уйти куда-нибудь. Просто и ясно, без всяких дум, только вслушиваясь в душу итти, итти без конца... Мне кажется, во мне живет дух старорусских богомольцев или искателей правды, которые исходили всю Россию в поисках земли божией... Иногда этот зов затихает в душе, а иногда так томит... Хоть на одно лето, а бродяжить я непременно когда-нибудь уйду... Это дало бы такой мир моей душе...

...Года три назад я видела удивительный сон. Он часто вспоминается мне. Какой-то громадный белый зал, нечто вроде греческого храма... Папа и Ната пьют из какой-то окутанной фимиамом чаши... Этот фимиам поднимается вверх к небу. Они зовут меня к себе. Я не иду (в это время Ната была еще жива, но уже ясно было, что она умрет...). «Тогда, не мешай нам... Разве ты не видешь, что это радость освобождения от жизни», говорят они... И волны белого тумана окутывают меня. Я чувствую, как громадная, никогда неиспытываемая радость заливает всю меня— эту радость нельзя передать словами — это освобождение от жизни... И тогда я в самом деле поняла, что мне нельзя мешать Нате...

Вот когда у меня такая тоска — я так ясно чувствую что-то неживое в себе... Жить можно только тогда, когда очень, очень любишь или очень жалеешь... У меня последние годы стала моментами появляться, как я говорю, какая-то безнадежная святость. Может быть, отсутствие жизненности в организме. Когда я жалею, моего «я» нет, оно все растворяется.

...Помню у меня в сумасшедшем доме был такой случай: у нас в отделении была одна молоденькая девушка Наташа, совсем почти бессознательная. Все ее боялись, гнали от себя. Я ее ужасно жалела, потому что знала ее еще здоровую — она всегда на концертах привлекала мое внимание своим жизнерадостным личиком... И вот, раз одна из больных заиграла на рояле... И вдруг в Наташе неожиданно проснулось сознание... «Я вспомню... сейчас что-то вспомню...» закричала она: «Да! вчера.. я танцовала...» и совсем сознательно прижалась ко мне и спрашивает: «почему Вы меня не боитесь? Меня все боятся... Ведь у меня сифилис...» (она была из очень распущенной семьи, сама 16-летней девочкой уже жила с сифилитиком, очень боялась заразиться и на этой почве был психоз...) Сама плачет и целует меня... Я также сижу плачу, целую ее—и чувствую, что что бы там ни было, а в эту минуту она только молодое существо, которое надо пожалеть.. Мне кажется, такое отсутствие инстинкта самосохра-

нения говорит о больших дефектах душевной организации, о ее нежизненности... Это не есть что-либо хорошее, потому что ничего не стоит душе...»

Октябрь 1926 г.

«...Быть христианкой, для меня значит быть душевно-больной. И главное то, что христианство как-то так преломляется в умах людей, что уводит их вдаль от самой идеи христианства. Я среди них не встречала ни одного человека, который действительно любил бы людей, страдающих, грешащих людей. В свое время я много бывала в различных христианских и евангельских кружках. Нет, настоящая жалость — любовь, которая нужна мне, не здесь.

Марксизм словно указал мне путь, по которому я должна итти, — хотя и знаю, что каждый правоверный марксист схватится за голову при виде того, во что он перерабатывается мной.»

26/IX 1926 г.

«Осень действует... Тоска. У меня каждую осень какой-то депрессивный период...

Какой в депрессивные периоды гадкий осадок на душе от своих писем остается. Ну чего ради болтаю? Отсутствие задерживающих центров.»

18/XI 1926 г.

«Написанную для Вас автохарактеристику я давала читать двум своим приятельницам Одна говорит, что есть известное самолюбование. Точно я сама отойду от себя на шаг и полюбуюсь. Другая же говорит: «Нет, это Ваша обычная манера писать. Тот же тон, как и при составлении школьных характеристик. У Вас всегда какое-то любовное отношение к своему объекту и Вы стараетесь вести читателя за собой, заставить его любить описываемое лицо.»

23/II 1927 г.

«Сколько времени прошло со дня Натиной смерти, а до сих пор я еще ни разу не сказала, что она была не права...»[1].

8/IV 1927 г.

«В этом году у меня очень рано кончился мой зимний период. Вот только солнышко выглянуло, побежали ручьи, и я опять почувствовала, что я живой человек... Зимой же я всегда такая

[1] Выдержка из письма показывает на продолжение депрессивного периода, начавшегося в ноябре 1926 г.

сжатая, с резким угловатым подходом ко всему... Мне бы, собственно говоря, на зиму, как зверюшкам, нужно было бы в свою норку на спячку забираться. Ни с кем не разговаривать, никому не писать...

...У меня сейчас такое ясное весеннее настроение, словно сразу рухнула стена между мной и людьми, и так кажется ясно и просто подходить к ним и хочется, чтоб и ко мне так же подходили. Даю себе слово никогда никаких внутренних трагедий из-за отношений с людьми не устраивать. Если будешь ясно и любовно подходить к ним, то не будет никакой боли. Словом вина во мне одной, в моем неумении. Сейчас у меня такое чувство, словно я это неуменье изживаю, словно эта ясность будет чем-то навсегда приобретенным.»

После целого ряда жизненных конфликтов и неудач Ел. А. пишет:

11/X 1927 г.

«Я теперь все чаще жалею, что я не в средние века живу... Я бы тогда какая-нибудь юродивая была — и гораздо больше на своем месте, чем сейчас. Боюсь, что все-таки и теперь это мой путь...»

15/XI 1927 г.

«После переезда в Агрыз, мне сперва казалось, что я, как гусеница, вся в кокон завернулась... Мне даже нравилась эта изоляция от внешнего мира... А потом вспомнились «не тронь меня» — когла я была девочкой, у папы в оранжерее их было так много и я любила их мучить. Идешь мимо ряда их и проводишь по ним рукою, а они сжимают листочки... Вот и мне казалось, что я также все листочки свои сжала. Хотелось как можно больше уменьшить свою поверхность, чтобы внешний мир ее не касался. Это не внутреннее сжимание — нет. А только внешнее...»

20/IV 1928 г.

«Не знаю, следствие ли это чрезмерного переутомления, но вот уже второй месяц ужасно гадкое у меня психическое состояние, которое даже меня саму тревожить начинает. Абсолютно ничто не интересно и ничего не хочется. Поставишь себе вопрос: «хотела бы себе я этого — (ну, самое для меня желанное в прежнее время). Нет и того не хочу! Уж на что я всегда своего ребеночка иметь хотела. А теперь и этого не хочу. Словом, ничего

не хочу. У меня подобное состояние было перед клиническим заболеванием, так что меня это беспокоит. Ну, да ничего. Скоро лето. Авось тогда оживу немного.

...А ведь ужасно глупое это состояние — жить только потому, что ты, как маленькое колесико, включена в работу громадного механизма, и он своим вращением заставляет и тебя вращаться... Живешь только потому, что жизнь жить заставляет.»

30/VIII 1933 г.

Раньше, когда я училась в вузе, я работала только «постольку, поскольку». Тогда казалось, что много работала, но тогдашняя работа по сравнению с теперешней — пустяк, и вся была овеяна настроениями. Теперь же по характеру работы мне нельзя быть мягкой. Чуть начнешь походить немного на себя — сейчас же падает дисциплина в школе и в коллективе педагогов. Все время приходится быть волевым началом школы — значит, глушить свое мечтательное «я» и жить вторым, властным и энергичным...

Мне нравится административная работа, нравится, что у меня широкое поле для инициативной работы, а не только для выполнения чужих начинаний... Я вообще увлекающийся человек, не умеющий ничего делать наполовину. Поэтому, если уж работать — так работать. Надо сказать, что всю прошлую зиму у меня было такое отчаянное душевное состояние, что я от самой себя пряталась в работу. Сейчас, после лета, у меня тихое умиротворенное состояние. Раньше я вся была как-то в ожидании будущего (не от того ли и моя романтичность?). А теперь вся в настоящем. Я остановилась. Вот вчера утром я шла к себе в школу. Было такое тихое, теплое, серое и туманное утро... И я думала: как это утро напоминает мое душевное состояние — удивительная предосенняя тишина и кака-то ясность в этом сером тумане».

Последний раз я видел Елену Алексеевну в августе 1933 г., когда она приезжала в Москву. Она очень увлечена своей педагогической работой и отдает ей все время — с раннего утра до позднего вечера. Работает заведующей учебной частью и преподавателем физики в далекой провинции.

294. Иванова Наталья Алексеевна. 270/271
(1898—1924). Студентка Восточно-педагогического инсти-

тута в Казани. В 1922—1923 гг. служила учительницей. Многократно покушалась на самоубийство, пока наконец не нашла смерти, отравившись и повесившись одновременно.

А. Р. Лурия. IX 1924 г. (28).

«Всегда стояла в центре семьи. Любила общество детей. Последние годы жизни находилась в состоянии глубокой депрессии. В 1923—24 гг. ряд попыток самоубийства.

Из писем Ел. А. Ивановой (28).

20/IV 1928 г.

«У Наты изредка бывали припадки с полной потерей сознания, судорогами лица и т. п.»

19/III 1925 г.

«Удивительная одаренность Наты стала проявляться с раннего ее детства. Ей не было еще 4 лет, когда она самоучкой научилась читать. 5 лет она уже читала по-русски, по-французски и по-немецки... Как только я помню себя (мне было около 5 лет— ей около 3), мы с ней писали «стихи»... Ритм, конечно, был более чем неправильный, но рифмы мы уже подбирали... Ученье нам давалось как-то шутя. Мы с ней кончили гимназию с золотыми медалями — и при этом даже не считали нужным покупать учебников... С раннего детства она все свободное время отдавала чтению... Нас как-то странно воспитывали — мы почти не видали детских книг, а начали прямо с классиков — с 4—5-летнего возраста. И нам они не были скучны... Ната целые дни проводила за книгами... Она прочла колоссальное количество книг... Часто без разбора — все что попадется под руку, и хорошее и дурное... Став взрослой, я часто спорила с ней по этому поводу.. «Зачем читать ерунду?» говорила я, а Ната возражала мне с тем светлым оптимистическим взглядом на мир, который был у нее: «Как бы ни плоха была эта книга — все же она может родить тысячи хороших мыслей... Надо уметь находить хорошее во всем»..

И этим уменьем «находить хорошее во всем» она имела громадное влияние на всех, соприкасающихся с ней... Как бы ни тяжело, серо было на душе — после разговора с ней (и я, и наши подруги) уходили успокоенными, просветленными...

Главное ее очарование было в удивительной мягкости и гармоничности ее натуры... В ней была какая-то глубина и непре-

станный духовный рост... Не видишь ее какую-нибудь неделю — и вот в ней уже что-то новое, неуловимое, чего не было раньше... Она ушла опять вперед... Это было для меня большим страданьем. В своем духовном росте я не поспевала за ней — и во мне всегда рождалась какая-то ревнивая тревога, Мне хотелось быть близкой к ее душе, а она неизменно ускользала от меня... Она была слишком тонка и изящна для меня. Я не могла ее понять так глубоко, как хотелось бы... Ната была глубокая эстетка по природе. Она так умела чувствовать все красивое... Ужасно любила стихи, музыку, живопись... Сама писала изящные стихотворения и повести... Она умела рассказывать детям удивительные сказки, тонкие, нежные... Иной раз рассказ тянется часа 1½—2 гладко и плавно, не останавливаясь ни на минуту... Вся сказка—целое стройное художественное созданье—а она ею выдумывается тут же сию минуту, во время хода рассказа... Начиная его, она еще не знает, о чем будет говорить дальше... А получается изящное художественное произведение... Мне так жаль, что она не записывала своих сказок. Она любила рисовать — и хорошо рисовала, но только карандашом или коричневою краской. Иных оттенков не любила... Одно время поступила было в художественную студию... Мы все любовались ее рисунками с гипсовых бюстов... Но она слишком строго относилась к себе... «Нет, это не то, что надо...»—обычно говорила она, и когда мы уехали в Казань, она не стала учиться рисовать дальше... Впрочем сама для себя рисовала все время...

Когда мы с ней жили в Москве, она всю зиму чуть ли не каждый день отправлялась в Музей изящных искусств и там глядела на древне-греческие статуи... И когда она мне с подругой объясняла что-либо об этих статуях, нам всегда казалось, что у нас какие-то иные, чем у нее, словно слепые глаза... Она подметит какую-нибудь малейшую деталь и ею словно осветит все... Особенно много времени она проводила около «Умирающего Адониса»... «Пусть он считается не особенно удачным произведением, пусть у него неестественное положение тела и пр. и пр.— но главное то выражение умирания молодости, которое так удивительно схвачено...»—говорила она... (Это был год тяжелой депрессии у нее—и может быть, тогда уже зарождались в ней те мысли, которые впоследствии привели ее к концу...).

Основной тон ее настроения был какой-то мягкий и светлый... Из-за маминой болезни нелегка была наша жизнь. И вообще какая бы неприятность ни случилась, она задумается, бывало, ненадолго, потом встряхнет головой и скажет: «А все-таки, Леша, мы не правы... Надо смотреть светлее», и начнет доказы-

вать, отчего и почему. У нее было удивительное уменье говорить—и при этом глаза становились такими лучистыми... Мягкость и примиренность во всем.

Я—порывистая, неровная, я чувствую, что всегда иду самыми крайними выступами и того гляди оборвусь... Но пока около меня была Ната, она своим умиротворяющим влиянием умела сдерживать, выравнивать меня, всегда указывала мне мои ошибки. Вообще все ее влияние на семью было громадно... Как сейчас без нее потускнела и посерела жизнь... Вообще вместе с папой и Натой ушла душа семьи... Дети инстинктивно во всем подражали Наташе... Когда в студии она рисовала гипсы, у нас весь дом был охвачен манией рисованья. Вся столовая сверху донизу была завешана рисунками, «выставкой картин»—детей (Андрюши, Лили, и Иры) и даже 2-летняя Лелечка, дочь брата Юрия, настаивала, чтобы ее каракульки вывешивались тут же. Ната любила рассказывать детям—и вообще она делала нашу жизнь как-то духовнее и красивее. Неудивительно, что она была самым любимым человеком в семье...

Наташа всецело унаследовала удивительную папину выдержку... Она всегда была неизменно ровна, от нее невозможно было ждать какой-нибудь резкой выходки... Выдержанность, мягкость и тактичность—были основными свойствами ее характера, которым так часто приходилось завидовать мне, так как я по своей горячности делаю много глупостей... Она всегда так мягко успокаивала меня, доказывала, что какая-нибудь моя глупость—пустяк, так как во второй раз я ее не повторю.

(Даже теперь за неделю до смерти, когда я спрыгнула с третьего этажа, она сказала мне: «Все хорошо, что хорошо кончается. По крайней мере теперь можно быть спокойной, что ты второй раз не спрыгнешь... Убедилась на опыте, что это не всегда ведет к желаемым результатам...»).

Необходимо указать также на ее удивительную скромность, граничащую с самоунижением... С раннего детства она любимица семьи. И дома ,и в гимназии—все твердят, что она что-то необыкновенное... У многих на ее месте развилось бы большое самомнение... У нее же его ни капли не было... Может быть, этому способствовало сильно развитое во всех нас критическое чувство, а также и депрессивность... У Наты был ясный, оптимистический склад характера... Но в ее жизни в 1916/17 г. около года была полоса сильной депрессии, полной потери веры в себя... Этот приступ она поборола... Зато после папиной смерти на нее нашла полоса отчаянья. Оно становилось все сильнее. Последние три года ее жизни—сплошная душевная боль и отчаянье, которые и

привели к концу. Может быть, в глубине ее души всегда жила эта больная струя: все ее стихотворения глубоко-меланхолического характера, даже в ту пору, когда душа ее казалась ясной. Ната была слишком скромна и замкнута в себя. Несмотря на ее одаренность, ее надо было уметь заметить... Она была как бы как улитка в своей раковинке. Но кто раз подходил к ней и испытал на себе силу ее очарованья, тот не мог уже от него отделаться... Но для этого нужно было быть тонко-интеллигентным человеком. Обыкновенно при поверхностном знакомстве—все обращали внимание на меня, а не на нее. Во мне больше самоуверенности, живости и податливости внешним впечатлениям... Но разглядев нас, все уходили от меня к Наташе... Иначе и не могло быть.

Наташа не была красива... Но ее сильно скрашивали большие карие лучистые глаза и какая-то мягкость и женственность во всем облике... И еще одно — у нее были удивительные руки. Беспомощные, нежные и изящные—в том месте, где кисть прикрепляется к руке... Таких рук я ни у кого не встречала... Они у нее были такие выразительные... Взглянув на них, я всегда безошибочно могла сказать, в каком она настроении. (Иногда бывает, что у человека весь его характер сказывается в какой-нибудь одной части тела—так у Ани в губах, у Наташи в ее руках...).

Я всегда смеялась, что ее руки доказывают, что она художница и барышня-белоручка... И это была правда... В ней была какая-то беспомощная неумелость перед физической работой— и прямо как-то дико представлять себе Наташу занятой ею... Впрочем, эта неумелость сильно ее мучила в последние годы... Напрасно убеждали мы ее, что она дает семье гораздо больше, чем физический труд (последние три года ее жизни—во время моей болезни—все-таки главный заработок в семье—был ее), что она центр нашей семьи—эта неприспособленность к жизни в бедности была лишним доказательством в ее глазах—бесцельности ее существования...

За что я так высоко ставлю ее? Не столько за талантливость, сколько за удивительную мягкость и гармоничность натуры и громадную силу характера. Для нее всегда слово и дело было одно и тоже. Вся она была олицетворенная мягкость, женственность и самопожертвование. Она всегда и во всем уступала другим, где это можно было...

У нее с раннего детства была исключительная любовь к папе (и у папы к ней. Он все свое внимание уделял ей). И для папы она готова была пойти на что угодно. В последние годы, после

революции, у папы появился какой-то болезненный страх за нас. Ему хотелось, чтобы мы никуда не выходили из дома... Мне это было ужасно тяжело. Часто не хватало впечатлений, чувствовалась какая-то нравственная духота, мозг словно ссыхался без новых мыслей и впечатлений. Хочешь итти куда-нибудь... Папа сейчас же спрашивает: «Куда? Зачем? Чего там не видала?» Ната, уже одевшая пальто и шляпу, снимает их и говорит: «Я не пойду... Неужели трудно остаться, если папе этого хочется»... А ей более тонкой, более одаренной, чем я, эта замкнутая жизнь должна была быть еще невыносимее... Но «папа хочет»—было для нее законом...

Неожиданно папа умер,—умер одинокий, когда он ездил хлопотать о переводе на Кавказ. Весь год борьбы за него оказался бесплодным... В результате мы не помогли ничему. И Ната не могла перенести этого. Она оказалась сломленной. Я в это время была в сумасшедшем доме... Ей одной (Аня много беспомощнее нас) пришлось в голодный год бороться за семью... Наконец она получила место учительницы в маленьком местечке... Серая тягучая обывательщина, сплетни, сплетни без конца, убогость интересов окружающих—это была слишком тяжелая обстановка для больной души... И ни одного сочувственно относящегося человека... От скуки там все только и занимались, что поедом ели друг друга... Уйти оттуда из-за семьи нельзя было... И эти два года еще более помогли прийти к концу... Какое-то серое безнадежное отчанье овладевает душою... Папина смерть слишком ярко показала, какими детскими были все наши светлые оптимистические взгляды... Мы остались совсем одинокими, поддержки ждать было не от кого... Ее нежная душа не могла жить без любви... Необходимо было иметь хоть маленький огонечек, где можно было бы согреться от холода жизни... Случайность это—или неизбежность, но она полюбила одного человека, единственного интеллигентного человека в их местечке... Блестящий и легкомысленный, у которого все идет поверх души. Он мог быть сильно и глубоко взволнован, но только на секунду... А там дальше одно скольжение по поверхности, без малейшей попытки вдуматься в свои поступки...

Он не сумел понять того, что ей нужно только любить его, что в этом своем чувстве она нашла бы защиту от холода жизни... Она согрелась бы своим собственным огнем. Он здесь почти что не при чем... Ему нужно было бы только не допускать грубых поступков по отношению к ней... Она слишком хорошо понимала его. И когда она увидала, что любит его — она поняла, что для нее все кончено и отравилась... К несчастью, неудачно...

И с этого момента начинается сплошной кошмар... Я не могу писать об этом...»

Из последней тетради дневника
Н. А. Ивановой (28) [1].

15 октября 1923 г.

Как победить в себе отвращение к жизни? Целый день я так остро чувствую, что я бесконечно устала от жизни. В сущности самое плохое то, что во мне самой что-то сломалось, и уж, наверное, никогда не починится. Нет у меня желания жить, да и только. Сейчас я только что вернулась с концерта Блиндера. Некоторые вещи были очень красивы. Но когда я себя в эти минуты спрашивала, что было бы лучше: продолжать слушать игру или же ничего не чувствовать, вся моя душа стремилась к небытию. Я не понимаю, что со мной сделалось. Мне непонятно, каким образом я пришла к желанию смерти. Ведь, это же такой ужас! У меня всегда была такая жажда жизни, какой-нибудь год назад я ручалась, что никогда не покончу с собой, особенно из-за любви. А весной, когда А. И. в первый раз показал мне коробку с морфием и сказал, что этой коробкой можно отравить многих, я в одну секунду решила, что я отравлюсь этим морфием. И мне стало тогда даже весело от этой мысли. И сразу меня эта мысль захватила целиком.

19 октября 1923 г.

Сейчас получила письмо от Кати [2], в котором она пишет, что собирается отравиться. Я вполне ее понимаю, и может быть, поэтому мне так жаль ее. Как много у нас среди родственников людей, покончивших с собой или делавших попытки к этому! Может быть, оттого мне и не кажется странной мысль о самоубийстве. Кате я все-таки буду советовать не травиться потому, что это слишком трудно, и отравиться и остаться жить гораздо хуже, чем жить, не сделав такой попытки. Но по совести, могу ли я желать, чтобы она осталась жить? Мне так жаль ее. Смерть все-таки покой. Но у нее дети. Если б у меня был ребенок, я бы никогда не думала о смерти. Мысль о смерти все-таки так и не отходит от меня. Собираюсь я травиться еще или нет? Я сама не

---

[1] При чтении этого дневника нужно принять во внимание, что писался он человеком, находившемся в состоянии глубокого психического расстройства.

[2] По всей вероятности Катя — приемная дочь О. А. Ивановой.

знаю. Сознательно я как будто отбрасываю эту мысль, а между тем иногда у меня в сознании так ясно всплывает мысль о том, что я должна умереть, и я уже начала опять доставать лекарства. Меня тяготит мысль о наших, но ведь я делала все, чтобы остаться жить. Я его просила помочь мне, а он оттолкнул меня. Нет, я все-таки не буду очень виновата, если отравлюсь опять. Мне больше всего в жизни недостатает простой человеческой ласки. Я так и смотрела на его поцелуи. Я думала, что он понял это так. Но за то, что он вернул меня, не подумав, может ли он дать мне хоть простое более или менее хорошее человеческое отношение, я его безусловно осуждаю. Нельзя так легкомысленно относиться к таким серьезным вещам. Не может он дать этого—не надо, но удерживать меня в таком случае нельзя было. Это совершенно лишняя жестокость по отношению ко мне. Какой в сущности грубый у него взгляд, что мужчина может быть виноват перед женщиной, только обольстив ее или подав определенные надежды. За то, что он всем своим таким гадким отношением ко мне толкал меня на смерть, он себя виноватым не считает—ведь он в это время не подавал никаких надежд. Поцелуй—это большая вина, а самое ужасное издевательство над моей душой—пустяки, раз оно не сопровождалось поцелуями. Все мое поведение он истолковывал по-своему, и поэтому оно приняло в его глазах такую скверную окраску. Впрочем, в этом же я сама тоже виновата. Все его слова я понимала на свой лад. Каждому его слову, за которым у него ничего не скрывалось, которое было только слово, я придавала то значение, которое, казалось, в нем было.

28 октября 1923 г.

Вот уже несколько дней, как у меня в душе что то разлаживается. Опять усиленная тоска и отчаяние. Жизнь кажется такой гадкой. Он дал мне ключ к пониманию жизни. Раньше я верила в жизнь и даже еще летом я совершенно не понимала ее. В его словах последний раз было так много жизненной правды. Ко мне не может быть простого человеческого отношения, так как я некрасивая, неинтересная женщина. Поэтому естественно его отношение ко мне, хотя оно и приводило меня к отравлению. Самое гадкое, безобразное отношение ко мне еще слишком хорошо для меня. Вся моя любовь—ничто, раз я некрасива. А вот Сара за свое идеально красивое тело будет всегда встречать с его стороны теплое отношение, хотя она говорит про него самые безобразные циничные вещи, по-животному разбирая свои отношения с ним, как с мужчиной. Вся ее пошлость прощается и остается

незаметной, ведь у нее красивое тело. Вот настоящая жизнь. И я чувствую, что мне нет места в жизни. Я так верила, что главное в человеке его порядочность, интеллигентность. А между тем это совершенно ненужно. Я себя не уважаю, но если б я была совершенным человеком, ничто бы не изменилось. Раз я некрасива, все кончено. Будь я последний дрянью или будь идеально хорошим человеком—это безразлично. Как трудно приучаться к такому взгляду на жизнь... Лучшее, на что я рассчитывала — это просто дружеское участие. При том неуважении и презрении к себе, которое я чувствую, я никогда и не могла желать большего, так как я слишком люблю его и яснее кого бы то ни было вижу, что я ему не пара, что я его не стою. Как он не понимает, что если бы у меня была бы хоть самая маленькая надежда, я никогда не стала бы травиться. Сегодня утром я ходила на кладбище. Как на машине[1] гора, так здесь кладбище — места, которые видели мое самое сильное отчаяние. Там никогда никого не бывает и можно делать, что угодно. И сегодня я очень долго плакала там, плакала до того, что у меня стала кружиться голова и показалось, что я сейчас, сейчас упаду в обморок. Как это ни странно, у меня, кажется, опять начинает развиваться малокровие. Я часто опять испытываю чувство уходящего здоровья, которое было во мне так сильно во время цынги. У меня все время идет большой разлад тела и духа. Вот уж нелепость—«В здоровом теле—здоровый дух»!!

Ел. Ив. как то дала мне удостоверение, что у меня душевная болезнь—циклотимия. Я не знала, что это за штука. Я как-то обмолвилась и сказала вместо «циклотимия»—«цикломатия». Как раз в это время читала Фрейда «Психопатологию обыденной жизни», и я стала разбирать, почему я переврала это слово. И очень ясно увидала, что я вовсе не случайно так поступила. Я выделила слог мат, так как подсознательно я думала, что в душевной болезни моей, как и во многом другом тяжелом, виновата мама. Как я отношусь к ней? Мне страшно жаль ее, но иногда у меня в душе поднимается осуждение ей. Мне стыдно за это чувство. Но я думаю тогда, что, ведь, вся бы наша жизнь сложилась иначе, если бы не мама. Папа всю жизнь зарабатывал очень много денег. Мама их тратила самым нелепым образом. И в результате мы остались буквально нищими, и папочка поэтому умер от истощения. Я все могу простить, что относится ко мне, но раз дело касается папочки, я чувствую, что не могу простить.

[1] Машиной в дневнике сокращенно называется прежнее место службы Н. А.

Иногда я думаю, желала ли бы я, чтобы вдруг каким-нибудь чудом оказалось, что папочка жив. И кажется, я не желала бы этого. Мне было бы стыдно встретиться с ним. Я оказалась таким слабым беспомощным человеком после его смерти, я делала так много дурного, что мне было бы стыдно, если бы он знал это. Никогда бы я не стала травиться, если бы он был жив. Но в то же время я чувствую, что он простил бы мне решительно все, если бы я рассказала ему, как я страдала, он слишком любил меня. И для него лучше не знать этого. Я рада, что он так и не узнал, как тяжело жилось мне и Ане. Мы старались не показать ему этого. Но вот опять у меня возникает вопрос, правы ли мы были, стараясь оберечь его от всего ужасного. Когда внезапно раскрылась вся Ленина история с Т., для него, может быть, лучше было бы, если бы он был подготовлен. Он не знал, как мы жили без него. Но иногда какой-нибудь отдельный рассказанный эпизод вдруг открывал все темные стороны нашей жизни. Он старался закрывать глаза на это, но я чувствовала, как жутко ему становится тогда. Если бы он знал о том, как плохо мы жили, может быть, последние минуты его жизни были бы легче. Может быть, лучше всегда знать правду, как ни ужасна эта правда.

Я сейчас только заметила, что у меня в дневнике всегда преобладает ассоциативное мышление. Почему это? Не потому ли, что писание дневника как-то успокаивает всегда. Если бы я не писала сейчас, я бы продолжала думать о том, как ужасна жизнь, такая, как я ее сейчас понимаю. А теперь у меня в душе возникает много мыслей, связанных с папой, вспоминается он, его любовь, и на душе теплее становится. Хотя в прошлом есть за что зацепиться.

Возвращаюсь к Фрейду. Он говорит, что в обмолвках всегда раскрывается чрезвычайно много. Я проверяла свои обмолвки и вижу, как часто в них открывается скрытое желание. Так я, когда шла к врачу, чтобы подписать рецепт на веронал, прочла вместо «Контора отправитель» «Контора отравитель», очень характерно для меня (впрочем, это не обмолвка, а нечто другое, но все равно, я тоже замечала и на обмолвках). И вот мне очень интересно, что скрывалось под обмолвкой А. И. «Я верю, что у Вас не только симуляция»... Если это скрытое желание, чтобы я была симулянткой, я понимаю его. Все-таки, хотя для него моя смерть, именно как смерть, была бы безразлична, приятнее думать, что я комедианничаю, чем сознавать, что он своим отношением ко мне заставляет меня отравиться. Но, может быть, в этой

обмолвке сказалось его настоящее отношение ко мне, и это меня очень тяготит.

Вечером.

Пусть он относится ко мне, как угодно, я буду любить его всеми силами своей души. Я чувствую, что эти минуты делают меня лучше, что они удаляют меня от жизненной грязи. Мне так жаль, что они редки. Большею частью я чувствую себя такой несчастной от его отношения, мне так больно, что он опошливает мою любовь, а несчастие всегда только портит человека. Я хотела бы сохранять в себе эти минуты.

Несколько лет назад я поняла, что надо молиться не об исправлении внешних обстоятельств, а о том, чтобы у меня самой появилось больше силы переносить все испытания. И сейчас я молюсь не о том, чтобы переменилось и улучшилось его отношение ко мне—это невозможно, а о том, чтобы во мне самой сохранилось неосуждение ему. Я чувствую, что в такие минуты моя любовь выше и чище.

30 октября 1923 г.

Сегодня в первый раз после очень долгого промежутка времени мне вдруг захотелось учиться и работать. Весь месяц я иногда ходила на лекции и на семинарий, но меня ничто абсолютно не интересовало. А сейчас мне хочется что-то делать. Это уже настоящее жизненное настроение. Неужели и для меня будет возможно пожелать жить? Пока у меня этого желания еще нет совершенно, но неужели же оно может появиться?

Чего я желаю теперь для себя? Желать по настоящему можно только того, что исполнимо. Неисполнимые желания приобретают совершенно иной характер, и я не буду их брать сейчас. Прежде всего я хочу сохранить в своей душе неосуждение ему, сохранить свою любовь, не испортив ее самой. Потом хочу учиться, хочу выбиться из нищеты. Нищета накладывает свой отпечаток на человека, но все презирают нищету гораздо больше, чем следует. Вот уже несколько лет мы нищие и везде встречаем пренебрежение. Я чувствую, что не могу держать себя естественно в обществе, так как всегда слишком остро чувствую, что все смотрят на меня, как на нищую, что никто не станет равнять себя со мной, даже не зная еще, что я за человек. Только исключительно интеллигентные люди, как Штуцер, не будут нас осуждать за нее. Мы не могли не стать нищими. Если бы мы цеплялись за имущество, папе жилось бы еще хуже. Мы были тысячу

раз правы, не жалея ничего. Но нас за это все будут презирать. Как все-таки несправедлива жизнь.

2 ноября вечером.

Целый день у меня такое скверное настроение. Теперь, когда все развалилось, меня тяготит каждая мелочь. Иногда я прямо физически чувствую, что у меня все нервы перегорели что мне больно от всякой мелочи. Вот в этой боли, гораздо более сильной, чем она должна быть, судя по обстоятельствам, и заключается моя душевная болезнь.

Сегодня я чувствую себя очень скверно из-за одного обстоятельства. Кажется на машине говорят уже, что мы барышни с поддержкой. Варя слышала, как Сара и Ася П. удивлялись самым обидным для нас образом, на какие средства мы живем. Положим, Варя и Лиля в своих рассказах сильно преувеличивают наше благополучие. Это понятно. При моем увольнении машинные высказали надежду, что мы будем умирать с голода. Потому девочки уверяют из самолюбия, что нам живется еще лучше, чем раньше.

Мы нищие и сколько обидного, не заслуженного презрения мы встречаем за это. Но как только мы покупаем какую-нибудь вещь, сколько помоев выливается на наши головы. Варя пришла в новых башмаках и платье, которые она купила, продав старую ватную кофту, и про нас говорят уже разные гадости.

Мне все равно, что говорят про меня на машине, но мне страшно больно, что ведь он, может быть, тоже испытывает это обидное удивление, что мы не умираем с голоду.

4 ноября 1923 г.

Сегодня видала, сон, который пробудил в мне много больных воспоминаний. Как будто опять вечер перед его отпуском. Он просит подождать его и уходит на моих глазах гулять с Олей Ч. Я жду его, он не идет. На небе поднимается луна и чем выше она поднимается, тем меньше у меня надежды, что он придет. На душе становится все холоднее и холоднее. Я думаю: «не может быть, чтобы он не пришел. Ведь я же умру из-за него завтра. Не может быть, чтоб он так грубо смеялся надо мной». Вдруг он показывается вдали. Мне становится стыдно за себя, что я могла сомневаться в нем. Он улыбается мне, подходит все ближе. Я протягиваю к нему руку, а он вдруг насмешливо улыбается, берет под руку откуда-то взявшуюся Сару, оба оглядываются на меня и уходят. И я слышу, как Сара громко хохочет

надо мной. Я сажусь на крыльцо, плачу и думаю: если так, я отравлюсь сейчас же. Дальше уже идет какая-то ерунда. Собственно этот сон почти точная копия с действительности и поэтому мне так тяжело от него. Время любви—праздник жизни. У меня вместо праздника один кошмар получился.

Мне сейчас очень больно, что я его иногда осуждаю. Нужно просто принимать все дурное, что в нем есть, без осуждения. Любовь и осуждение нельзя совместить. Где-то говорится—«понять значит простить». И мне надо понять его дурные поступки. Лена вчера была у О. Н. Она говорила, что Фаня В. рассчитывает, что он на ней женится. Н. говорила Жене Л., что он хочет на ней жениться. Сара рассказывает, что он «намеками» сделал ей предложение. Кто же из трех прав? Может быть еще несколько барышень, которых я не знаю, рассказывают тоже. Думаю, что более всего права Н. Как я отнеслась бы к тому, если бы он женился? Мне было бы очень тяжело, но трагедии из этого я бы не сделала. Теоретически я ему, конечно, желаю самой большой любви. Но если бы это случилось, мне было бы тяжело. Здесь невозможно бороться с собой. На меня часто нападает такая бессмысленная ревность. Мне стыдно за себя, но я не могу видеть около него ни одной молодой женщины. И как только я начинаю ревновать, мне всегда хочется сейчас же отравиться. Я знаю несколько минут, в которые я бы непременно отравилась, если бы был яд под рукою. Я все-таки хотела бы не дожить до этого времени.

Ольга Николаевна очень жалеет меня. Мне как-то странно, что нашелся чужой человек, который, зная про мои отравления, только жалеет меня без всякого презрения ко мне.

14 ноября 1923 г.

Боже мой, что я делаю! Я сегодня была у..., и она обещала мне достать к субботе синильной кислоты за то, что я ей достану кокаину. Я совершенно спокойно обещала достать кокаин, хотя взять его мне решительно негде. Я так просто лгу, когда достаю яд. Я повторила ту же историю, что и летом. Если она мне достанет (думаю, что достанет, кокаин ее очень привлекает), я отравлюсь. У меня постоянно бывают минуты острого отчаяния и при первой же такой минуте, если под руками будет яд, я отравлюсь. Я чувствую, что это страшная подлость по отношению к нашим, и все-таки ничего не могу с собой сделать. В душе что-то страшно холодное поднимается. В конце концов все люди подлецы, почему же мне не сделать подлости? Мне не

жаль той жизни, которая меня ждет. Но мне безумно жаль той жизни, которая могла бы быть, если бы он хоть немного лучше относился ко мне, если б в прошлом не было этого издевательства над моей душой. Ведь мне так мало нужно, чтобы жить. И все-таки этого у меня нет.

17 ноября вечером.

Синильной кислоты я не достала сегодня. В. не пошла в аналитичку. Я себя очень скверно чувствовала от этого, а сейчас к вечеру как-то успокоилась. Я очень легко отношусь к смерти. Если бы достала сегодня кислоту, я была бы уже мертва. Ну, что же, подожду еще. Ведь, я так бесконечно долго жду удобного случая. И как только он представится, я отравлюсь. Я боюсь, что с синильной кислотой выйдет какая-нибудь ерунда. В. сегодня испугалась и не пошла. Вчера я была с ней, но не было пузырька. Она показала, где что стоит и предлагала мне итти одной. Я очень боюсь, что не сумею ловко отлить нужное количество раствора. Если бы была чистая кислота, я бы не боялась. В худшем случае в одну минуту можно принять ее, а где я умру, мне безразлично. Но я боюсь, что если начать пить раствор, то я не успею выпить нужное количество и опять останусь жива, только скандал выйдет, а скандальных историй и так слишком много было. Меня очень тяготит, что я доставлю нашим огорчение. Я бы и рада была не доставлять им горя, но ничего не могу сделать.

Вчера у нас дома была ужасная сцена. Варвара прочитала мой дневник (нужно будет найти новое место, чтобы прятать его), сказала Лене, что я собираюсь отравиться, у Лены у самой было очень истерическое состояние, ну и началось. Иринка плакала, Лена уверяла, что она отравится сама и отравит Иринку (знаю наверное, что этого она не сделает), вообще было страшно тяжело. Мне было очень больно все это, и в то же время меня одолевал дикий истерический хохот. Мне было так жаль Ириночку, а я хохотала и не могла удержаться. В общем гадкая, безобразная сцена. Ужасная я дрянь! Но не могу я удержаться. Как только представляется возможность достать яд, я ничего не могу с собой сделать. Мне тянет отравиться, и это желание сильнее меня.

19 ноября.

Какая ужасная тоска! Сегодня в первый раз я не боюсь повешения. Постараюсь достать еще раз яд. Не удастся—повешусь. Не могу жить при таких условиях. Я проклинаю каждое мгнове-

ние своей жизни. И мне сегодня хочется сделать с собой что-нибудь, причинить себе какую-нибудь сильную физическую боль. При таком же душевном состоянии я весной обварилась. Если б у нас был острый нож, я бы стала себе руки резать, постаралась бы вены разрезать. Какая мука сознавать свое бессилие, когда хочешь умереть и не умеешь!

21 ноября

Сейчас вечером я выпила 4 рюмки самогонки, и все-таки тоска не проходит. Сначала в голове был сильный туман, какая-то слабость в руках и ногах, было смешно на себя, что трудно ходить, а на душе все равно скверно. Видно, душевную боль ничем не заглушишь. Нет, не могу я больше тянуть. Ли пришла с машины. Думается мне, что все рассказы о его неудачной женитьбе—обычное машинное вранье. Я рада, если это так. Отчего я его не ревную к жене? Неужели я уже настолько отошла от жизни, что не могу ревновать? Какая ужасная безумная тоска на душе! Так ясно сознаю, что вся жизнь развалилась, что никогда не может быть никакого улучшения. Мне даже желать нечего. Как я могу желать, чтобы он лучше относился ко мне, если ему нужно насиловать себя, чтобы сказать два-три слова. Если бы мне пришлось говорить с ним, я знаю, что мне было бы страшно больно. А не видеть его еще больнее. Нет, у меня никакого выхода нет, кроме смерти. Может быть, я больна. Особенность моей психики та, что время не заглушает душевной боли, а только усиливает. Через 5 месяцев после папиной смерти мне был тяжелее, чем через неделю. Так и теперь. Чем дальше, тем больнее. Как жить, когда сзади такое гадкое отношение ко мне, которого я никогда не забуду! Все равно я буду травиться до тех пор, пока не умру. Даже мысль о физической боли не так пугает меня, как обычно. Ведь, все-таки это недолго. Несколько часов и конец. Мне очень, очень жаль наших и чувство виноватости только усиливает мое страдание. Раньше я осуждала его за то, что он не захотел истратить полчаса времени на то, чтобы я могла жить, не чувствуя отвращения к жизни. Теперь не осуждаю. Он раньше меня увидел, что моя жизнь ничего не стоит. Значит, и 5 минут не стоит тратить. Только отчего мне все-таки так больно от этого? Видно, невозможно примириться и думать без боли о том, что моя жизнь кончена. Мне очень больно смотреть сейчас на Иринку. Что будет через несколько дней? Ведь, я заставлю ее плакать. Бедная моя девочка. Зачем моя жизнь превратилась в такой ужас? Я никогда не думала, что один человек может заставить другого так страдать. Но несмотря на

все страдание, которое я получила из-за него, моя любовь не уменьшается, скорее растет. И вместе с тем растет сознание, что все-таки эта любовь какая-то нелепость, никому не нужная, только изломавшая меня всю. Я никогда не пишу, что я думаю о жизни вообще. Мне так страшно думать об этом. Я не верю в загробную жизнь, но если б она была, я знаю, что бог простил бы меня, слишком много я страдала.

Мне очень хочется вспомнить сегодняшний сон. Я видела его, он был Пилатом. Что-то интересное снилось. Но почти всегда, когда я вижу его, я моментально просыпаюсь. Сейчас стараюсь думать о чем-нибудь безразличном. Завтра будет завтра. Не хочу об этом думать.

22 ноября.

Целый день прошел впустую. Утром была в аналитичке, отлила большую склянку 2% раствора цианистого кали. Слава богу, все сошло благополучно, никто ничего не заметил. Провела самый ужасный день, испытывала самое сильное отчаяние. Наконец, вечером, собравшись с духом, сделала глоток, другой, третий и увидала, что раствор так слаб, что никакого действия не произведет. И все мои переживания были попусту. Но я вывела из сегодняшнего дня несколько заключений. Во-первых, я совершенно не боюсь смерти, во-вторых, очень боюсь физической боли, в-третьих, как-бы я не боялась чего, я всегда сумею заставить себя сделать, что хочу. И когда и эта попытка сорвалась, мне даже не было грустно, скорее даже легче стало, так как прошло напряженное состояние. Теперь я знаю, что мне делать дальше.

Вечером была у Ш. В., долго разговаривала с ней. Но не могу я согласиться с ней. Все ее взгляды построены на религии, а я мало религиозна.

27 ноября.

Несколько дней на душе боль как-то тише. Как всегда после вспышки усталость, сознание невозможности умереть и в связи с этим мысли о попытке жить. Сегодня встретила К. в библиотеке. Часа 1½ разговаривала с нею. У меня от нее осталось очень хорошее впечатление когда мы летом вместе лежали в больнице. И потом, она не совсем нормальна и это сразу меня к ней расположило...

Вчера целый день у нас была Сара. Каким вульгарным, пошлым, грубым человеком является в ее рассказах А. И. Сара говорила, что Зина и Зоя рассказывают, что он обещал на них

жениться. Итак, я знаю уже 5 девиц, рассчитывающих, что он женится на них. Не даром он говорил: «Меня любите не только Вы, а еще одна... и еще одна... и еще одна». Мне хотелось передразнить его и сказать: «Вас любят не только одна, а еще 10, и еще 20 и еще 100». Как хорошо я все-таки теперь понимаю трагедию вечного жида.

29 ноября.

Ужасно скучно сейчас. Не тоска, а просто скука. Кончила писать реферат, в субботу читаю его. Буду теперь усиленно готовить психологию. Нет, и писать скучно. Мне хочется поскорее кончить эту тетрадку. Раньше всегда бывало, что в отдельные тетрадки укладывались определенные периоды жизни. И мне хочется думать, что и с этой тетрадкой кончится теперешний период жизни. Мне так надоело все теперешнее. Сегодня так хочется чего-нибудь нового. Пока эти дни желание отравиться отодвинулось от меня, но, ведь, оно снова, вероятно, вернется. Я сейчас подсчитала, сколько раз я собиралась что-нибудь сделать с собой. Целых 9 раз! 6 раз что-нибудь мешало. Мне хочется в эти дни затишья как-нибудь постараться избавиться от этих мыслей. Если бы случилось хоть что-нибудь хорошее, что могло бы придать мне хоть чуточку бодрости.

4 декабря.

Три ночи подряд у меня сильная бессоница. С вечера я засыпаю и вижу сон про него, все что-то очень тяжелое снится. Потом просыпаюсь и часа четыре лежу без сна. Никто мне не мешает и я лежу и плачу. Под конец страшно устаю от слез и засыпаю тяжелым крепким сном. Днем чувствую себя очень скверно, ничего не могу делать. Приходится делать громадные усилия, чтобы не плакать в самое неподходящее время. Иногда на улице, на уроке мне нестерпимо хочется заплакать. Сегодня я видела ужасный сон. Будто приходит Фаня и говорит, что А. И. несколько дней назад умер и его уже похоронили. Я чувствую, что во мне все останавливается от ужасной душевной боли. Она говорит: ведь, Вы не будете травиться? Я, чтобы отвязаться, говорю: нет, нет, а сама думаю, да неужели я смогу прожить хоть сутки, если он умер. Я отравлюсь через несколько часов, как только достану яд. И тут меня поражает несправедливость жизни. Я так безумно люблю его и все же я не имею права знать, что с ним, как он живет, мне никто не сказал, что он заболел и умер. В это время я проснулась и сначала почувствовала громадное облегчение, что это только сон. Но потом на меня нашло ужасное

отчаяние. Мне так хочется хоть на минуту увидеть его. Я все бы отдала, чтобы встретить его на улице. И в то же время мне так больно думать, что, вероятно, когда он увидит меня, у него будет такое сухое пренебрежительное выражение лица, от которого мне станет еще больнее. Если бы мне сказали, что я сейчас могу его увидеть на одну минуту и в нем не будем видно пренебрежения ко мне, но за это я должна сейчас же отравиться сулемой, я с радостью бы согласилась.

Если бы раньше кто-нибудь мне сказал про подобные переживания, я нашла бы, что подобные переживания могут быть только у сумасшедшего человека. Неужели я сумасшедшая? Но ведь я вполне логична, даже слишком логична в своих поступках. Я работоспособна. Ведь, я почти не работала над рефератом, а Васильев очень расхвалил его, сказал, что это великолепное вполне научное изложение; Трепетников, что он приходил в отчаяние от состава слушателей, а теперь видит, что и среди них есть люди, способные работать и т. д. И все-таки я сама не могу утверждать, что я психически здорова. Какое ужасное клеймо душевная болезнь в глазах здоровых людей. Мне сейчас вспомнилась одна сценка летом. Дня за четыре до Казанки у меня был небольшой обморок. Лилька зачем-то побежала за А. И., и он узнал таким образом об этом. И после этого все дни до Казанки он был очень сух и холоден со мной. Мне странно, как он, медик, мог осуждать меня за такую болезнь. Ведь не вольна же я в подобных уже чисто физических поступках. Я еще понимаю, что какие-нибудь эпилептические припадки могут вызывать невольное отвращение, но, ведь у меня, была только потеря сознания не больше чем на минуту и то, когда он пришел, я уже очнулась. Между прочим, меня саму очень интересует этот обморок. У меня до него больше года не было никаких припадков. Я потеряла сознание, и когда пришла в себя, я чувствовала себя как обыкновенно, только сердце сильно билось. Но вся энергия моя разрядилась и я не могла уже ничего сделать, что хотела. Неужели это мое подсознательное «я» запрещало мне самоубийство? В ночь перед этим я сидела на окне, он подошел ко мне и долго разговаривал. Раньше я не чувствовала никогда так сильно, что в нем есть ко мне участие. Мне больно сейчас думать, что это был только бессознательный обман с его стороны. Он говорил, что он очень расположен ко мне, что он теперь постарается избавить меня от желания смерти, будет каждый день ходить со мной гулять и т. д. Ни капли надежды на какое-нибудь чувство с его стороны у меня не было. Но на душе так тепло и хорошо стало от его слов. Целый день я его не видала, а вечером, когда по-

шла в лес, он не обращал на меня ни малейшего внимания, был занят только Сарой и я очень ревновала его в тот вечер. Вечером я получила бумагу из Наркомпроса об откомандировании меня на курсы в Казань и все машинные дамы и девицы злорадствовали на мой счет. Мне было так тяжело от всего этого и тогда я в первый раз поняла, что у него нет никакого участия ко мне и, когда мы вернулись домой, я вдруг решила, что нельзя тянуть дальше со смертью, что скоро может случиться то, чего я так боялась — потеря его участия ко мне, и я решила, что умру в тот же вечер. Около мастерской есть глубокий бак, устланный железными плитами, как мне говорили, и я решила, что я брошусь в него и разобьюсь. Над плитами на аршин воды, так что если б я не разбилась на смерть, все равно я захлебнулась бы. Я вдруг поняла, что я действительно решилась сделать это, что через несколько минут я разобьюсь и тут у меня случился обморок. Как скверно, что, может быть, подсознательные решения могут итти вразрез с сознательными. Может быть, это заговорил инстинкт жизни. Но сознательно я безусловно желала смерти.

Я очень искренна по отношению к себе. Вот у Ани страшная трусость мышления. Я себе всегда сознаюсь во всех переживаниях, хотя бы сама считала их гадкими и мне было стыдно за них. Между прочим меня на-днях занял один вопрос. Я прочла в одной книге Фрейда, что мазохизм есть причинение себе боли, и что эта боль доставляет наслаждение, но все это на половой подкладке. И меня занимает один вопрос: нет ли у меня в зачатке этого порока? Весной, когда я обварилась, у меня все-таки, несмотря на боль, было известное удовольствие от удовлетворенного желания. И на меня иногда нападает острое желание сильной физической боли, чтобы заглушить душевную боль. Мне часто хочется изрезать себе руки. И я знаю, что если б я это сделала, я опять испытала бы некоторое удовольствие. С одной стороны я думаю, что все-таки нельзя считать подобные переживания порочными, так как обвар руки, конечно, не может вызвать никаких половых ощущений, но с другой, — мне хочется доставлять себе боль, чтобы выместить на себе все свои неудачи в любви, так что все-таки нельзя отрицать того, что это желание имеет некоторую половую подкладку. Я всегда так осуждала порок и неужели во мне самой есть что-то порочное. Как я буду себя презирать, если убежусь в этом. Но ведь я так ненавижу всякую пошлость и грязь. Ведь моей большой ошибкой было то, что я бросала читать книгу, встречая в ней что-нибудь грязное. Если б не было этого, я, может быть, лучше бы знала жизнь и тогда не было бы стольких тяжелых минут.

19 декабря 1923 г.

Я каждую ночь вижу во сне А. И. и мне страшно больно это. Как верна пословица: кто мало требует, тот ничего не получает.

22 декабря 1923 г.

Какая в сущности гадкая вещь мой дневник. Вся накипь души, все скверное, злое, что есть во мне, выливается в него. Мой дневник — это обвинительный акт против А. И. И в нем совершенно не отражается моя любовь к нему. Здесь только осуждение. И в то же время не писать я не могу. Это доставляет мне большое облегчение. Написав что-нибудь, точно вытолкнешь это из души. Не напишешь, осуждения больше останется в душе. Милый мой, любимый, как все-таки я его люблю. Мне самой так тяжело осуждать его. Как ужасно хочется видеть его. Ли ушла на машину сегодня, увидит его там. У меня в душе созрело одно определенное решение, но я боюсь писать о нем, так как не уверена, что никто не читает моего дневника. У меня в душе к нему чувство такой громадной нежности. Если б я прожила еще много лет, я все равно также любила бы его.

27 декабря.

Как я ужасно устала. С какой бы радостью я сделала это сегодня. Отчего время на меня действует противоположным образом, чем должно? Чем дальше, тем больше боли. Я с завистью думаю о лете. Ведь все-таки, когда я думала, что он считает меня симулянткой, я знала, что это только недоразумение, что это обвинение так нелепо, и может выясниться правда. Теперь же нет никакого утешения. Чем дальше, тем сильнее расстраиваются у меня нервы. И чем дальше, тем яснее и яснее убеждаюсь, что в моей жизни никогда ничего хорошего не может быть. Каждая мелочь так больно бьет по нервам. Вчера я долго училась, у меня было очень удобное для учения настроение. И вдруг Варя мне сказала, что недели две назад видела его на улице. В сущности, ведь, в этой фразе ничего ровно не заключается, а меня она совершенно выбила из колеи. Я весь вечер плакала из-за нее и после, когда проснулась, тоже плакала. И сейчас, когда пишу, тоже плачу. Мне стало так больно, что все могут хоть видеть его и только мне одной это недоступно. Самая маленькая радость отнята у меня. Почему же я должна жить? Я никак не могу простить себе Казанки. Как я могла поверить ему и вернуться! Все мои несчастья начались с того дня. Нет, все-таки он ужасно несправедлив по отношению ко мне. Он про-

будил во мне жажду жизни и заставил отравиться, несмотря на это. За то, что я выздоровела, он наговорил мне столько грубых, гадких вещей и оборвал все отношения. Не знаю, считал ли он меня симулянткой, но он заставил меня думать, что считает. Я ему сказала, что если ему хоть немного тяжело будет от моей смерти, я не буду больше травиться. Он мог мне просто серьезно сказать, что моя смерть для него безразлична, а он захохотал над моими словами и просто издевался потом надо мной. Он говорил мне фразы, вроде такой: «Ведь Вы вошли в мою жизнь, чего же Вам еще надо?» Я раньше не думала, что у него в душе столько раздражения против меня и меня это просто испугало. Всеми своими словами он заставил меня отравиться снова. А когда я достала веронал, он отнял его силой, пригласив всю машину полюбоваться на устроенную им комедию. У меня до сих пор в ушах звучит хохот О. И. и Сары, когда он отнимал веронал у меня. Жить после этого нельзя было. Я отравилась опять. Я не виновата, видит бог, не виновата в том, что выздоровела. И тут я почувствовала себя совершенно сломленной, неспособной на новую попытку. Я написала ему записку, прося притти ко мне. Если б он пришел ко мне, я знаю, что я примирилась бы с тем, что надо жить, так как чувствовала себя такой виноватой перед нашими. И только тут в первый раз ясно сказалось его истинное отношение ко мне. Ему было некогда истратить на это полчаса времени. На машине сплетничали про него. Ни к кому из тех, кто сплетничал, он не изменил своего отношения, зато на мне выместил все свое раздражение. В последний раз я ему сказала, что чувствую, что я гибну, один он может спасти меня и сделать это для него ничего не стоит, он ответил так резко, что ему нет дела до меня. И на другой день он сказал Варе, что он хорошо относится ко мне, но мне мало такого его отношения. Нет, слишком много, чтобы вынести это. Но как больно сознавать свою гибель, видеть средство спастись и знать, что он не хочет этого сделать. У меня душа изломана, но какие-то силы в ней есть, и если бы он хоть немного лучше отнесся бы ко мне, я знаю, что эти силы победили бы под конец все больное во мне.

13 января 1924 г.

Сегодня конец этого года. Что я желаю себе в этом году? Прежде всего душевного мира, неосуждения и довольства собой. Дай бог, чтобы это исполнилось! Я больше не буду писать дневник отчасти потому, что его читают другие, отчасти потому, что дневник мой сплошное осуждение А. И. Не хочу его осуждать.

Пусть он был несправедлив ко мне, пусть он ничего не понял в моих душевных переживаниях — все равно. Я люблю его, люблю на всю жизнь. И я сама во многом виновата перед ним. Ведь, наряду с плохим у него бывало и безразличное отношение ко мне, ведь последнее время перед моим отравлением он пытался относиться ко мне лучше и не мог. Это уже моя вина. Да и почему я так желаю хорошего отношения к себе? Стою ли я его? Как мне больно думать, что большее, чего я желаю, это безраличие к себе. Только бы не было презрения к кривляющейся истеричке!.. Пусть наступит новый год и новый период жизни. Дай мне господи, чтобы моя любовь стала лучше в этом году.

Из писем Ел. А. Ивановой (28).

Мне хочется дать Вам несколько Натиных стихотворений. Они — все в целом очень ярко характеризуют ее. Вначале стихотворения 1915—16 г., когда в Нате была какая-то особенная, идущая почти-что через всю ее жизнь тишина и ясность...

Бледно-алая гаснет на небе заря.
И дрожат, и бегут переливы теней,
Теплый ветер колышет деревья в саду,
И становится небо темней и темней.

Зажигается звезд золотых хоровод,
Безмятежно по небу плывут облака,
Тишина на земле, тишина в небесах,
И зеркальная словно застыла река.

Выплывает луна из серебряных туч,
Еле шепчутся с ветром влюбленным цветы,
Все в природе заснуло торжественным сном,
Отдаваяся чарам ночной красоты.

Бледно-алая гаснет и меркнет заря,
Потянуло теплом от заснувших полей,
Теплый ветер колышет деревья в саду,
И дрожат и бегут переливы теней.

Грустных стихотворений в этот период нет — кроме тех, которые вызваны неожиданной смертью ее гимназической подруги. Но и на них печать какой-то светлой примиренности...

* * *

Была золотая весна, и сирень расцветала,
Лучистое небо неясно и смутно алело,

Весенние сказки и грезы ты мне поверяла,
И зорька на небо легла и на небе сгорела...

И осень настала... Дрожат золотистые краски,
Природа прекрасна в унылые дни увяданья...
Но ты умерла, ты не шепчешь мне светлые сказки,
Ты так далека от земных огорчений, страданья...

* * *

День, умирая, бледнел. Вместе с днем и она умирала.
Грустно и нежно сгущались вечерние краски,
Ветер последним цветам расточал свои ласки,
Осень красою прощальной незримо сияла.
Луч золотой проскользнул в растворенные окна
И с поцелуями лег на густые ресницы.
Дрогнули веки, как крылья подстреленной птицы,
В воздухе тихо неслись паутины волокна,
Листья все в золоте плавно и скорбно кружились,
Землю неслышно покровом своим одевая.
Тихо и грустно лежала она, умирая,
И на лицо ей предсмертные тени ложились.
Луч золотой, проскользнув, отогнал на мгновенье
Призраки смерти, вернул угасавшие силы.
Он отдалил от нее приближенье могилы
И, колебаясь, застыл на лице в умиленьи,
Грустно и нежно сгущались вечерние краски.
О, отчего этот луч так дрожал, колебался?
Не оттого ли, что с ней он навеки прощался
И, сожалея, дарил ей последние ласки?
Или, быть может, он знал, мимолетный, прекрасный,
Что в этот миг разрушенья и тленья
Ей открывается радостный путь к возрожденью,
Не оттого ли дрожал он в истоме неясной?

Весной 1916 г., когда она кончала гимназию, она полюбила Ш. Ей было 18, ему, кажется, 20 лет. В сущности говоря, он был пустой человек, — для которого фраза и красивая поза — все. Строил из себя непонятого героя — страдальца, которого «должна спасти любовь чистой девушки» и пр. и пр. Знал про Наташину любовь и довольно-таки играл на ее чувстве... Ему посвящено несколько стихотворений.

* * *

Последние дни доживает весна,
Сияя прощальной, любовною лаской.
И ландыши, лес и небес синева —
Все пóлно волшебной таинственной сказкой.

Прозрачно и кротко сияет луна,
Леса все окутаны сладостной дремой.

И всех озаряет, прощаясь, весна,
Своей непонятной волшебной истомой.

Последние дни я с тобою, мой друг...
Но слышу ль я слово привета?
Все чувства, признанья, страданья мои —
Тобою оставлено все без ответа...

Весна, отлетая, чарует людей
Своею волшебной несбыточной сказкой...
О, может, и ты на прощанье, мой друг,
Меня подаришь неожиданной лаской?

Эта история причинила Нате много душевной боли. Впервые появляются больные стихотворения.

* * *

Усталое солнце. Пурпурные листья,
Стволы оголенных унылых берез,
И небо в ответ им устало роняет
Блестящие капли серебряных слез.

И хочется плакать печально, беззвучно
Над смертной истомой природы больной,
Чтоб выплакать горе души наболевшей,
Чтоб слить свои слезы с струей дождевой.

Увлеченье Ш. тянулось у Наты три года. Оно дало ей много муки душевной. В связи с ним у нее был первый приступ тяжелой депрессии, тянувшийся около года, когда она вся как-то погасла, сделалась какой-то мертвой для жизни. Даже стихов она в этот год не писала (кроме 2—3 неудачных). В конце третьего года у нее возникла переписка с Ш., ясно показавшая ей всю его внутреннюю пустоту. К периоду умиранья ее любви относится несколько красивых стихотворений.

* * *

Золотистый закат величаво красив.
Солнце, лаской прощальной сверкая,
Словно ткет паутину прозрачных лучей,
И река от лучей стала вся огневая.

Тишиной, теплотой веет ветер ночной,
Шепчет дивные сказки невнятно;
На колосьях налившейся ржи чуть дрожат,
Золотые багряные пятна.

В этот вечер в природе видна и слышна
Лучезарная кротость страданья:
Эта сетка прозрачных вечерних лучей
Только грустная ласка прощанья.

Словно жаль улетевшего летнего дня
Розоватым лучам золотого заката,
И пред тем, как одеться в иные тона,
Лучезарною грустью все небо объято.

Так душа озирает весь пройденный путь,
И прощальною лаской сияя,
Хочет с прошлым простясь, навсегда оттолкнуть
Обаянье далекого рая...

* * *

Задумалось небо над алой зарею,
Красиво и нежно на небе сгоравшей,
Какие-то дали, какое-то счастье
Душе обещавшей...

Задумалось, хмуриться стало тревожно,
С него золотистые краски сбежали...
Обман и миражи... И небо застыло
В безмолвной печали...

Это стихотворение особенно характерно для Натиной души... После неудачи первой любви точно действительно «с нее золотистые краски сбежали»... Все яснее начинают звучать тоска и боль... Следующее стихотворение, по ее мнению, лучшее. Кажется, что так.

* * *

Ты плачешь. Беззвучно вздыхают левкои
В хрустальном граненом бокале,
В опаловом небе осенние краски
Застыли в безмолвной печали.

Грустит тишина. В опустевших аллеях
Последние листья спадают.
Багряные пятна осенних настурций
На клумбах печально сгорают.

Ты плачешь, бессильные слезы роняя,
О том, что прошло невозвратно.
В хрустальном старинном бокале
Вздыхают левкои невнятно.

В опаловом небе устало сгорают
Последние вспышки заката
И вечер наполнен немым сожаленьем
О том, что случилось когда-то...

* * *

Мятель, все сильней и сильней бушуя,
Поет монотонно и скучно.
Пушистые хлопья пушистого снега
Ложатся, ложатся беззвучно.

Деревья застыли и в трепетной боли
Со стоном качают ветвями
И плачут, и в сумраке ночи
Исходят, исходят слезами.

На голые остовы мрачных деревьев
Предсмертные тени ложатся,
И в пляске мятели малютки снежинки
Бесшумно, бесшумно кружатся...

Неся разрушенье, зима в эту полночь
Исходит слезами больными...
Так жизнь разбивает все наши надежды
И плачет, и плачет над ними...

В 1920 году как-то особенно ясно стало сказываться наше полное неуменье жить, незнанье реальной жизни, а также ясно стало, что папа серьезно болен.

* * *

Вечернее солнце задумчивым светом
Ласкает ступени балкона
Повеяло свежестью робкой и нежной
С далекого горного склона.

Ты вся отдалася неясной тревоге,
Предчувствию близкой разлуки,
Бессильно упали на белое платье
Усталые нежные руки.

Пурпурное солнце прощается с морем
И знает: разлука не вечна.
Но сердце во власти неясной тревоги —
Страданье в любви бесконечно.

Не в силах бороться с кошмарами жизни,
Усталые нежные руки,
А волны бегут и лепечут бессвязно
О близкой, о вечной разлуке.

20 мая 1920 г.

Меня в Натиных стихах всегда поражало одно — в них глубоко вскрывалось то, что таится в подсознательном. Я по каждому ее стихотворению знала вперед на несколько месяцев, какое у нее будет душевное состояние. Предыдущее стихотворение вызвано мыслью о близкой папиной смерти. В это время Ната уже вкладывала всю свою душу в любовь к папе. И я по этому стихотворению вдруг ярко и отчетливо впервые почувствовала, что папина смерть может быть будет концом и для Наты... Это, несмотря на то, что внешне, как всегда, она была ясная и твердая в своих словах и поступках...

* *
*

Как мне больно. Опять воротилась весна,
Засинела, заискрилась даль,
И на сердце, знакомая гостья весны,
Расцветает немая печаль.

Чем светлей и прозрачнее в небе заря,
Глубже купол далеких небес —
Тем сильнее и ярче во мне
Просыпается жажда чудес.

Все, убитое долгой холодной зимой,
В сердце властным призывом звучит,
Все, что вкралося в душу зимой,
Похоронено в сердце и спит.

Знаю, знаю невольно обманет весна,
Не ответит прозрачная даль...
И во мне, неизбежная гостья весны,
Расцветает немая печаль...

* *
*

Ночь кончена. В небе светает, светает,
В пруду холодает вода,
И в розовом сумраке медленно тает
Большая ночная звезда.

Уходят виденья, немые виденья,
Прекрасные песни без слов.
Уходят... И плачут в душе отголоски
Красивых предутренних снов.

И все, что еще не успело свершиться,
В таинственном мраке ночей,
Все блекнет и медленно, медленно гаснет
В сияньи рассветных лучей.

И полно истомы, и полно страданья,
Уходит от нас навсегда
В тот час, когда в розовом воздухе тает
Большая ночная звезда.

За всю зиму 1920 года у нее было только одно стихотворение.

* * *

Одно и то же... Дни за днями
Дают одно, всегда одно!
В однообразьи впечатлений
Печалью сердце смятено.

Хочу итти к иным исканьям,
Хочу итти и не могу:
И в новом старое вернется —
Я в заколдованном кругу.

Жизнь замерла, остановилась,
Как будто все чего-то ждет,
Пока ее владыка — случай
Весь ход событий не порвет.

Душа горда и в дни печали
Я радость в сердце берегу.
Бывают порванные звенья
И в заколдованном кругу...

Да, но заколдованный круг 1920 года для нас разорвался не так, как мы ждали. Неожиданная одинокая смерть папы... Собственно говоря, это был конец и для Наты...

Только через год у нее опять стихи, когда она одна в деревне.

* * *

Вечер зимний, бесприютный вечер,
И мятель дороги замела,
У дороги смутным силуэтом
Выростает тонкая ветла.

Одинокий ветер бродит в поле,
Одиноки сонные поля...
Больше ветра и ночного поля,
Одинока в этот вечер я...

* * *

Зажженый факел — лес багряный
И синева больных небес.
И запах листьев остро пряный
Уже окутал сонный лес.

Плывут вечерние туманы
Стеной от звезд и до земли,
И по ночам в иные страны
Летят и плачут журавли

Печать покорности и боли
Без помышленья о борьбе
Лежит на всем — и поневоле
Я нахожу ее в себе.

Немного дней, и лес багряный
Сгорит, как факел смоляной...
Придет зимá, а я останусь
Опять одна с тоской больной...

* * *

Глухая боль немых страданий,
Живая жажда красоты,
И цепь несбывшихся желаний,
И одиночество мечты.

Исканье, жадное исканье.
Того, чего нельзя найти..
И это все, что мы встречаем
На нашем жизненном пути?

До-тла сожженная пожаром,
Моя душа давно мертва,
И даже память о прошедшем
В ней только теплется едва.

Но иногда мне с грустью снится —
О, как томят нас чары сна!
Что где-то там в душе томится
Непробужденная весна...

Тоска одиночества толкнула ее к П. Вначале она чувствовала эту любовь, как измену самой себе — она не могла не видеть, что он представляет собой... Потом чувство захватывает ее всю...

Ната придавала какое-то особенное значение обручальному кольцу, которое она носила — и потом отдала мне. Это кольцо мамы, которая почему-то велела которой-нибудь из нас носить его. Мне кажется для Наты это кольцо было символом верности своему «я»...

* * *

Когда-то там был вечер мая,
Когда-то там, давно, давно

И было сердце в майский вечер
Весенней радостью полно.

Мой милый принц из дивной сказки
Мне, улыбаясь, дал кольцо,
В букете белых роз душистых
Свое я спрятала лицо.

Он мне надел кольцо на палец
И руки долго целовал,
Предвидя близкую разлуку,
Ко мне вернуться обещал.

Мой принц связал меня обетом
Всегда носить его кольцо,
Но дни напрасных ожиданий
Затмили милое лицо.

В его приход устала верить,
Устала верить в краски дня,
И в дни отчаянья и муки
Другой стал дорог для меня.

И если принц ко мне вернется,
Ему отдам его кольцо,
Сказав: «Прости, люблю другого»,
Я перед ним склоню лицо.

О, он поймет, как я страдала,
И как душа моя болит...
И, уходя в безбрежность мира,
Он все поймет и все простит!

* * *

Во сне ты видишь блеск участья
В его словах, в его глазах,
Но, зная лживость сновидений
Ты просыпаешься в слезах.

Как эти сны безумно мучат,
Ты от себя их гонишь прочь...
О, эти сны! Их не расскажет
Ему томительная ночь.

Лишь жуткий сумрак темной ночи
Укроет мрак твоей души,
Твое отчаянье он спрячет
В своей томительной тиши.

Да зеркала твоей гостиной
Увидят скорбные глаза,
И холод стекол вмиг растопит
Твоя душевная гроза.

Его душа, душа живая,
Так равнодушно холодна,
И ты стоишь, изнемогая,
А ночь темна, а ночь длинна.

Как долго длятся эти миги,
Кошмар душевной темноты...
Он будет спать совсем спокойно,
И до рассвета плачешь ты...

Иногда, когда уж очень душа болит, начинает казаться, что все это сон, что весь мир — мираж, и что когда-нибудь проснешься... Это так ярко в одном из ее последних стихотворений... По первому впечатленью оно даже сближается с стихотворениями 1919 г... Но я по себе знаю, что это ощущенье жизнь — сон возникает лишь на вершинах боли.

* * *

Ночь вся окутана молчаньем
Поникли сонные цветы.
В часы ночные над землею
Немые тайны разлиты.

В часы ночные происходит
Сближенье с сонмами миров,
Земля стряхнуть с себя готова
Тяжелый гнет земных оков.

Дневная жизнь сменилась снами.
Все в жизни — сон, все — сон один,
Сон бераздельно правит нами,
Как всемогущий властелин.

Все в жизни — сон, все — только грезы,
Мечта о дальних небесах...
Сама я — сон, который снится
Кому-то там, в иных мирах...

* * *

Холодеет, опять холодеет,
Тонким льдом затянулась вода,
Золотистыми листьями рдеет
Тишина голубого пруда.

Осень, осень! Туманятся дали,
Губы шепчут кому-то «прости!»
И на клумбах в саду георгины
Не успеют еще расцвести.

Под ногами в прозрачности леса
Целый мир отгоревших огней,
Я покорна, я плачу без боли,
Острой боли утерянных дней.

Знаю, знаю, он все позабудет,
Но любить его мне суждено —
И пусть будет, пусть будет, пусть будет
То, что с нами свершиться должно!

---

295. Иванова Ольга Алексеевна. 270/271
(1900—1901).

296. Иванова Варвара Алексеевна. 270/271
Род. в 1903 г. Склонность к туберкулезу. В детстве страдала лунатизмом.

А. А. Иванова. Гимназические письма (22).

«Теперь наступила теплая погода, а потому Андрюшка[1] очень много гуляет, а Варя с ума сходит, что его украдут и стоит ему хоть на минуту скрыться с ее глаз, как подымается плач, что Андрюшку украли, а стоит Андрюшке найтись, как Варя начинает его бранить, как он смел пропадать.»

Из писем Ел. А. Ивановой (28).
1/II 1926 г.

«Несколько слов о Варе. По внешности она очень маленькая, черненькая, пожалуй что хорошенькая... Лицом ни на кого из родных не похожа. Разве только нос папин... В ней какая-то недоразвитость — и физическая и умственная. Ей 23 года, а она всего 2-й год как стала взрослой девушкой. Ребенком росла очень болезненным. Сперва брюшной тиф, потом скарлатина, как осложненье— прорыв барабанной перепонки и в течение нескольких лет она была почти глухая... Она малоразвитая, училась плохо. Когда ей было 16 лет у нее начался туберкулез—она целый год почти не вставала с постели. Ученье пришлось бросить—и с тех пор Варя вряд ли прочтет в год больше 2—3 книг. Весь умственный мир как-то не существует для нее. В ней ничто не напоминает, что она девушка из интеллигентной семьи. Самая благонамеренная мещаночка. Сейчас она здорова—только сильно кашляет. Работает мастерицей у чулочницы...

---

[1] Младший брат В. А. Ивановой.

Но вместе с тем, если бы мне предложили выбрать, с которой из сестер я хотела бы жить вместе — я выбрала бы Варю. При уменьи с ней можно хорошо наладить жизнь... Именно потому, что нет у нее никаких драм психологических, все так просто и тихо. Она очень добрая, очень мягкая и услужливая, очень работящая. Вот третьяго дня пришла ко мне, всю мою комнату убрала и вымыла как только могла лучше... Напрасно я говорила. что не надо. — «Нет, ты сама не умеешь...» И так она подходит ко всякому... Я понимаю, что многим знакомым Варя нравится больше всех из нашей семьи — у нее какой-то удивительно простой подход к жизни, которого нет у нас. Варин внутренний мирок очень мал, но в нем она удивительно прочно стоит. Подход к жизни чисто практический и какая-то глубокая убежденность в правоте своего подхода... Иногда начнешь ей доказывать неправильность какого-нибудь поступка (глубоко правильного с мещанской точки зрения) и никогда ее не убедишь. Пример моей жизни и особенно Наташиной глубоко убедил ее, что если хочешь жить, то нельзя быть идеалисткой. И она как-то не уважает наше миросозерцание... Бессознательно для себя она сверху вниз смотрит на нас. Меня же порой забавляет та старозаветность благонравных мещанских правил, которыми живет Варя.

..Но мне нравится в ней то, что она себе цену знает — и кроме того в ней есть мое «я есть я» — что так противоречит всем ее взглядам... «Я знаю себя, знаю как я живу — и поэтому мне нет никакого дела до сплетен обо мне и менять свою жизнь в угоду другим я не стану...» Чем старше она становится, тем резче в ней выступает эта черта гордости.

Сейчас Варя еще совсем непроснувшаяся, как женщина. И я боюсь, что в будущем у нее еще будет та эпоха метаний и безрассудных поступков, как у меня... С Аней они совсем чужие друг другу. У Вари бывают порой какие-то полосы упрямства, странных на наш взгляд поступков. Она жалуется, что часто на нее находит такая апатия, что ничего делать не хочется... Помню, в Бикбарде она трое суток под ряд без перерыва плакала. Потом она говорила, что боялась, что с ума сходит... Я как-то умею приладиться к ее неровностям. Это только минутные шероховатости, — а основной тон мягкий и добрый.»

297. Иванов Андрей Алексеевич. 270/271
Род. в 1906 г.

А. Р. Лурия (29).

Живет отдельно от сестер и брата. Карикатурист. Одно время служил конторщиком. Вообще имеет заработок, но с семьей не делится. Видимо хорошо умеет приспособиться к жизни.

Ю. А. Иванов (29).

Чрезвычайно легко возбудим. Возбуждение, раз возникнув, отличается большим упорством; но в то же время наблюдается странное уменье ввести это длительное возбуждение в известные рамки. Большая насмешливость и шаловливость. Когда он был мальчиком, помню, нередко мне приходилось говорить ему — «дам тебе сегодня копейку, только оставь меня в покое.»

Из писем Ел. А. Ивановой (28).
1/II 1926 г.

«Андрей — человек мгновенного отреагирования. Отсутствие затормаживания у него доходит даже до ненормальности... Колоссальная энергия — но также и большая неуступчивость.»

25/V 1926 г.

«Он глубоко несчастный человек — хотя внешне он, наверное, многого достигнет в жизни.»

15/V 1927 г.

«Андрей. Так ясно вижу его сейчас перед собой. Высокий, широкий в плечах, с румяным круглым детским лицом, всегда с фуражкой на бекрень на русых волосах и кожаной куртке нараспашку. Несколько картавящий, как у большинства из нашей семьи, голос. Нервная быстрая речь, точно слова гонятся друг за другом, точно все они куда-то торопятся. Странные глаза... Серые, начавшие было переходить в карий цвет и вдруг раздумавшие и так и остановившиеся с зелеными звездчатыми рыжинками в середине. Трудно понять их — не то они совсем детские, не то за ними прячется что-то такое, что боишься разгадать, такое же обманчивое, как эта неустановившаяся окраска. А внутри у Андрея словно непрестанные вспышки огоньков, которые вечно жгут и не дают успокоиться... Вечное горенье и дрожанье, которое так легко возбуждающе передается другим... Иногда он делается очень раздражителен, мнителен и обидчив, чувствует себя очень одиноким, сомневается в своих силах, пригодности к жизни и т. д. Но, к счастью, для него более характерен другой уклон. Он — вечное возбужденье, громадный сгусток непрерывно разряжающейся энергии, которой он увлекает окружающих.

Уже с детства в Андрее стал резко обозначаться тип так называемого вожака. Он всегда во главе организованных им игр, в которых мальчики 10—12 лет беспрекословно уступают первенствующую роль ему, 7—8-летнему малышу. Подростком он начинает увлекаться физкультурой, скаутским движением и быстро

выдвигается сперва как руководитель стаи «волчат», потом помощник начальника отряда.

В Бикбарде, когда мы, местная интеллигенция, тщетно старались заинтересовать подростков вечерней школой и не умели этого сделать из-за нашей оторванности от окружающей жизни, Андрей через какие-нибудь 2—3 дня после своего приезда сумел объединить вокруг себя своих 13—14-летних сверстников в скаутский отряд, работа в котором захватила всех с головой... У него тонко развитая насмешливость и способность подмечать слабые стороны окружающих. Дразнить кого-нибудь—его страсть. Я не скажу, чтобы это было злое дразнение, нет — а просто все тот же разряд внутреннего беспокойства, сжигающего его... Он прекрасный карикатурист. В школе он своими остроумными насмешливыми картинками держал в руках весь класс. Помню как-то Варе было задано сочинение на тему «Мои мечты». Она не могла написать. Андрей вызвался помочь ей и набросал несколько различных вариаций — от лица каждого из нашей семьи. Он так ловко подметил и оттенил в этих «мечтах» слабые стороны каждого из нас, что мы от всей души смеялись, слушая, о чем мечтает Лена, Варя и т. д. Ему тогда было лет 12. Он обостренно наблюдателен и обладает изумительной зрительной памятью. В скаутских играх он, посмотрев в течение минуты на 25 предметов, безошибочно мог перечислить 24 из них. Он помнит все дома на некоторых улицах Казани и может их перечислить по порядку. К сожаленью, Андрей не получил систематического образования Ему с 16 лет пришлось служить... Он поступил было учиться в художественый техникум, но его по службе откомандировали в другой город и ученье пришлось бросить... У Андрея большое стремленье к творчеству. Он пишет стихи, рассказы (даже раз получил премию на каком-то конкурсе), хорошо рисует. Прошлым летом написал 2 пьесы, которые ставились в местном театре и пользовались большим успехом у молодежи.

...Если он будет работать над собой, сумеет побороть некоторую неустойчивость, имеющуюся в нем сейчас, из него может кое-что выйти... Меня часто смущают те приступы хандры и стремления к новому делу, которые обнаруживаются в нем. Не знаю, чем их объяснить. Бродят ли это большие молодые силы или же наша несчастная наследственность сказывается. Будущее покажет. В Андрее заложены большие контрасты. Многие из них, по моему, объясняются его яркой, даже черезчур яркой эмоциональностью. Он настолько вживается в момент, что теряет объективные мерки. В нем очень сильно азартное чувство.

Когда он спорит, он во что бы то ни стало хочет остаться победителем — и из-за этого не останавливается перед тем,

чтобы солгать или прихвастнуть... Меня всегда очень интересовал вопрос об его лжи — сознательна она или нет. Пожалуй, он во многих случаях настолько увлекается, что искренно верит, что существует то, о чем он говорит. Ему так хочется, чтобы было так, как говорит он, что на этот момент он теряет связь с действительностью.

Он очень раздражителен. Часто из-за какого-нибудь пустяка начинает сердиться и нервничать, но в последние годы Андрей делается более ровным, выдержанным. Ему приносит большую пользу то, что он живет с чужими людьми, хотя он часто страдает от одиночества.

Мне кажется, для Андрюши самым большим несчастьем было то, что он рос в нашей семье. Он был нервным, исключительно трудно воспитуемым ребенком. Каждый неправильный подход вызывал в нем дикие вспышки, заставлявшие опасаться за его психическое здоровье... Ему нужна была бы тихая, правильно в педагогическом отношении поставленная обстановка... А он рос в семье, где была душевно-больная мать... Он очень деспотичен и эгоистичен по отношению к семье, вообще обращен к ней своей темной стороной... Но мне кажется, что когда говоришь о человеке, надо обращать внимание не на больные провалы в его душе, а на общую конструкцию личности, тем более, что видишь как с выздоровлением от болезни отмирают эти больные места.»

298. Иванова Лидия Алексеевна. 270/271
Род. 26/XI 1908 г.

О. А. Иванова (29).

Когда жила у нас в Даровом, производила впечатление очень веселой хохотушки — смеялась иногда чуть не до истерики.

Из писем Ел. А. Ивановой (28).
10/II 1925 г.

«В отличие от Наташи, Лиля вечно оживлена, весела, жизнерадостна. При ней удивительно легко живется. Она всегда вносит за собой струю жизнерадостности и веселья.»

18/VIII 1925 г.

«Этой весной Лиле представлялась возможность прямо блестящего брака — какая вряд ли еще когда-нибудь встретится в ее жизни. Человек был интересный, красивый, очень богатый, 28 лет. И думаю, что редкая девушка, у которой нет даже нерваных

башмаков, откажет только потому, что она не любит — и по расчету не идет. К счастью, она оказалась «наша»... Она у нас прелестна. В ней какой-то неиссякаемый источник жизнерадостности, которым она привлекает к себе всех.»

1/II 1926 г.

«О Лиле я не могу писать объективно, потому что в ней есть какое-то громадное очарованье, которое мне не позволяет видеть ее недостатки. Каждый раз я убеждаю себя, что в Лиле нет ничего особенного, стараюсь говорить себе, что она вовсе не хорошенькая, и т. д. Но не более чем через 10 минут я уже в ее власти и не могу ею налюбоваться... Сейчас ей 18 лет — и в ней именно та прелесть, что она одновременно еще и ребенок и уже маленькая взрослая женщина... Когда я гляжу на ее как-то по-детски волнистые волосы и вижу, что она как ребенок, захлебываясь, смеется, почти падая от смеха (хохотушка она ужасная), и вместе с тем чувствую, что она почти взрослая женщина, такая очаровательная своей молодостью и свежестью — я понимаю, почему в нее все так влюбляются. Иначе к ней нельзя относиться. И вот где сказывается «голос крови». Лиля с 13 лет живет в деревне. Сперва со мной в Бикбарде, потом с Наташей, теперь второй год на мосту через Волгу... Под влиянием среды ей нужно было бы быть самой простой мещаночкой, какой вышла Варя. А на Лилю я часто удивляюсь — откуда у нее так много тонкости и такта, так много уменья держать себя? Она почти без образования — кончила только школу 1-й ступени — но в ней это совершенно не чувствуется. Конечно она не сможет вести какие-нибудь ученые разговоры, но в ней так ярко видна интеллигентная обработка ума и характера. Лиля очень легкомысленная, живая и веселая. Но вместе с тем я твердо знаю, что за обеих моих девочек — и за Варю и за Лилю я могу ручаться больше, чем за себя... В ней есть что-то очень стойкое... Она добрая и вместе с тем в ней есть какая-то простота, делающая жизнь с ней легкой... Когда они жили вместе с Аней и Ирой Лиля всегда все свое жалованье приносила Ане — и это делала так, как-будто все это само собой подразумевается... Лиле как-то легко живется и около нее легко всем... В Бикбарде, бывало, все матери наперебой зовут ее к себе и не знают, чем угостить, чтобы только она к ним ходила. Для нее ребята вместо кукол, и самый капризный малыш при ней будет смеяться, потому что она сама готова плясать с ним на руках целый день. Я помню, как-то мы шли в деревню, и Лиля все 12 верст бежала танцуя — ей было тогда лет 15. Она тоже немного маньячка...

Иногда легкие полосы депрессии, на мгновенье становится раздражительной... Но это быстро проходит... В прошлый приезд жаловалась, что находят такие полосы скуки, что «просто жить не хочется»... Но это минутное... В основе своей — она хохотушка. Особенно большой одаренности у нее нет, но несомненный природный ум и, главное, врожденный такт... Последний год вдруг неожиданно обнаружилось, что она хорошо вышивает — даже на заказ—и шьет—что для нас, старших, совсем уж египетская премудрость... Вообще жизнь сделала девочек более практичными, чем мы. Лиля, несмотря на некоторую легкомысленность, умеет жить, не тратит денег без толка, как Аня.»

20/X 1926 г.

«Лиля по характеру и манерам чем-то ужасно начинает напоминать маму, хоть и не похожа на нее наружностью. В ней нет маминой чувствительности и мимозности, но та же моментальность реакций... В последнее время в ней все ярче начинают сказываться депрессивные уклоны. Я очень редко ее вижу — иногда несколько месяцев не встречаемся... Недавно была у меня. Сперва в самой мрачной депрессии, так что даже не на шутку меня встревожила: и жить то не зачем — «вот буду каждый день в Волге купаться, распростужусь и умру», и все в таком духе... Потом рассказала, что у нее увлеченье, герой объясняется ей в любви, а сам с другой живет... Все настроение ушло в рассказ и после него Лиля, как обычно, хохочет... Но все-таки смена настроений до того резкая, что беспокоит меня...»

8/VI 1927 г.

«Недавно я в кино видела «Доротти Вернон» с Мэри Пикфорд. Я в кино почти никогда не бываю и поэтому даже такую знаменитость как Пикфорд вижу в первый раз. И знаете, что меня в ней поразило? — Это то, что она артистически законченный тип женщины, к которому принадлежит и Лиля. Когда смотришь на ее неожиданные дикие выходки, которые вместе с тем так женственны и милы, то невольно вспоминаешь Лилю во многие минуты ее жизни... Чем больше растет Лиля, тем яснее я начинаю понимать маму. У них ужасно много общего в характере. Только у мамы была большая мимозность, которой нет в Лиле — в Лиле же преобладает бесенок. Но живость, моментальность и безудержность реакций — одинаковы. И я так ясно представляю, что было бы с Лилей, если бы она была в тисках нашей прежней чопорной семьи... Какое действительно для папы и мамы было не-

счастье, что они поженились друг на друге. Вот Лиля, например, считает, что ей трудно жить даже с кем-либо из нас — ее сестер... Ей даже с нами душно, так как она находит всех нас слишком чопорными.»

2/XII 1927 г.

«Мы с Лилей в последние годы вообще очень редко встречаемся — так что совсем не знаем внутренней жизни друг друга... Лидок сердится, что я пишу Вам о ней «чепуху» — она еще не понимает, что я говорю только о ее внешней форме, не вскрывая содержания, которое я мало знаю. А форма ярко выраженная — сверхэмоциональность, с резкими переходами... За последние года два жизнь ужасно и Лилю придавила. Какие-нибудь года два назад, когда я Вам о ней писала, это была только девочка-хохотушка, а теперь настоящая маленькая женщина, которая больше тяжелого, чем хорошего от жизни видала...»

Из писем Л. А. Ивановой (28).

22/I 1927 г.

«То, что пишет обо мне Елена верно лишь по отношению к той мне, какая я была год или, вернее, 2 года тому назад. А теперь я чувствую сама до чего я изменилась. Насколько год, два назад я любила хохотать, плясать, дурачиться и очень редко хандрила, настолько в последнее время я склонна к пессимизму. Знаете ли, у меня теперь очень часто бывает необычайно мучительная тоска, доходящая до сумасшествия. Конечно, часто и бывают причины к тоске, но иногда она приходит без всякой причины. Иногда вдруг бывает так, что в одну минуту я ощущаю страшное беспокойство и тоску и вот это меня гнетет. Я тогда начинаю с ума сходить, например ломаю пальцы (чем привожу подруг в бешенство), до синяков искусываю себе руки, подушки и тому подобное летит на пол, а я, начав отыскивать мысленно причину этого беспокойства, иногда придерусь к какому-нибудь пустяку и успокоюсь, вернее стараюсь себя уверить, что это и есть та причина, которая бы должна быть. Бывает, что это и действует, но часто и нет.

Знаете ли, Михаил Васильевич, меня теперь часто преследует мысль о смерти, но не о самоубийстве, хотя летом еще я о нем определенно подумывала и раз даже была попытка, если только это можно назвать попыткой, но все это ерунда — я вперед знаю, что не покончу с собой. Вот если захворать да и умереть хорошо, вернее лучше не умереть, а переменить образ жизни, так как жить, как я живу теперь, положительно невозможно. А как ведь смешно — еще не так давно я думала «неужели я

умру, какой ужас!» И мне казалось, что если я умру, то и люди-то не так будут ходить и не так жить, ну вообще все переменится. Я не могла себе представить что, если я умру, то все останется по-старому.

Знаете ли, меня ничто не удовлетворяет. Вот, может быть, отчасти и причина, почему я так хандрю. Но все-таки Вы не думайте, что я все время хандрю. На меня нападают иногда такие моменты, что я готова весь мир перевернуть кверху ногами; подруги в эти моменты говорят, что я чорт, а молодые люди выражаются повежливее, т. е., что я чертенок.

Что касается моей влюбчивости, то я все-таки порядочно влюбчива. Влюбляться я начала с 7 лет. С 7 до 15 лет я влюблялась раза три и все в женщин, а в 15 лет в того же, в кого и Наташа. Что же касается того, влюблялся ли в меня кто или нет, то я скажу — 3—4 раза, а остальное все ерунда. Но ни одному из них я не симпатизировала, а даже наоборот, над одним я так издевалась, так капризничала, что просто сама себя не узнавала.

Я терпеть не могу грубых людей, вернее грубое обращение. Я не только нравственно, но даже прямо-таки и физически страдаю от этого. Вот, например, у нас в конторе есть один служащий, кажется весьма не дурной человек, но очень грубый. И вот когда мне приходится зачем-либо идти к нему, то я просто чувствую себя больной. Я из-за одного грубого слова или из-за бестактности человека, способна очень долго мучиться. Но вот, что дурно — иногда на меня саму находит такое состояние, что я становлюсь грубой и резкой; бестактной я бы не сказала, но что касается грубости, это да. В эти моменты я в глубине души сама страдаю, но все же говорю дерзости, бываю слишком резка, даже стараюсь уколоть побольнее и чувствую в этот момент какое-то удовольствие. Да что и говорить, вообще то я дрянь.

Что касается сестер, то мы совсем разные люди и совсем не понимаем друг друга. До некоторой степени они правы, называя меня то змеенышем, то кукушкой. Кукушкой—за то, что я все время в чужом гнезде, а змеенышем — за то, что часто не родственно отношусь к ним. По правде сказать, я очень отстранилась от семьи и чувствую, что со своими родными больше жить не могу. Потом вот у меня еще дурная черта. Иногда, когда я бываю с Леной, то вдруг замечаю, что она как-то влюбленно смотрит на меня. Это начинает меня страшно бесить и я чувствую, что в этот момент могу сделать ей какую-нибудь грубость.

...В последнее время у меня складывается убеждение, что я со дня на день делаюсь все ненормальнее. У меня очень часто появлятся тоска, все так надоело. Раньше было желание учиться.

Борис Викторович
Иванов

Елена Алексеевна
Иванова. 1926 г.

Наталья Алексеевна
Иванова. 1919 г.

Лидия и Ирина Алексеевны
Ивановы. 1932 г.

287, 293, 294, 298, 299.

Н. М. Достоевский
с рисунка неизвестного художника

А. М. Голеновская
(рожд. Достоевская)

А. М. Ставровская

313, 314, 324.

Теперь Лена берется приготовить меня к следующему году в пед-техникум, а у меня уже нет той ретивости. Все время является мысль «ну, а что же дальше». Мне так надоела эта жизненная лямка, прямо до оскомины в зубах. У меня есть два выхода, или иметь ребенка (моя мечта) (но замуж не хочу итти определенно), или же под поезд. Второй план думаю осуществить в самом непродолжительном будущем, так что отвечайте скорее. Но, Вы не думайте, что я в страшном унынии, совершенно нет. Если же ни то ни другое не осуществится, то вероятно спячу с ума, так как последнее время у меня часто горит голова и я ничего не понимаю; в это время делаюсь какой-то балабашкой, а внутри сплошной ужас.»

29/IX 1927 г.

Самое главное в моей жизни сейчас, это моя не удовлетворенность, моя ненормальность (если это можно так назвать)... Я полагаю, что я порядочная психопатка. Опираюсь на то, что я слишком уж за все страдаю и каждую каплю превращаю в раскаленное олово для своей души, которое капает и жжет ее. Нормальные люди очень рассудительны и спокойны, а вот подобные мне всегда таковы. Я очень непоследовательна и непостоянна. Сегодня мне это кажется таким, а завтра совершенно другим.. Все это меня очень тревожит. У меня последнее время царит какая-то тревога на душе. Отчего не знаю, но мне иногда кажется, что я сойду с ума. У меня последнее время горит частенько голова и плохо что-то понимается. Вот в эти минуты мне почему-то ясно представляется мое сумасшествие. Ах, да, вот какой случай со мной был месяца 1½—2 назад. Я гуляла с одним инженером в лесу. Гуляла подряд часов 5—6 и вдруг у меня появилась сначала какая-то подсознательная мысль, что с нами еще его брат находится. В действительности же я даже не знала, есть ли вообще у моего спутника брат. Потом эта мысль стала выступать более рельефно и я все время была под ее влиянием. Только придя домой и сидя на окне, приблизительно через полчаса после возвращения, я поняла, что это мне все казалось, что этого ничего не было, а было что-то в роде галлюцинации. Как Вы объясняете этот факт? Вообще во мне очень много странного. Последнее время также у меня появилось желание самоубийства, так как я слишком ясно сознала бессмыслицу жизни. Исход из этого — ребенок. У меня страстное желание иметь ребенка. Мне кажется, что тогда бы все у меня прошло и я бы сделалась совершенно трезвой и нормальной. Но чтобы иметь ребенка нужно иметь средства, которых, к сожалению, у меня

нет. Выходить же замуж у меня нет ни малейшего желания, я предчувствую, что у меня с мужем получился бы очень скоро душевный разлад. А это верный путь к психозу. Вот видите, какая получается несуразица. Возвращаюсь к старому, т. е. не ребенок, так смерть. Но умирать мне жалко. Жалко не людей, а природы. Я очень люблю природу. Но одной природой жить нельзя...».

11/XI 1927 г.

«Настроение у меня последнее время очень хорошее. Мне кажется, благодаря тому, что живу теперь в Казани и нахожусь много на воздухе, ведь это много значит.»

25/XI 1927 г.

«Настроение у меня довольно таки [зачеркнуто: очень] хорошее. Большой подъем духа. Чувствую себя очень здоровой. Писать сейчас как-то совсем нечего [1].»

6/II 1928 г.

«Сегодня месяц с неделей как я в Кизляре. Живу вообще не хуже, а лучше Казани, но меня почему-то, вот дня 3—4 начинает заедать тоска. Я не сказала бы, что я скучаю по дому, а так что-то. Меня слишком неудовлетворяет моя будничная тихая жизнь, а захватывающего дела нет. Если бы я была по профессии сестра милосердия, я бы поехала куда-нибудь, где много работы, чтобы работать до одури. А так я живу слишком серо и скучно. Хоть бы весна скорее, ведь природа так хорошо настраивает.»

11/IV 1928 г.

«Чувствую себя сейчас очень хорошо... Кавказ на меня очень хорошо действует.»

12/V 1928 г.

«У меня бывают периоды, когда я люблю писать и наоборот. Так вот теперь этот период моего ленивого состояния писать письма. Вообще я себя чувствую довольно хорошо. Нет ни тоски

[1] Вообще в периоды хорошего настроения письма Л. А. делаются более краткими и менее содержательными.

и ничего такого, наоборот чувствую подъем духа и, даже, какое-то особенное желание жить. Не знаю, действует ли на меня кизлярская весна или еще что, но у меня не было еще никогда такой весны. Все время такое настроение, которое ни рассказать, ни описать нельзя, слишком оно необъяснимое. Я думаю, что Вы когда-нибудь переживали нечто подобное, а поэтому легко меня поймете.»

299. Иванова Ирина Алексеевна. 270/271
(27/I 1912 г. — 27/X 1933 г.) Покончила самоубийством, бросившись под поезд.

Не по летам развитая, можно сказать, прямо гениальная девочка. Будучи еще совсем ребенком, вела интересный дневник, в котором высказывала свои мысли о боге, о цели жизни, причем неоднократно возвращалась к мыслям о самоубийстве. Пишет стихи, читая которые нельзя себе представить, что они написаны ребенком. Физически, для своих лет, недоразвита [1].

Из писем Ел. А. Ивановой (28).

Ноябрь 1924 г.

«12-летняя Ира считает своим призванием быть писательницей. Пишет повести мелодраматического характера. В этих попытках сейчас много наивного и комичного, но язык у нее уже довольно хорошо выработан. У нее много стихов. Как-то она в школе показала их учительнице, но та сказала, что девочка так написать не может и что она их, по всей вероятности, где-нибудь списала с книги, чем Ира была страшно возмущена. В прошлом году дети в клубе ставили пьеску ее сочинения...»

10/II 1925 г.

«...Ира вообще серьезна, но из под этой серьезности постоянно мелькает тонкая насмешливая наблюдательность. Для нее, по моему, очень характерно, что она всегда выучивает каждое тонко-юмористическое стихотворение... Как-то в прошлом году они пришли из деревни совсем промокшие, грязные... И Ира при входе начинает декламировать из детского юмористического стихотворения «принцесса на горошинке» — применительно к себе: «Мокрой курицей стояла и вода ручьем сбегала с бледного чела...

[1] По моей оплошности это показание не было в свое время подписано и датировано, вследствие чего я в настоящее время не могу с точностью определить, со слов кого оно было записано — врача психиатра М. А. Гординой, или научной сотрудницы ФОН'а М. В. Нечкиной.

Пустите, под дождем не простудите, я слаба, нежна... Башмаки мои без пяток, вся одежда из заплаток — впрочем я княжна...» В ней удивительная для ребенка стойкость к тяжелым условиям жизни. Ей помогает ее юмористическая жилка и громадная фантазия. Просыпаясь утром в нетопленной комнате, она заявляет: «Я замерзла, как колибри в снежной Канаде» или что-либо в этом роде. Последний год она пионерка и страшно увлекается общественной жизнью. Очень энергична, у нее нет ни секунды свободного времени. К сожаленью, я последний год почти что ее не вижу. Она живет в Свияжске. Маленькая, тонкая и хрупкая, с нежным личиком. Очень нежная, ужасно любит, что бы ее ласкали — и до сих пор (13 лет) любит, что бы ее держали на руках. Впрочем с Лилей ссорятся и порой даже дерутся. Очень самостоятельна в своих решениях. Когда я не хотела отдать ее в детский сад (лет 5—6 назад) (по нашей привычке быть под стеклянным колпаком, боясь всякой заразы и т. п.), она сама пошла записалась и с гордостью заявила мне: «Я сама отдала себя в детский сад». Очень прилежна и старательна, хорошо учится. Частые депрессии — внешне они мало выражаются. Может быть, только в легкой раздражительности, но в это время в дневнике она пишет, что ей не хочется жить, хочется кончить с собой и т. д.»

9/XI 1925 г.

«После смерти Наташи, уделявшей так много времени литературным работам, Ира, раньше мечтавшая быть писательницей, теперь совсем не берется за перо... То же и с рисованием...»

6/X 1926 г.

«Ира днем занимается в школе, вечером — в библиотеке. Мелочи жизни как-то проходят мимо нее. Теперь она живет у меня. Она такая тихая, нежная, какую-то умиротворенность с собой вносит. Сейчас к нашему большому удовольствию она только умненькая девочка, но не кажется такой особенной, как в детстве. Я очень рада, что в эти годы она такая ровная. Только она очень больная. У нее множество болезней — сейчас в школе после докторского осмотра ей даже запретили физкультурой заниматься. У нее и в легких какие-то притупленья и выдыхи (когда ей было два года она после воспаленья легких долго кровью кашляла), и ревматизм, и какая-то опухоль в желудке, малокровие, ужасные головные боли. Кроме того, года четыре назад было воспаленье уха и загнивание височной кости. Часть кости удалили и велели очень беречь уши, так как возможно повторение.

Посылаю Вам фотографию своей Риночки. В общем вышла довольно удачно — только кажется старше чем есть и не характерное для нее выраженье лица. Она такая бывает, когда у нее голова болит... Как-то мне самой странно смотреть на эту карточку — неужели моя Риночка стала такая большая. Ей уже пятнадцатый год. За это лето она ужасно выросла. Когда я года два назад писала Вам о ней, она была совсем еще крошечкой — в 12 лет казалась девятилетней. Лицом она в мамин род, а по характеру в ивановский... Она своей внутренней примиренностью отчасти напоминает Нату. Только в Нате была большая гармоничность, а в Ире разумность. Не знаю понимаете ли Вы, что я хочу сказать...»

17 IV 1927 г.

Недавно я водила Ирину в психологическую лабораторию на обследование по Роршаху [1]. Наш проф. Красников сказал, что она «талантливейший человек» и еще прибавил—«жаль, что Роршах умер... непременно ему надо было бы этот протокол послать. У него ничего подобного не встречается...» Я сама была поражена тем, что дала Ринка. Она ужасно замкнутый человечек. Целые дни читает и до крайности молчалива. На обследовании же она давала такую массу картин и настолько ярких, что действительно надо было удивляться, откуда что берется. У Роршаха норма образов — 15—30; у меня 132, а у Иры 134 [2]. Вообще Ирины данные богаче моих, но тот же тип — «все из себя...» Громадная активная внутренняя жизнь. Только порой пугает, что

---

[1] Метод H. Rohrschach'a (недавно умершего швейцарского психиатра), или так называемый «метод чернильных пятен», заключается в том, что испытуемому последовательно, одна за другой, дается 10 таблиц, представляющих большие разноцветные пятна весьма прихотливых очертаний, и предлагается указать те образы, которые он усматривает в этих пятнах и в их отдельных деталях. Число и содержание указанных испытуемым образов представляет большое психодиагностическое значение, например, позволяет судить о богатстве воображения, четкости восприятия, эмоциональной возбудимости, синтетической силе мышления и т. д. Впрочем этот интересный и увлекательный метод нельзя назвать очень точным. По выражению Кречмера, «он стоит на границе между экспериментом и наблюдением».

[2] Цифры эти значительно превосходят то предельное количество образов, которое до последнего времени было установлено при психодиагностических исследованиях по методу Роршаха. До 1925 г. таким максимальным пределом было 76 образов. В 1925 г., при обследовании участников международного шахматного турнира в Москве, в двух случаях был превзойден этот предел и получены цифры — 84 и 88 образов. (См. И. Н. Дьяков, Н. В. Петровский и П. А. Рудик. Психология шахматной игры. М. 1926 г.).

все у нее страшно замкнуто, неотреагировано. Она с Лилей совсем разные люди. У Лидии на все моментальная реакция. Полное отсутствие заторможенности—и отсюда в ней гораздо меньше болевых комплектов, чем в нас...»[1].

К общей характеристике детского поколения потомства А. А. Иванова.

Невропатичность детей в семье А. А. Иванова начала проявляться еще в их молодые годы, как об этом можно судить по следующему письму их матери: «У Анюшки только что кончились экзамены, весной. Она выдержала только обязательные для перехода, хотела держать еще, но заболела, стало дергать всю левую половину и пухли ноги; была у двух профессоров по нервным и внутренним и оба велели бросить экзамены и ехать домой... Лена пишет стихи, но прячет; ужасно нервная, отчаянно трясет головой, но не лечится и к доктору не затащишь. Весной брала и ее и Нату в Казань; Ната была у профессора, а она не пошла. Натка очень моргает [2], она очень недурно рисует и хорошо пишет стихи...»

Ел. А. Иванова (28).

1/II 1926 г.

«По внешности у нас уже четвертое поколение преобладает «громовский тип». Мама была очень похожа на свою мать, Евдокию Яковлевну Громову-Дьякову; Юрий, Андрей, я, Наташа и Ира похожи на маму. Юрина дочь, Лелечка, ужасно похожа на него — когда он был мальчиком. Тот же тип лица и у сыновей дяди Володи — Александра и Кирилла. От Достоевских у нас было только — глубокая посадка глаз у папы и, в особенности, у сестры Наташи. Когда я всматриваюсь в некоторые портреты Достоевского, то прямо чувствую в этой глубокой посадке глаз родственное сходство с Натой.»

28/VIII 1927 г.

«Наконец то я собралась прочесть воспоминания Л. Ф. и А. Г. Достоевских... Воспоминания Анны Григорьевны мне очень понравились. В тех местах, где она говорит о наших, Ивановых,

---

[1] Обследование произведено в Педологической лаборатории Казанского восточно-педагогического института, в мае 1927 г.

[2] Как мне говорила Ел. А. Иванова, мигательные движения особенно усилизались у Н. А. в те моменты, когда она волновалась. Сама же Ел. А., кроме встряхиваний головой, страдала в возрасте около 12 лет еще заиканьем.

у нее очень ярко и верно схвачен их дух — у меня по папиным рассказам осталось совсем такое же впечатление. Какое-то молодое озорство, которое так характерно было для их молодежи. И как-то грустно и странно, что этот их дух в нас, младшем поколении, выродился в какой-то, можно сказать, талант трагического мироощущения.

6/X 1932 г.

Пишу с нового места. Работаю здесь завучем и физиком. Летом видела всех сестер. Аня по прежнему служит в больнице. В этом году оставляет очень хорошее впечатление — я во всю мою жизнь ее еще такой не видала — очень спокойной, вполне психически уравновешенной, без особых странностей. Даже ее бесконечные страхи и ожидания всяких несчастий утихомирились и не мешают жить окружающим. У нее «рассеянный склероз», но сейчас она и ходит вполне нормально, только поле зрения продолжает сужаться.

Лиля работает очень много и получает большое жалованье. Она помбуха в Хлебсоюзе и ее там считают очень серьезным хорошим работником. Вечером же она чрезвычайно модная барышня, за которой усиленно ухаживают немецкие инженеры (это местная марка «интересности» девицы). Нет, правда, Лидушка очень мила, умеет одеться. В общем из двух младших девочек вышли очень модные девицы, которые считают невозможным для себя обходиться без парикмахерской, завивки, маникюра и пр., и как-то удивительно умело разбираются во всех этих тонкостях, которые полагается знать «интересной женщине» и которые совершенно непостижимы для меня.

Ира сейчас поступает в Химвуз. Фабком дал ей такую характеристику, что некуда лучше — она у них премированная ударница.

Летом я целый месяц прожила у Вари с мужем. Оба они очень подходящие друг к другу люди и очень хорошо между собой живут. Варя производит сейчас очень хорошее, удивительно успокоенное впечатление. Всецело занята своим домом. Полна материнскими настроениями и желанием народить дюжину ребят. Дочка ее просто чудо, а не ребенок [1]. Варя с мужем в шутку зовут

---

[1] Так как сведения об этой новой представительнице рода были получены уже после того как вся работа в целом была закончена и сдана в печать, то на генеалогических таблицах она не обозначена.

ее «ударным ребенком» с советскими темпами. Родилась она $7\frac{1}{2}$ мес. ($5\frac{1}{2}$ ф.). 7 месяцев, т. е. фактически $5\frac{1}{2}$, уже умела стоять на ножках. Сейчас $8\frac{1}{2}$ (— $1\frac{1}{2}$) сама встает у стула, «ползает галопом», говорит три слова: «мама», «дай», «сись». У нее удивительно раннее словообразование. Кушает так, что няня ее все время прожорливым утенком зовет. Ритёнок удивительный крепыш, розовая с загаром прелестного цвета, крепко, крепко налитая — по виду самый здоровенький ребенок местной консультации.»

300. Иванова. Инна Владимировна. 273/274

До 1917 г. училась в Московской консерватории по классу фортепиано (у проф. Скрябиной).

Вл. А. Иванов. Письмо О. А. Ивановой, 9/IV 1914 г. (22).

«Инне, которую мы привыкли звать Ниной, уже 20 лет. Музыке она учится уже свыше 10 лет. Обладая приятным и мягким туше и прекрасною техникой, она имеет еще удивительную музыкальную память.»

Вл. А. Иванов. Письмо О. А. Ивановой, 8/IX 1914 г. (22).

«Нина первою кончила гимназию, теперь первою кончает музыкальные классы. Она блондинка, высока ростом, живет книгами и музыкою, очень скромная девушка и страшно любит семью.

На краткость и, быть может, сухость Нининых писем не обращай внимания и верь, что она душою тебя полюбила по письмам твоим. Должен тебя предупредить, что вообще все письма Нины носят объективный, а не субъективный характер. Излить свои чувства даже тогда, когда это и следовало бы, она не умеет, при всем своем на то желании.»

Ел. А. Иванова (28).

«Инну я видела раза три-четыре в своей жизни, когда она училась в Московской консерватории. Она на меня производила впечатление замкнутой, требующей к себе особого подхода, но, повидимому, человека с большим внутренним содержанием. Как она играла на фортепиано не знаю; знаю только что моей тетке, Марии Александровне Ивановой, которая также была пианисткой, игра ее не нравилась.»

301. Иванов Евгений Владимирович 273/274

Умер 5-недельным.

302. Иванов (имя неизвестно), 273/274
Умер в возрасте около двух лет.

303. Иванов Александр Владимирович. 273/274
Род. около 1905 г.

Вл. А Иванов. Письмо О. А. Ивановой 9/IV 1914 г. (22).

«Очень резвый мальчик со многими недостатками, обещает быть хорошим учеником.»

304. Иванов Кирилл Владимирович. 273/274
Род. около 1907 г.

Ел. А. Иванова и Ю. А. Иванов (30).

Александр и, в особенности, Кирилл Ивановы, судя по фотографиям, очень похожи лицом на своих двоюродных братьев Юрия и Андрея Ивановых.

М. В. Иванова Письмо О. А. Ивановой, апрель 1914 г. (22).

«Кира почему то и пишет, и рисует, и работает все только левой рукой, правая же у него так без толку болтается.»

Поколение десятое

305. Балабуха Лев Иванович. 277/278. Глава XII

306. Хмырова Наталья Львовна. 279/280
Род. в 1913 г.

307. Хмыров Андрей Львович. 279/281
Род. около 1921 г.

308. Хмыров Виктор Львович. 279/281
(1923—1925 гг.). Умер от заражения крови, после того, как сковырнул прыщик.

309. Михневич Вера Ивановна. 282/283
Род. около 1911 г.

М. А. Иванова (29).

В возрасте 13 лет уже кончает школу второй ступени.

О. А. Иванова (29).

Способная, развитая, впечатлительная, но также и несколько истеричная.

310. Михневич Николай Иванович. 282/283
Род. около 1915 г.

О. А. Иванова (29).

В доме хороший хозяин; охотно исполняет всякую домашнюю работу — может быть и поваром, и конюхом, и плотником, одним словом «на все руки мастер». Лучший ученик в классе.

311. Хмыров Алексей Дмитриевич. 285/286
Род. в 1919 г.

312. Иванова Елена Юрьевна. 289/290
Род. 26 апреля 1916 г.

Ю. А. Иванова (29).

Как общий признак со своим отцом имеет большое родимое пятно. У отца это пятно (площадью около 20—25 см²) находится спереди, посреди правого бедра. У Елены — тоже на правой ноге, но несколько выше и смещено назад.

Из писем Ел. А. Ивановой (28).

18/V 1925 г.

«Я ни у кого не встречала такой разумной внимательной любви к ребенку, как у матери Лелечки. И в результате сейчас в девочке (правда, я ее видела лишь 2 дня) почти совсем парализована наша врожденная нервность. Лицом Лелечка вся в нас, в Ивановых. Но в характере нет нашей болезненности, которая так сильно проявляется даже у младшей из нас — 13-летней Ириночки. Леленька — пустосмешечка, как ее зовет мать. Ясные радостные глазки, непрестанный детский смех и наивный доверчивый подход к людям ребенка, даже неподозревающего, что к нему могут грубо отнестись... Девочка очень умненькая и развитая. Вообще очень интеллигентный ребенок... Что нас поражает в ней—так это яркая память раннего детства. Сейчас ей 9 лет. Она уезжала от нас из Рязани, когда ей было 3 года 2 месяца. И она помнит массу мелочей из той поры. Я сама себя помню с 2½ лет. Проф. Трошин уверял меня, что это мое воображенье. Теперь на Лелечке я проверяю, что это вполне возможно, что она, действительно, ярко помнит себя раньше чем с трехлетнего возраста. Мы с Шурой, ее матерью, восстанавливаем в своей памяти то, что она рассказывает и убеждаемся, что все это верно».

1/II 1926 г.

«Юрина дочь Лелечка ужасно похожа на него — когда он был мальчиком.»

26/X 1926 г.

«В этом письме посылаю Вам два стихотворения маленького поэта нашей семьи — Юриной дочери Лели.

* * *

Крошка Ирочка идет,
В ручках яблочко несет.
Его кушать не спешит,
А домой скорей бежит.
Дома Иру мама встретит,
Ее ласково приветит.
Поцелует, и опять
Ира выбежит играть..

* * *

Лето уходит, осень пришла.
Яркие краски с собой принесла.
И одевши в багрец виноград,
Желтой краской деревья покрыла.
И дождем, как слезами своими, она
Город душный и пыльный умыла
А цветочки, склонивши головки свои,
На холодную осень сердились,
И желали они, чтобы летние дни
К ним скорей бы, скорей возвратились.
Полил дождь. Полил он на сады и луга,
Но в полях травы жизни лишились,
А над лесом багряным и желтым тогда
Перелетные птицы носились.

Для 10-летнего ребенка, по моему, удивительно хорошо — и ритм и рифма ею чувствуются... Во втором стихотворении так ярко чувство осени и вместе с тем некоторые отдельные выраженья даже по технике уже годятся для стихотворения взрослого. Например — «И дождем, как слезами своими, она город пыльный и душный умыла...»

ГЛАВА X

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ

Поколение седьмое

313. Достоевский Николай Михайлович. 3/95 (13/XII 1831 — 18/II 1883). Младший брат писателя. Гражданский инженер. Служил сначала в Ревеле, затем в Петербурге, но вскоре должен был оставить всякую службу, по состоянию здоровья.

М. М. Достоевский. Письмо к брату Андрею, 12/VIII 1854 г. (43).

«Николя вышел из училища X-м классом. Из него выйдет очень талантливый архитектор. Проекты его были лучшие.»

Л. Ф. Достоевская (39).

«Несчастный дядя Николай, блестяще окончивший курс, никогда ничего не делал и всю жизнь был в тягость братьям и сестрам... Мой отец вынужден был заботиться и о брате Николае, несчастном пьянице, обременявшем его после смерти дяди Михаила. Достоевский очень жалел его и относился к нему всегда хорошо. Но он никогда не любил младшего брата столь сильно, как старшего. Да и дядя Николай был слишком незначителен — бедняга думал лишь о бутылке.»

Ф. М. Достоевский. Письмо к брату Николаю. Париж, 28/VIII (1863 г.) (47).

«Много я думал о тебе, голубчик, но с нетерпением жду о тебе известий, которые бы меня порадовали. Где-то ты теперь? У Саши или в больнице?.. Здесь одна особа даже заплакала когда я рассказал о твоей болезни и велела тебя горячо приветствовать... Люблю тебя больше прежнего. Дорог ты мне теперь больной и несчастный.»

А. М. Достоевский. Декабрь 1864 г (43).

«Молодой еще человек и так сильно опустившийся! Руки у него тряслись. Вся фигура и походка были как у расслабленного! Бедный брат. Вот что значит невоздержание! Но я нашел в нем того же добряка, как и прежде»!

А. Г. Достоевская (36).

«Как ни малы были наши средства, Феодор Михайлович считал себя не в праве отказывать в помощи брату Николаю Михайловичу, пасынку, а в экстренных случаях и другим родным. Кроме определенной суммы (50 рублей в месяц), «брат Коля» получал при каждом посещении по пяти рублей. Он был милый и жалкий человек, я любила его за доброту и деликатность и все же сердилась, когда он учащал свои визиты под разными предлогами: поздравить детей с рождением или именинами, беспокойством о нашем здоровьи и т. п. Не скупость говорила во мне, а мучительная мысль, что дома лишь 20 рублей, а завтра назначен кому-нибудь платеж, и мне придется опять закладывать вещи».

Ф. М. Достоевский. Письмо к жене 12/VI 1872 г. (60).

«Вчера, получив твое письмо, я очень встревожился за брата Колю, а написать тебе позабыл. Нельзя ли тебе, голубчик, перед отъездом, еще раз узнать о нем подробнее и не дать ли ему еще хоть капельку денег. Ну что если умрет. Тяжело мне будет.»

Ф. М. Достоевский. Письмо к жене 13/VIII 1873 г. (60).

«Мы с Колей очень согласно поговорили. Обедал я у Саши [1] (чванились) и насилу то, под конец, об тебе спросила и о детях, уже после обеда. (А ты все первая лезешь с визитами.) Дрянь людишки, дрянь, кроме Коли.»

Ф. М. Достоевский. Письмо к брату Андрею, 28/XI 1880 г. (21).

«Брат Николай Михайлович совершенно порвал со мной, точно меня нет на свете, вот уже 2½ года. Даже грубо и нелепо с

---

[1] Младшая сестра Ф. М. Достоевского.

его стороны. Дуется и сердится, на что собственно — не знаю. Болезненный человек, бог с ним.»

Сам Николай Михайлович в письмах к родственникам и знакомым объясняет свое положение различными тяжелыми болезнями.

Из чернового наброска письма к неизвестному лицу (без даты) (22).

«Окончив курс по первому разряду и поступив на службу, я с самого начала был отмечен начальством и высочайше награжден орденами и другими наградами. В 27 лет я уже имел чин коллежского асессора и таким образом карьера моя была обеспечена, если бы не болезнь глаз (слепота) и расстройство всего здоровья не принудили меня выйти в отставку в 1862 г.»

Из чернового наброска письма к кому-то из родственников (без даты) (22).

«Доктор, известный у нас, профессор клиники говорит, что для излечения моей болезни (порока сердца) нужно совершенное спокойствие; но ведь это насмешка к настоящему моему положению.»

Черновик письма к А. М. Шевяковой (без даты) (22).

«Я все хвораю и до сих пор не выходил из квартиры. Невыносимая боль в груди не дает мне покоя ни днем ни ночью. Не знаю, что будет дальше, а то думаю поступить на излечение в клинику. Слабость в ногах не дозволяет мне делать необходимые для меня прогулки и лишает возможности исполнения непременного моего желания бывать у Вас, на что, конечно, Вы изъявили бы свое согласие. Грустно очень грустно.»

Из письма к В. М. Ивановой (без даты, относится приблизительно к 1865 г.).

«...61-й и 62-й года были весьма счастливы для меня. Я был обставлен как нельзя лучше: держал собственный экипаж, имел много казенных и частных работ и все шло, как нельзя лучше. В декабре 63-го года я почувствовал боль в ногах и слабость зрения и, конечно, не обратил никакого внимания. В марте следующего года зрение мое сделалось до того плохо, что я должен

был по необходимости подать в отставку; но частных работ, несмотря на страшную мучительную боль в ногах, не оставлял, надеясь на поправку своего здоровья летом. В июне я уже почти ничего не видел и узнавал людей только по голосу, а все-таки мне жалко было оставить частные работы. Меня водили под руки по строениям и я оставил работы тогда только, когда уже можно было обойтись и без архитектора. Все эти господа домостроители были так хороши, что воспользовались моим несчастием и до сих пор не заплатили еще и половину следуемого мне расчета, хотя окончили постройки без всякой помощи посторонних архитекторов. Лежа в постели почти при смерти, я писал, просил, умолял уплатить мне хоть сколько-нибудь — но все напрасно, а между тем при болезни и нужде страшной — булки, чаю и того купить было не на что. О докторах, лекарствах и мечтать было нечего. Лежал 8 месяцев без всякой помощи, даже смены белья и того не было. В продолжение моего (житья) лежанья по ту сторону Невы (как говорят у нас) я формально, в полном смысле слова ни разу не обедал, а питался куском черствого хлеба, а при счастии и чайком с булочкой — но это было очень редко. Конечно, если бы брат Федор знал все это, то он пожертвовал бы всем, чтобы выручить меня. Наконец, по приглашению сестры и Ник. Ивановича и при помощи брата Федора, я переехал (к ним) в дом сестры на особую квартиру в качестве, конечно, жильца. Тут уже внимания и ухода было много и жизнь улучшилась. Все что они могли и в состоянии были выказать — то все это было исполнено. (Конечно одно расположение ко мне). Я не оставался ни минуты один. (Вообще с этой стороны я не могу пожаловаться ни на кого из родных. Я). Всегда скрывая свое положение насколько можно, даже и в настоящее время, (я) живу хуже нищего; а все-таки стараюсь скрыть это нищенство. Живу, но какова эта жизнь, милая сестра! Жизнь дармоеда, жизнь на чужой счет. Положение и обстановка-то (моей жизни) моего существования слишком, уже слишком печальны. Многое, многое хотелось-бы рассказать (бы) тебе; но думаю, что (я) уже слишком увлекся, забыв, что я пишу, а тебе надо будет вооружиться терпеньем, прочесть эту скучную галиматью; а потому буду продолжать далее свой скучный рассказ...

Во время трехмесячного пребывания моего в госпитале покойный брат довольно часто навещал меня. Он писал и брату Федору за границу, что по словам главного доктора едва ли в состоянии я был выдержать болезнь. После уже, по выходе из госпиталя, я узнал в каком положении я находился. Ник. Ива-

нович и сестра Саша тоже не оставляли меня. Лежал я вместе с солдатиками, а все-таки было хорошо: пища была хорошая, уход тоже, доктора были знаменитости нашей столицы. Выписался я по необходимости и совершенно еще больной. Ноги мои поправились настолько, что (я) мог (только) ходить по комнате и до сих пор еще очень слабы. Зрение и до сих пор до того плохо, что не позволяет читать. Прошлое лето и весна много меня поправили. Вообрази всю скуку сидеть в продолжении почти трех лет, как затворник, ничего не делая, а вместе с тем хотелось бы поработать. Чувствую, что, что-нибудь бы и сделал, но многого недостает для этого. Пишу и это письмо чуть не два месяца, а дни короткие; при свечах-же совершенно не вижу. Ночи провожу один, ходя по комнате и размышляя о настоящем и о страшном для меня будущем. Чего, чего не приходит в голову в это время. Замечательно, что в продолжение этих двух (годов) лет, я формально не спал и одной ночи спокойно. Сна совершенно нет, лишь одно утомленье заставляет меня забыться часа на два, на три (в день) днем.

От знакомых, которых у меня было довольно-таки, я давно отказался. В семействе покойного брата бываю раз в месяц. Брата Федора вижу там же. Впрочем, я бываю, когда заведутся копеек 50, тогда, несмотря ни на что я спешу повидаться с детьми покойного, с братом Федором. Я не видал подобного человека. Брат предался весь семейству, работает по ночам, никогда не ложится спать ранее 5 часов ночи, работает как вол; а днем постоянно сидит и распоряжается в редакции журнала. Надо пожить и долго пожить, чтобы узнать, что за честнейшая и благороднейшая душа в этом человеке, а вместе с тем я не желал бы быть на его месте. Он, по моему мнению, самый несчастный из смертных. Вся жизнь его так сложилась. Он никогда не пожалуется и не выскажет всего, что у него может быть накипело на сердце; вот почему эти строки и вырвались у меня. Но я опять увлекся посторонним, буду продолжать далее.

Вскоре после выхода из больницы я получил наследство от покойного дядюшки[1]. Надо тебе заметить, что вышел я в казенном платье. У меня рубашки и той не было и солдат, сопровождающий меня, ушел только тогда, когда я возвратил ему казенные вещи, надевши на себя рубашку, которая нашлась у меня, и то без спины, т. е. без заднего полотнища. Два года безкопеечной жизни и притом болезненное состояние, конечно, ввели

[1] Александр Алексеевич Куманин, муж тетки писателя. Братья Достоевские получили после его смерти по три тысячи руб. серебром.

меня, по моему состоянию, в необъятные долги. Кроме того, тебе не безызвестно, что окончивши курс наук в 54-м году, я вышел голым-голехонек. Последнюю тряпичку и ту должен был купить и благодаря товарищей, которые поручились за меня, я оделся и обулся в долг. Потом, впродолжение трехлетнего моего служения в Ревеле, получая 17 руб. ежемесячно, нечего было и думать, об уплате долгов, а, наоборот, долги, хоть немного, но все увеличивались; потом при более благоприятных обстоятельствах, хотя я уплачивал по-немногу и уплатил бы, жил-бы себе припеваючи, если бы не болезнь, которая отняла у меня все и ввела меня в настоящее положение. Из полученных мною денег около 1000 руб. я выплатил родственных долгов, а потом, конечно, принялся честным образом уплачивать и другие долги и выплатил все за исключением уж очень старого долга 120 рублей, о которых совсем забыл и вспомнил тогда только, когда в один прекрасный день меня с полицейским унтер-офицером отправили в долговую тюрьму, из которой в тот же день я был выкуплен Емилею Федоровной и братом Федором. Итак, расплатив долги и не сделав для себя ровно ничего, т. е. даже платье осталось старое, сапог и тех не купил; а благодаря брата Ф. ношу и до сих пор его старые. Осталось у меня около 300 рублей. На эти деньги, я купил по случаю (С) столярную мастерскую слишком выгодно и надеялся, что тотчас все товарищи меня поддержат, но время было глухое, зимнее. В этом все моя ошибка. Кормить и платить жалованье рабочим нужно было, а я чтобы хоть бы достать на кушанье занимал их мебельной работой, крайне невыгодной по столярной работе и конечно сбывал сделанные вещи, по самой дешевой цене. В июле месяце начались заказы, но было уже поздно. Сам не знал и не знаю до сих пор — что делать. Рабочих отпустил, не заплатив им должного...» (Конец письма не найден).

Особняком стоят письма Николая Михайловича к его племяннице Н. А. Ивановой. Письма эти говорят о добродушном юморе Н. М., но главным образом отличаются исключительной экзальтированностью, носящей своеобразную сексуальную окраску.

12/III 1882 г. (22).

«Ниночка. Милая, дорогая, бесценная, ненаглядная и не знаю, как назвать тебя понежнее; назову хоть Нинкой. Так вот,

Нинка моя, ты обрадовала меня своим письмом до слез. Начинаю с того, что целую твою руку и пальчики, написавшие мне эти сердечные строки. Когда, читая твое письмо, я дошел до той строчки, где просишь моего благословения и совета, я так и разрыдался. Ты понимаешь, ты пописываешь, а стало быть поймешь то чувство благодарности и бесконечной любви к тебе. Эти две строчки или, лучше сказать, даже четыре слова дороги для меня и останутся всегда на всю жизнь дорогими словами. Ах! если бы у меня была дочь такая, как ты, милочка моя, то как-бы я гордился тобой, а любил не меньше того, как я теперь люблю тебя. Прости, пишу ночью и не видя ничего, делаю промахи и ошибки. О господи! Дай тебе всякого благополучия, вразуми тебя и настави тебя!

Обстоятельства заставляют тебя выйти за нелюбимого человека. Вот мой совет. Не пренебрегай и не откажи ему [1], а сама делай свое женское дело. Пусти в ход и глазки и ручки; ну, одним словом ты сама знаешь что делать и сумей взять его в лапочки, которые между строк, не утерпел, целую. Так вот, приезжай; а прежде защеми и занози его сердце. Пусть его страдает; а по приезде ты увидишь — что делать. Даже если-бы ты была обручена, то разрыв всегда возможен. Ведь любящие выждут изредка (sic! М. В.), большею частью, все умные и главное добрые люди. Но вот беда, в особом роде пьянстве; где бьется посуда, потом прислуга, а затем более всего достается жене. Ну, в этом отношении жены обеспечены, в наше время. Так вот, моя милочка, мой совет и во всяком случае желаю чтобы исполнилось твое желанье.

Остаюсь гадким, мерзким, противным, а между тем, осмеливающимся расцеловать твои лапочки и сверху и ладошки и все пальчики.»

Ноябрь 1882 г. (22)

«Что это значит ненавистная Нинка, тьфу, хотел сказать, ненаглядная Ниночка, что ты не напишешь мне и двух строчек до сих пор? Ведь ты понимаешь, что каждое слово от тебя, в настоящей твоей жизни и обстоятельствах для меня важно и дорого. Ах, противная злючка! Так вот тебе в наказанье: ежедневные, вплоть до окончания моего века, до обморока доходящие, как не будут противны они тебе, мои поцелуи твоей головки и рук, кроме уст до которых прикоснуться не смею.»

---

[1] Интересно сопоставить этот совет с тем, что советовал Федор Михайлович старшей сестре Н. А. Ивановой, С. А. Ивановой (см. стр. 242).

30/XII 1882 г. (22).

«Поздравляю тебя, милая и дорогая Ниночка, с днем твоего рожденья. Целую тебя в лобик, глазки, носик, в щечки, а в губки не смею, стар стал, пожалуй и побрезгуешь; так за то осыпаю безчисленными и горячими поцелуями твою руку, писавшую мне письмо. Прости меня, голубушка моя, что я не отвечал тебе. Но, что я мог писать тебе, живя схимником, никого не видел и сам ни на кого не глядел. Так стало-быть я и оправдан...

Юлиньке передай поклон и если примет от меня, старика, то передай ей мой громкий поцелуй. Ведь вот выдумали микрофоны, телефоны и разные фоны, а отчего, на этот бы раз не выдумать безефонов и кюссенфонов, то я тогда послал бы Вам всем такие крепкие поцелуи, настоящие русские, что у всех бы щечки и ручки опухли. А ведь дойдут и до этого.»

ГЛАВА XI

ВЕТВЬ АЛЕКСАНДРЫ МИХАЙЛОВНЫ ПО МУЖУ ГОЛЕНОВСКОЙ

Поколение седьмое

314. Достоевская, по первому мужу Голеновская, по второму Шевякова, Александра Михайловна. 3/95

Младшая сестра писателя. Род. 25 июля 1835 г., ум. 31 октября 1889 г. от сахарной болезни.

Имела в Петербурге собственный дом, который был приобретен на деньги, полученные в приданое от Куманиных.

Ф. М. Достоевский. Письмо к брату Михаилу. 9/III 1857 г. (47).

«Но какова же сестра Саша? За что она нас всех заставляет краснеть? Именно краснеть! ибо все в семействе нашем благородны и великодушны. В кого она так грубо развита? Я давно удивлялся, что она, младшая сестра, не хотела никогда написать мне строчки. Не оттого ли что она подполковница? Но ведь это смешно и глупо. Напиши мне ради бога об ней побольше и поподробнее [1].»

В. Д. Голеновская, 12/X 1924 (29).

Очень добрый, отзывчивый, веселый и общительный человек. При втором муже, когда имелись средства, дом ее был поставлен «на широкую ногу». Нервная. Страдала базедовой болезнью, открывшейся вскоре после смерти ее первого мужа.

315. Голеновский Николай Иванович. Первый муж предыдущей с февраля 1854 г.

---

[1] Столь резкие отзывы Достоевского об его младшей сестре встречаются в его письмах неоднократно.

Умер 13 апреля 1872 г. от удара. Полковник. Служил инспектором классов в Павловском кадетском корпусе в Петербурге.

Ф. М. Достоевский. Письмо к брату Андрею, 6/VI 1862 г. (49).

«Голеновский в отставке и Саша несколько грустна поэтому. Семейство растет, а доходу всего-то их домик на Петербургской.

Голеновский вышел в отставку из благородной гордости, не могши снести несправедливостей начальника, сильного человека, желавшего определить на его место своего родственника. Саша первая оправдывает мужа, да и мы все. А между тем он ищет теперь места и тяготится своим бездействием. В этом отношении у них теперь не совсем хорошие обстоятельства.»

Ф. М. Достоевский. Письмо к В. М. Ивановой, 20/IV 1872 (26)

«Николай Иванович еще три месяца тому назад был несколько болен, был внезапный обморок, — чего с ним никогда не бывало прежде. После того обморока он чувствовал себя не совсем хорошо всю неделю, затем в среду на страстной встал веселый и здоровый (как никогда не бывал говорит Саша), шутил с детьми и вдруг после обеда (постного и очень необильного) упал без чувств и уже более не приходил в себя до самой смерти, т. е. ровно сутки... Жаль его очень, человек добрый, благороднейший, со способностями и с сердцем и с настоящим, тонким остроумием. Хотя он последние 8 лет ничего не делал, но за то много сделал для семейства, для детей, нравственно учил, воспитывал их сам и они обожали его.»

316. Шевяков Владимир Васильевич. Второй муж предыдущей.

Умер 26 сентября 1889 г. Служил в Обществе Взаимного Кредита. Детей от этого брака не было.

Поколение восьмое.

317. Голеновская, п. м. Ставровская, Мария Николаевна. 314/315

(1855—1921). Умерла от воспаления легких и крайнего истощения, вследствие пережитых материальных лишений и голода. До Октябрьской революции очень зажиточна.

В. Д. Голеновская, 12/X 1924 г. (28).

«Очень нервная. Вечно жила под каким-нибудь страхом: боялась и думала о пожаре, кражах, возможности потерять дочь, имущество и т. п. В конце жизни уже начала проявлять явные признаки ненормальности. Всегда была замкнутой, расчетливой, даже несколько скупой, аккуратной и практичной. В семейной жизни деспотична. Муж ее играл в семье подчиненную роль, явно находясь под властью ее сильного и твердого характера. Чрезмерное, можно сказать, болезненное внимание, любовь и заботы, которые она проявляла по отношению к своей дочери, своему единственному ребенку, настолько тяготили бедную девушку, что та предпочитала проводить время по возможности вне дома — на курсах, в лаборатории или в библиотеке. В общем складе характера М. Н. было много мужского. Очень умна и правдива; интересовалась всеми делами своего мужа и принимала в них деятельное участие. Всегда доводила до конца взятое на себя дело и вообще была господином своего слова. В характере много общего с ее теткой В. М. Карепиной. Сравнение это возникло у меня при ознакомлении с этой работой о роде Достоевских, лично же Карепину, я не знала».

112. Ставровский Максимилиан Дмитриевич. Муж и в то же время двоюродный дядя предыдущей.

318. Голеновский Александр Николаевич. 314/315
(1856—1904). Окончил курс Александровского лицея в Петербурге; служил в Министерстве земледелия и Государственных имуществ; состоял товарищем председателя «Человеколюбивого общества». Умер от болезни почек.

А. А. Достоевский. Июль 1924 г. (28).

«Жизнерадостный с некоторым юмором. Хороший товарищ. Очень хорошо рисовал, но не учился».

319. Климова, п. м. Голеновская, Мария Петровна. Жена предыдущего.

320. Голеновская, п. м. Трушлевич, Екатерина Николаевна. 314/315
(1860—1915).

Имела в Петербурге собственный дом на Петербургской стороне. Умерла от болезни сердца.

А. А. Достоевский, 3/VIII 1924 г. (28).

«В характеристике спокойствие, добродушие, домовитость и гостеприимство.»

321. Т р у ш л е в и ч, Александр Иванович. Муж предыдущей.

(1856—1911). Преподаватель русской словесности и инспектор 3-й петербугской гимназии. Умер в психиатрической лечебнице.

322. Г о л е н о в с к и й Николай Николаевич. 314/315

(6/I 1861 — 15/V 1907). Морской врач в Кронштадте. Умер от туберкулеза легких.

В. Д. Голеновская (29).

Хороший семьянин — очень любил своих родных. В характере общительность, отзывчивость и правдивость. Очень остроумный. Был любим окружающими и семья его всегда была окружена самыми искренними друзьями.

В. М. Иванова. Письмо Н. А. Профансовой (без даты) (22).

«Приехал к нам Коля Голеновский. Он все такой же веселый и славный.»

323. Н е д е л ь к о в и ч, п. м. Г о л е н о в с к а я, Вера Дмитриевна, жена предыдущего (с 19 янв. 1897 г.).

Род. 11 августа 1874 г., дочь моряка. Живет в Москве с дочерью Ириной и матерью.

Поколение девятое.

324. С т а в р о в с к а я Александра Максимилиановна. 317/112

(1880—1908). Окончила Бестужевские высшие женские курсы в Петербурге и была оставлена ассистентом при проф.

А. И. Введенском для научных занятий по философии. Умерла от хронического сепсиса.

А. А. Достоевский (28).

«Выдающееся дарование в живописи — одна из любимейших учениц Дмитриева-Кавказского.»

В. Д. Голеновская (28).

Серьезная, очень способная, с большой жаждой знания и стремлением к саморазвитию. Музыкальная.

Ек. М. Достоевская (32).

Иллюстрировала различные детские журналы и помещала в них свои повести и рассказы. Главным образом сотрудничала в «Солнышке». Очень музыкальная, умница.

325. Голеновский Дмитрий Николаевич. 322/323
(12/XII 1897 — VI 1919). Саперный офицер.

326. Голеновский Георгий Николаевич (первый). 322/323

Родился 26 мая 1899 года, умер 7 декабря 1900 года от туберкулезного воспаления мозга.

327. Голеновский Владимир Николаевич. 322/323
Род. в 1900 г. Инженер. Окончил Институт путей сообщения.

328. Голеновский Георгий Николаевич (второй). 322/323
(21/II 1903 — 14/VIII 1925). Умер от туберкулеза легких.

329. Голеновская Ирина Николаевна. 322/323
Род. 7 февраля 1905 г.

ГЛАВА XII

ОПЫТ ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РОДА

Семейные хроники обычно затрагивают столько биологических и социальных проблем, что анализ их можно вести с самых различных точек зрения. Тем более это относится к целому обширному роду, как это мы имеем в данном случае. Можно, например говорить о демографии рода, о степени его плодовитости, сравнивать эту плодовитость с размножением других родов, принадлежащих к иным общественным группам, можно вычислить среднюю продолжительность жизни каждого отдельного поколения и анализировать полученные данные в связи с различными эндо- и экзогенными факторами. Генеалогическое исследование подводит нас вплотную к проблемам евгеники, в частности к процессам вымирания и вырождения или, наоборот, возрождения и расцвета жизненных сил рода или отдельных его ветвей. На фоне генеалогического материала рельефно выступает роль наследственности и внешних условий в передаче и внешнем проявлении отдельных признаков и в процессе формирования личности. Наконец, вся и с т о р и я рода, в ряде его поколений, тесно связана с историей того общества, в среде которого данный род развивался.

Осветить сколько-нибудь исчерпывающе со всех этих точек зрения собранный выше материал о роде Достоевского представляется задачей чрезвычайно сложной и едва ли выполнимой силами одного исследователя. Ввиду этого я в значительной мере суживаю сферу своего анализа, более или менее подробно останавливаясь только на одной области, а именно на характерологии как отдельных представителей, так и целых ветвей обследованного рода. Все другие вопросы затрагиваются мной лишь постольку, поскольку это является необходимым для освещения характерологических проблем.

Прежде всего необходимо остановиться на вопросе о том,

как и под влиянием каких факторов складывается характер человека. Основным положением в этом вопросе, согласно всем нашим биологическим и социологическим представлениям, должно быть то, что ни одно проявление человеческого характера не является неизбежным и роковым образом предопределенным наследственностью. Все характерологические задатки, которые человек получает при рождении, представляют из себя не более, чем потенцию, которая может реализоваться жизнью, и в первую очередь социальными условиями, в самых различных направлениях. Поэтому, в результате тех или иных условий жизни, одни и те же характерологические задатки могут дать совершенно различные формы своего проявления. Например, при одних условиях дать хулигана, преступника, убийцу, при других же условиях — очень полезного члена общества.

Формирующее влияние внешних условий беспрерывно действует на человека в течение всей его жизни. Поэтому, если характерологические задатки уже реализовались в каком-либо определенном направлении, то с изменением условий жизни меняняется и форма их проявления.

Таким образом, характер человека представляет систему и динамичную и полипотентную, вследствие чего сходные наследственные задатки могут реализоваться в весьма различных формах. Естественно, возникает вопрос, возможно ли в таком случае генеалогическое изучение человеческих характеров, в частности — изучение их наследования. Несомненно, что это возможно, и задача характеролога заключается прежде всего в том, чтобы учитывать в данном случае не только многообразие в сходном, но и уметь рассмотреть сходное в многообразии, то-есть уметь узнать сходные наследственные задатки, несмотря на то разнообразие, с которым они реализовались в жизни.

То, что было сказано о формировании характера, относится и к тем патологическим процессам, которые могут в нем возникать. На первый взгляд припадки генуинной эпилепсии со всеми сопровождающими их процессами в области психики, постепенный распад личности шизофреника или внезапные вспышки психозов маниакально-депрессивного больного могут производить впечатления чего-то рокового и неотвратимого тем более, что связь между возникновением заболевания и какими-либо внешними условиями не всегда удается установить. Мы имеем здесь настолько повышенную ранимость организма, главным образом, нервной системы, которая не выдерживает даже более или менее нормально сложившихся жизненных условий. Задача в таких случаях сводится к тому, чтобы той или иной внешней коррекцией

предотвратить болезненный процесс, или помочь оргнизму его преодолеть, если процесс уже развился. В последние годы мы имеем ряд больших достижений в деле такой профилактики и терапии нервных и душевных болезней. Но все же это только начало пути. Для того, чтобы победить врага, нужно его узнать, нужно изучить его во всем многообразии его проявлений. Если эта книга, в которой характерологические материалы так часто переплетаются с психопатологическими, принесет какую-либо реальную помощь в деле такого изучения, то составитель ее не будет считать свой труд потерянным.

В дальнейшем изложении я сначала остановлюсь на описании различных типов характера, а затем перейду к характерологическому анализу рода Достоевских.

Изо всех предложенных до сих пор характерологических систем, я ограничусь только системой психиатрической, разработанной рядом современных психиатров, педологов и невропатологов, главным образом, Кречмером.

Нужно, впрочем, заранее оговориться, что сложность и разнообразие человеческих характеров настолько безграничны, что всякая классификация в данном случае будет иметь лишь относительное значение.

Преимуществом подхода Кречмера является то, что он кладет в основу своих типов, и вообще в основу своих характерологических построений, не только статические состояния, но, главным образом, динамические противоречия человеческой психики. Путем глубокого анализа, он всегда вскрывает наличие двух противоположных тенденций, между которыми и располагается та биполярность, которая характеризует тот или иной тип.

Указанная особенность подхода Кречмера ясно выступает при сравнении его типологии с дошедшим из глубокой древности, от времен Гиппократа и почти до наших дней, делением людей на флегматиков, холериков, меланхоликов и сангвиников. В системе Гиппократа, в той форме, как она впоследствии была разработана Кантом, как и у Кречмера, в основу кладутся такие признаки, как склонность к веселью (сангвиники) или грусти (меланхолики), а также повышенная или пониженная чувствительность (холерики и флегматики). Но, несмотря на это внешнее сходство, какая огромная пропасть разделяет типы Канта от циклоидного и шизоидного типов Кречмера. Для Канта все эти признаки являются неподвижным фоном, на котором протекает вся психическая жизнь личности. Сангвиник для Канта, это «всегда добрый товарищ,

большой шутник, весельчак, который ничему в мире не придает большого значения (vive la bagatelle!) и все люди ему друзья»[1].

Таким образом, для Канта веселый темперамент является только веселым и не содержит в своей природной сущности диаметрально противоположных состояний, именно состояний депрессии и грусти. Другими словами, в данном случае, почему-то Кант не усматривает тех противоречий, которые скрываются в динамике человеческой личности. Между тем, эти противоречия могут достигать такой силы, что проявляться в форме, например, совершенно неожиданного и непонятного для окружающих самоубийства человека, всегда считавшегося отъявленным весельчаком.

Точно так же и флегматик является в глазах Канта только «толстокожим», от которого «все направленные на него баллисты и катапульты отскакивают, как от мешка с ватою».

Согласно такому подходу, в котором совершенно отсутствует динамическая сторона, Кант приходит к утверждению, что «сложных темпераментов нет, как нет сангвинически - холерического (каким предполагают обладать все те пустые говоруны, которые пробуют уверить других, что они милостивые, но и строгие господа); их всегда и во всем только четыре и каждый из них прост; нельзя и предвидеть, что вышло бы из человека, который имел бы смешанный темперамент».

Из последователей типологии Гиппократа — Канта укажем хотя бы Дэгалета Стюарта, предлагавшего разделять все школьные классы на 4 параллельных группы, согласно четырем основным типам темперамента. Такое разделение, по его мнению, позволило бы осуществить индивидуальный педагогический подход к веселым сангвиникам, печальным меланхоликам и т. д.

Как уже упоминалось выше, Кречмер выделяет только два основных характерологических типа — шизоидный и циклоидный. В отличие от Канта, для Кречмера человеческие характеры являются не простыми, а в той или иной степени совмещающими в себе диаметрально противоположные тенденции. По отношению к шизоидным темпераментам он формулирует это положение следующим образом: «Только тот владеет ключем к пониманию шизоидных темпераментов, кто знает, что большинство шизоидов отличается не одной только чрезмерной чувствительностью или холодностью, но обладают тем и другим одновременно». Та же цитата может быть применена и к циклоидным темпераментам, если только слова «чувствительность» и «холодность» заменить в ней на «веселость» и «грусть».

---

[1] И. Кант, Антропология, ч. II. Антропологическая характеристика.

Таким образом Кречмер синтезировал то, что так резко было разграничено у Канта, в результате чего его типы получили естественную жизненность и рельефность. Нужно, впрочем, отметить, что многое в типологии Кречмера еще остается недоработанным и спорным. В частности это очень сильно дает себя знать в том, что выделив всего только два характерологических типа, Кречмер пытается втиснуть в них множество самых различных жизненных случаев. В результате, вчитываясь в его характерологические диагностики, видишь, что, например, выделяемый им шизоидный тип практически получает столь же широкие, сколь и неопределенные очертания.

В дальнейшем мы сначала остановимся на кречмеровских типах и на том очень ограниченном числе случаев из рода Достоевского, которые более или менее укладываются в эту типологию, а затем перейдем к анализу значительно большей части характерологических проявлений в изучаемом нами роде, для которых эта типология явилась бы своего рода Прокрустовым ложем. При этом заранее приходится оговориться, что анализируя в кратком очерке целую группу людей, вряд ли возможно избежать некоторой схематизации столь сложных и малоразработанных вопросов, какими являются вопросы характерологические [1].

Динамика душевных движений циклоидного типа протекает преимущественно между полюсами депрессивным (пониженного настроения) и гипоманиакальным (повышенного настроения). Во многих случаях оба эти полюса как бы волнами сменяют друг друга, вследствие чего психическая жизнь людей циклоидной конституции приобретает характер волнообразной кривой, представляющей смену двух противоположных состояний. С одной стороны, мы имеем состояние депрессии, выражающееся в форме тоски, упадка энергии, замедления (заторможенности) интеллектуальных и психомоторных процессов. Противоположностью (антиномией) предыдущему является состояние гипоманикальное, характеризующееся веселым, приподнятым настроением, возбуждением и ускорением интеллектуальных и психомоторных процессов, а в случаях одаренности — ярким проявлением творческих способностей, обычно угасающих в период депрессии.

Эта смена двух состояний может принимать самые разнообразные формы. В случае слишком сильных амплитуд кривая

---

[1] Здесь дается лишь самый сжатый очерк учения о характерах, как оно разработано, главным образом, современной психиатрической наукой. Желающим более подробно ознакомиться с этой областью, рекомендуется ознакомиться по крайней мере со следующими работами: Э. Кречмер,

душевной динамики может выходить за пределы нормы. Тогда мы будем иметь дело с патологическим состоянием маниакально-депрессивного психоза [1].

Обычно в психиатрическую больницу попадают в периоды депрессивных состояний, которые не только лишают человека работоспособности, но и способны довести больного до самоубийства [2].

Изучение именно этих крайних антиномий маниакально-депрессивного психоза и дало возможность Кречмеру подойти к анализу как пограничных по своему душевному здоровью психопатических личностей, так и таких, которые имеют лишь соответствующую окраску личности, не имеющую, однако, патологического характера. Таким образом, наряду с больными маниакально-депрессивным психозом, или, — по терминологии некоторых авторов, — циклофрениками, Кречмер выделяет еще группу циклоидов или людей с пограничной амплитудой маниакально-депрессивной динамики, и, наконец, обширную группу циклотимиков. К последним относятся уже такие характеры, которые, выражаясь фигурально, только посолены циклоидной солью, но, в отличие от циклоидов и тем более циклофреников, не проявляют признаков патологического пересола. Эту связь между нормой и патологией Кречмер формулирует следующим образом: «При рассмотрении эндогенных психозов в широких биологических рамках они являются не чем иным, как заострениями нормальных типов темперамента».

Итак мы видели, что областью, в которой легче и интенсивнее

Строение тела и характер; П. М. Зиновьев, Душевные болезни в картинах и образах. Изд. М. и С. Сабашниковых, 1927 г.; Б. Д. Фридман, Деструктивные влечения в эпилептоидии и психастении. Труды психиатрической клиники I МГУ. Вып. 2. Изд. М. и С. Сабашниковых. 1927; А. М. Рапоппорт, Эпилептоиды и их социальные реакции. «Преступник и преступность». Сборн. 2. Изд. Мосздравотдела. 1927; П. Б. Ганнушкин. Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. М. Изд. «Север». 1933.

[1] Как показывает само название болезни, в нее входят два состояния: маниакальное (возбуждения) и депрессивное (подавленности). Раньше оба эти состояния рассматривались как две самостоятельные болезни, не имеющие ничего общего между собой. Первому состоянию соответствовала болезнь «мания», второму — «меланхолия». Заслугой Крепелина является открытие, что оба эти столь противоположные состояния являются лишь разными проявлениями единого процесса. Таким образом, в своем подходе к изучению нормальных, пограничных и патологических личностей, Кречмер является в значительной степени последователем Крепелина.

[2] См. подобного рода примеры в исследовании Т. И. Юдина и А. Г. Галачана, Опыт наследственно-биологического анализа одной маниакально-депрессивной семьи. «Русский евгенич. журнал». Том I, вып. 3—4

всего совершаются душевные движения циклоидов, является сфера, расположенная между полюсами приподнятого, веселого настроения, с одной стороны, и депрессивного, печального, — с другой. Та пропорция, в которой в данной личности развиты оба эти полюса, Кречмер называет *диатетической пропорцией* или пропорцией настроения.

Далеко не у всех циклоидов обе рассмотренные тенденции бывают развиты сколько-нибудь равномерно. Циклоидные характеры, у которых преобладает полюс приподнятого настроения, Кречмер называет *гипоманиакальными*. Однако, как указывает и сам Кречмер, чистые гипоманикальные характеры встречаются лишь в виде исключения, так как «многие из этих веселых натур, если мы с ними близко познакомимся, имеют всегда в глубине их существа мрачный уголок».

Циклоидов, в настроении которых преобладают пониженные, печальные состояния, Кречмер называет *депрессивными*. Чаще же всего гипоманикальный и депрессивный полюс совмещаются в одной и той же личности, причем доминирующее значение по очереди приобретает то один полюс, то другой. Иногда подобного рода смены настроений происходят довольно ритмично, в некоторых случаях совпадая с определенными временами года.

Диатетическая пропорция является основой циклоидной личности. Но наряду с нею можно указать и еще ряд признаков, характеризующих людей этой конституции. По наблюдениям Кремчера, подтвержденным рядом работ других исследователей, циклоиды являются «преимущественно людьми *общительными*, добродушными, людьми, с которыми легко иметь дело, которые понимают шутку и приемлют жизнь, какова она есть. Они естественны и откровенны и быстро вступают в приятельские отношения с другими; в их темпераменте есть что-то мягкое и теплое». Эти мягкость и теплота свойственны не только гипоманиакальным, но, в той или иной форме, также и депрессивным состояниям.

Следует еще отметить склонность циклоидов к юмору, а также, нередко, богатое развитие фантазии. В некоторых случаях, как показывают, например, исследования проф. Т. И. Юдина, богатое воображение циклоидов может даже явиться источником их своеобразной лживости (так наз. Pseudologia phantastica).

Циклоидные характеры, как показал ряд исследований, гораздо чаще встречаются среди людей, обладающих так называемым пикническим телосложением. В самых общих чертах этот тип телосложения характеризуется интенсивным развитием

широтных размеров тела, что, в свою очередь, стоит в связи с сильным развитием полостей — головы, груди и живота. Это брахиморфный, брахипластический, эйрисомный и т. п. типы других авторов. Пикники, особенно в среднем возрасте, являются людьми с относительно короткими конечностями и кругловатыми, упитанными, склонными к ожирению, формами тела.

В заключение отметим еще несомненную корреляцию между пикническим телосложением и предрасположением к некоторым болезням, главным образом к таким, которые обусловлены ранним отживанием и перерождением сосудистой системы. В сущности, так называемый Habitus apoplecticus прежних авторов в значительной мере соответствует пикническому типу Кречмера. Действительно, ряд статистических данных показывает, что среди пикников значительно поднимается процент смертности от артериосклероза и апоплексии [1].

Рассмотренные нами циклоидные окраски личности и пикническое телосложение не являются характерными ни для самого Достоевского, ни для героев его романов. Точно также мало они характерны и для всего рода Достоевских в целом. Более или менее заметно они дают себя знать лишь в двух, трех ветвях обследованного нами рода, а именно в потомстве двух младших сестер писателя — Веры Михайловны, по мужу Ивановой, и Александры Михайловны, по мужу Голеновской, а также отчасти в потомстве самого писателя.

В первой из этих ветвей циклоидные реакции выступают как в гипоманиакальной, так и в депрессивной формах, тесно переплетаясь с шизоидными и, особенно, с эпилептоидными компонентами. Повидимому циклоидные компоненты привнесены в данном случае извне, со стороны Александра Павловича Иванова.

Еще более часты циклотимические компоненты (преимущественно гипоманиакальные) в ветви Голеновских. В данном случае родоначальница ветви, младшая сестра писателя, сама не чуждая циклотимических реакций, выходит замуж за еще более ясно выраженного циклотимика. Поскольку можно судить по фотографии, и телосложение Н. И. Голеновского приближается к пикническому (брахиморфному) типу, с чем вяжется и смерть его от апоплексии.

Кроме указанных двух ветвей отдельные указания на гипоманиакальные циклотимические реакции мы встречаем и в потомстве самого писателя. Так, например, дочь его Любовь пишет

---

[1] См. М. В. Черноруцкий. Два основных конституциональных типа. «Новый хирургический архив», Днепропетровск. 1927 г. Том 13, кн. 2, стр. 193 и 197.

в своем «Альбоме признаний», что одной из главных черт ее характера является «в е с е л о с т ь». Относительно внука писателя, Андрея, в материале, сообщенном нам его матерью, имеются указания на его «веселость и общительность», а также на развитое у него чувство юмора, выражающееся в рисовании карикатур. Однако, все эти указания слишком отрывочны и неполны, чтобы на основании их можно было бы сколько-нибудь достоверно поставить диагноз циклотимической окраски личности, особенно по отношению к Л. Ф. и А. Ф. Достоевским. Нужно еще принять во внимание, что указания эти относятся в обоих случаях к людям очень молодым, когда веселость, как своего рода возрастной признак, может быть свойственна далеко не одним только циклотимикам [1]. Вообще проявления веселости не есть какой-либо специфический признак, свойственный только циклоидам или циклотимикам. Скорее веселость характерна для всякого молодого здорового человека, за исключением разве ярко выраженных шизотимиков и депрессивных циклотимиков. Лишь сочетание веселости с целым рядом других признаков: общительностью, естественной тактичностью, юмором, реальной конкретной установкой по отношению к внешнему миру («синтонностью» — по терминологии Блейлера), наличием диатетической пропорции и т. п. дает возможность говорить о циклоидной окраске личности.

С бо̀льшими основаниями, чем дочь и внук писателя, может быть названа циклотимичкой его жена, Анна Григорьевна, со стороны которой и могли перейти к потомкам те или иные циклотимические компоненты. Анна Григорьевна, как она рисуется по ее дневнику, воспоминаниям и отзывам современников, кроме живого, по временам очень веселого характера, отличалась также наблюдательностью, юмором, реальными и трезвыми взглядами на жизнь, любовью к деятельности, большим практицизмом и т. п. чертами, придающими ее личности довольно заметную циклотимическую окраску с преобладанием гипоманиакального полюса. По всей вероятности она унаследовала циклоидные черты от своего отца, которого она характеризует в неизданной части своих воспоминаний, как человека весьма веселого, «душу общества», балагура и шутника.

Рассмотренными примерами исчерпываются почти все замеченные мною проявления, вернее намеки на проявления циклоидных характеров среди представителей рода Достоевских. Интересно, что во всех трех ветвях циклоидные варианты, повидимому, оказы-

[1] Л. Ф. Достоевская заполняла свой «Альбом признаний» в возрасте не старше 20 лет. Внук писателя, Андрей, в то время когда составлялась его характеристика, был приблизительно в том же возрасте.

ваются привнесенными в род Достоевских извне — со стороны мужей и жен представителей этого рода.

Если в циклоидных характерах мы имели дело с различными проявлениями «пропорции настроения» (веселье — печаль), то в основе шизоидной личности лежит душевная динамика между полюсами, с одной стороны, повышенной чувствительности, с другой — холодности, до тупости включительно. Первый из этих полюсов называется гиперестетическим, второй — анестетическим. Проявления каждого из них, как в отдельности, так и во взаимных сочетаниях, могут быть чрезвычайно разнообразны. Преимущественные гиперестетики чаще всего бывают люди застенчивые, любящие уединение среди природы или книг. Всякий жизненный толчок, всякая шероховатость, всякий укол самолюбию воспринимается ими с повышенной болезненностью. «Я тщеславен так, будто кожу с меня содрали, и мне уже от одного воздуха больно» — жалуется один из героев Достоевского («Записки из подполья»). Подобная «обнаженность нервов» побуждает шизоида искать такой среды, которая его всего менее бы ранила. Чаще всего это выражается в форме так называемой «моллюскообразной» реакции, когда человек стремится уйти в самого себя, забиться в свой угол, забаррикадироваться от внешнего мира всеми возможными средствами. Как рак отшельник находит защиту в найденной пустой раковине, так же и гиперестетический шизоид стремится найти такую среду, которая могла бы его защитить от толчков и уколов внешней жизни. Чаще всего эту роль и выполняют для него природа и книги. Подобные типы нередки среди замкнутых кабинетных ученых, ушедших от реального мира в область своей специальности, причем эта специальность редко бывает связана с животрепещущими вопросами сегодняшнего дня. Чаще это отвлеченные философские или даже теологические вопросы или изучение далекого прошлого и т. п. На окружающих такие ученые могут производить впечатление странных и чудаковатых людей.

Нужно, впрочем, иметь в виду, что подобные же, я бы сказал «шизоидоморфные» реакции могут давать и лица других конституций. Это может происходить в тех случаях, когда слишком обостряются противоречия между данной личностью и окружающей средой, вследствие чего человек, и не отличающийся повышенной чувствительностью и ранимостью, может все же дать молюскообразную реакцию. Особенно учащаются такие случаи после сильных социальных переворотов.

Необходимо еще добавить, что среди индивидуалистов и отшельников мы найдем далеко не одних только гиперестетиков.

Гиперестезия часто дает лишь первоначальный импульс к уединению среди природы, книг или в тиши научных лабораторий и кабинетов. В дальнейшем же у шизоида происходит или постепенное, или протекающее в форме резких сдвигов надвигание анестетического полюса, выражающееся в остывании, очерствении и даже отупении его психической чувствительности. Происходит как бы перерождение и отмирание всей эмоциональной сферы. «Душа точно покрывается пеплом» — говорят иногда в таких случаях.

Вообще нужно иметь в виду, что в отличие от психической динамики циклоида, выражающейся в волнообразно чередующихся сменах гипоманиакальных и депрессивных состояний, жизненная кривая шизоида, в тех случаях, когда мы имеем дело, с ясно выраженной психопатией, протекает в одном направлении — от гиперестезии в молодости к анестезии в более поздних возрастах.

Подобно гиперестетикам и анестетики, во всех степенях этой окраски, также отличаются необщительностью и замкнутостью, способными доходить до степени своего рода одичания. Однако характер необщительности анестетика несколько иного свойства. Если у гиперестетика контакт с окружающими затруднен вследствие «обнаженности» его нервов, делающей болезненным всякое соприкосновение с внешним миром, необщительность анестетика может происходить просто из его внутренней пустоты — ему нечего сказать, нечем поделиться с окружающими. В крайнем проявлении этого полюса мы имеем патологические формы шизофренического процесса, когда больной по своей тупости и глупости спускается ниже животного. В промежуточных случаях мы имеем нежное чувствительное ядро и богатую психическую жизнь, но скрытые от окружающих как бы толстой коркой внешней нечувствительности. Вся психическая жизнь таких людей «в футлярах» протекает скрыто от окружающих, где-то в глубинах их психики. Нужно сказать, что в жизни мы обычно имеем дело именно с такими промежуточными формами. Упомянутые выше крайние варианты шизоидных характеров являются, в своем чистом виде, лишь абстракциями, если и встречающимися в жизни, то лишь в виде редкого исключения. В действительности же в шизоидной личности, как правило, присутствуют на-лицо оба полюса — как повышенной, так и пониженной чуствительности. Таким образом, если про циклоидов нельзя сказать ни то, что они веселы, ни то, что они печальны, так как они по существу являются весело-печальными, в той же мере и шизоиды являются ни чувствитель-

ными, ни холодными (тупыми), а одновременно холодно-чувствительными.

Всю гамму переходов шизоидных окрасок характера от гиперестетического полюса к анестетическому Кречмер рисует следующим образом: «От мимозоподобного полюса шизоидные темпераменты во всевозможных оттенках идут к холодному и тупому полюсу, причем элемент «тверд, как лед» (или «туп, как кожа») все больше и больше расширяется, а «полон чувств до сентиментальности» постоянно идет на убыль. Но и среди половины нашего материала с бедностью аффекта мы находим, если только ближе знакомимся лично с такими шизоидами, за застывшим, лишенным аффекта покрывалом, довольно часто в глубине души нежное ядро личности с крайне уязвимой нервозной сентиментальностью». С другой стороны, «у нежнейших представителей мимозоподобной группы мы ощущаем легкий, незаметный налет аристократической холодности и неприступности, аутистическое сужение сферы чувствований ограниченным кругом избранных людей и вещей. — «Между мной и людьми завеса из стекла» — сказал мне недавно такой шизоид с неподражаемой четкостью.»

По интенсивности шизоидных реакций Кречмер выделяет нормальных шизотимиков, пограничных шизоидов и душевнобольных шизофреников.

В последнее время этот чисто количественный подход Кречмера к переходам от нормы к патологии встретил ряд весьма веских возражений. По мнению Бумке, «никак нельзя себе представить органическое заболевание, которое постепенно утончаясь, разбавляясь, в конце концов приводило бы к нормальному темпераменту». одобного же рода возражения были выдвинуты Эвальдом, Бостремом, Шнейдером и рядом других авторов [1]. Несомненно, между характером преморбидной личности и патологическим процессом имеется не только количественное, но и качественное различие. Особенно дает себя знать эта грань, за которой начинается патологический процесс, в том оставшемся вне сферы внимания Кречмера характере, которому посвящена вся вторая половина этого очерка.

Телосложение шизоидов, в отличие от циклоидов, чаще бывает худощавым, вообще характеризуется преимущественным развитием продольных размеров по сравнению с широтными. Это так называемый лептозомный тип телосложения (долихоморфный, долихопластический, longytypus, habiuts mikrosplanchnicus, и т. п.

---

[1] Схизофрения. Сокращенный перевод IX тома «Руководства по психиатрии» О. Бумке. Госмедиздат. 1933 г.

других авторов). Лептозомы харктеризуются узкой грудной клеткой и узкими плечами. Конечности и шея производят впечатление скорее длинных. Кости, мускулы и кожа нежные и тонкие. Жировая ткань развита очень слабо. Лицо узкое, длинное, с довольно покатым лбом, выдающимся длинным носом и слабо развитой нижней челюстью, вследствие чего получается так называемый «угловой», резко выраженный профиль.

Крайние проявления лептозомности Кречмер выделяет в понятие астенического типа.

Примерами лептозомного и астенического телосложений могут служить из исторических или более или менее известных личностей: Савонаролла, Кальвин, Робеспьер, Данте, Гоголь, В. Мейерхольд, А. Блок и др.

Само собой разумеется, что связи телосложения и характера в тех направлениях, как на то указывает Кречмер, имеют далеко на абсолютное значение. Как циклоиды, так и шизоиды могут быть самого различного телосложения, но чаще циклоиды бывают широкие и полные, а шизоиды узкие и худые. Таким образом речь может итти лишь о той или иной степени коррелятивной связи между телосложением и характером. Чтобы судить о степени этой связи мы приведем цифровые данные, получившиеся при обследовании характера 36 здоровых пикников и 41 здоровых лептозомов. Обследование это производилось анкетными методами Горстом и Киблером. Результаты его приводятся ниже по «Медицинской психологии» Кречмера.

	Циклотимики %	Смешанные и неопределенные %	Шизотимики %
Пикники	94,4	2,9	2,8
Лептозомы	12,2	17,1	70,7

Как видим, связь между пикническим телосложением и циклотимической психикой, с одной стороны, и лептозомным телосложением и шизотимической психикой, — с другой, получилась в данном исследовании очень значительная, хотя и не без отдельных отклонений [1].

[1] В последние годы многие русские исследователи, изучавшие строение тела у душевно-больных, пришли к результатм, весьма согласующимся с наблюдениями Кречмера. Укажу хотя бы работы: М. Е. Шуберт, В. Е. Макарова, М. П. Андреева, Губер-Грица, Л. П. Николаева, А. Я. Доршт и Э. М. Башковой, Н. И. Балабанова и А. И. Молочек, М. Г. Ульяновой и др. См. краткий обзор всех этих работ в очерке Б. Н. Вишневского:

Как из приведенных цифр, так и из наблюдений самого Кречмера следует, что связь между циклоидной психикой и пикническим телосложением гораздо более прочна, чем между шизоидной психикой и лептозомным телосложением. Необходимо еще добавить, что кроме лептозомов среди шизоидов нередко встречаются и атлетики, характеризующиеся пропорциональным развитием продольных и широтных размеров (habitus normosplanchnicus, мезоморфный и т. п. типы других авторов), а также различные диспластические формы.

О подобного же рода связях между телосложением и характером говорят и данные обследования душевно-больных. Из 1 000 случаев маниакально-депрессивного психоза (по сводным данным) в 66,7% имелось пикническое строение тела и только в 23,6% лептозомы и атлеты. По отношению к шизофреникам, как показал материал из 4 000 случаев, 61% имели лептозомное и атлетическое телосложение, 11,3% — диспластическое и лишь 12,8% — пикническое [1].

Выделением двух типов характера — циклоидного и шизоидного — ограничивается, в основных чертах, вся типология Кречмера. Нужно, впрочем, добавить, что и сам Кречмер далеко не склонен считать, что выделением этих двух типов вопрос можно считать исчерпанным. В предисловии ко второму изданию своей книги «Строение тела и характер» он пишет по этому поводу: «Некоторые критики полагают невероятным, что существует лишь два главных типа человеческого характера. Но мы этого никогда и не утверждали. Эта книга является только началом; при терпеливой совместной работе всех, вероятно, удастся разложить предлагаемые типы на подгруппы и найти новые».

Кречмер приводит множество примеров циклоидных и шизоидных характеров среди различных исторических личностей. Подобные же примеры можно привести и из наиболее глубоких и жизненных произведений мировой литературы. Так, например, у Пушкина, в его «Евгении Онегине» две сестры Ларины могут служить хорошими образцами расмотренных нами характерологических типов. Несмотря на то, что обе сестры выросли в одинаковых условиях, у каждой из них свой особый характер: в то время как гипоманиакальная циклотимичка, Ольга «всегда, как утро, весела, как жизнь поэта простодушна, как поцелуй любви мила...»,

---

«Русские работы по конституции человека». Приложение к русскому переводу книги Ф. Вейденрейха: «Раса и строение тела». Ленинград. 1929 г.

[1] М. О. Гуревич и М. Я. Серейский, Учебник психиатрии. ГИЗ. 1929 г., стр. 305 и 323.

гиперестетичная шизотимичка Татьяна «дика, печальна, молчалива, как лань лесная боязлива, она в семье своей родной казалась девочкой чужой...»

Что касается рода Достоевских, то здесь шизоидные реакции встречаются чаще и значительно более ясно выражены по сравнению с циклоидными. Прежде всего мы с ними встречаемся в личности и творчестве самого писателя.

Достоевский отнюдь не принадлежал к числу общительных, «солнечных», легко и свободно вступающих в контакт с окружающими, цикломитиков. Наоборот, по удачному выражению близко его знавшей О. Починковской, «он был весь точно замкнут на ключ». Лишь в самом интимном кругу родных и близких людей выходил он из своего футляра, но стоило в этом кругу появиться постороннему человеку, как Достоевский мгновенно обнаруживал моллюскообразную реакцию замыкания и ухода в себя. «Достоевский вдруг как то осунулся, сгорбился и, точно улитка, спрятавшаяся в свою раковину, замолк» — говорит в своих воспоминаниях А. Н. Майков, описывая сцену прихода к нему неожиданного гостя в то время, когда у него в кабинете сидел Достоевский.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что уже в молодости, во время обучения в Инженерном училище, Достоевский вел себя как ярко выраженный шизотимик, а именно «выказывал черты несообщительности, сторонился, не принимал участия в играх, сидел, углубившись в книгу, и искал уединенного места; вскоре нашлось такое место и надолго стало его любимым: глубокий угол четвертой камеры с окном, смотревшим на Фонтанку; в рекреационное время его всегда можно было там найти и всегда с книгой» (из воспоминаний Д. В. Григоровича).

То же самое стремление «забиться в угол» характерно и для ряда героев Достоевского, из числа наиболее близких его собственной психике, начиная с самых ранних его произведений. Макар Девушкин «занимает уголок такой скромный» («Бедные люди», 1845 г.); Прохарчин «гноил угол... человек был совсем несговорчивый, молчаливый и на праздную речь неподатливый» («Господин Прохарчин», 1846 г.); Ордынов («Хозяйка», 1847 г.), молодой человек «крайне впечатлительный», отличавшийся «обнаженностью и незащищенностью чувства» хочет снять «угол у каких-нибудь бедных жильцов»... «Смеркалось, накрапывал дождь. Он сторговал первый встречный у г о л и через час переехал. Там он как будто заперся в монастырь, как будто отрешился от света. Мало-по-малу, Ордынов одичал еще более прежнего... Он часто любил бродить по улицам, долго без цели.

Он выбирал преимущественно сумеречный час, а место прогулки — места глухие, отдаленные, редко посещаемые народом».

Как уже говорилось выше, угасание шизоидной личности, как правило, представляет из себя процесс необратимый. Если у циклоида подавленно-грустное и приподнято-веселое состояния могут многократно в течение жизни сменять друг друга, остывание и одичание шизоида, то равномерно и постепенно, то более или менее резкими сдвигами идет в одном только направлении — в направлении оскудения и распада личности. У одних этот процесс, не нося резко патологического характера, растягивается на десятилетия, сливаясь с естественными возрастными изменениями. В других случаях тот же процесс может протекать гораздо быстрее и интенсивнее. «Через два года он одичал совершенно» — говорит Достоевский об Ордынове. Несомненно, большую роль в темпе угасания и распада шизоидного психопата должны играть внешние события его жизни, как это, в частности, должно было иметь место и по отношению к Ордынову.

Подобного же рода шизотимические и шизоидные компоненты, в форме моллюскообразных реакций и т. п., мы встречаем и у героев более поздних произведний Достоевского. Вот, например, как характеризует себя «человек из подполья»: «В то время мне было всего двадцать четыре года. Жизнь моя была уж и тогда угрюмая, беспорядочная и до одичалости одинокая. Я ни с кем не водился и даже избегал говорить и все более и более забивался в свой угол... Моя квартира была моя скорлупа, мой футляр, в который я прятался от всего человечества» («Записки из подполья», 1864 г.). Точно также и Раскольников, «быв в университете, почти не имел товарищей, всех чуждался, ни к кому не ходил и у себя принимал тяжело. Впрочем и от него скоро все отвернулись... Он решительно ушел от всех, как черепаха в свою скорлупу». «Я человек мрачный, скучный», — говорит о себе Свидригайлов. — «Сижу в углу» («Преступление и наказание», 1866 г.).

Совершенно те же шизоидные реакции мы находим и у героев самых последних произведений Достоевского. В «Подростке» (1875 г.) молодой Долгорукий говорит о себе: «Нет! мне нельзя жить с людьми! На 40 лет вперед говорю. Моя идея — угол».

Таким образом мы видим, что характер самого Достоевского, а вместе с тем и характеры целого ряда его героев, носят ярко выраженные шизоидные черты. То же самое можно сказать и о многих представителях рода Достоевских. Наиболее богатый и полный материал в этом отношении мне удалось получить относительно ветви Ивановых, т. е. относительно детей и внуков одной из сестер писателя, Веры. Так, например, в детском поколении

этой ветви, яркие шизотимические реакции мы встречаем у Нины Александровны Ивановой, по мужу Профенрансовой. Вот, например, характерный отрывок из ее письма к сестрам: «Ходить в гости и здоровье не позволяет и шкурная боль подымается. У нас, ведь, все больше такие типики, что любят вывернуть душу другого наизнанку и заглянуть внутрь. Ну, а каково это, когда начнут вам выворачивать шкурку наизнанку. Ну, я и прячусь от всех. Итак, сижу дома, читаю, мечтаю»... Очевидно, в данном случае мы имеем дело с так называемой «мимозной психикой», т. е. повышенной ранимостью и замкнутостью на почве шизотимической гиперестезии.

Во внучатном поколении той же ветви мы так же встречаемся с более или менее ясно выраженными шизотимическими, шизоидными, а в некоторых случаях даже с шизофреническими окрасками личности. Так, например, ясно выступают шизотимические элементы в автохарактеристике одного из представителей этого поколения, по профессии доцента университета. В качестве иллюстрации приведем несколько отрывков из этой автохарактеристики (написанной в третьем лице): «Тяготится необходимостью излагать элементарные истины и поэтому прямо проваливает порою лекции на такие темы. Больше всего любит специальные курсы и семинарии с 6 — 7 слушателями или участниками. В аудитории еще недавно чувствовал себя не по себе и мог читать лишь при особых условиях, например, надевая на глаза очки только для того, чтобы этим до известной степени отгородить себя от аудитории... В литературе больше всего увлекается символистами... Сознает свою оторванность от окружающей среды, но этим не тяготится, за исключением только некоторого неуменья подойти ближе к своим непосредственным ученикам». Эти строки писались в 1926 г. Позднее, а именно в 1928 г., то же лицо пишет о себе: «За последние два года я очень изменился... в частности стал менее откровенен».

В цитированной характеристике мы имеем, таким образом, целый ряд указаний на шизотимические черты характера и соответствующую динамику психической жизни (неслияние с массами, в частности нелюбовь к популяризации, прогрессирующий уход в себя и т. п.). Но особенно демонстративен эпизод с очками. Когда я впервые читал о том, что Ю. А. надевает очки на здоровые глаза только затем, чтобы «до известной степени отгородить себя от аудитории», мне невольно вспомнилась фраза одного шизоида, приводимая у Кречмера: «между мной и людьми завеса из стекла».

Еще интенсивнее выразилась шизоидная окраска в характере

старшей сестры Ю. А. Об этом говорят многие места из характеристик, даваемых ей близко знающими ее людьми.

Можно было бы привести еще ряд подобного рода примеров, в особенности из внучатного поколения ветви Ивановых, где шизоидные характерологические элементы проявились с необычайной интенсивностью. Несомненно, что выявление этих черт стоит в связи не только с наследственными предрасположениями, но и с теми социальными моментами, которые способствовали реализации этих предрасположений. С другой стороны, предрасположения эти существовали и в значительной степени проявлялись уже в раннем возрасте представителей данного поколения, задолго до тех внешних воздействий, которые, как увидим ниже, должны были способствовать их обострению. У старшей сестры Ю. А. Иванова это сказывается в уходе в мир фантастических образов, которыми полны ее письма гимназического периода. Тоже самое мы видим и у другой его сестры, Елены. Последняя уже в детские годы проявляла также склонность к своеобразным моллюскообразным реакциям. В своей автобиографии она пишет об этом: «Моя любимая игра состояла в том, что я смешивала несколько сортов круп и потом одно за другим отбирала зернышки риса от гречихи, пшена и т. д. За этим занятием так хорошо мечталось и к тому же никто не мешал мне замечаниями, что я сижу без дела — я играю». Впоследствии шизотимическая сторона личности Елены проявилась в форме крайней гиперестезии, о чем говорит вся ее автобиография, в конце которой она, подводя итоги, делает характерное замечание: «судьба дала мне душу без шкурки...»

Отметим, наконец, выступание шизоидных реакций у Елены и ее младшей сестры Ирины в протоколах обследования обеих сестер по методу Роршаха (так наз. «метод чернильных пятен»).

Говоря о шизоидном характере, я взял иллюстративный материал, главным образом, из личности и творчества самого писателя, а также из детского и внучатного поколений ветви Ивановых. Но и другие ветви рода Достоевских далеко не лишены шизоидных элементов. В частности, в потомстве самого писателя, мы узнаем их в тонкой чувствительности, эстетизме и застенчивости его внука Федора, а также, отчасти, в эгоцентричной холодности его дочери.

Выделением двух рассмотренных типов характера — циклоидного и шизоидного — ограничивается, в основных чертах, вся типология Кречмера. Однако, как бы мы ни пытались применить эту типологию к собранному здесь характерологическому материалу, мы все же не уловим в ней чего-то чрезвычайно существен-

ного, даже я бы сказал стержневого, как в личности самого писателя, так и большинства его родственников. Правда, шизоидные окраски несомненно играют большую роль в характерологии рода Достоевских, но основное, главное, лежит все же не здесь, а в каких-то иных динамических плоскостях.

Нужно сказать, что под этим впечатлением я находился очень продолжительное время, не будучи в силах разрешить эту проблему. Только начиная с 1927 г., т. е. 5 лет спустя после начала собирания материала, успехи современной психиатрии, главным образом психиатрической характерологии, помогли мне, как мне думается, гораздо полнее и глубже проанализировать весь собранный материал. Но об этом будет сказано ниже.

Прежде всего, что касается основной динамической плоскости душевных движений, то наиболее характерной для Достоевских оказывается полярность, расположенная в значительно иной плоскости, по сравнению с холодно-раздражительной и весело-печальной полярностями шизоидов и циклоидов. А именно, среди Достоевских мы чаще всего встречаем всевозможные, нередко доведенные до крайности, проявления, с одной стороны, своеволия, с другой, — кротости. Таким образом, в данном случае мы можем говорить о своеобразной своевольно-кроткой полярности. Действительно, если мы отмечали у самого Достоевского и у многих его героев шизоидные черты характера, в форме гиперестезии, необщительности, ухода в себя и т. п., то еще более это относится к своевольно-кроткой полярности и вытекающим из нее реакциям.

Обычно у героев Достоевского достигает крайнего развития какой-либо один из полюсов. Так например, исключительное развитие своевольного полюса мы имеем в образе мрачного тирана Мурина («Хозяйка»), у наиболее дерзновенных и беспощадных обитателей «Мертвого дома», вроде Петрова или Орлова, у «бесов» — Петра Верховенского, Ставрогина и Кириллова, у Раскольникова («Преступление и наказание») и др. Кириллов кончает самоубийством только затем, чтобы убедиться во всемогуществе своей воли. «Свободу и власть», — мечтает Раскольников, — «а главное — власть! Над всей дрожащей тварью и над всем муравейником. Вот цель»...

Не менее богато представлен в творчестве Достоевского и кроткий полюс. Это целая галлерея людей необычайной кротости и смирения, людей, которые на зло отвечают добром и прощением. Вспомним хотя бы Мышкина в «Идиоте», Алешу Карамазова и старца Зосиму в «Братьях Карамазовых» и др.

В области сексуальных взаимоотношений эквивалентом своевольно-кроткой полярности является полярность садо-мазохиче-

ская. В любовных ласках кроткий предпочитает мазохически «притуляться» к любимому существу, чем бурно и властно овладевать им. В крайних проявлениях этой тенденции любовь мазохиста представляет сплошную цепь страданий, которых он сам ищет и, получая их от любимого человека, испытывает своеобразное сексуальное наслаждение. «Свиснет, кликнет меня, как собачку, я и побегу за ним»... — говорит «кроткая» Наташа Ихменева («Униженные и оскорбленные») про любимого ею человека: «Муки! Не боюсь я от него никаких мук! Я будут знать, что от н е г о страдаю... Ох, да ведь этого не расскажешь, Ваня!» — говорит она же в другом месте. Для женщины-мазохички, тот мужчина, который не заставляет ее мучится, не существует как мужчина. Этим и объясняется, почему Наташа Ихменева не может полюбить преданного ей и тоже подобно ей кроткого Ваню. Два кротких супруга представляли бы нежизненную брачную комбинацию, так как не давали бы друг другу достаточно полного удовлетворения. Во всяком случае это была бы комбинация не в стиле творчества Достоевского. «Слушай, Ваня»,—признается Наташа,—«я ведь и прежде знала и даже в самые счастливые минуты наши предчувствовала, что он даст мне одни только муки. Но что же делать, если мне теперь даже муки от него счастье?».

Подобного рода глубоко мазохическими реакциями переполнены все произведения Достоевского. Поэтому неправильно рассматривать этого писателя только как «русского маркиза де-Сада» (определение Тургенева). Достоевский, сам биполярный в рассматриваемом отношении, является и в своем творчестве не только садистом, но и мазохистом, и даже больше последним, чем первым.

Огромное значение Достоевского как писателя, несомненно, в значительной степени обусловлено тем, что он дает наиболее глубокий и детальный анализ такой существенной стороны человеческих характеров, как своевольно-кроткая полярность. В самом деле, полярность эта занимает первенствующее значение не только в сексуальной сфере (в форме садо-мазохизма), но и в ряде других форм человеческих взаимоотношений.

Те же самые черты, которые оказываются наиболее ярко выраженными у героев Достоевского, являются наиболее характерными и для самого творца этих образов. В частности, это относится и к той своевольно-кроткой полярности, о которой шла речь выше. При этом Достоевскому были в полной мере свойственны обе противоположные тенденции, как своеволия, так и кротости. В данном отношении он являлся, таким образом, «биполярной» личностью. При этом, то один, то другой из этих

полюсов выдвигается в личности писателя на первый план. В этом чередовании можно даже проследить некоторую закономерность. Обычно, чем тяжелее складывается жизнь Достоевского, тем заметнее происходит надвигание кроткого полюса, и наоборот, чем благоприятнее для него складываются жизненные обстоятельства, тем больше дают себя знать разные компоненты своевольного полюса.

Так, например, особенно сильное надвигание кроткого полюса происходит у Достоевского в период отбывания им ссылки в качестве рядового солдата. «Ах, какой смиренный был он человек»,— вспоминает о Достоевском некий А. С. Сидоров, отставной штаб-трубач 7-го батальона, — «старался всегда себя ставить ниже всех; идешь, бывало, а он тебе тянется, честь отдает и уважение должное оказывает, а заговоришь с ним — отвечал учтиво, почтительно»...

Эти реакции приобретают в жизни Достоевского в известной степени приспособительное значение, помогая ему менее болезненно переносить различные превратности и удары, которыми так богат был его жизненный путь. Недаром, только что вернувшись из Сибири, Достоевский говорит своему старому другу, С. Д. Яновскому: «Да, батенька, все пережилось и все радостно окончилось, а от чего? Оттого, что вера была сильна, несокрушима; покаяние глубокое ,искреннее, ну и надежда во все время меня не оставляла!». Не менее ярко эта кроткая установка сказывается и в том совете, который Достевский дает студентам, пришедшим к нему поучиться мудрости жизни: «Поднимитесь, как дуб — и вас сломает буря; пригнитесь к земле, как былинка — и вы все вынесете... Вот та сила, которую я даю вам».

На основании всего сказанного нам вполне понятной становится реакция Достоевского на библейский рассказ о многострадальном Йове. Ведь философия книги Иова сводится к терпению, кротости, смирению перед ударами судьбы, — которые так органически родственны душе самого Достоевского. «Читаю книгу Иова», — говорит он в одном из писем к жене, — «и она приводит меня в болезненный восторг: бросаю читать и хожу по часу по комнате, чуть не плача... Эта книга, Аня, странно это — одна из первых, которая поразила меня в жизни, я был еще тогда почти младенцем!» (10 июня 1875 г.).

В других случаях приниженность Достоевского приобретает настолько специфическую окраску, что невольно напрашивается сравнение с самыми жалкими персонажами его повестей и романов. Так, например, в письме к Гейбовичу, рассказав, как много он уже завел и предполагает завести влиятельных знакомств,

Достоевский поясняет: «Знакомлюсь я с этими господами для того, что они мне будут нужны... Я человек маленький и знаю свое место. Но я отчасти знаю окружающую меня действительность и знаю, чем можно воспользоваться для своей выгоды и для выгоды друзей моих»... (23 октября 1859 г.).

Однако, подобные проявления крайней приниженности встречаются в документах о Достоевском сравнительно очень редко (детские письма к отцу, некоторые письма из ссылки и из Твери). Гораздо более характерным для проявления кроткого полюса в личности и творчестве Достоевского является стихийное, безграничное чувство жалости и сострадания ко всему страдающему и несчастному. «Все забитое судьбою, несчастное, хворое и бедное находило в нем особое участие» — пишет о Достоевском близко его знавший А. Е. Врангель.

Для Достоевского не существует биологической проблемы, что искусственная поддержка всего слабого и уродливого может вести к ухудшению человеческой породы. Чувство жалости оправдывает и покрывает для него все остальное. Оно побуждает его, например, как рассказывает в своих воспоминаниях С. Д. Яновский, одно время с увлечением заняться «сбором денег по подписке в пользу одного несчастного пропойцы, который, не имея на что выпить, а потом напиться и наконец опохмелиться, ходит по дачам и предлагает себя п о с е ч ь с я за деньги». Это чувство жалости и сочувствия к слабому сказывается даже в такой мелочи, о которой рассказывает М. В. Каменецкая: «...Я как то изнывала в своей ученической комнате, — мне было четырнадцать — пятнадцать (лет), — над «остроумной» арифметической задачей о зайце и черепахе, когда меня осенила блестящая мысль: пойду-ка я к маме, там пришел преподаватель математики в морском корпусе Горенко, он мне поможет. Кроме Горенка, у мамы сидело еще несколько человек и, как иногда бывает, всем загорелось гонять моего зайца. Вдруг входит Ф. М. Достоевский... В чем дело? И стал тоже придумывать разные комбинации, но непременно хотел, чтобы «черепаха» пришла раньше зайца. «Она, бедная, не виновата, что ее так бог создал. А старается изо всех сил, а это лучше, чем заяц: «прыг-скок и уже поспел».

Говоря о жалостливости Достоевского мы рассмотрели лишь два маленьких примера. Но эти примеры далеко не случайны и количество их можно было бы, при желании, увеличить во множество раз. Приведенные же примеры являются лишь частными проявлениями того большого чувства, которым проникнута вся личность Достоевского и все его творчество.

Как уже упоминалось выше, эквивалентами кротких реакций

в сексуальной сфере являются реакции мазохические, в форме стремления подчиниться любимому существу. В более резких, носящих уже патологический характер случаях, возникает страстное влечение переносить нравственные и физические истязания со стороны любимого существа, что так часто можно видеть у героев Достоевского. Что касается самого Достоевского, то у него, судя по некоторым данным, мазохические реакции были чрезвычайно ярки и многообразны. Приведем хотя бы такой пример: М. Д. Исаева, перед тем как принять предложение Достоевского, сильно колебалась в выборе между ним и некиим учителем Вергуновым, и даже одно время определенно склонялась к тому, чтобы предпочесть последнего. Несмотря на всю свою страсть к Исаевой, Достоевский проявляет в данном случае, вместо простой ревности, характерные заботы по устройству судьбы своего счастливого соперника. Он хлопочет о приискании ему места, о повышении по службе и т. п. В письме к А.Е. Врангелю он в иступлении пишет, что «на коленях готов за него (Вергунова) просить», лишь бы отказавшаяся от него (Достоевского) женщина была счастлива с другим мужчиной. «Много ли найдется таких самоотверженных натур, забывающих себя для счастья другого», — пишет по этому поводу Врангель [1].

Несколько иные проявления, но, по существу, того же самого полюса, мы имеем в письмах Достоевского к его второй жене. Многие места этой переписки свидетельствуют о свойственных Достоевскому тех смягченных формах мазохизма, которые, как я полагаю, можно выделить в особое понятие «сексуальной кротости» [2]. «Ты хозяйка моя и повелительница», — пишет он жене, — «ты владычица, а мне счастье подчиняться тебе... Часто очень тебя вижу во сне, Госпожа ты моя, а я тем счастлив... Я, мой ангел, замечаю что становлюсь как бы больше к вам всем приклеенным и решительно не могу уже теперь, как прежде, выносить с вами разлуки. Ты можешь обратить этот факт в свою пользу и п о р а б о т и т ь меня теперь еще больше чем прежде, но порабощай Анька ,и чем больше поработишь, тем буду я счастливее. Je ne demande pas mieux.»

Было бы, однако, грубой ошибкой считать Достоевского только кротким или только мазохистом. В действительности же,

---

[1] Л. П. Гроссман проводит интересную параллель между самоотверженным отношением Достоевского к М. Д. Исаевой и подобным же отношением Вани к Наташе в «Униженных и оскорбленных».

[2] Соответствующее проявление противоположного полюса, т. е. умеренные, не носящие патологического характера, формы садизма я выделяю в понятие «сексуального деспотизма».

чем более внимательно мы будем изучать его личность, тем яснее выступят перед нами, то в виде только намеков, то в форме вполне реализовавшихся реакций, проявления противоположного полюса. В воспоминаниях Горького о Толстом, помню, мне бросилась в глаза фраза, содержащая очень верное наблюдение: «мученики и страдальцы редко не бывают деспотами и насильниками». По тем же законам и кроткий (по преимуществу) Достоевский оказывается, в известных случаях жизни, способным на самые крайние проявления своевольного полюса.

Выше мы уже видели, как многообразны могут быть проявления «кроткого» полюса своевольно-кроткой полярности. Всестороннее изучение этой полярности показывает, что не менее многообразны могут быть и выявления ее своевольного полюса. Укажем хотя бы на различные проявления жестокости и деспотизма, в особенности деспотизма в сочетании с мелочной придирчивостью (различные формы «семейного деспотизма», «деспотичного бюрократизма» и т. п.). Что касается Достоевского, то для него наиболее частыми и яркими проявлениями своевольного полюса оказываются такие черты характера, как достигающие совершенно исключительного развития самолюбие, честолюбие и гордость. Однако это сказать еще мало, так как проявления указанных черт характера могут, в свою очередь, быть чрезвычайно различными. Подобно тому как кротость Достоевского могла принимать то героические формы кротости Иова, то напоминать жалкую приниженность Акакия Акакиевича, и проявления его гордости могли то подниматься до исключительно высоких и утонченных форм сохранения человеческого достоинства, то опускаться до самого мелкого тщеславия.

Если, как мы видели выше, удары судьбы способствовали выявлению кротких начал в личности Достоевского, то, с другой стороны, успех и удача пробуждали к жизни его своевольные потенции. Особенно сильно это сказалось при том успехе, который сопровождал появление в свет первого романа Достоевского «Бедные люди». Как не похож в это время тон его писем, по сравнению с тем, что мы видели выше, в частности, в его письме к Гейбовичу. «Я познакомился с бездной народу самого порядочного», — пишет, например, он своему брату Михаилу. — «Князь Одоевский просит меня осчастливить своим посещением, а граф Соллогуб рвет на себе волосы от отчаяния, Панаев объявил ему что есть талант, который их всех в грязь втопчет. Соллогуб обегал всех и зашедши к Краевскому, вдруг [пр] [1] спросил его: [Где]. Кто

[1] В квадратные скобки поставлены слова и отрывки слов, написанные и затем зачеркнутые в подлиннике.

этот Достоевский? Где мне достать Достоевского? Краевский, который никому в ус не дует и режет всех напропалую, отвечает ему, что Достоевский не захочет вам сделать чести осчастливить вас своим посещением». Оно и действительно так: [мерзавец] аристократишка теперь становится на ходули и думает, что уничтожит меня [своим] величием своей ласки». (Письмо от 10 ноября 1845 г.).

В цитированном выше письме к Гейбовичу Достоевский также пишет о заведенных им новых знакомствах с высокопоставленными людьми, но насколько там его тон проникнут приниженной кротостью, настолько письмо к брату может служить образцом диаметрально-противоположных состояний. Эти два письма — к Гейбовичу и к брату — могут служить иллюстрацией того, как велика могла быть у Достоевского амплитуда колебаний между различными проявлениями смирения и гордости.

Вскоре после выхода «Бедных людей», этого произведения, преисполненного самыми кроткими настроениями, Достоевский и сам начинает замечать, что с его самолюбием творится что-то неладное. В его письмах к брату Михаилу мы встречаем, например, такие признания: «У меня есть ужасный порок: неограниченное самолюбие и честолюбие» (1 апреля 1846 г.). «...Но вот самолюбие мое расхлесталось» (начало 1847 г.).

Проявления своевольного полюса в характере Достоевского далеко не ограничивались рассмотренными выше мелкими формами самолюбия и тщеславия. Насколько даже в самых мелочах могли проявляться утонченные формы его гордости, говорят хотя бы следующий эпизод из воспоминаний О. Починковской.

«Он стал было надевать пальто и не мог справиться с его тяжестью. Я помогала ему.

— Вы точно сестра милосердия, со мной возитесь,—говорил он, и при этом опять неверно назвал меня по отчеству, сейчас же сам заметил ошибку и стал бранить себя за «гнусную отвратительную рассеянность».

— Ах, да не все ли равно, Федор Михайлович! — заметила я с желанием успокоить его. Но вышло еще хуже. Федор Михайлович выпрямился, глаза его гневно вспыхнули и голос поднялся знакомым мне раздражением:

— Как «не все ли равно!» — вскипел он. — Никогда не смейте больше так говорить! Никогда! Это стыдно! Это значит не уважать своей личности! Человек должен с гордостью носить свое имя и не позволять никому — слышите, ни-ко-му! — забывать его...».

То, что было сказано о своевольно-кроткой полярности

в характере Достоевского, относится и к той форме ее проявления, которую мы выше называли садо-мазохизмом.

Действительно, наряду с мазохическими, мы, хотя и в меньшей степени, встречаем у Достоевского и садистические реакции. Интересно, что в самом раннем воспоминании, записанном Достоевским о себе самом, мы застаем его за изготовлением хлыстов для истязания лягушек («Дневник писателя» 1876 г., II). Точно так же и в сексуальной сфере, на общем мазохическом фоне, бросаются в глаза его отдельные садистические реакции. «Ты пишешь, что у тебя от моего щипка синяк был», — пишет он жене, — «но ущипнул от любви, а так как любовь моя здесь усилилась, то обещаю и впредь щипаться до тех пор пока не разлюблю» (письмо из Эмса от 7 августа 1879 г.).

В связи с интенсивным развитием садо-мазохизма, в личности Достоевского вообще приобретает доминурующее значение элемент мучительства, направленный или на окружающих, или на самого себя. Даже такая вещь, как письмо от любимого брата (Михаила) оказывается для него не только источником наслаждения, но и поводом к мучительным самоистязаниям. Вот как он сам описывает эти состояния в ответном письме брату: «Ты не поверишь, какой сладостный трепет сердца ощущаю я, когда приносят мне письмо от тебя; и я изобрел для себя нового рода наслаждение — престранное — томить себя. Возьму твое письмо, перевертываю несколько минут в руках, щупаю его полновесно ли оно, и насмотревшись, налюбовавшись на запечатанный конверт, кладу его в карман... Ты не поверишь что за сладострастное состоянье души, чувств и сердца! И таким образом жду иногда с ¼ часа; наконец с жадностью нападаю на пакет, рву печать и пожираю твои строки, твои милые строки. О, чего не перечувствует сердце, читая их!..» (1 января 1840 г.).

Этот же элемент мучительства пронизывает и все творчество Достоевского. Недаром за этим писателем так прочно укрепилось удачное определение Михайловского «жестокий талант».

Что же за характер мы имеем у Достоевского и его героев? Сколько бы мы ни пытались уложить его в кречмеровскую типологию, отличительные черты этого характера всегда давали бы себя знать. Ни «диатетическая» пропорция циклоидов, ни «психестетическая» пропорция шизоидов не покрывают собой той своевольно-кроткой полярности, о которой шла речь выше.

Лишь в самое последнее время своевольно-кроткая полярность, с такой гениальной глубиной изображенная Достоевским в художественной литературе, начинает находить своих исследо-

вателей и в литературе научной. Я имею в виду прежде всего работы современных психиатров, стремящихся восполнить в области характерологии тот пробел, который в этой дисциплине остается и слишком ясно дает себя знать после работ Кречмера. Несколько лет тому назад Б. Д. Фридман [1] формулировал садистически-мазохистический комплекс, как «основной био-психический комплекс» эпилептоидного характера. При этом он рассматривает этот комплекс, как своеобразную «совокупность противоположных проявлений характера».

Трудно, конечно, при современном состоянии наших знаний сказать, насколько прочна и чем обусловлена связь между эпилепсией, с одной стороны, и обострением своевольно-кротких реакций, — с другой. Дальнейшей разработки этой проблемы нужно еще ждать от будущих характерологических и психиатрических исследований. До сих же пор мы имели только первые шаги в этом направлении. Вполне учитывая сложность и неразработанность этой проблемы, я, поскольку это согласуется с собранным мною генеалогическим материалом, буду в дальнейшем называть характеры, в которых имеется резкое преобладание своевольно-кроткой полярности, эпилептоидными. Действительно, в роде Достоевских, наряду с несколькими случаями наследственной генуинной эпилепсии, мы имеем, как у самих эпилептиков (Ф. М. Достоевский), так и у целого ряда их близких родственников, проявления своеобразных характерологических черт, не укладывающихся в рамки кречмеровской классификации.

Что касается эпилептиков, то для них, помимо характерологических компонентов, основным является наличие патологических процессов, выражающихся в судорожных припадках, сумеречных состояниях, амнезиях и т. п.

Посмотрим теперь в каких формах реализованы и как распределены эпилептоидные черты среди различных представителей рода Достоевских.

Обратимся сначала к своевольным проявлениям эпилептоидного характера.

Едва ли не самым ярким примером в этом отношении может служить отец писателя, Михаил Андреевич Достоевский. Есть основания полагать, что таков же был и отец последнего, т. е. дед писателя. Об этом говорит уже самый факт, что Михаил Достоев-

[1] Б. Д. Фридман, Деструктивные влечения в эпилептоидии и психастении. Труды Психиатрической клиники I МГУ, вып. II, Изд. М. и С. Сабашниковых, 1926 г.

ский вынужден был оставить родительский дом из-за нежелания подчиниться воле своего отца. Этот эпизод до некоторой степени характеризует не только отца, но и деда писателя.

Интересно, что среди более отдаленных предков Достоевского имеется ряд характеров с различными проявлениями своеволия и даже преступности. Достаточно сказать, что из сорока известных нам предков писателя, живших в XVI, XVII и начале XVIII веков, трое замешаны в грабежах и разбоях, пятеро — в убийствах и несколько человек в более мелких конфликтах с обществом. Конечно, при оценке этих фактов, нужно принять во внимание ту эпоху, к которой они относятся, когда грабежи и убийства были заурядными явлениями. В этом отношении, как известно, не составляли исключения и те привиллегированные слои общества, к которым принадлежали тогда Достоевские. Кроме того, нужно принять во внимание и те источники, в которых дошли до нас эти сведения. В значительной части это различные «книги судных дел» и т. п., куда par excellence должны были попадать документы конфликтного порядка. Но даже и приняв в соображение все эти обстоятельства, нельзя не признать некоторые проявления своеволия и преступности среди Достоевских того времени настолько яркими, что они, в общей совокупности, как бы накладывают на предков писателя своеобразный spiritus familiaris.

К сожалению, представляется чрезвычайно трудным восстановить какие-либо сведения о ближайших предках отца писателя. Кое-что в этом направлении все же удалось собрать, но это «кое-что» почти ничего не дает для освещения характерологических проблем. Крайняя скудость сведений о родственниках отца писателя объясняется, главным образом, фактом его разрыва со своей семьей и последующей эмиграцией из Подолии в Москву. «Он никогда не говорил о своей семье и не отвечал, когда его спрашивали об его происхождении» — пишет о Михаиле Достоевском его внучка, Л. Ф. Достоевская, очевидно основываясь на дошедших до нее семейных преданиях об ее деде. Мне удалось отыскать лишь одного из ныне живущих представителей Подольской ветви Достоевских — прямого потомка деда писателя. Это оказался известный своими обстоятельными и ценными исследованиями по вопросам наследственности, научный сотрудник Академии наук и Ленинградского университета, Феодосий Григорьевич Добржанский. Изо всех сведений, которые он мне любезно сообщил о своем роде, мне представляется более всего интересной та характеристика, которую он дает самому дальнему своему предку (по линии Достоевских), о котором у него сохранились сведения, а именно — своей бабке. Эта бабка приходится племянницей отцу писателя

и двоюродной сестрой самому писателю. По семейным преданиям она «отличалась очень тяжелым, своевольным характером. Держала в полном подчинении мужа и детей». Сами - собой напрашиваются характерологические параллели между этой деспотичной хозяйкой дома (несмотря на всю скупость штрихов, которыми она очерчена), и ее своевольным дядей — Михаилом Достоевским.

Рассмотрим теперь проявления своеволия в потомстве Михаила Достоевского.

Здесь мы находим целую галлерею характеров этого типа, в самых разнообразных его проявлениях. Среди детей Михаила Достоевского обращает на себя внимание Варвара Михайловна, по мужу Карепина, не отпускавшая своего сына в университет иначе как под надзором гувернантки, не позволявшая ему — студенту медицинского факультета — изучать некоторые главы по анатомии и другим предметам, в целях охраны его нравственности. Во внучатном поколении подобное же сочетание тревожно-мнительных и деспотичных черт можно видеть у племянницы В. М. Карепиной — Марии Николаевны Ставровской. Интересно, что люди, хорошо знавшие М. Н. Ставровскую, когда читали мой материал о неизвестной им В. М. Карепиной, говорили, что у них при чтении возникали многочисленные параллели с характером М. Н. Ставровской.

Зато в ответных реакциях детей на деспотичные тенденции их матерей можно заметить в этих двух семьях большие различия. Если дочь М. Н. Ставровской до конца не сдавалась и принимала все усилия, чтобы освободиться от душившего ее материнского гнета, то эпилептоидно-кроткий сын В. М. Карепиной вполне покорялся требованиям своей матери: послушно ездил в университет в сопровождении гувернантки, ставил втупик профессоров отказами отвечать на некоторые вопросы на том основании, что ему «мама не позволяет» знакомиться с этим, и т. п.

Классический образец эпилептоидного своеволия представляет собой внучка Михаила Достоевского — Наталия Александровна Иванова. В данном случае своеволие сочеталось с большим внутренним нервным напряжением, выражавшемся внешне в постоянном беспокойном стремлении к переменам места жительства. Неуживчивая, неугомонная, напряженная и своевольная Н. А. везде и всюду — на службе, в семейной жизни и даже в развлечениях проявляла свои наклонности и способности к укрощению людей и животных. Это сказывается и в том увлечении, с которым она ездит верхом и объезжает лошадей, и в ее отношении, как заведующей больницей, к своим подчиненным и, в особенности, в некоторых местах из ее писем к родным. Так, например, говоря

в одном из писем о неудачно сложившейся семейной жизни своего брата, она высказывается чрезвычайно характерно: «На месте Вити я выпорола бы ее (жену брата) хорошенько крапивой и отпустила бы на все четыре стороны в чем мать родила, пришла бы скоро с повинной и была бы шелковая». Та же сила и твердость ее руки, та же властность и деспотизм выступают и в тех ее письмах, в которых она говорит о своих отношениях к фельдшерам, к домашней прислуге и т. п.

Эпилептоиды с преобладанием своевольного полюса, по самой сущности своего характера, легче других людей склонны вступать в конфликты с окружающими. Различные требования дисциплины, служебные обязанности, законодательные нормы и т. п. именно их, в первую очередь, могут тяготить как непосильное бремя. Поэтому из одного и того же эпилептоида, в зависимости от тех или иных внешних условий, может получиться и чрезвычайно полезный и ценный член общества, и преступник. Действительно, изучая своевольных эпилептоидов мы находим среди них, как величайших преступников, так и величайших организаторов, вождей и героев. Более того, сплошь и рядом преступность и организаторские способности могут даже совмещаться в одной и той же личности (Александр Македонский, Петр Великий и др.).

На школьной скамье своевольный эпилептоид, при неумелом педагогическом подходе, может производить впечатление трудно воспитуемого ребенка. Огромное внутреннее напряжение и связанная с ним потребность в мощных психомоторных разрядах, не находя себе естественного выхода, при отсутствии заинтересованности в работе, могут явиться причиной постоянных конфликтов с педагогическим персоналом, отказа продолжать ученье и т. п. Но когда этому избытку энергии дается возможность выхода, тот же самый ученик может проявить не только недюжинные способности к ученью, но и оказаться в своей среде хорошим организатором. Такие дети особенно нуждаются в хорошей физкультурной нагрузке, а также в возможности вдоволь побегать и порезвиться на переменах, причем в играх они обыкновенно бывают коноводами [1]. Мы находим подобного рода своевольные черты характера, например, в потомстве сестры писателя, Веры, у ее внука, Бориса Викторовича Иванова. Вот как пишет о нем одна из его двоюродных сестер: «Он из-за неподчинения внешнему порядку нигде не мог кончить гимназию. Помню, как-то дядя Витя его отдал в какой-то дорогой московский пансион, но Борис очень скоро ушел оттуда

[1] С другой стороны, дети с преобладанием кроткого полюса в обществе сверстников всегда играют подчиненную роль. В школьной жизни они отличаются послушанием и тихим «примерным» поведением.

и уехал домой на Кавказ — «я дома один-на-один на кабана хожу, а здесь меня в паре с благовоспитанными мальчиками под надзором воспитателя по Москве водят» — смеялся он. Так он и не кончил курса, хотя был очень развитым, глубоко интеллигентным человеком.»

С возрастом своеволие Бориса принимает все более крайние и уродливые формы. В последние годы жизни (в возрасте около 25—30 лет) он, по описанию одной его родственницы, был «невозможный человек», гонялся за своим отцом и сестрой с револьвером и, наконец, покончил самоубийством. Конечная причина самоубийства — смерть отца и проигранный судебный процесс.

Ввиду того, что эпилептоидные характеры представлены в роде Достоевских чрезвычайно богато и разнообразно, примеры различных проявлений эпилептоидного своеволия можно было бы значительно увеличить. Но я ограничусь еще только несколькими штрихами, относящимися к потомству писателя.

Всего у Достоевского было четверо детей. Старшая дочь его умерла в грудном возрасте и, разумеется, ничего не может дать в характерологическом отношении. Все же остальные его дети оказываются носителями более или менее ясно выраженных эпилептоидных и, даже, эпилептических особенностей.

Второй по старшинству идет другая дочь писателя — Любовь. В заполненном ею «Альбоме признаний» она отмечает, как одну из основных черт своего характера, наряду с веселостью, г о р д о с т ь. Об этом же говорят и многие другие ее ответы на задаваемые в «Альбоме» вопросы, например:

В о п р о с:	О т в е т:
4. В чем несчастье?	В самоунижении и подозрительном характере.
7. Чем или кем желали бы вы быть?	Женщиной, к которой-бы люди относились с уважением.
16. К какой добродетели вы относитесь с наибольшим уважением?	Пожертвовать собою для других.
17. К какому пороку вы относитесь с наибольшим снисхождением?	К самолюбию.

Не нужно быть тонким психологом, чтобы понять, что заполнительница анкеты менее всего способна к самопожертвованию и более всего склонна к самолюбию.

Вообще, своевольный полюс личности Л. Ф., судя по отзывам ее родных и знакомых, а также по ее письмам, носил довольно определенную окраску, в виде крайнего самолюбия, тщеславия, самомнения, неуживчивости, эгоцентризма и т. п. Остановимся хотя бы на ее эгоцентризме. Каждое событие политической, обще-

ственной или семейной жизни воспринимается ею только с точки зрения ее чисто личных интересов. В Италии начался голод — Л. Ф. тревожится, что ей нельзя будет туда ездить для лечения от различных недугов. В России вспыхнула февральская революция — Л. Ф. обеспокоена прежде всего и только судьбой своих сундуков (последние годы жизни она жила за границей). Женский вопрос Л. Ф. «не признает» (см. в № 199 ее «признания», пункт 25) и, конечно, не признает постольку, поскольку она, как очень обеспеченный человек, совершенно не заинтересована в нем материально (анкета заполнялась в конце восьмидесятых годов, т. е. в то время, когда в России зарождалось высшее женское образование).

Все эти штрихи, наряду с отзывами родственников и знакомых, достаточно обрисовывают характер себялюбия Л. Ф. Достоевской. Недаром брат ее, Федор, незадолго до смерти, высказался о своей сестре так: «Вот сестрица, должно быть, обрадуется, когда узнает что я умер: еще одним претендентом на наследство меньше».

Третьим по старшинству идет сын писателя — Федор. Судя по тому, что о нем известно, он был гораздо мягче своей сестры и по пропорции развития различных сторон своевольного и кроткого полюсов является в значительной мере равнополярным. Во всяком случае, его едва ли можно отнести к преимущественно своевольным или преимущественно кротким. Тем не менее эпилептоидная основа его характера выражена достаточно рельефно. О многих чертах его сходства с отцом еще будет идти речь ниже.

Что касается младшего ребенка Ф. М. Достоевского — его сына Алексея, то он умер в таком раннем возрасте (2 года 9 мес.), что о его характере не приходится говорить. Отметим лишь то, что он, подобно своему отцу, был эпилептиком, причем эпилепсия даже явилась причиной его преждевременной смерти.

Перейдем теперь к проявлениям среди представителей рода Достоевских кроткого полюса. Здесь, прежде всего, следует отметить самого Ф. М. Достоевского. На основании всего того, что было выше сказано о его своевольно-кроткой полярности, Достоевского можно считать преимущественно кротким эпилептиком, хотя и не лишенным самых различных проявлений своевольного полюса.

Еще большее преобладание кроткого полюса можно видеть в характере племянника писателя—А. П. Карепина. Об этом «до смешного кротком, покорном и послушном» представителе рода Достоевских уже говорилось выше. Отмечу только, что на кро-

тость А. П. Карепина накладывает своеобразный и несколько противоречивый колорит его страстное увлечение образом Дон-Кихота, этого неудачливого борца за справедливость и защитника обиженных и угнетенных. Отметим попутно, что различные авторы, писавшие о родственниках Достоевского, почему-то именно об А. П. Карепине, более чем о ком-либо другом, сообщали ошибочные сведения. Так, например, д-р Д. И. Азбукин называет его этнографом, а д-р Г. В. Сегалин, вслед за Л. Ф. Достоевской, называет его «идиотом». В подобную же ошибку, по вине той же Л. Ф. Достоевской, впадает в своей интересной работе и д-р Н. А. Юрман [1]. В действительности же А. П. Карепин был врачом и одно время (1872—75 гг.) сотрудником «Московской медицинской газеты».

Эпилептоидные черты характера, с исключительной интенсивностью выраженные у А. П. Карепина, несомненно стоят в наследственной связи с тем «эпилептическим окружением», которое мы наблюдаем среди его близких родственников. Достаточно сказать, что эпилептиками являются его отец, сестра, дядя (Ф. М. Достоевский) и двоюродный брат (младший сын Ф. М. Достоевского). Этот перечень мог бы быть дополнен случаями «родимчиков» (детская эпилепсия?) и различными проявлениями эпилептоидного характера среди его родственников.

К числу наиболее ярких и частых проявлений кроткого полюса относятся повышенная жалостливость и сострадательность к чужому несчастью, к явлениям смерти и боли. Эти черты, столь характерные для самого Достоевского и ряда его героев, достигают исключительного развития и у некоторых представителей его рода. Очень много говорят в этом отношении, например, автобиография и письма Елены Алексеевны Ивановой (внучатной племянницы писателя). «Главное чувство, которому подчинено мое настоящее «я» — жалость. Во имя этой жалости я способна на что угодно», пишет она в самом начале своей биографии и далее

[1] Отмечу попутно, что книга Л. Ф. Достоевской об отце много способствовала распространению односторонне искаженных и неправильных представлений о некоторых родственниках Достоевского. В дальнейшем, и без того крайне тенденциозные формулировки Л. Ф. Достоевской были доведены некоторыми авторами до полной утраты истины. Особенно грешат в этом отношении экскурсии в область генеалогии Достоевского у проф. Казунко и Жанны Фаноннель (см. L'Ecole Emancipée, 1929, приложение к № 25). А. П. Карепин, такова уже его судьба, оказывается у них тоже идиотом, все без исключения братья Достоевские — алкоголиками, тетка писателя, А. Ф. Куманина, тихая домоседка — страстной любительницей играть в рулетку, при чем играть она ездит только в Монте-Карло, младший сын писателя, судя по всему, что о нем известно прелестный и развитой мальчик, оказывается микроцефалом и т. д.

эта тема жалости проходит через все содержание ее биографии и через многие ее письма, на протяжении ряда лет. Особенно это относится к тем письмам, в которых она затрагивает интимную область своих сердечных увлечений, к слову сказать довольно частых и разнообразных, но неизменно окрашенных чувством сексуальной кротости и самопожертвования. «У меня к Б. М. какая-то, я бы сказала «больная любовь», какая-то мучительная нежность и жалость», пишет она в одном из таких писем. — «Он совсем душевнобольной. Одна моя подруга, которая с ним вместе служит, говорит о нем: «он совсем пустой-пустой, словно на изнанку вывернутый». Да, у него многое, многое в душе выболело... У него от каждого пустяка выражение такого страданья на лице. Особенно какая-то скорбная складочка на подбородке. И мою душу охватывает такая мучительная жалость-нежность, что я готова на что угодно, лишь бы не видеть у него этого выражения»...

Болезненные проявления сексуальной кротости и даже мазохизма можно видеть в дневнике сестры предыдущей — Наталии. Автор дневника в интеллектуальном отношении стоит, несомненно, очень высоко, во всяком случае на много выше окружающей его среды. И вот, эта одаренная, даже с искрой таланта, девушка переживая чувство неразделенной любви, доходит до величайших степеней своеобразного самоунижения. Так, например, говоря о том, что никогда не желала бы связать собой любимого ею человека, она делает в дневнике такую запись: «...Никогда в жизни я не желала этого. Если б он даже любил меня, я бы предпочла не связывать его собой, а для любовницы он найдет себе получше меня... Лучшее, на что я рассчитывала—это просто дружеское участие. При том неуважении и презрении к себе, которое я чувствую, я никогда и не могла желать большего, так как я слишком люблю его и яснее кого бы-то ни было вижу, что я ему не пара, что я его не стою». В другом месте своего дневника Н. А. пишет, что готова даже остаться жить и не кончать самоубийством, лишь бы «не причинять ему никакой неприятности»...

Своей жаждой самопожертвования, сексуальной кротостью и вообще общим тоном любовных переживаний обе сестры, Елена и Наталья, очень напоминают друг друга. И чем внимательнее вчитываешься в их дневники, письма и другие собранные о них документы, тем яснее выступает это сходство. Разница лишь в том, что у Елены никогда не затихают влияния противоположного (гордого) полюса. Обоим сестрам свойственно в высшей степени трагическое переживание чувства любви. Обе они любят с мученьем, с надрывом, любят тех, кто доставляет им одни только страдания.

В тех случаях, когда характерологический материал оказывается достаточно полным, удается установить не только проявления преобладающего полюса, но и противоположные тенденции своевольно-кроткой полярности, как это уже было сделано выше по отношению к Ф. М. Достоевскому. Так, например, в личности своевольного отца писателя легко можно заметить характерные проявления кроткого полюса, хотя бы, в его ханжеской религиозности, в тех «благоговейных слезах», которые он так часто и охотно проливает в своих письмах к жене, благодаря «Господа, подателя всех благ, за Его неизреченные милости» и т. п. Точно так же несомненное влияние обоих полюсов своевольно-кроткой полярности сказывается в его родительских наставлениях своим сыновьям. Говоря о подчинении «неизменному уставу воинской службы», он мотивирует необходимость этого тем, что «тот, кто не умеет повиноваться, не будет уметь и повелевать».

С другой стороны, как ни кроток и послушен племянник писателя, А. П. Карепин, но присматриваясь к нему даже по тем отрывочным материалам, которые имеются в нашем распоряжении, можно заметить в его характере несомненные тенденции к своеволию и деспотизму. При том же, эти тенденции носят не менее своеобразную окраску, чем его анекдотическая кротость. Я имею в виду, прежде всего, его болезненно-странную ревность к своей воображаемой будущей невесте. Впоследствии эта ревность нашла себе реальное выражение в его отношении к своей жене. В. С. Нечаева с большим основанием высказывает предположение, что этот племянник писателя изображен им в «Вечном муже» в образе Павла Павловича Трусоцкого. За это говорит и внешняя кротость Трусоцкого, и его болезненная деспотичная ревность к своей будущей невесте, и его планы жениться на совсем юной девушке. Впрочем, некоторые штрихи этого образа, повидимому, взяты Достоевским и от других лиц, в том числе от своего отца (например, его болезненная подозрительность, в частности эпизод с поисками любовника под кроватью — см. стр. 52).

Вообще, если мы обратимся к творчеству Достоевского, то увидим, что в созданных им типах выступание обоих полюсов в одном и том же характере сказывается сплошь и рядом с исключительной силой. При этом в одних характерах преобладающую роль играют элементы кротости, в других — своеволия. Подобные проявления биполярности можно наблюдать, например, в поведении Раскольникова, Шатова, Дмитрия Карамазова и др. Дмитрий Карамазов и Катерина Ивановна, как про них в романе говорит Хохлакова — «оба губят себя неизвестно для чего, сами знают это и сами наслаждаются этим». Про Версилова («Подросток)

сын его пишет: «Он был всегда со мною горд, высокомерен, замкнут и небрежен, несмотря, минутами, на поражающее как-бы смирение его передо мною». Про ту самую Наташу Ихменеву («Униженные и оскорбленные»), которая с таким экстазом готова была принять всякую муку от любимого ею Алеши, автор, анализируя их отношения, пишет несколькими страницами ниже: «Наташа инстинктивно чувствовала, что будет его госпожей, владычицей; что он будет даже жертвой ее. Она предвкушала наслаждение любить без памяти и мучить до боли того, кого любишь, именно за то, что любишь, и потому-то, может быть, и поспешила отдаться ему в жертву первая»...

В некоторых случаях развитие обоих полюсов, как своевольного, так и кроткого, может быть настолько интенсивным, что придает личности своеобразную характерологическую пестроту. Пестрота эта отнюдь не носит характера «золотой середины». Наоборот, подобная встреча противоположных тенденций придает личности противоречивую и даже болезненную окраску. В отличие от преимущественно кротких и преимущественно своевольных такие характеры можно назвать равнополярными.

Отмечу попутно, что понятие равнополярности относится не только к эпилептоидным характерам, но и к шизоидным и циклоидным. Таким образом, могут быть равнополярные циклоиды, в психической жизни которых и депрессивный и гипоманиакальный полюсы выражены с одинаковой, или почти с одинаковой, интенсивностью. То же самое можно сказать и относительно равнополярных шизоидов.

Само собой разумеется, что провести резкую границу между «преимущественным» и «равным» не представляется возможным. Поэтому и при таком тройном делении далеко не всегда легко решить, к какому типу отнести ту или иную отдельную личность. Хорошим примером в этом отношении может служить неоднократно уже упоминавшаяся выше Ел. А. Иванова. Я отношу ее к «преимущественно кротким», однако развитие своевольного полюса в ее характере сказывается временами с такой силой, что в общем итоге [1] почти подводит ее к той границе, за которой начинается уже равнополярность. Действительно, наряду с доходящей до абсурда жалостливостью и стремлением к самопожертвованию, нередко встречаются и такие ее признания и поступки,

[1] Говоря о преимущественном или равном развитии характерологических полюсов нужно обязательно иметь в виду не отдельные моменты жизни, а общую совокупность взаимодействия противоположностей на больших отрезках времени или даже в течение всей жизни.

в которых не знаешь чего больше — кротости или гордости. Приведу в качестве примера следующие ее слова о своем отношении к людям: «Для меня все человечество делится на две части. Одна — почти все люди — мир страждущих, я их безконечно жалею. Жалость все закрывает. Здесь не может быть речи ни об уважении, ни об неуважении... Просто — жалко... Другая часть — это те, кто ставит себя выше других. По отношению к ним я насмешлива, замкнута и недоверчива. Их я просто не уважаю, и с ними не считаюсь... Пусть думают, что хотят, мне до них дела нет...».

Еще более рельефно выступает своеволие Ел. А. в ее попытке самоубийства. В данном случае она приближается к одному из наиболее своевольных образов, созданных Достоевским, а именно к Кириллову в «Бесах». Приводя это сравнение, я имею в виду те душевные движения, которые в последний момент толкнули ее броситься с третьего этажа. Вот что говорит она в своей автобиографии: «...В первый раз, часов в 12 дня, я не нашла в себе воли броситься вниз. Пришла сюда снова к вечеру. В эту минуту вопрос для меня сводился не к тому, что жить или нет, а к «смею, или не смею» перешагнуть границу жизни. Конечно, верх взяло мое властное гордое «я»[1]. Как! я не смею? Этого быть не может! И конечно, я посмела...».

Мы рассмотрели среди представителей рода Достоевских целую грамму «преимущественных» и «равнополярных» проявлений своеволия и кротости. Но кроме того, в некоторых случаях можно отметить случаи исключительного, так сказать монополярного развития какого-либо одного полюса, при отсутствии проявлений его антагониста. Таковыми являются, например, монополярно-кроткая мать писателя или монополярно-своевольная его кузина О. И. Войнарская. Подобного же рода своеволие можно видеть у племянницы писателя, Н. А. Ивановой. Нужно, впрочем, всегда иметь в виду, что подобная монополярность может быть только кажущейся. А именно, она может объясняться не действительным положением вещей, а просто недостатком собранного материала. В таких случаях, при более полном и глубоком изучении данного характера удается обнаружить и скрытые в нем про-

---

[1] В своей автобиографии Ел. А. неоднократно подчеркивает двойственность своего «я» (полюсы: жалость — гордость). Отметим попутно, что обостренная амбивалентность психических переживаний Ел. А. стоит в несомненной связи с развитием в ее психике не только эпилептоидных, но и шизоидных (даже шизофренических) элементов.

тивоположные тенденции[1]. Вскрытие же в той или иной личности только одного полюса в значительной мере лишает ее рельефности, как бы уплощает ее. Лишь нащупав противоречия данного характера, мы начинаем понимать его динамику, после чего он встает перед нами не как обрывок мертвой схемы, а как живая личность. В этом секрет всякой хорошей характеристики, действительно оживляющей того, к кому она относится.

Чтобы покончить с анализом своевольно-кроткой полярности, необходимо хотя бы в нескольких словах коснуться вопроса о тех изменениях, которые она может претерпевать во времени, на протяжении индивидуального развития личности. К сожалению, эта область еще ждет своего исследователя. Повидимому, во взаимоотношениях полюсов своеволия и кротости существует гораздо меньше правильности, чем, например, в волнообразных сменах настроения у циклоидов или постепенном надвигании анестетического полюса у шизоидов. Действительно, в одних случаях, повидимому более частых, с годами можно наблюдать как бы постепенное надвигание кроткого полюса (Ф. М. Достоевский, Ел. А. Иванова), в других, — наоборот, — своеволия (отец писателя). Несомненно, что большую определяющую роль в подобных изменениях могут играть внешние (экзогенные) факты, как это мы видели на примере Ф. М. Достоевского.

Отметим в заключение необычайное богатство и частоту таких амбивалентных одновременных проявлений своеволия и кротости в поведении героев Достоевского. Особенно это относится к их сексуальным отношениям. Укажем хотя бы на садомазохическую установку Наташи по отношению к Алеше в «Униженных и оскорбленных», как об этом можно судить по приведенным выше цитатам.

Перейдем теперь к выводам и заключительным положениям из нашего анализа своевольно-кроткой полярности.

На ряде примеров, взятых из генеалогии и творчества Достоевского, а также путем анализа его собственного характера, мы рассмотрели разнообразные и прихотливые сочетания своеволия и кротости. В одних случаях оба эти полюса была развиты с одинаковой или почти с одинаковой интенсивностью, в других — давало себя знать явное преобладание одного полюса над другим,

---

[1] Хорошим примером в этом отношении может служить односторонняя характеристика, даваемая дочерью писателя своей тетке, В. М. Карепиной, только как исключительно скупой женщине. Однако, ряд других источников вскрывает в этой действительно болезненно скупой старухе очень значительные элементы отзывчивости, самопожертвования и доброты.

и, наконец, в-третьих, — создавалось впечатление даже исключительного развития только одного полюса. Та пропорция, в которой в данной личности развиты тенденции, с одной стороны, своеволия, с другой кротости я называю своевольно кроткой или релятивной [1].

Таким образом, релятивная пропорция является тем же по отношению к эпилептоидным характерам, чем по отношению к шизоидным и циклоидным являются пропорции чувства (психестетическая) и настроения (диатетическая).

В связи с этим о структуре эпилептоидного характера можно сказать то же самое, что было установлено Кречмером по отношению к двум выделенным им типам пропорций и характеров, а именно: только тот владеет ключом к пониманию эпилептоидных характеров, кто знает, что большинство эпилептоидов отличается не одним только черезмерным своеволием или кротостью, но обладают тем и другим одновременно.

Из трех рассмотренных нами пропорций релятивная оказывается в роде Достоевских наиболее часто и богато представленной. Все это создает предпосылку к тому, чтобы признать род Достоевских, как преимущественно эпилептоидный. Однако, более уверенно это можно сделать лишь на основании учета других особенностей эпилептоидного характера в их распределении среди представителей изучаемого нами рода. К этой задаче мы теперь и перейдем.

Если, как мы видели выше, шизоидам, наряду с соответствующей пропорцией, свойственна замкнутость, а циклоидам — общительность, то эпилептоидный характер, кроме рассмотренной выше пропорции, также отличается своеобразными особенностями. Многочисленные исследователи эпилептоидного характера в общем довольно согласованно отмечают следующие его главнейшие особенности: эпилептоды отличаются исключительной, в некоторых случаях доходящей до абсурда, педантичностью, аккуратностью, мелочной обстоятельностью. Как в разговорах так и в литературном стиле у них всегда более или менее сильно дают себя знать повышенное внимание к мелочам и любовь к подробностям. Другой их основной чертой является крайняя вспыльчивость, в форме так называемой «взрывчатости». Многие авторы отмечают также, в качестве частых проявлений эпилептоидного характера, мнительность, мистицизм, ханжескую религиозность, резонерство, эгоизм, доходящий до крайних степеней эгоцентризма, а также тяжелые

[1] В смысле отношения личности к окружающим, т. е. в господствующей установке на подчинение их себе или себя им.

приступы тоски. Конечно, не все эпилептоиды обладают всеми этими чертами. Однако, те или иные проявления повышенной обстоятельности и возбудимости настолько для них характерны, что могут считаться почти неотъемлемой принадлежностью эпилептоидного характера.

Что касается эпилептиков, то у них указанные выше черты характера достигают еще более крайнего развития. К этому присоединяется еще ряд патологических явлений: судорожные припадки с пред- и послеприпадочными состояниями, различные эквиваленты припадков, тяжелые расстройства памяти, а в более тяжелых случаях также процессов понимания и соображения и т. п. Все эти особенности эпилептиков, в общей совокупности, дают при интенсивном своем развитии картину так называемого эпилептического слабоумия.

В некоторых случаях эпилепсия приводит не только к слабоумию, но даже к идиотизму. Примером этому может служить сестра неоднократно упоминавшегося выше А. П. Карепина, Елизавета, утратившая даже способность речи.

В других случаях даже в преклонном возрасте эпилептоидное слабоумие захватывает лишь более или менее ограниченные области психики. В этом отношении ярким примером может служить сам Ф. М. Достоевский. Эпилепсия не подавила, а даже активизировала его талант, но при этом наложила свою печать на весь его литературный стиль. Это выразилось в исключительной громоздкости и местами сумбурности его произведений, в через-чур подробной, вязкой трактовке сюжета, когда, как например в «Братьях Карамазовых», действие, происходящее на протяжении нескольких дней, излагается на многих сотнях страниц.

Что касается отдельных психических функций, то всего более пострадала у Достоевского, несомненно, память. Вот что он сам говорит об этом Всеволоду Соловьеву: «Все, что началось после первого припадка, я очень часто забываю, иногда забываю совсем людей, которых знал совсем хорошо, забываю лица. Забыл все, что написал после каторги; когда дописывал «Бесы», то должен был перечитать все сначала, потому что перезабыл даже имена действующих лиц».

Столь разрушительные патологические процессы, совершавшиеся в психике Достоевского, служили постоянным источником его тревог за свои способности. Так, например, в письме к жене от 16 июня 1874 г., жалуясь на трудность, с которой ему дается новый роман, Достоевский добавляет: «Боюсь, не отбила ли у меня падучая не только память, но и воображенье. Грустная мысль приходит в голову: что если я уж не способен больше писать. А впро-

чём, посмотрим». К счастью для Достоевского и для всего культурного человечества, разрушительные процессы, обусловленные эпилепсией, локализировались в данном случае довольно благоприятно, не затронув таких способностей больного, как способность воображения. Таким образом, сложнейшая личность Достоевского и в данном отношении оказывается крайне противоречивой, совмещая в себе противоположности от гениальности до частичного слабоумия.

Возвратимся теперь от патологических к характерологическим эпилептоидным элементам.

Изо всей массы разнообразных черт, которые свойственны эпилептоидным характерам, я остановлюсь лишь на нескольких наиболее основных. Сюда относится группа характерологических элементов, которые можно объединить в комплекс «эпилептоидной обстоятельности». В этот комплекс я отношу все разнообразные проявления педантичности, мелочности, вязкости, придирчивости, любви к подробностям и т. п. В данном случае, следовательно, речь идет не об обыкновенной обстоятельности, а об особого рода обстоятельности эпилептоидной, главной отличительной чертой которой является своеобразное «прилипание к мелочам».

По отношению к эпилептоидной обстоятельности ряд представителей рода Достоевских могут служить не менее классическими образцами, чем по отношению к рассмотренной выше пропорции отношения. Это бросается в глаза уже при простом сопоставлении отдельных проявлений эпилептоидной обстоятельности, как они описываются в современной психиатрической литературе с тем, что нам известно о самом писателе и, некоторых его ближайших родственниках. Ниже приводится несколько таких параллельных цитат, с одной стороны, из описаний эпилептоидного характера, даваемых современными психиатрами, с другой стороны, соответствующие иллюстрации из характерографии Достоевских.

Говоря о «мелочной педантичности» образа жизни эпилептиков [1], Бумке пишет, что в их домашней обстановке «каждый предмет должен стоять точно на своем месте».	Дочь Ф. М. Достоевского, в своей книге воспоминаний об отце пишет: «Когда моего отца посещало одновременно несколько друзей, после чего стулья и кресла оказывались в беспорядке, он сам после ухода гостей расставлял их по своим местам. На его письмен-

[1] Бумке говорит об эпилептиках, но те же самые характерологические элементы мы встречаем и у эпилептоидов.

Продолжение предыдущей цитаты из Бумке: «...Каждый пустяковый расход и каждая мелочь в доме вплоть до детских игрушек записывается и берется на учет».

А. М. Раппопорт («Эпилептоиды и их социальные реакции»): «Мне говорила жена одного эпилептоида: «Вы не можете себе представить, какой это ужасный человек. Он вечно возится, пересаживает какой-нибудь гвоздик на пол-аршина и при этом объясняет, что я его вбила неправильно, тут можно зацепиться и порвать платье и т. д. и т. д. — по целым дням».

ном столе также царил величайший порядок. Газеты, коробки с папиросами, письма которые он получал, книги, взятые для справок — все должно было лежать на своем месте.»

Из писем М. А. Достоевского (отца писателя) к своей жене: «Напиши не осталось ли твоих платьев, манишек, чепчиков, или чего сему подобного, равно, что у нас в чулане, вспомни и напиши подробно...» [1].

«Ты пишешь, что у меня в расходе ложек столовых 6, а у меня на лицо только 5. Пишешь еще, что в шифонерке осталась сломанная ложка, и ее я не отыскал, то прошу тебя подумай хорошо, не ошиблась ли ты, ибо скажу тебе, что у меня с самого твоего отъезда было только 5 ложек, нащет же сломанной припомни хорошенько, не положила ли ты ее где нибудь в другом месте...».

Из его же письма к своим старшим сыновьям, Михаилу и Федору: «Еще вам должен сделать выговор за то, что уж более 2 месяцев, как я писал к вам, что ежели старые вещи ваши, как то платье, белье и другие для вас, особливо для Фединьки не нужны, то счесть их и сохранить, но на сие и до сих пор не получил от вас никакого уведомления».

В лице М. А. Достоевского можно видеть особую разновидность эпилептоидного характера, в основе которой лежит сочетание мелочности с интенсивными проявлениями своевольного полюса, в форме деспотизма. Эта комбинация, весьма типичная и частая среди эпилептиков и эпилептоидов, в то же время чрезвычайно тягостна для окружающих, тем более, что к указанным чертам, как правило, всегда присоединяется еще крайняя раздражительность и вспыльчивость. В частности, что касается отца писателя, то он становится даже жертвой своего характера (и, конечно, своей эпохи) — его убивают крепостные крестьяне принадлежавшей ему деревушки.

---

[1] «Не заботься о чулане, там один только хлам» — успокаивает его жена.

Одним из проявлений комплекса обстоятельности может также быть своеобразное вязкое многословие эпилептиков и эпилептоидов. С исключительной силой эта черта проявилась у племянника Ф. М. Достоевского, А. П. Карепина.

Интересно, что наиболее яркие проявления эпилептоидной обстоятельности мы встречаем у тех же самых представителей рода, у которых наиболее интенсивно выражена и своевольно-кроткая полярность. (Хотя, с другой стороны, не все лица с обострением этой полярности являются в то же время носителями черт эпилептоидной обстоятельности). При этом различные элементы комплекса обстоятельности могут комбинироваться как с преимущественно своевольными (М. А. Достоевский), так и с преимущественно кроткими (А. П. Карепин) проявлениями, хотя, повидимому, чаще с первыми, чем с последними.

Одним из наиболее частых и характерных проявлений комплекса эпилептоидной обстоятельности является повышенная, доходящая иногда до совершенно исключительных размеров, любовь к подробностям. Если обратиться к ближайшим родственникам писателя, то здесь эту своеобразную «жажду подробностей» можно проследить на протяжении по крайней мере трех поколений. Об этом говорят воспоминания современников, многие места из семейной переписки и т. п. источники. Приведу подобного рода свидетельства относительно трех представителей изучаемого нами рода, принадлежащих к трем последовательным поколениям, а именно, по отношению к отцу писателя, самому писателю и сыну последнего, Федору.

М. А. Достоевский (отец писателя). Из писем его к своим старшим сыновьям, Михаилу и Федору: «Пишите теперь об самой малейшей вещи подробнее... уведомляй меня аккуратно об самом малейшем обстоятельстве...»

Ф. М. Достоевский. Из писем его к своей жене: «Пиши обо всех мелочах... Пиши мне побольше подробностей о себе, не пропускай ничего... Больше мелких подробностей... уведомляй о каждой мелочи... Пиши о себе все до последней подробности... Пиши обо всем, поболее частностей, мелочей...» и т. д.

Ф. Ф. Достоевский (сын писателя). Из воспоминаний Л. С. Михаэлис: «...Иногда было прямо-таки мучительно не только рассказывать ему, но и слушать как он рассказывает о чем-либо. Меня всегда удивляла эта его любовь к мельчайшим подробностям. Если, например, я видела какую-нибудь нашу знакомую, то должна была точно описать ему все, что на ней было надето: шляпу, ботинки, фасон ее платья, его материю, отделку, цвет

и т. п., и т. п. Прося рассказать о каком-либо факте, он всегда просил рассказывать как можно подробнее».

Отмечу, между прочим, что Ф. Ф. Достоевский лишился своего отца, когда ему не было еще десяти лет, так что о прочных воспитательных воздействиях, влиянии примера и т. п. в данном случае едва ли приходится говорить.

Любовь к подробностям, являясь одной из основных черт в семейной характерологии Достоевских, как уже упоминалось выше, играет столь же большую роль и в творчестве самого Достоевского. «Я вывел неотразимое заключение», — пишет он Х. Д. Алчевской (9 апреля 1876 г.), — «что писатель-художественный должен знать до мельчайшей точности (исторической и текущей) изображаемую действительность. У нас, по моему, один только блистает этим — граф Лев Толстой. Victor Hugo, которого я высоко ценю, как романиста, ...хотя и очень иногда растянут в изучении подробностей, но, однако, дал такие удивительные этюды, которые, не было бы его, так бы и остались совсем неизвестными миру. Вот почему, готовясь написать один очень большой роман, я и задумал погрузиться специально в изучение — не действительности, собственно, я с нею и без того знаком, а подробностей текущего».

Не менее значительную роль комплекс обстоятельности, хотя и в несколько иных проявлениях, играет в характерологии семьи одного из братьев Достоевского — Андрея. Здесь, так же как и в предыдущей ветви, проявления комплекса можно проследить в каждом из трех последовательных поколений и притом, как и в предыдущей ветви, исключительно среди представителей мужского пола.

Прежде всего, что касается самого Андрея Мих. Достоевского, то он, в отношении развития комплекса обстоятельности, в частности в отношении любви к подробностям, вряд ли уступает своему отцу и своему гениальному брату. Об этом свидетельствует весь текст его обширных семейных воспоминаний, каждая сделанная им запись. Точно также и в воспоминаниях о нем различных лиц неизменно подчеркивается его исключительная «точность и аккуратность». В этом отношении заслуживает внимания также его своеобразная система вязанья, с педантичным предварительным подсчетом числа петель в различных направлениях, которой он предавался с таким усердием. В доме его дочери (В. А. Савостьяновой) мне показывали сохранившиеся после него листы бумаги с многочисленными столбцами подобного рода подсчетов. Соответственно этому и само вязанье выполнялось им с исключительной пунктуальностью и аккуратностью.

Старший из сыновей А. М. Достоевского, Александр, был выдающимся ученым-гистологом. Укажу хотя бы, что ему принадлежит честь открытия яиц лошадиной аскариды с половинным (гаплоидным) числом хромосом. С характерологической точки зрения обращает на себя внимание та исключительная тщательность, с которой он изготовлял свои обширные коллекции микроскопических препаратов. Недаром д-р И. Э. Шавловский, в некрологе об А. А. Достоевском, помещенном в журнале «Врач», называет его «одним из самых трудолюбивых и добросовестных деятелей русской науки». Вот что читаем мы в этом некрологе: «Необыкновенно изящные препараты по кариокинезу, а также по созреванию и оплодотворению яйца, в скором времени доставили покойному известность, как выдающемуся технику... Обладая, кроме необыкновенного технического таланта, еще и необыкновенным трудолюбием, покойный оставил кафедре гистологии громадное собрание превосходных препаратов, между ними многочисленные полные ряды срезов зародышей некоторых органов...» При чтении этих строк, относящихся к Александру Достоевскому, невольно вспоминаешь об его отце. Более чем вероятно, что необыкновенная по своей педантичности система вязания А. М. Достоевского и не менее необыкновенная тщательность микроскопических работ его сына суть различные проявления одних и тех же характерологических элементов.

Пример Александра Достоевского, не говоря уже о самом писателе, показывает, какую пользу может оказывать человеку, в частности писателю или ученому, комплекс эпилептоидной обстоятельности. Однако, далеко не всегда обстоятельность эпилептоида повышает их рабочую ценность. Объясняется это тем, что при дальнейшем количественном усилении данной характерологической тенденции она приводит лишь к беспомощному увязанию в несущественных деталях, топтанию на одном месте, и, в конечном счете, к более или менее сильному понижению продуктивности. При тяжелых эпилептических расстройствах доведенная до абсурда обстоятельность может привести даже к полной утрате работоспособности.

Мы рассмотрели две ветви рода Достоевских, в которых различные проявления комплекса обстоятельности проходят от деда через сыновей к внукам [1].

Посмотрим теперь, как обстоит дело с проявлениями эпилептоидной обстоятельности в некоторых других ветвях рода Досто-

[1] Судя по последним сведениям о внуке писателя (см. № 207) можно говорить о проявлении комплекса обстоятельности в данной ветви уже не в трех, а в четырех последовательных поколениях.

евских. Проявления интересующего нас комплекса можно видеть еще, по крайней мере, в двух ветвях потомства М. А. Достоевского (отца писателя). Обе эти ветви проходят в детском поколении по женским линиям, через сестер писателя — Варвару, по мужу Карепину, и Веру, по мужу Иванову. Наиболее же яркие и несомненные проявления комплекса мы имеем не в детском, а лишь во внучатном поколении, среди сыновей Варвары и Веры.

Что касается ветви Карепиных, то о чисто эпилептоидном характере внука М. А. Достоевского, А. П. Карепина, неоднократно говорилось выше. Что касается комплекса обстоятельности, то он проявился у него в вязком многословии речи: «Он всем и каждому навязывал свои длинные рассказы о чем угодно, с мельчайшими подробностями, подчас без всякой причинной связи одного рассказа с другим» — читаем мы в коллективной характеристике, даваемой ему группой знавших его лиц. Интересно, что в данном случае опять упоминаются «мельчайшие подробности», повышенный интерес к которым проходит красной нитью через всю семейную характерологию Достоевских.

О своеобразном «недержании речи», в котором проявился у А. П. Карепина комплекс эпилептоидной обстоятельности, можно судить и по некоторым другим относящимся к нему воспоминаниям.

Таким образом, в данной ветви мы имеем несомненные проявления комплекса обстоятельности у деда (М. А. Достоевского) и внука (А. П. Карепина). Естественно возникает вопрос, что представляет собой в отношении интересующего нас признака мать А. П. Карепина — Варвара Мих., урожд. Достоевская. К сожалению, мы здесь наталкиваемся на большие трудности, столь вообще нередкие в генеалогическом исследовании и обусловленные, главным образом, неполнотой материала.

Кроме генеалогического метода наследственность у человека изучается еще путем посемейных исследований, когда обследуется не какой-либо один род на протяжении ряда поколений, а большое количество отдельных, хотя бы и совсем маленьких семей (минимум в два поколения), в которых встречается интересующий исследователя признак. Большие перспективы открывает также изучение близнецов, в особенности таких, которые произошли из одного яйца. Однако все эти пути не могут сравниться с тем недоступным для антропогенетика методом, который имеется в руках биологов-экспериментаторов, производящих по своему желанию любые опыты и наблюдения над животными и растениями.

Что касается генеалогического метода, то одним из его недостатков является то, что сплошь и рядом приходится собирать сведения о людях уже давно умерших, восстановление психо-физического облика которых может натолкнуться на непреодолимые трудности. Поэтому, как и во всяком генеалогическом исследовании, и в нашем материале, наряду с более или менее определенными характерологическими образами, встречаются и такие случаи, на которых приходится ставить знак вопроса. В значительной мере такой неполнотой страдает и материал о В. М. Карепиной. Как мы видели выше, эпилептоидные элементы, в форме своевольно-кроткой пропорции с преобладанием своевольного полюса, восстанавливаются относительно нее с довольно большой ясностью. К сожалению, нельзя этого же сказать относительно наличия или отсутствия в ее поведении проявлений эпилептоидной обстоятельности. Правда, в собранных о ней материалах попадаются отдельные штрихи, позволяющие предполагать в ее характере наличие интересующего нас комплекса, но с уверенностью настаивать на этом едва ли возможно. В архиве Достоевского при Пушкинском Доме хранится ее письмо к своему гениальному брату, в котором она очень издалека, многоречиво и вязко просит его, как о величайшем одолжении, похлопотать о более скором представлении ее сына к ордену. По ее мнению, Ф. М. Достоевскому, как общепризнанному писателю, нетрудно будет этого добиться. В более поздние годы у нее развивается болезненная расчетливость: она, будучи владелицей нескольких доходных домов, отказывает себе в обеде, не отапливает квартиру и т. п. Весьма возможно, что эта исключительная расчетливость В. М. Карепиной является своего рода эквивалентом тех характерологических элементов, которые у ее отца и сына проявились в различных формах эпилептоидной обстоятельности и мелочности. В частности, что касается отца В. М. Карепиной, то его обстоятельность также носила окраску если не скупости, то во всяком случае повышенной расчетливости (эпизод со сломанной ложкой и др.). О сходстве некоторых проявлений эпилептоидной мелочности со скупостью можно судить по многим наблюдениям; в частности, цитированный выше проф. О. Бумке описывает нередкие среди эпилептиков проявления мелочности в виде, например, собирания всякого сора на улице, так как он может «иметь цену».

Необходимо еще принять во внимание, что эпилептоидная вязкость А. П. Карепина могла быть унаследована им и не по линии Достоевских, т. е. не со стороны его матери, а со стороны его отца, страдавшего крайне тяжелой формой эпилепсии, в форме

так называемого status epilepticus'a, когда судорожные припадки следуют непосредственно один за другим, целыми сериями [1].

Перейдем теперь к проявлениям комплекса обстоятельности в ветви Ивановых. Относительно Веры Михайловны, по мужу Ивановой, мы располагаем лишь очень скудными и отрывочными данными. С интересующей нас точки зрения заслуживает внимания лишь указание на ее очень сложные и кропотливые вышивания, в которых она, например, употребляла до 12 оттенков одного цвета. Последнее обстоятельство не только свидетельствует об ее утонченной способности различать цвета, но и представляет интерес в характерологическом отношении. Вспомним хотя бы, что у ее брата Андрея комплекс обстоятельности проявился в особо кропотливой системе вязанья.

Конечно, нельзя с уверенностью говорить об эпилептоидной обстоятельности у В. М. Ивановой, основываясь только на ее сложных вышиваньях. В данном случае надо принять во внимание тот чисто социальный момент, что подобного рода работы были широко распространены среди помещиц того времени, к чему располагал весь уклад их усадебной жизни.

Таким образом, если наличие комплекса обстоятельности не вполне достоверно удается установить относительно старшей сестры писателя, Варвары, то еще более это относится к его сестре Вере. Вообще нетрудно заметить, что проявления эпилептоидной обстоятельности гораздо яснее и определеннее констатируются среди мужчин изучаемого нами рода, чем среди женщин. Быть может, это и не случайность, а результат частичной ограниченности данного признака мужским полом. Что же касается свое-

---

[1] Относительно характера Петра Андреевича Карепина мы располагаем лишь весьма отрывочными и притом, на первый взгляд, крайне противоречивыми данными. С одной стороны, например, очень характерно его поведение, как опекуна старших братьев Достоевских, Михаила и Федора. Вот что об этом пишет О. Ф. Миллер: «Михаил Михайлович, определившись на службу в ревельскую инженерную команду, задумал жениться на тамошней уроженке Эмилии Федоровне Дитмар. Этот выбор, по свидетельству г. Ризенкампфа, пришелся не по вкусу опекуну братьев Достоевских. Он отказался выдавать Михаилу Михайловичу, за непослушание, причитавшиеся каждому из братьев с выходом в офицеры 4 000 асс. в год... Как бы в пику Михаилу Михайловичу, опекун аккуратно высылал Федору Михайловичу, со времени производства его в офицеры, причитавшиеся ему деньги». С другой стороны, этот, повидимому, самодур и деспот производил на Андр. Мих. Достоевского совсем иное впечатление; в своих воспоминаниях он, пишет о нем как о «добрейшем из добрейших людей».

Эти отзывы, несмотря на всю их противоречивость, вернее именно благодаря своей противоречивости, все же кое-что говорят о той своевольно-кроткой полярности, которая в характере эпилептика П. А. Карепина, по всей вероятности, имела доминирующее значение.

вольно-кроткой пропорции, то здесь этого сказать нельзя, так как проявления ее приблизительно одинаково ярки и часты среди представителей обоих полов.

Возвращаясь к личности В. М. Ивановой следует еще отметить, что по многим чертам своего характера она, повидимому существенно отличается от своей старшей сестры. Об этом, в частности, говорит следующий отрывок из письма самой младшей сестры писателя, Александры, в котором она таким образом сравнивает двух своих старших сестер: «Варенька совершенно углубилась в образование своих детей, и куда бы она ни приехала, а все заведет разговор про какую-нибудь географию или историю, уже это немножко и нехорошо... Вот у Верочки дети, так совсем другое, точно птички божие, не знают ни заботы ни труда, такие все резвые».

В детском поколении ветви Ивановых, т. е. среди внуков М. А. Достоевского, проявления эпилептоидной обстоятельности вновь дают себя знать с достаточной определенностью. У Виктора Иванова они проявились во всем его домашнем обиходе: «Он очень любил, чтобы дома все делалось раз и навсегда по определенному плану», пишет о нем его приемная дочь. Увлекаясь разведением гиацинтов, он выписывает луковицы из Голландии и сам рассаживает их в горшки — «и не дай бог кому бы то ни было сдвинуть и переставить какой-нибудь горшок на другое место — была бы буря» — пишет та же корреспондентка. В служебных отношениях соответственные черты характера Виктора Александровича проявились в его своеобразной «до мелочности, до болезни» доходившей честности. По свидетельству его сестры Марии, хотя он, как инженер путей сообщения, имел свой служебный вагон, но когда брал с собой в поездки родного сына, то считал своим долгом всегда покупать ему билет.

Не менее сильно проявилась эпилептоидная обстоятельность также в характере младшего сына Веры Мих. Ивановой, Владимира. Более всего об этом свидетельствует чисто эпилептоидное нагромождение подробностей во многих его письмах. Одно из этих писем (с описанием экзамена) может конкурировать в этом отношении даже с таким исключительным документом, как письмо Достоевского к Гейбовичу (от 23 окт. 1859 г.).

На этом мы и закончим наш обзор различных проявлений комплекса эпилептоидной обстоятельности в их распределении среди различных ветвей рода Достоевских. Однако, наш анализ данного признака был бы неполон, если бы мы не остановились на некоторых случаях, в которых проявилась как бы его полярность. Действительно, в некоторых случаях повышенная обстоя-

тельность в одних отношениях, может совмещаться с не менее крайней беспорядочностью в каких-либо других отношениях. Подобного рода противоречия можно видеть, например, в характерах как самого Ф. М. Достоевского, так и его сына Федора. У обоих исключительная любовь к подробностям и различные проявления педантичности и аккуратности (например, в отношении костюма, распределения времени и т .п.) совмещались с не менее крайней беспорядочностью и сумбурностью в отношении, например, денежных трат. Может быть, дальнейшее изучение подобных противоречий позволит установить особую, если можно так выразиться, обстоятельно-беспорядочную полярность, лежащую, наряду с полярностью своевольно-кроткой, в основе эпилептоидных характеров.

Кроме различных проявлений мелочности, педантичности и т. п., эпилептоидным характерам свойствен еще целый ряд своеобразных черт, в общих чертах уже указанных выше. Сколько-нибудь полный анализ всех этих особенностей эпилептоидного характера завел бы нас слишком далеко. Однако, нельзя не остановиться, хотя бы в нескольких словах, на столь существенной черте эпилептоидного характера, как необузданная вспыльчивость, та вспыльчивость которую иногда сравнивают с «громом и молнией». Среди Достоевских наклонность к подобным «взрывам» проявляется по большей части у тех же самых лиц, у которых оказывается явственно развитым и комплекс обстоятельности. Такое сочетание можно видеть у самого писателя, его отца, сына (Федора), брата (Андрея), племянников — А. П. Карепина и Виктора Ал. Иванова. У всех этих лиц весьма сходным оказывается и самый характер взрывов, а именно, они так же быстро проходят, как внезапно и быстро, часто по самому ничтожному поводу, возникают. С проявлениями подобного рода отходчивости более полно можно познакомиться, например, по примирительному письму М. А. Достоевского к своим сыновьям, по описаниям характера сына писателя, Федора и, в особенности, по многочисленным описаниям подобных реакций у самого Ф. М. Достоевского.

Перейдем теперь к тем главным положениям и предположениям, которые можно сделать относительно проявления и распространения в роде Достоевских рассмотренных выше черт эпилептоидного характера.

Наряду с пропорцией чувства шизоидов и пропорцией настроения циклоидов можно говорить об особой пропорции, характерной для эпилептоидов. В основе последней лежит динамика душевных движений между полюсами, с одной стороны, своеволия,

с другой—кротости, другими словами, своевольно-кроткая полярность. Соответствующая этой полярности «пропорция» выражает собой степень развития каждой из этих противоположных тенденций в данной личности и потому может быть названа своевольно-кроткой или релятивной.

В роде Достоевских эта эпилептоидная пропорция проявилась как среди мужчин, так и среди женщин приблизительно в равном числе случаев. Точно так же приблизительно в равной мере распределились среди представителей обоих полов преимущественно своевольные, преимущественно кроткие и равнополярные варианты этой пропорции [1].

Проявления обоих полюсов своевольно-кроткой пропорции могут быть чрезвычайно многообразными. В частности, в области сексуальных отношений проявления эти могут реализоваться в форме садо-мазохической полярности.

Не менее многообразны могут быть и другие проявления эпилептоидного характера.

Такие черты эпилептоидного характера, как повышенная аккуратность, педантичность, «прилипание» к мелочам, вязкость, любовь к подробностям, формализм и т. п., в основе которых лежит, в сущности, одна и та же тенденция, могут быть объединены в единый комплекс, который, за неимением вполне подходящего термина, может быть назван комплексом «эпилептоидной обстоятельности».

В некоторых случаях удается установить, что тенденция к эпилептоидной обстоятельности может совмещаться в одной и той же личности с не менее крайними проявлениями беспорядочности и разбросанности в каких-либо других отношениях. Проявления подобных антиномий позволяют ставить вопрос о том, что эпилептоидная обстоятельность не представляет собою законченный признак, а есть лишь один из полюсов особой обстоятельно-беспорядочной пропорции, играющей, быть может, не меньшую роль в структуре эпилептоидных характеров, чем пропорция своевольно-кроткая. В конечном же счете, нужно думать, обе эти про-

---

[1] В обоих случаях, конечно, можно говорить лишь о приблизительном распределении вариантов, так как учет данного признака не поддается точным измерениям. Принимая во внимание эту оговорку, я все же приведу несколько цифровых данных, которые у меня получились при подсчете различных вариантов пропорции отношения среди представителей обеих полов рода Достоевских.

	Кроткие	Своевольные	Равнополярные	Всего
Мужчины	5	6	8	21
Женщины	7	11	3	21

порции суть лишь различные формы проявления единой динамической сущности, лежащей в основе эпилептоидных характеров.

В отличие от своевольно-кроткой пропорции комплекс эпилептоидной обстоятельности, за одним-двумя сомнительными исключениями, проявился только у мужчин. Это относится также и к проявлениям эпилептоидной вспыльчивости. Последняя черта во всех случаях проявилась одинаковым образом — в виде неожиданных и кратковременных «взрывов», с последующей отходчивостью. Во всех случаях проявления обстоятельности, взрывчатости и отходчивости совмещались у одних и тех же представителей рода.

По отношению к своевольно-кроткой пропорции обстоятельность и взрывчатость комбинировались как со своевольными, так и с равнополярными и кроткими элементами, хотя наиболее частой и характерной, повидимому, является первая из этих комбинаций.

То обстоятельство, что в двух линиях обследованного рода удалось проследить передачу эпилептоидных черт характера на протяжении 3 — 4 поколений, без проскоков через поколение, говорит в пользу доминантности данного признака, вернее, его способности выявляться уже в гетерозиготном состоянии, причем по отношению к взрывчатости и комплексу обстоятельности имеет место, быть может, не простое доминирование, а доминирование частично ограниченное мужеским полом. Однако проявление признака в 3—4 поколениях может считаться надежным критерием доминантности, лишь по отношению к признакам, встречающимся в населении очень редко. По отношению же к эпилептоидному характеру мы имеем дело с признаком настолько распространенным, что приходится считаться с вероятностью присутствия его наследственных задатков также и у тех лиц, с которыми представители обследуемого рода вступают в брак. Случаи такого привнесения эпилептоидных генов извне мы несомненно имеем и в роде Достоевских, например в ветви Карепиных. Поэтому более определенное решение вопроса в данном случае можно сделать лишь сопоставляя результаты исследования рода Достоевских с другими исследованиями, касающимися генетики эпилептоидного характера. Не вдаваясь в цифровые подсчеты, отмечу лишь, что многие характерологи, как то Девенпорт, Рёмер, Меггендорфер, Давиденков и др., наблюдали тот же ход наследования эпилептоидных элементов, какой мы имеем в роде Достоевских. Вернее всего, что во всех этих наблюдениях мы имеем дело с мономерной доминантной наследственностью (концепция С. Н. Давиденкова и др.). Но есть и другие

точки зрения. Так например, Т. И. Юдин объясняет различные проявления эпилептоидного характера действием двух различных генов, обозначаемых им буквами x и y. Ген x вызывает такие черты характера, как гневливость, неуживчивость, скупость, придирчивость, настойчивость, а ген y — аккуратность, исполнительность, послушание и т. п. В зависимости от того, унаследовал ли данный представитель рода гены xx или yy, в его характере развивается то одна, то другая эпилептоидная тенденция. Сочетания генов x и y дают смешанные формы; полный же комплект генов xxyy дает эпилептическую дегенерацию личности [1].

Мне представляется подобное расчленение эпилептоидного характера на две отдельные части, зависящие каждая от своего особого гена, неправильным. Выше мы видели, как сложно и глубоко переплетаются противоположности эпилептоидного характера в одной и той же личности. Даже в случаях внешней монополярности, при углублении характереологического анализа, как правило, удается обнаружить и противоположные тенденции. По моему мнению, вся генеалогия Достоевских говорит за то, что разные стороны эпилептоидного характера развиваются из единого корня.

Что касается разнообразия эпилептоидных черт у различных представителей одной и той же семьи, то оно зависит, нужно думать, от всей органической структуры того или иного представителя рода. Нельзя забывать, что каждый наследственный задаток проявляется не оторванно от всех других индивидуальных особенностей данного организма, а во взаимодействии с ними. Весьма существенное влияние на реализацию характерологических задатков должны оказывать и внешние влияния — эпоха, социальное положение, семейные условия и т. п. Наконец, не исключена возможность, что существует несколько разновидностей эпилептоидного характера, зависящих каждая в целом от своего особого гена, чем могут объясняться некоторые атипические семейные формы. Не буду вдаваться в дальнейший анализ всех этих вопросов, так как это вывело бы нас из рамок данного очерка.

До сих пор речь шла об особенностях проявления и наследования эпилептоидного характера. Перейдем теперь к вопросу наследовании самой эпилепсии. Эта болезнь в роде Достоевского встречается гораздо чаще, чем в массе населения. А именно, в потомстве М. А. Достоевского (отца писателя) мы находим по

---

[1] Т. И. Юдин, Изучение наследственности при эпилепсии. «Работы Психиатрической клиники Казанского гос. университета». Вып. 2, 1928 г.

меньшей мере 3—4 случая эпилепсии на 100 представителей рода, о которых имеются какие-либо сведения. Сопоставляя же различные статистические данные, можно принять за обычное содержание эпилептиков в населении 3—4 человека на 1000. Таким образом, процент эпилептиков в этой, наиболее изученной части рода оказывается во много раз более высоким, чем в населении.

При учете этой концентрации эпилепсии, так же как и некоторых других патологических черт, необходимо принять во внимание те случаи двустороннего отягощения со стороны обоих родителей, которые так дают себя знать во многих ветвях рода. Так например, старшая сестра писателя с резко выраженными эпилептоидными чертами характера, выходит замуж за человека, который заболевает эпилепсией. Понятно, что из двух ее детей, о которых имеются сколько-нибудь полные сведения, сын оказывается ярко выраженным эпилептоидом, а дочь эпилептичкой.

По вопросу о наследовании эпилепсии в последнее время было высказано много различных теорий. Однако, в основном вопрос этот до сих пор продолжает оставаться во многом очень неясным и не разработанным. Во всяком случае нельзя согласиться с той упрощенной позицией, которую в данном вопросе занял С. Н. Давиденков, считающий, что эпилепсия обусловлена с генетической стороны гомозиготным состоянием гена эпилептоидного характера и наследуется как мономерный рецессивный признак [1]. Если бы это было действительно так, то среди братьев и сестер эпилептиков насчитывалось бы более 25% больных той же болезнью. В действительности же, по статистическим данным Рюдина, Снелля, Луксенбургера и др., концентрация больных эпилепсией среди братьев и сестер эпилептоидов колеблется в пределах от 1,5 до 4,4%. Разница получается настолько большая (более 20%), что концепцию С. Н. Давиденкова о мономерной наследственности эпилепсии не могут спасти предполагаемые им тормозящие факторы. Отметим, между прочим, что и в роде Достоевского не известно ни одного случая эпилепсии среди братьев и сестер эпилептиков. Таким образом, если гомозиготное состояние гена эпилептоидного харктера и является моментом, обусловливающим генуинную эпилепсию, то нельзя это условие считать единственным или даже только достаточным для возникновения болезненного процесса. Несомненно, дело обстоит в данном случае гораздо сложнее, как со стороны генотипической структуры генуинной эпилепсии, так и со стороны условий, вызывающих ее внешнее проявление.

[1] С. Н. Давиденков, Наследственные болезни нервной системы. Госмедиздат. 1932.

Отмечу для ясности, что приводимые здесь возражения относятся лишь к той части концепции Давиденкова, которая касается наследования эпилепсии, но не эпилептоидии. Относительно его взглядов на наследование последнего признака уже говорилось выше.

На этом мы и закончим общий обзор трех основных окрасок человеческих характеров. Я умышленно говорю «окрасок», так как это фигуральное выражение гораздо более соответствует действительному положению вещей, чем термин «тип». Было бы грубым упрощенчеством говорить, что существуют только три основных типа людей — циклоидный, эпилептоидный и шизоидный, к которым и сводится все разнообразие человеческих характеров. Я понимаю рассмотренные характерологические окраски в значительной мере иначе. Не буду развивать азбучную истину, что живую природу нельзя в сколько-нибудь полной мере уложить ни в какие неподвижные и абсолютные систематические категории. Тем более это относится к человеческим характерам, разнообразие которых поистине безгранично. Вообще, при изучении природы нас первоначально поражает и подавляет ее разнообразие. Достаточно указать, хотя бы, на разнообразие ее красок. Однако мы знаем, что все безграничное разнообразие окрасок, встречающееся в мертвой и живой природе, может быть сведено всего к трем основным цветам спектра, например,—красному, зеленому и синему, как то мы имеем в «треугольниках смешения цветов» Максвелла, Кенига, Айвса и др.

Различные комбинации таких трех цветов дают всю ту пеструю гамму красок, которая пленяет нас в расцветке крыльев бабочек и венчиков цветов, в переливах перламутра, в красках заката и т. п. Точно так же и все разнообразие вкусов, которое способен улавливать наш язык, обусловлено, в конечном счете, различными сочетаниями всего только четырех основных вкусов— соленого, кислого, горького и сладкого.

Несомненно, что и все разнообразие человеческих характеров обусловлено сравнительно очень ограниченным числом основных характерологических компонентов, которые, комбинируясь между собою в различных сочетаниях, и создают это бесконечное, калейдоскопическое разнообразие. Разнообразие это усиливается еще тем обстоятельством, что эти основные тенденции могут весьма по-разному реализоваться в жизни, в зависимости от тех условий, в которых растет и развивается данная личность.

Мы рассмотрели три таких основных характеристических тенденции, или «окраски». До известной степени можно аналогизировать их с тремя основными цветами спектра.

Подобно тому как в солнечном спектре невозможно различить, где кончается один цвет и начинается другой, настолько постепенны промежуточные между ними переходы, и в человеческих характерах можно заметить такие же промежуточные формы. Возьмем хотя бы повышенную жалостливость и чувствительность к явлениям страданий и смерти, столь ярко выраженную, например, у сестер Елены и Натальи Ивановых. Не так то легко сказать, чего здесь больше — шизоидного или эпилептоидного? Я думаю, что подобного рода реакции относятся к промежуточной области между шизоидной гиперестезией и эпилептоидной кротостью. Точно так же и во многих других отношениях легко заметить, что шизоидные окраски более близки к эпилептоидным, чем к циклоидным.

Обычно люди являются как бы «трихроматичными» в отношении характерологических окрасок, так как в большей или меньшей степени им свойственны все три основных характерологических компонента. В самом деле, большинство людей в той или иной степени склонны как к веселью и грусти, так и к повышенной или пониженной чувствительности, не говоря уже о своеволии и кротости. То же самое можно сказать и о других циклоидных, шизоидных и эпилептоидных реакциях. Но мы называем циклоидом, шизоидом или эпилептоидом данного человека лишь в зависимости от того, которая из трех рассмотренных полярностей оказывается у него гипертрофированной.

Пропорцию, в которой в каждом отдельном случае совмещены основные характерологические окраски, можно условно назвать «характерологическим спектром» данной личности. Здесь идет речь совсем о другой пропорции чем те, о которых говорилось выше. Кречмеровские пропорции настроения и чувства, равно как и эпилептоидная пропорция отношения к окружающим, выражают собой взаимодействие противоположностей внутри каждой из трех основных полярностей, взятых порознь. Так, например, релятивная пропорция говорит о степенях развития своевольного и кроткого полюсов внутри своевольно-кроткой полярности. Это так сказать внутриполярностная или «интраполярностная» пропорция. С другой стороны, характерологический спектр представляет собой пропорцию междуполярностную («интерполярностную») и говорит о том, в какой степени развиты в данной личности каждая из трех основных полярностей.

Весьма возможно, что последующие исследования выявят еще новые полярности человеческих характеров и соответствующие им пропорции. Тогда формула характерологического спектра станет уже не трехзначной, а состоящей из соответственно большего

числа знаков, но принципиальная сущность ее от этого не изменится.

Есть яркие и в то же время несомненно психопатические личности, у которых все три основные характерологические тенденции активизированы до крайних степеней. Эти, так сказать, ультратрихроматы как бы являются одновременно и циклоидами, и эпилептоидами, и шизоидами. Некоторые из них поражают многообразием своих реакций. Примером такого ультратрихроматизма могут служить в нашем материале сестры Ел. А. и Л. А. Ивановы (№№ 293, 298). В других характерах, наоборот, резко дает себя знать преобладание какой-либо одной характерологической окраски, в ущерб другим. Это «типичные» шизоиды и циклоиды по Кречмеру, так живо и рельефно им описанные. По отношению к эпилептоидным характерам, примером подобного же монохроматизма может, повидимому, служить отец писателя. Сам Ф. М. Достоевский является по этой терминологии дихроматом, поскольку в его характере циклоидные элементы отступают на задний план, по сравнению с шизоидными и, в особенности, эпилептоидными. Отмечу попутно, что не только в личности Ф. М. Достоевского, но и среди его родственников, а также в его творчестве и вообще в жизни совмещение шизоидных и эпилептоидных элементов в одной и той же личности оказывается весьма частым и характерным явлением.

В тех случаях, когда ни одна из характерологических окрасок не проявляется с обостренной интенсивностью, получается не столько гармоничность, сколько аморфность личности. Среди людей, ярко и сильно проявивших себя в какой-либо сфере деятельности, среди выдающихся организаторов, писателей, ученых, художников, такие аморфные характеры, как правило, отсутствуют. Наоборот, именно среди таких лиц чаще и сильнее всего бывают выражены резкие, даже извращенные, проявления одной или нескольких основных характерологических окрасок.

В роде Достоевских примерами в этом отношении могут служить не только Ф. М. Достоевский и его старший брат Михаил, но и многие, хотя и не знаменитые, но несомненно одаренные представители этого рода.

Таким образом, усиление характерологических окрасок, когда оно не слишком переходит в область патологии, может вести к усилению творческих потенций. Однако, дальнейшее усиление характерологических противоречий приводит ко вторичному понижению творческой продуктивности. Но в то же время, даже при самых тяжелых психических расстройствах, мы нередко встречаем отдельные вспышки одаренности и талантливости.

В своем обзорном очерке я ставил себе задачей помочь читателю ориентироваться в массе публикуемых здесь документов. Я далек от того, чтобы навязывать ему свои диагнозы и выводы. Нельзя забывать о том, что будущие исследования могут дать гораздо более совершенные и полные классификации личностей по сравнению с теми, которые были предложены до настоящего времени. Поэтому для меня совершенно ясно, что значение этого обзорного очерка совсем иное, чем ценность документальной части. Если все современные попытки так или иначе проанализировать собранный материал через некоторый промежуток времени окажутся более или менее устаревшими, то сам материал с течением времени может даже выиграть в своем значении, так как может быть дополнен сведениями о последующих поколениях и обработан более совершенными методами. С другой стороны, многое из того, что удалось собрать в настоящее время (некоторые дневники, биографии, архивы писем, опрос ныне живущих представителей рода и т. п.) могло бы пропасть для будущего исследователя.

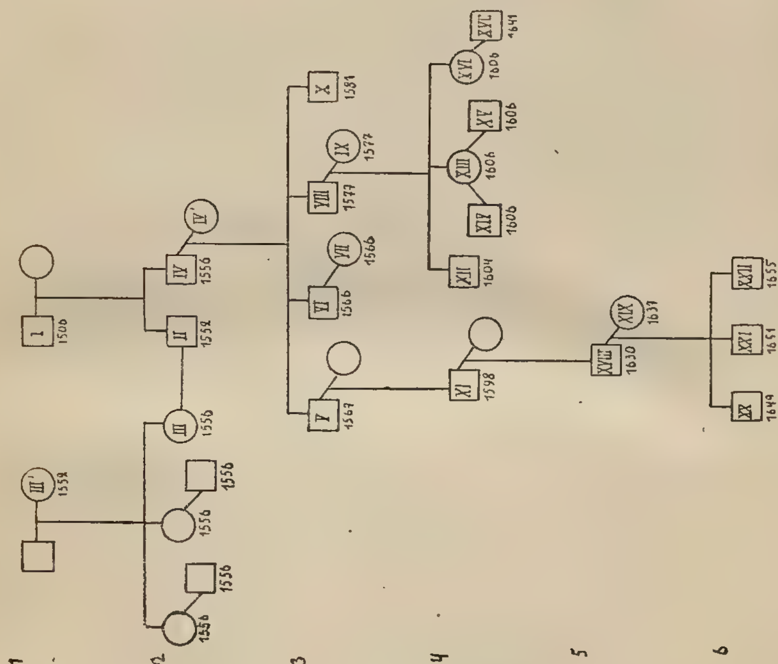
Кроме того, и среди современных читателей могут найтись многие такие, которые предпочтут самостоятельно проанализировать собранные документы с иных точек зрения, например придерживаясь какой-либо другой классификации характеров и т. п.

Принимая во внимание все сказанное, я строго придерживался принципа отделения документальной части настоящего исследования от обзорной и вообще от своих выводов и теоретических построений.

Схема родословных

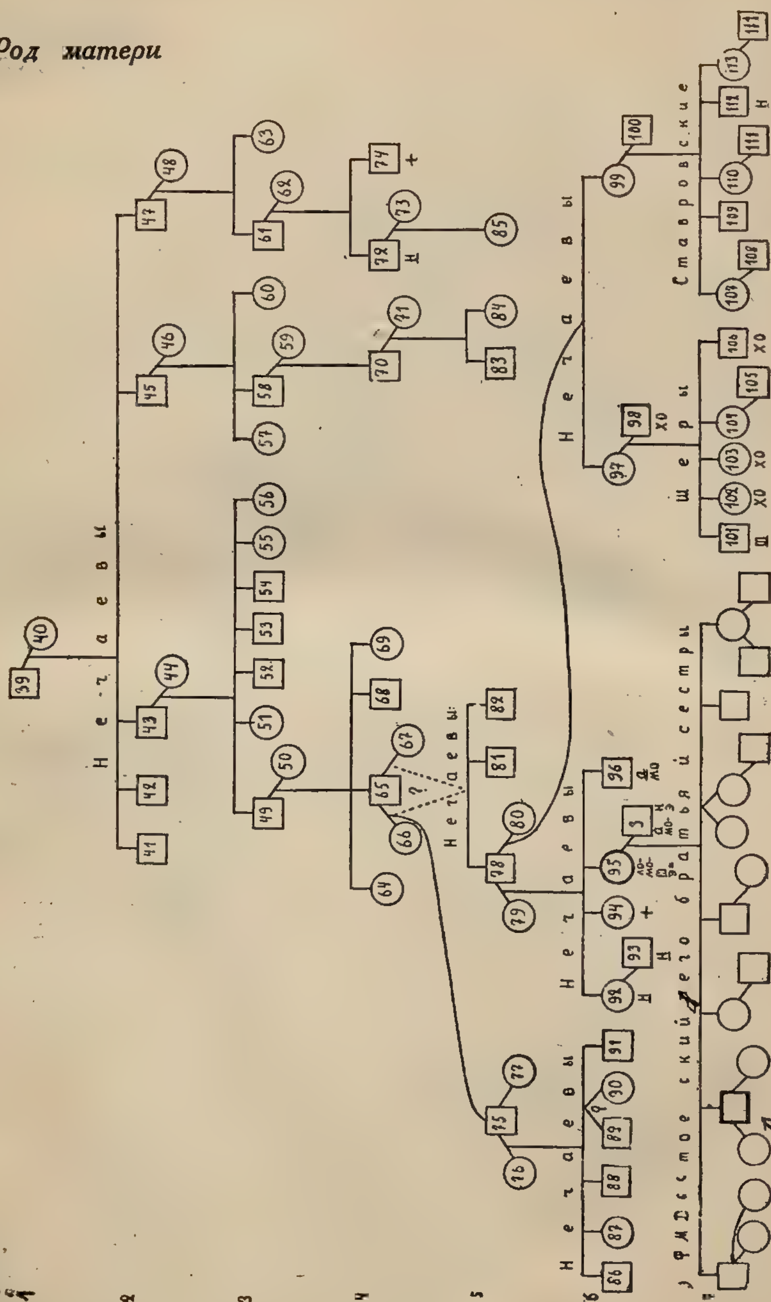
Достоевские XVI—XVII вв.

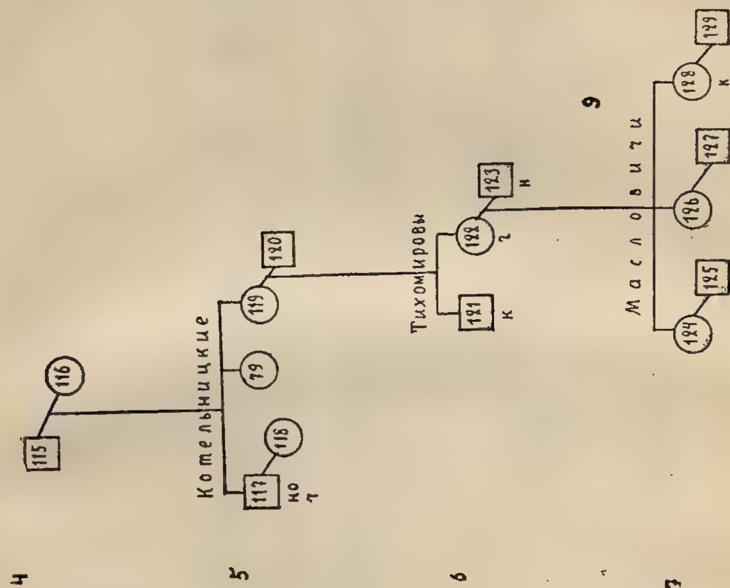

Род отца

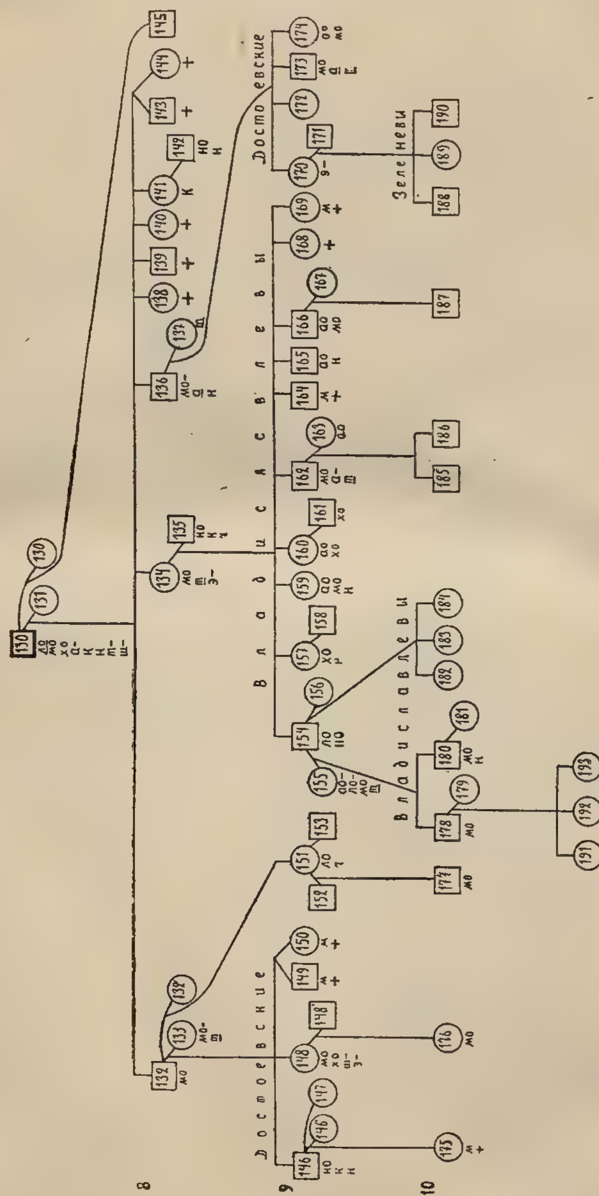
Ф.М.Достоевский, его братья и сестры

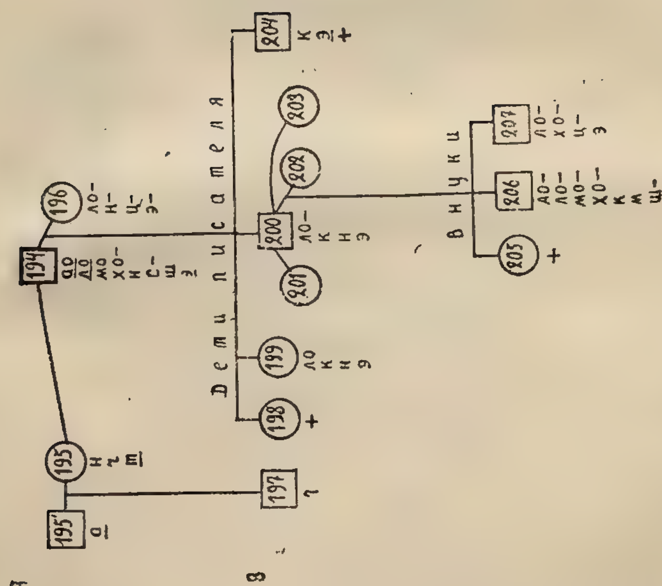
Род матери

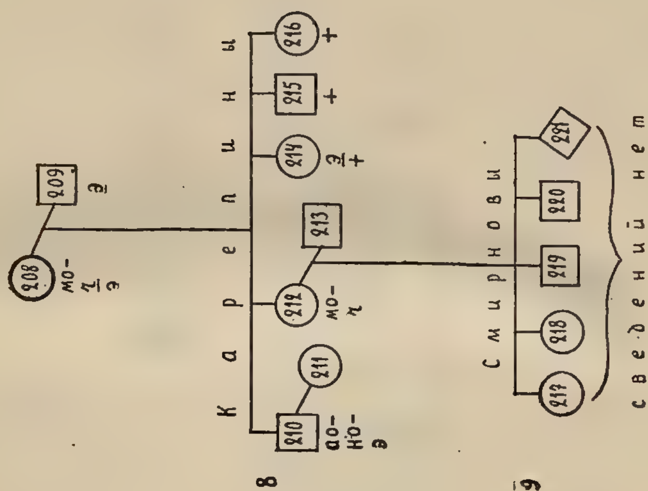

Нечаевы
Нечаевы
Нечаевы
Нечаевы
Нечаевы
Щербы
Ставровские

Котельницкие
Тихомировы
Масловичи

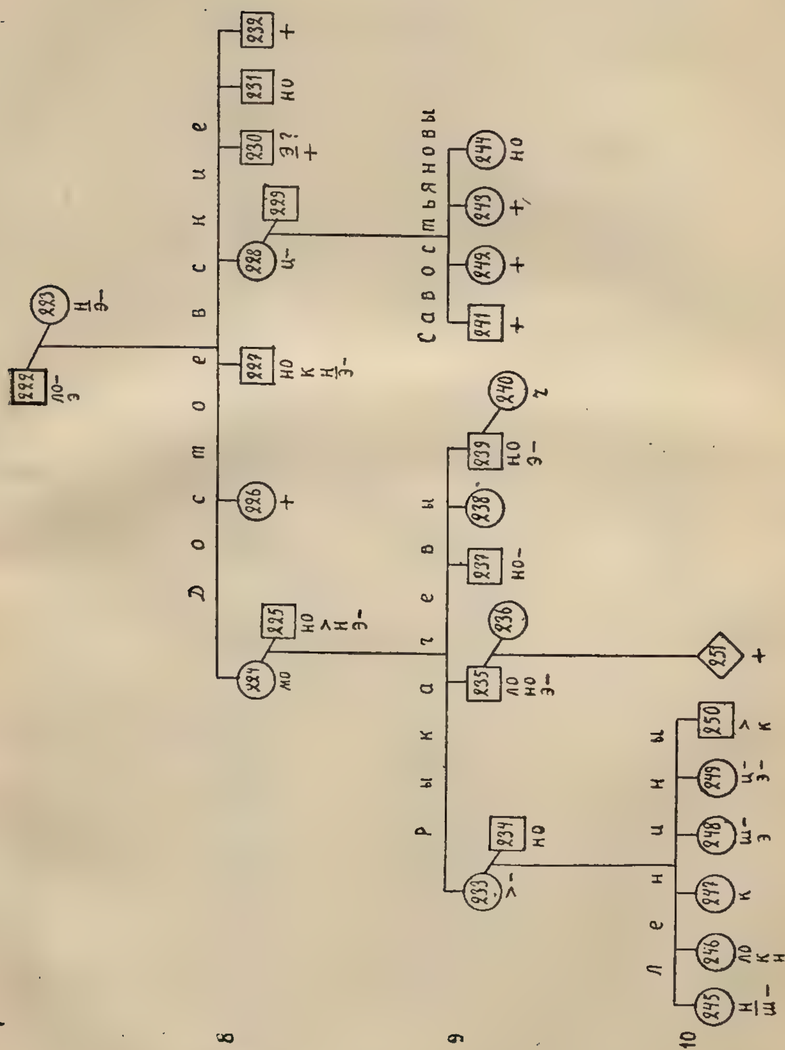
Ветвь Михаила Михайловича Достоевского

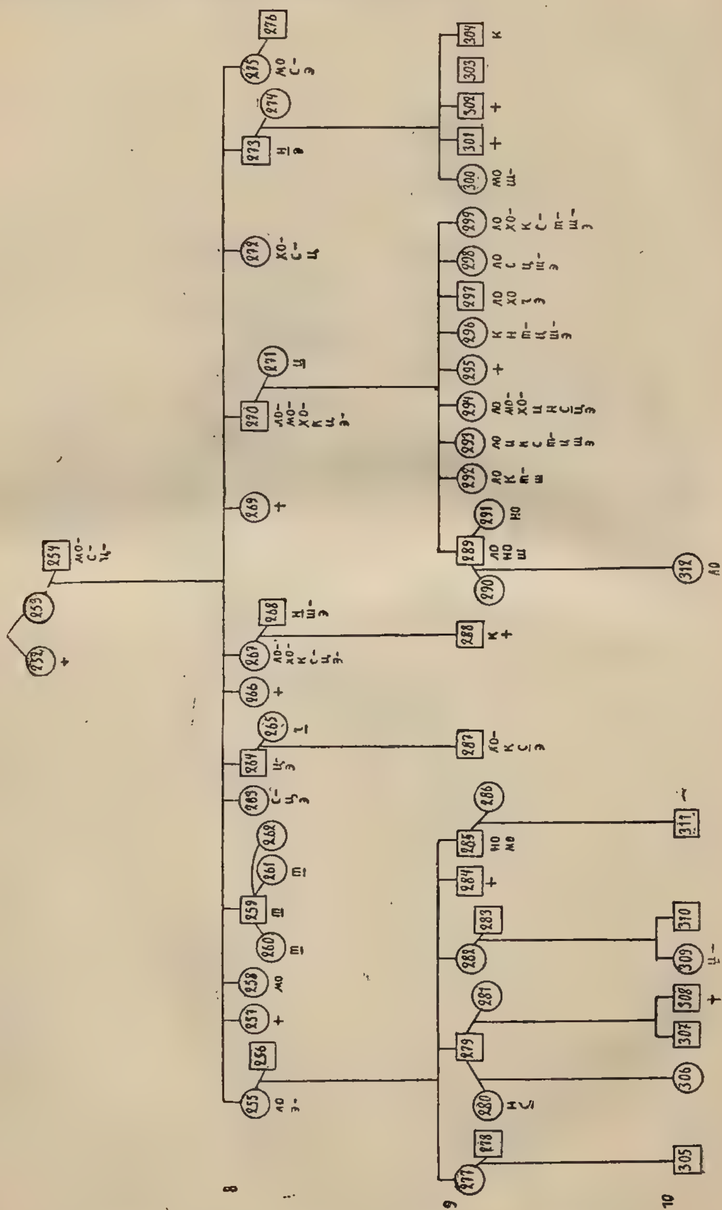

Дети писателя
Внуки
194
195
195'
196
197
198
199
200
201
202
203
204
205
206
207

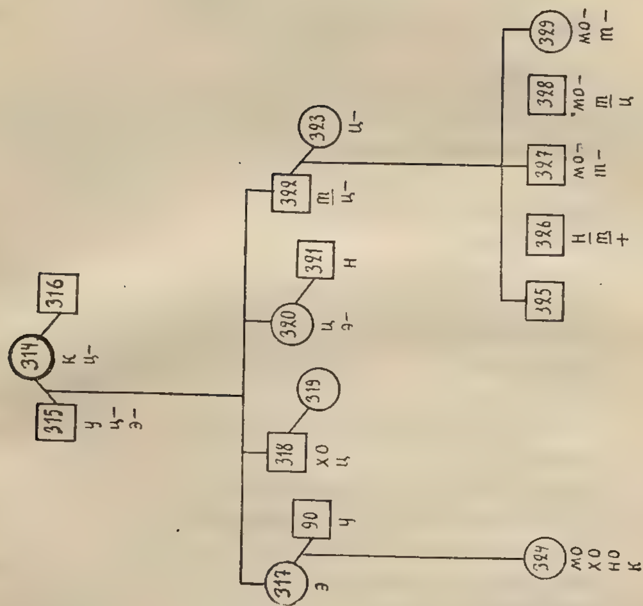

8
9
Карепины
Смирновы
сведений нет
208
209
210
211
212
213
214
215
216
217
218
219
220
221

Ветвь Андрея Михайловича Достоевского

Ветвь Веры Михайловны Ивановой

314
316
315
317
90
318
319
320
321
322
323
324
325
326
327
328
329

Объяснение сокращений и условных обозначений

□	мужчина
○	женщина
◇	сведений о поле не имеется
○□	близнецы
†	смерть в раннем возрасте
>	ихтиоз
ао	артистическая одаренность
ло	литературная „
мо	музыкальная „
но	научная „
хо	художественная „
а	алкоголизм
и	истерия
к	конституциональные аномалии разные
м	менингит
н	нервной системы поражения разные
с	самоубийства и попытки самоубийства
т	туберкулез
ч	чудачества и странности поведения
у	удар (apoplexia)
ц	циклидные проявления личности
ш	шизоидные „ „
э	эпилептоидные „ „

Сомнительные и слабо выраженные случаи отмечены знаком минус —; случаи наиболее сильного развития данного признака подчеркнуты.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

Источники, относящиеся к предкам Достоевского в XVI—XVII веках[1]

Рукописи

1. Литовская метрика. Книги записей литовских. Хранятся в Архиве феодально-крепостной эпохи Центрального Архивного Управления. Москва, М. Пироговская, 17.

   I — книга 106, листы 1050—53; IX — книга 59, лист 21 и книга 64, листы 6—7; XIX — книга 111, лист 450.

2. Литовская метрика. Книги судных дел. Хранятся в том же Архиве.

   VIII — книга 51, лист 33; IX — книга 63, листы 17—20; 280—281, 346—348; книга 71, лист 143 и кн. 73, листы 113—114; XI—книга 60, дела 141 и 221; XII—книга 83, дело 607; XIV, XV, XVI—книга 76, лист 480; XVIII — книга 108, лист 4; XIX — книга 47, листы 323, 427, 481, кн. 83, дело 548; кн. 103, дело 310; кн. 118, лист 61; кн. 132, лист 105; XXVI, XXVII — кн. 99, лист 97; XXVIII — кн. 108, лист. 4.

3. Чулков Н. П. Исследования о предках Достоевского.

Печатные источники

4. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. Вильна.

   IX — тома 14, 18 и 36; X — т. 36; XII — т. 11, 18 и 20; XIV, XV, XVII, XIX — т. 18; XXI — тт. 18 и 34; XXII, XXIII — т. 34; XXIV — т. 18; XXV — т. 10; XXVIII — тт. 28, 29 и 34; XXIX — т. 28; XXXII — т.т. 18 и 34.

5. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна. 1869 г.

   XII и XXIV — том VI, стр. 219—223, 301, 314—318.

6. Архив Юго-Западной России, издав. Комиссией для разбора древних актов. Киев.

   XIII — часть 6, т. I; XXVII — ч. 3, т. 4; XXX — ч. 2, т. 1; XXXVII — ч. 3, т. 4; XXXVIII — ч. 6, т. 1. (Приложение).

---

[1] В тех случаях, когда сделаны ссылки на многотомные издания и рукописи, в которых имеются сведения о нескольких представителях рода, при чем отыскание соответствующих мест текста представляет известные трудности, библиографические указания делаются по отношению к каждому представителю рода в отдельности. Такого рода индивидуальные указания имеются при следующих №№ Указателя: 1, 2, 4, 5, 6 и 17. Все они относятся к первой главе, в которой нумерация представителей рода выдержана римскими цифрами. Поэтому во всех случаях римская цифра обозначает того представителя рода, к которому относится последующая библиографическая справка.

7. Богогласник. Песни благоговейные праздникам господьским богородичным и нарочитых святых через весь год приключающихся к симже некоторым чудотворным иконам служащия, также различныя покаянныя и умилительныя содержащ. Собран, по силе исправлен, четырми части определен типом и чертами мусикийскими напечатался и изобразился. В Святей Лавре Почаевской тщанем иноков чину св. Василия Великого лета от рождества Христова 1790. Песнь № 215.
8. Boniecki, A. Herbarz Polski. Warzawa. 1901, т. 4, стр. 291.
9. Боровск. Материалы по истории города XVII—XVIII столетия[1]. Москва, 1888 г., стр. 22, 75, 112, 119, 127, 141, 155, 191.
10. Жизнь кн. Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни. Киев. 1849 г., части 1 и 2.
11. Kojalowicz, Herbarz rycerstwa W. X. Litewskiego, tak zwany Compendium. Wysdanie Heralda Polskigo. Краков, 1897, стр. 252.
12. Литовская метрика. Отд. I, часть 3. Книги публичных дел. Переписи войска литовского. «Русская историческая библиотека», том 33. Петроград. 1915 г., стр. 188, 309 и 1204.
13. Любимов, С. Ф. М. Достовский. (К вопросу об его происхождении). Альманах «Литературная мысль», кн. 1. Изд. «Мысль», Петроград. 1932 г.
14. Любимов, С. К вопросу о генеалогии Достоевского. «Достоевский». Статьи и материалы под редакцией А. С. Долинина, т. 2. Изд. «Мысль». Ленинград. 1925 г.
15. Материалы для истории московского купечества. Москва. Т. 4, стр. 310; Приложение 1-е к 4-му тому, стр. 55; т. 5, стр. 142; т. 6, стр. 227; т. 8, стр. 248; т. 9, стр. 218.
16. Niesiecki, Herbarz Polski. W. Lipsku. 1889, т. 3, стр. 392.
17. Писцовая книга бывшего Пинского староства, составленная по повелению короля Сигизмунда Августа в 1561—1566 гг. Пинским и Кобринским старостою Лаврином Войною. Вильна. 1874.
II — часть I, стр. 32; IV — ч. I, стр. 7, 212—215; ч. II, стр. 565 и 596.
18. Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная пинским старостою Станиславом Хвальчевским в 1552—1555 гг. Изд. Виленской археографической комиссией. Вильна. 1884, стр. 21 и 100.
19. Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем великом княжестве Литовском, с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на земли, составленная старостою Мстибоговским Григорьем Богдановичем Воловичем в 1559 г. Изд. Виленской археографической комиссией. Вильна. 1867 г., стр. 70—73, 116—119 и 288—289.
20. Соловьев, С. История России с древнейших времен. Изд. 4, Москва. 1879 г., том 7, стр. 131.

Источники, относящиеся к представителям рода Достоевского в XIX и XX вв.

Рукописи и записи со слов

21. Архив А. А. Достоевского.
22. Архив О. А. Ивановой. Ныне хранятся в музее Достоевского в Москве, Новая Божедомка, 2.

[1] Не смешивать с изданием: «Материалы по истории города Боровска и его уезда. Собраны и записаны Н. Н. Глухаревым». 1913 г.

23. Достоевский А. М. Воспоминания.
24. Рукописи Музея Достоевского в Москве. Новая Божедомка, 2, здание Ин-та социальных болезней.
25. Рукописи Музея Достоевского в Старой Руссе. Ныне хранятся в московском музее Достоевского.
26. Рукописи Музея Достоевского при Историческом музее в Москве. Ныне хранятся в Публичной библиотеке им. Ленина.
27. Рукописи Пушкинского Дома Академии Наук СССР.
28. Характеристики письменные, собранные М. В. Волоцким путем переписки с ныне живущими представителями рода Достоевского.
29. Характеристики устные, записанные М. В. Волоцким.
30. Характеристики устные, записанные А. А. Достоевским.
31. Характеристики устные, записанные О. А. Ивановой.
32. Характеристики устные, записанные В. С. Нечаевой.

Печатные источники

33. Белинский В. Г. Письма, т. 3. 1914 г., стр. 142.
34. Гроссман Л. П. Путь Достоевского. Л. 1924 г.
35. Гроссман Л. П. Семинарий по Достоевскому. Госиздат. М.—Л. 1923 г. Глава «Примечания А. Г. Достоевской к сочинениям Ф. М. Достоевского», стр. 54—70.
36. Достоевская А. Г. Воспоминания. «Красный Архив», кн. I, 1923 г
37. Достоевская А. Г. Воспоминания. Госиздат. 1925.
38. Достоевская А. Г. Дневник. Изд. «Красная Москва», 1923 г.
39. Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской. Госиздат. 1922.
40. Dostojewsky geschildert von seiner Tochter A. Dostojewski. Ernst Reinhardt Verlag. München. (Ссылки на немецкое издание делаются лишь в том случае, если цитируется место, не вошедшее в русское издание).
41. Достоевский. Статьи и материалы. Сборник под ред. А. С. Долинина, т. II. Изд. «Мысль». 1925.
42. Достоевский А. А. Памяти старого литератора. «Новое время», 10/23 июля 1914 г.
43. Достоевский А. М. Воспоминания. Редакция и вступительная статья А. А. Достоевского. «Издательство писателей в Ленинграде». 1930.
44. Достоевский М. М. Письмо к отцу от 28 ноября 1838 г. «Атеней», 1924, кн. 1—2.
45. Достоевский Ф. М. За умершего. «Дневник писателя». 1876, апрель.
46. Достоевский Ф. М. Несколько слов о М. М. Достоевском. «Эпоха», 1864, июнь.
47. Достоевский Ф. М. Письма. Под ред. А. С. Долинина. ГИЗ. Тт. I и II.
48. Достоевский Ф. М. Письмо к П. А. Исаеву от 16 мая 1878 г. Сев. Вестник», 1891, № 11.
49. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. 1883, Т. I. Биография и письма.
50. Достоевский Ф. М. Postscriptum к письму Н. А. Ивановой. «Искусство», 1927, I.
51. Дроздов А. Усадьба Достоевского (Даровое). «Известия ЦИК» 4/XI, 1924.
52. Корнилов А. А. Страничка воспоминаний. «Русская Мысль». 1915.
53. Лейкина В. Петрашевцы. М. 1924.

54. Маркевич Б. В. Памяти Ф. М. Достоевского. «Русский Вестник», 1881, 11 и «Новости и Биржевая газета», 1881, № 31.
55. Милюков А. П. Ф. М. Достоевский. К его биографии. «Русская старина», 1881, III и IV.
56. Наука и научные работники СССР. Часть II. Научные учреждения Ленинграда. Изд. Академии Наук СССР. Л. 1926.
57. Нейфельд Иолан. Достоевский. Психоаналитический очерк. Перевод с немецкого Я. Друскина. Издательство «Петроград». Л.—М. 1925 г.
58. Нечаева В. Поездка в Даровое. «Новый мир», 1926, № 3.
59. Пирогов Н. И. Посмертные записки. Детство и юность. «Русская старина», 1885, январь.
60. Письма Достоевского к жене. Центрархив. Госиздат. 1926.
61. Показания Ф. М. Достоевского по делу петрашевцев. «Красный Архив», 1931, т. 45.
62. Прозоров П. Белинский и Московский университет в его время. «Библиотека для чтения», 1859, XII.
63. Стонов Д. Сельцо Даровое. «Красная Нива», 18/IV 1926, № 16.
64. Суслова А. П Годы близости с Достоевским. Москва. Изд. М. и С. Сабашниковых, 1928.
65. Толстой М. В. Мои воспоминания. «Русский Архив», 1881, кн. 2
66. Фохт Н. Н. К биографии Достоевского. «Историч. Вестник», 1901, XII.
67. Шавловский И. Э. «Врач», 1894, № 41, стр. 1148. (Некролог об А. А. Достоевском).
68. Штакеншнейдер Р. А. Из дневника. «Голос Минувшего», 1919, 1—4.
69. Штильман Г. Памяти А. М. Рыкачева. «Русская Мысль», 1915.
70. Яновский С. Д. Воспоминания о Ф. М. Достоевском. «Русский Вестник». 1885, № 4.

УКАЗАТЕЛЬ ЧЛЕНОВ РОДА[1]

[1] Жирные цифры означают генеологический номер данного члена рода. Следующие затем тонкие цифры указывают последовательно страницы основного материала, касающегося данного лица и упоминаний его в Предисловии, Введении и Опыте характерологического анализа.

ОГЛАВЛЕНИЕ
